

СМЕНА

Сергей Золовнин. **П**охищение

4'98

СОВРЕМЕННОМУ МОТОРУ

МАСЛО

ЛУКОЙЛ

СМЕНА

Главный редактор

Михаил Низилов

зам. главного редактора

Редколлегия:

*Валерий Гуриневич
Борис Данюшевский
Николай Левичев
Сергей Попов
Виталий Федоров
Тамара Чичина*

**зам. главного редактора
главный художник**

*Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал*

4'98

(1602) АПРЕЛЬ

*Основан
в январе
1924 года.*

Сдано в набор 8.2.98

Подписано к печати 27.2.98

Бумага офсетная

Печать офсетная

Тираж 54 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок

250-29-39 — отдел реализации

250-49-98 — отдел рекламы

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Рег. № 014832

Учредитель —

коллектив редакции журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

Valid Design Alliance

Издательство "Открытые системы"

Отпечатано в типографии

"Strohhal" (Австрия)

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена" 1998.

- 40 Анастасия Дадыко
ДАНА С СОБАЧКОЙ
Рассказ
- 146 Андрей Молчанов
ПАДЕНИЕ ВАВИЛОНА
Остросюжетный роман

- 4 Игорь Гамаюнов
ПРОЩАНИЕ С ИЛЛЮЗИЯМИ
- 12 Светлана Бестужева-Лада
ПЛАТИТЬ ЛИ МАМЕ ЗАРПЛАТУ?
- 30 Сергей Литвинов
В СЕТЯХ КОМПЬЮТЕРА
- 49 Жан Миндубаев
"РЕСПУБЛИКА СКИТ"
- 68 Александр Пьянков
ПОЛЕТЫ НАД АСФАЛЬТОМ
- 96 Сергей Золовкин
ПОХИЩЕНИЕ
- 110 Майя Орлова
СЕРДЦЕ НА НИТОЧКЕ
- 134 Ольга Некрасова
СИНДРОМ ПИНОККИО
- 143 Ксения Полтева
ГЛАДИАТОРША

4
В НОМЕРЕ:
'98

стр. 116

На 1-ой обложке
фото
Олега Белюсова.

Вячеслав Фетисов
ДРУГАЯ ИГРА

О "кухне" большого спорта, о явных и скрытых "правилах игры" в российском хоккее и НХЛ, о счастье и горечи восхождения на Олимп рассказывает выдающийся спортсмен: удостоенный всех высших наград в любительском и профессиональном хоккее

5

АНО

16 *Любовь Русева*
**ФАНАТИК
МИЛОСЕРДИЯ**

56 *Оксана Шапарова*
**МАРК ЗАХАРОВ
И "ЛЕНКОМ"**

76 *Роман Белоусов*
РЕВНИВАЯ МУЗА

92 *Андрей Семашко*
ЗВОНЫ

116 *Лилия Байрамова*
ОРЕСТ КИПРЕНСКИЙ

261 *Людмила Нандалова*
ДМИТРИЙ ИКОННИКОВ

266 *Най Метов:*
**"Я ПОЮ ТОЛЬКО
О ЛЮБВИ"**

269 *Дмитрий Вебер*
**ПРОБИВНЫЕ
ДЕВЧОНКИ**

72 *Валерий Гуринович*

стр. 68

Фредерик Дар
ГРУЗОВОЙ ЛИФТ

Детектив французского писателя написан в лучших традициях жанра. Автор намеренно не доводит сюжет до конкретного финала, предлагая читателю самому домыслить концовку этой небольшой, но психологически увлекательной повести.

98

ПРОЩАНИЕ
С МУЛЮЗЫ

или **РОЛЬ**
КОРРУПЦИИ
В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
РОССИИ

"Гольчатая, открой личико..."

Разворачиваю газеты. Включаю телевизор. И чувствую себя одним из героев знаменитого российского вестерна "Белое солнце пустыни". Да, вы угадали — тем самым Петрухой. Ноторому нравилась Гольчатая. Ноторая выбегала к колодцу в чадре. А ему так хотелось увидеть ее личико! Только однажды Петрухе удалось уговорить ее откинуть чадру, но под ней оказалось зловещее лицо бандита Абдуллы.

Ах, ну до чего ж мы все (виноват — большинство из нас) простодушные Петрухи! Ну как было не заметить подмену в очертаниях переодетой в женское фигуры? Как не почувствовать опасность, исходившую от напряженного поворота укрытой чадрой головы, от изготовившейся для рывка руки, выхватившей потом у остолбеневшего Петрухи винтовку со штыком, чтобы тут же проткнуть наивного олуха — смерть?

Нет, я еще жив — после газет и телевизора. Но шок не проходит. Потому что вижу новарную улыбку Абдуллы, мускулистую его руку, уже схватившую винтовку... то бишь — власть. Нет, мы, читающие газеты и включающие телик Петрухи, еще не совсем выпустили ее из рук... Но ощущение, что вот-вот штык вонзится тебе в грудь, преследует. Может, меня одного? Ведь слышу же я от тех, у кого нервы покрепче: "Брось свои фантазии! Да, стреляют в подъездах, берут взятки по-нрупному, понукают за границей недвижимость — ну и что? Идет раздел собственности, формируется средний класс. Бандитский же колорит — лишь сопутствующее явление... Переболеем!"

А вдруг они правы? И я снова вчитываюсь и всматриваюсь... Нет, конечно, у нынешнего Абдуллы не все-

ЯМИ,

**Факты из хроники
смутного времени,
прокомментированные
Азалией
ДОЛГОВОЙ,
президентом
Ассоциации
криминологов, доктором
юридических наук,
руководителем группы
разработчиков законов
"О борьбе
с организованной
преступностью"
и "О борьбе
с коррупцией".**

гда улыбка зловещая. И не торопится он протыкать меня штыком — видимо, я ему еще для чего-то нужен. И говорит хорошо — интонация добродушно-деловая, напористо-обещающая: мол, не будешь дергаться, дышать позволим.

Я глубоко вдыхаю, словно в последний раз, погружаясь в хроника сегодняшнего российского бытия.

Из газет: ...Лидер преступного мира по кличке Пудель, трижды судимый держатель мирового общака, создал в Хабаровске фирму—ассоциацию под названием "Свобода", а оказавшись в Москве, стал неизвестно как членом комиссии по правам человека общественной палаты при Президенте РФ. В этом качестве побывал в Женеве и в США. (Его я как-то видел в одной из передач ЦТ.)

...В Курской области зам. прокурора Курчатовской межрайонной прокуратуры попался на взятке в 10 тысяч долларов — брал за прекращение двух уголовных дел. (Таких же Пуделей?)

...В Иркутске начальник управления социальной защиты населения и президент фирмы "Баргузин-Авто" под видом доставки из Южной Кореи автомобилей для инвалидов присвоил бюджетных денег на 485 тысяч долларов.

...В Москве задержан, а затем арестован мэр города Ленинск-Кузнецкий, выходец из уголовного среды, трижды судимый, употреблявший свою власть в интересах преступного мира.

...И опять в Москве — в средствах массовой информации — почти месяц бурно обсуждался скандал, связанный с получением близкими к Президенту РФ чиновниками фантастических по размерам гонораров, больше похожих на не очень умело занамуфлированную взятку, за книжку для узкого круга лиц — об особенностях приватизации в России.

...В одном из интервью вице-премьер правительства РФ, министр внутренних дел Анатолий Кулинов сообщил: 40 — 50 процентов доходов организованных преступных групп уходит на подкуп государственных чиновников.

(Про таких среди "братвы" в ходу фраза: "Он у нас на подпитке". Нет, это не временные вливания, а ежемесячная зарплата, превышающая его официальную в десятки, а то и в сотни раз! Сколько же их, таких, сидящих в просторных кабинетах, отдающих весь свой трудовой энтузиазм обогащению преступного мира? 40 — 50 процентов? А может — 80? Или — 99,9?)

Побочный продукт реформ?

Из интервью с доктором юридических наук Азалией Ивановной Долговой.

— Мне не раз приходилось слышать: оргпреступность и коррупция лишь побочный продукт реформ...

— Я думаю, сама концепция реформ изначально, мягко говоря, была криминалистически не проработана. А если сказать точнее, то она, эта концепция, несла в себе огромный криминальный потенциал. И теперь нужно найти в себе мужество, чтобы освободиться от иллюзий, проанализировать и понять, почему такое случилось.

— И почему же?

— В книге Егора Гайдара "Государство и эволюция" эта концепция ясно выражена: у партийно-хозяйственной номенклатуры, по его мнению, нельзя было отнять власть силой. Ее можно было лишь выкупить. В переводе с латыни "коррупция" — подкуп. Вот подкуп-то и стал официальным орудием преобразования социальных отношений в России.

— То есть бывшей советской номенклатуре дали возможность обрес-

ти разной величины куски госсобственности?

— Не только госсобственности. Было заявлено, что один из резервов переустройства общества — это теневая экономика и теневые капиталы. То есть подпольные цеха, открытые на бандитские "общановские" деньги, где они отмывались. Вот эта черная криминальная собственность тоже стала источником подкупа бывшей, а затем и новой номенклатуры. Фантически коррупция превратилась в официальную политику государства.

— Начальник Главного Управления по борьбе с экономическими преступлениями МВД РФ Александр Деметьев заявил на страницах "Новой Газеты", что у нас нет ни одного богатого предпринимателя, нажившего свои миллионы честным путем, потому что, по его мнению, такой путь в нашей ситуации не был возможен... Категорично!.. Но даже если и допустить, что Деметьев прав (хотя известно — врачу всегда кажется, что все вокруг него больные, такая вот профессиональная деформация), все-таки невозможно отрицать очевидное: в магазинах все есть, никаких очередей, зарабатывая деньги и покупай. И это — в стране многолетнего дефицита! Так, может, не было иного, кроме как криминального или полукриминального пути к товарному изобилию?

— Распространенное заблуждение. Сверкающие товарами витрины — еще не показатель высокого уровня жизни основной массы населения, которое, как известно, не получает регулярно зарплату, и товары эти ему в большинстве своем недоступны. К тому же товары-то в основном импортные, "обмененные" на наши сырьевые ресурсы, а это говорит о том, что экономика наша пона в глубоком параличе. Почему? Вспомним январь 1992 года. Началась обвальная реформа.

Обвальная! Мы решили немедленно перейти к рынку. Что происходит? Обесцениваются накопленные честным трудом деньги. Недавно знаменитый капиталист Сорос, приехав к нам, сказал: "Для того, чтобы строить капитализм, нужны капиталы". У нас же их вдруг не оказалось! Реформаторы призывали народ: проявляйте инициативу, развивайте предпринимательство! А как? На основе чего? Молодые люди с предпринимательской жилкой были без средств, их родители, потеряв все накопленное в течение одного-двух месяцев, ничем им помочь не могли.

— Но ведь появились кооперативы, товарищества с ограниченной ответственностью, акционерные общества, фирмы, коммерческие банки, нанонец!

— Да, появились. Но, мягко говоря, противоправным образом. Вспомните эпидемию с фальшивыми авизо, благодаря которым из баннов уходили в карманы мошенников бюджетные деньги. А ваучерная приватизация, обманувшая население, которому обещали: каждый будет собственником?! А финансовые пирамиды, выкачивавшие последние "похоронные" деньги у пенсионеров?! На этом фоне номенклатура делила куски госсобственности, и эта дележка носила отнюдь не джентльменский характер, если уж стала сопровождаться регулярной стрельбой в подъездах.

— Но чаще всего в этих разборках, по мнению милиции, гибнут бизнесмены, как-то связанные с профессионалами преступного мира.

— Если вспомнить статус всех жертв наиболее громких заказных убийств, то окажется (по этой логике): с профессионалами преступного мира был связан и отравленный баннир, и застреленный тепведущий, и убитый в Подмоскowie депутат Госдумы, и погибший издатель школьных учебни-

нов... Хотя и отбрасывать эту логику вряд ли сразу стоит. Криминологический анализ приводит нас к неутешительным выводам: оргпреступность, проникающая через коррупцию во все структуры общества, это отнюдь не побочный продукт реформ, а неизбежный результат их ориентации на коррупционный характер перемен. Да, власть у старой номенклатуры выкупили, но ведь ценой криминализации государства. И новые собственники, чтобы упрочить свое положение, в свою очередь покупают новую власть.

— *То есть процесс продолжается?..*

Особняк любимой тетушки

Как-то в командировке в небольшом южном городе милицейский "Жигуленок", в котором я ехал к местному начальству, притормозил на повороте. "Вон, посмотрите, — кивнул сидевший за рулем молодой лейтенант милиции, — ничего себе домик?!"

На холмистом склоне, среди пальм и магнолий, лицом к морю стоял трехэтажный особняк. Его трудно было заметить. Небедные дома вокруг него, принадлежавшие "новым русским", — из красного кирпича современной постройки, с арочными окнами и островерхими крышами — туснели рядом с ним. Дело не только в зубчатых башенках по углам, узорчатой ограде из кованого металла и журчащем посреди уютного дворика фонтане. Стены особняка, облицованные светлой мраморной плиткой, источали на южном солнце слепящий свет. Особняк был не намного выше окружавших его коттеджей, но казался дворцом арабского шейха рядом с хижинами своих подданных.

— Чей? — поинтересовался я.

— Начальника налоговой инспекции, — усмехнулся лейтенант, вывора-

чивая руль. — Но по документам, конечно, хозяин не он, а его любимая тетушка. Дом этот тан и называется "особняк любимой тетушки".

Как потом выяснилось, он был в этом городе архитектурной достопримечательностью. Возле него останавливались автобусы с туристами, его фотографировали на память отдыхающие из окрестных санаториев. Сам хозяин, время от времени выходявший на балкон покурить и попадавший в кадр, похоже, не смущался таким вниманием. Оно, видимо, тешило его самолюбие.

Этот российский шейх не боится, что кто-то спросит его, на чьи деньги построил он тетушке сверкающий особняк. Все тщательно оформлено: строила тетка, всю жизнь проработавшая библиотекарем, "на свои сбережения", он же только советовал. Но он уверен: никто не спросит, на такой вопрос нет "законных оснований", во-первых. А, во-вторых, и без вопроса все в городке знают: за укрывательство доходов он берет с каждого нового русского примерно половину той суммы, которую предприниматель должен заплатить в государственную казну. И бизнесмену выгодно, и начальнику, у которого дети взрослые, — им тоже, как и тетушке, помочь надо. Не выгодно лишь госбюджету, из-за которого в конце года в Москве между Думой и правительством идет жаркая схватка. Да еще — учителям, врачам, другим бюджетникам, хронически страдающим от невыплаты зарплаты.

А совсем недавно рассказали мне историю удачливого предпринимателя, вдруг бросившего бизнес. Торговал он продуктами и спиртным, потом — нефтью. Проще сказать. Но однажды, передав дело родственнику, ушел в налоговую инспекцию. Может быть, именно этот странный переход привлек к нему внимание. В конце концов выяснилось:

работа в инспекции была для него золотой жилой. Куда там до нее какому-то нефтяному бизнесу! Способы выколачивания денег здесь оказались несложными — от компетентных советов о том, как лучше укрыть доходы от налогообложения, до примитивного шантажа: тридцать процентов с прибыли мне — или натравлю налоговую полицию. Бизнесмены предпочитают отстегивать.

Наивно думать, что действуют такие умельцы в одиночку. У них складываются разветвленные связи — и с "братвой", помогающей уламывать неговорчивых, и с госчиновниками разного уровня, выполняющими роль "крыши". Очень эффективным тут оказался такой способ "отъема" денег: создается "разовое" предприятие, под него берут заведомо невозвратный кредит, после чего отцы-основатели исчезают, отчасти поделившись с теми, кто им помогал.

Но самой распространенной схемой быстрого обогащения специалистов-криминологов считают такую: госчиновник-опекун плюс руководитель крупного госпредприятия или акционерного общества, а при нем — сеть "дочерних" недолговечных фирм-паразитов, чья задача "откачать" деньги и закрыться. В составе же учредителей этих фирм оказываются родственники или подставные всех заинтересованных лиц: госчиновника-опекуну, руководителей предприятия, представителей местных силовых структур и влиятельных преступных группировок.

Если бы такого рода операции были эпизодическими!.. Вот мнение наиболее компетентного в этой сфере человека — начальника Главного Управления по борьбе с экономическими преступлениями МВД РФ, генерал-лейтенанта милиции Александра Дементьева: корни организованной преступности, поддерживающие ее

жизнестойкость, — в коррумпированности всех ветвей власти. Результат? Из "откаченных" денег, не облагаемых налогами, кроме "тетушкиных особняков", невидимости за границей и валютных счетов в зарубежных банках, образовался у нас негосударственный, теневой бюджет из "черного нала". Определить его объем не представляется возможным. Остается лишь догадываться, какие полноводные реки нелегализованных денег текут от одного российского шейха к другому. И как эти реки размывают и без того непрочную финансово-экономическую основу нашей страны.

Нужно ли заглядывать в "чужой карман"...

Из интервью с доктором юридических наук Азалией Ивановной Долговой.

— Неужели остановить этот процесс невозможно?

— Попытки делаются. В том числе и учеными-криминалистами. Работа над двумя законами "О борьбе с организованной преступностью" и "О борьбе с коррупцией" идет давно. Закон о коррупции дважды был принят Госдумой и утвержден Федеральным собранием, а затем, попав на стол Президенту России, возвращался обратно. Первый раз в августе 93-го. Второй — в декабре 95-го. В конце 97-го этот закон пошел на третий круг. Сейчас он снова принят Госдумой и Федеральным собранием.

— Как мотивировал свое вето Президент?

— В его письме по поводу этого закона речь шла об ущемлении прав граждан. Дело в том, что в законе заложен принцип: человек, претендующий на место государственного чинов-

нина, обязан принять в отношении себя некоторые ограничения. Он должен ежегодно декларировать не только свои доходы и имущество, подлежащее налогообложению, но и доходы и имущество супруга. Кроме того, указывать банковские счета (в России и за границей), объяснять источник поступивших денег, сообщать о своем прямом или опосредованном участии в качестве акционера или учредителя какой-либо компании. А так же ставить в известность налоговые инспекции об имеющейся доверенности на управление чужим имуществом, об имущественных сделках, о подарках или услугах и так далее. В соответствии с этим законом декларации чиновников категории "А"...

— ...Имеются в виду наиболее ответственные лица государства?

— Да. Так вот их декларации по этому закону подлежат публикации. Декларировать свои доходы они должны и после ухода с должности еще три года. И еще одна подробность: госслужащим и лицам, к ним приравненным, в этом законе запрещено заключать пари, делать ставки на ипподромах, играть в азартные игры.

— Почему?

— Такой запрет лишает возможности нечестных чиновников отмывать "грязные" деньги, называя в декларации источником дохода игру в казино или на бегах.

— Да, пожалуй, можно сказать, что этот закон лишает чиновников некоторых радостей жизни. А если вспомнить поговорку о заглядывании в чужой карман, то тут узаконенное "заглядывание" похоже на просвечивание рентгеном.

— Между прочим, Конституция России (статья 55-я) допускает ограничение прав человека, если это диктуется жизненно важными интересами общества, и связано с проблемами безопас-

ности государства. Стоит ли тут еще раз напоминать, что организованная преступность, подкупая чиновников, берет под свой контроль анционированные предприятия, целые отрасли, коммерческие структуры, банки и даже — территории (как это случилось в Немецкой области с городом Ленинск-Кузнецким), то есть захватывает власть в стране?

— А как обстоит дело с антикоррупционным законодательством в развитых странах? И что там думают о подготовленном вами законе о коррупции?

— Законодательные нормы, вызвавшие негативную реакцию Президента, в международно-правовой практике давно действуют. В развитых странах это отнюдь не считается нарушением прав человека. Зарубежные эксперты сказали о нашем законе, что он вообрал в себя все прогрессивное из мирового опыта борьбы с коррупцией. Единственное, за что нас журрили: ряд мер в нашем законе, по мнению зарубежных специалистов, носит недостаточно крайний характер.

— То есть?..

— Объясню. При обсуждении закона, мы заметили, особое раздражение вызвали те нормы, которые предупреждают легализацию преступных доходов. Так вот в США, Англии, а недавно и в Германии узаконены такие меры: в этих странах накладывается арест на сомнительные вклады, на непонятно откуда возникшую недвижимость.

— Независимо от того, кто хозяин — госслужащий или рядовой гражданин?

— Абсолютно независимо. Потому что каждый налогоплательщик обязан отчитаться перед государством, где и как он заработал свои деньги. Это не презумпция виновности. Это гражданская обязанность.

— Значит, в этих странах любимая тетюшка начальника налоговой полиции была бы должна объяснить, как она сумела, работая всю жизнь библотекаршей, скопить на особняк много-миллиардную сумму. А у нас такое пона невозможно?

— Возможно, если ведется уголовное расследование. Пона только тан.

— Но госчиновников могут "покупать" не только деньгами. Жены известных лиц, да и сами эти лица частенько отправляются в туристические поездки за счет каких-то фирм и акционерных обществ.

— В законе о коррупции субъектом дачи взятки считается не только физическое, но и юридическое лицо. Даже если само собрание акционеров решило отблагодарить за что-то госчиновника турпоездной, это АО или фирма может серьезно пострадать. Меры предусмотрены разные — от крупного штрафа до полного прекращения деятельности юридического лица, если такого рода "услуги" госчиновникам предоставляются не первый раз.

— Несколько лет назад в ходу было такое, правда, не очень распространенное мнение: взятку надо легализовать, это поощрение работы чиновника, что-то вроде премии.

— Я всегда считала: нельзя чиновника путать со швейцаром, которому дают на чай. Если же будем путать, то власть перестанет быть властью, а станет лишь ширмой, прикрывающей разгул беззакония.

"Абдулла, прикрой личико!.."

...Это возможно только в кино: лента идет в обратную сторону, Абдулла прикрывает чадрой свое "личико", вновь приобретая очертания манящей Гюльчатай. В реальной жизни начать сначала обычно не удается.

Не прикроет Абдулла чадрой зловещую свою улыбку. Не отдаст отнятую винтовку, то бишь власть. Разве что слегка помедлит, прежде чем протннуть штыком, прининув: а, может, этот Петруха на что-то сгодится?

Из газет:

...В Москве арестован председатель Комитета труда и занятости: в момент обыска в его квартире обнаружены 200 тысяч долларов и документы, свидетельствующие о том, что на его счетах в зарубежных банках скопилось 400 тысяч долларов...

...В Петербурге, на пересечении Невского проспекта и улицы Рубинштейна, выстрелами снайпера убит вице-губернатор, председатель Комитета по управлению городским имуществом Михаил Маневич. После выстрелов киллер, судя по всему, не очень спешил: прежде чем бросить снайперскую винтовку, снял с нее оптический прицел и глушитель...

Реформа продолжается? ■

новая рубрика:
Давайте обсудим!

Платить ли маме зарплату

Дорогая "Смена"!

Давно выписываю журнал, все мне интересно у вас, а главное, мне нравится, что вы очень чутко относитесь к обычным житейским проблемам, которых у нас у всех полно. При этом вы не наставляете, не на-

вязываете одно-единственное решение, а советуете, ищете приемлемый выход, безболезненный для всех. Вот и я столкнулась с ситуацией, когда моего одного суждения маловато, хочется услышать мнение других людей.

Давайте обсудим!

Дело в том, что у моей знакомой недавно женился единственный сын. Встречался с очень милой девушкой, полюбили друг друга — и под венец. Ни моя знакомая, ни ее сын не были близко знакомы с семьей невесты, не знали, каной там уклад, но по ряду причин было решено, что после свадьбы молодые поселятся с тестем и тещей.

И вот сразу после переезда тесть позвал к себе новоиспеченного зятя для серьезного разговора. Знаете, что он ему сказал?

— Я рад, что вы решили жить с нами и хочу познакомить тебя с основными правилами нашей жизни. Если ты хочешь жить здесь, то тебе придется им подчиняться. Как ты знаешь, наша мама — твоя теща — не работает. То есть не ходит на службу. Но мы с дочкой считаем, что наша мама работает очень даже много — ведь весь дом, все хозяйство лежит на ней. Я и дочь получаем зарплату, у нас есть свои деньги, мы можем купить себе, что хотим, а мама — нет, хотя ее работа не менее важная и даже, может быть, более тяжелая. Так что мы платим ей зарплату. Каждый из нас дает деньги и на питание, и на зарплату маме, а остальное мы тратим по своему усмотрению. Так что тебе тоже придется вносить определенную сумму...

Зять ошалело смотрел на тестя: шутит он, что ли? Но тут вошла молодая жена и подтвердила все, что сказал ее отец.

— Да, я плачу маме зарплату, но зато, когда я иду вечером домой, мне не надо думать ни о продуктах, ни об унине, я прихожу в чистую квартиру и мне не надо хвататься за тряпку и щетку. У меня совесть чиста и на душе кошки не скребут из-за того, что мама стирает и гладит мои вещи, а маме не обидно, что она у нас — как домработница.

Парень спрашивает:

— Но у тебя с отцом есть выходные, отпуск, а у нее как же?

— И у нее выходные и отпуск. Каждый год мы с отцом покупаем ей путевку и отправляем отдохнуть от нас. И выходные у нее есть — ведь платим мы ей только за рабочие дни, а субботу и воскресенье она отдыхает. Ты не думай, что женился на белоручке, я все умею делать, в выходной мы с мамой занимаемся хозяйством вместе. Сам посуду, на что тратят свои выходные почти все работающие женщины? На уборку квартиры, на стирку — это мама делает в будни. В выходные только и работы, что приготовить что-нибудь вкусное да посуду помыть. А на долю отца остаются мужские дела: починить, повесить, подвинуть да на рынок сходить за картошкой или чем-то еще, что маме тяжело самой носить. Но теперь, я думаю, эту работу вы на двоих разделите.

— Ты сказала, что каждый тратит свои деньги как хочет, а как же общие покупки, телевизор, например?

— Точно так же. Телевизор на кухне смотрят все — значит, покупаем вскладчину. А мой музыкальный центр слушаю только я — и покупала его я на свои деньги, сама. А так — как хочу, могу на новое пальто откладывать, могу на мороженое промотать...

Моя знакомая, мать того парня, с возмущением пересказала мне этот разговор. А я подумала: а что? В этом что-то есть. Все на разумной основе и никому не обидно. По-моему, и такой вариант семейной жизни может быть. Лишь бы в доме были мир и согласие.

Дорогая "Смена", интересно, а что думаете по этому поводу вы и ваши читатели?

Наталья Ипльична ЛЕГОШИНА,

Москва

У нас в "Смене" проблемами семьи, брака, межчеловеческими конфликтами уже давно занимается Светлана БЕСТУЖЕВА-ПАДА. Вот ее мнение по поводу проблемы, затронутой нашей читательницей.

Честно сказать, я несколько оторопела, когда получила это письмо. Двадцать с лишним лет занимаюсь вопросами семьи, всякое приходилось видеть и слышать, а уж читать — тем более. Но такая постановка вопроса — это что-то новенькое. Хотя...

Хотя, чем, на самом деле, тут можно возмущаться? Тем, что и дочь, и отец сознают, что "неработающая" домохозяйка на самом деле вкалывает не меньше и тяжелее их самих? Так дай Бог, чтобы все это, наконец, поняли. Испокоин веков обеспеченные семьи нанимали прислугу — и исправно платили ей за это деньги, причем сейчас это — достаточно дорогое удовольствие. А у нас во многих семьях повелось так: штамп в паспорте как бы превращает женщину в бесплатную домработницу. Неудивительно, что при большинстве семейных разборок звучит классическая фраза: "Я тебе не прислуга!"

Конечно, не прислуга. Более того, если женщина еще и работает вне дома, то картина складывается, прямо скажем, не из веселых. Потому что жена при таком раскладе получает 16-часовой рабочий день, включая поездку на работу и обратно, работу как танковую и домашнее хозяйство, а муж — представитель сильного пола — 2—3 часа вечером перед телевизором или в обществе друзей, потому что современный городской образ жизни почти напрочь уничтожил исконно мужские домашние обязанности. Естественно, рано или поздно тер-

пение лопается, тем более, что домашнее хозяйство у нас почему-то работой не считается.

Хотя, что значит — "почему-то"? Чрезвычайно низкий социальный статус домохозяйки возник потому, что несколько поколений подряд воспитывались в духе того, что любой труд почетен, кроме домашнего. Кроме того, нам чуть ли не с детского сада вдалбливали тезис о всеобщем равенстве. Всех воспитывали одинаково: не реви, дай сдачи, не уступай. И совершенно не учили тому, что забота о семье — куда более почетное занятие, чем перевыполнение социалистических обязательств.

В результате мы и получили то, от чего по сей день не можем очухаться. Многие и женщины, и мужчины одинаково считают для себя зазорным заниматься домашними делами. Когда сын видит, что отец лежит на диване с газетой, а мать возится в кухне или в ванной — оба после работы! — то девять шансов из десяти, что он перенесет такое же распределение ролей в свою собственную будущую семью. Когда такую картину наблюдает дочь, те же девять шансов из десяти, что она даст себе страшную клятву умереть, но не оказаться в положении собственной матери. Результатом создания новой семьи будет почти неизбежное свидетельство о разводе с причиной-штампом: "не сошлись характерами".

Но если посмотреть глубже, то увидим, что характеры-то сошлись абсолютно одинаковые, оттого и не сложилось. Современная цивилизация, помимо всего прочего, особенно плохо приспособлена для женщины: стрессы, перегрузки, жестокость... Для того, чтобы выжить, нужно буквально раздвоиться: в рабочее время быть энергичной, волевой, собран-

ной, жесткой, а в свободное — мягкой, спокойной, доброй, ласковой. От такого раздвоения личности рукой подать до шизофрении. Ну, а если домашнее хозяйство воспринимать не как тяжелый крест, а как обычную профессию? Да к тому же получать не только словесную признательность, но и какие-то материальные знаки поощрения?..

Конечно, я понимаю: мысль о том, что собственной, до боли родной жене нужно платить, может вызвать шок у большинства мужчин... да и женщин тоже, если уж на то пошло. Но почему? Ведь если муж содержит неработающую жену, то он, естественно, дает ей деньги не только на ведение хозяйства, но и одевает ее, и так далее и тому подобное. А если к тому же признается право на выходные дни и отпуск — то это просто прекрасная сказка, в которую, правда, с трудом верится. И все-таки — чем возмущаться-то?

Догадываюсь, что многие наши читатели-мужчины с иронией зададут вопрос: может, жене еще надо платить и за исполнение так называемого "супружеского долга"? Встречный вопрос: а почему бы и нет? Второй встречный вопрос: почему российские мужчины — в данном случае речь идет только о них, ненаглядных, — так любят халяву? Считают: походом в ЗАГС настолько осчастливили женщину, что ей больше ничего и не надо. Получила статус жены, так будь добра, миленькая, выкладываться за это по полной программе и совершенно бесплатно. Хорошо еще, если не за собственный счет, что тоже нередко бывает.

Мне могут возразить, что и мужчинам тогда тоже нужно платить за исполнение ими нелегких мужских обязанностей по дому и в семье. Возможно, соглашусь я, если они не счи-

тают себя мужчинами. К тому же пора бы договориться о терминах раз и навсегда. Есть два понятия: кормилец и нормилица. Кормилец — это тот, кто кормит семью и отвечает за ее выживание. Даже пенсия существует: за утрату кормильца. Кормилица же — это та женщина, которая вскармливает грудью чужого ребенка. Не бесплатно, замечу. И довольно ограниченный срок.

Согласитесь, друзья, что довольно бессмысленно заводить дискуссию о том, что было раньше: яйцо или курица. Так же бессмысленно рассуждать о том, что явилось причиной, а что следствием: феминизация мужчин или маскулинизация женщин. Так или иначе, но в нашем обществе это произошло. И теперь можно только искать пути достойного выхода из этого положения, при котором не пострадали бы ни личность, ни общество, и не были бы ущемлены ни мужское достоинство, ни женская гордость.

В каждой избушке, конечно, свои игрушки. Я не задавалась целью расставить все точки над "i" в письме нашей читательницы, но, мне кажется, оно может стать началом интересной дискуссии о том, кто как понимает работу по дому, кто как ее оценивает, и что может предложить в качестве приемлемого для всех сторон варианта.

Ведь и на домработницу мало у кого хватает денег, и жениться только ради того, чтобы тебя обслуживали, не у всех хватает смелости.

А вы как считаете? ■

ЛЮБОВЬ РУСЕВА

Сенатор Анненков в сопровождении свиты был послан императором Николаем I в Западную Сибирь для ревизии мест заключения. По дороге он остановился в Москве, где осматривал тюремный замок. "Гид" высоких петербургских гостей молодой чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе Москвы рассказывал:

— Господа, в этой камере сидит недавно осужденный за убийство из ревности. При весьма романтических условиях он изобличил молодую жену в неверности. Касимов! Выйди из строя, Расскажи как и за что ты лишился жизни жену.

Краска густо залила лицо арестанта. Понутив голову и тяжело вздохнув, он начал сдавленным голосом свою печальную историю, но не успел сказать и десяти слов, как неожиданно был прерван. Все обернулись к дверям. Там стоял старик, одетый в скромный бедный костюм. Шагнув вперед, он гневно взглянул на чиновника, старавшегося любезно "занять" петербургских гостей, и резко сказал ему:

— Как вам не совестно мучить этого несчастного такими вопросами?! И зачем этим господам знать о его семейной беде?... — И, не допуская возражений, повелительно крикнул арестанту: — Не надо! Не надо! Не смей об этом говорить!..

рисунок Г. Енвандия Новониколова

ФАНАТИК МИПОСЕРДИЯ

Чиновник сконфуженно переглянулся со зрителем и, презрительно пожав плечами, молча повел посетителей дальше.

— Кто это? — спросил зрителя один из гостей, впоследствии известный Арцимович.

— Это?.. Да разве вы не изволите знать?.. Это Федор Петрович... Федор Петрович, доктор Гааз!..

Через год Арцимович, возвращаясь из Сибири, заехал на два дня в Москву. Далеко за полночь вернулся он от друзей в гостиницу и ложился уже спать, как отворилась дверь, и в комнату быстро вошел запыхавшийся старик, в котором он узнал доктора Гааза.

Федор Петрович быстро покончил с извинениями за столь поздний визит, объяснив, что, узнав о приезде Арцимовича, целый день искал его и, не найдя, вынужден потревожить своим приходом. Старый чудац-доктор сел на кровать, взял гостя за руку и, доверительно взглянув в глаза, спросил:

— Вы ведь видели их в разных местах?.. Ну, как им там?.. Не очень ли им там тяжело?.. Ну, что им там особенно нужно?.. Извините меня, но мне их так жалко!..

Растроганный Арцимович до утра рассказывал своему необыкновенному посетителю о них и отвечал на подробные расспросы о ссыльных.

Став во второй половине 50-х годов тобольским губернатором, Арцимович при объезде своей губернии остановился как-то в одном селении в избе бывшего ссыльного, давно уже перешедшего в разряд водворенных и жившего зажиточно с многочисленной семьей. Когда губернатор, уезжая, сел уже в экипаж, вышедший его провожать хозяин вдруг упал на колени. Арцимович подумал, что тот хочет попросить каких-то льгот или полного помилования.

— Встань, старик, — потребовал губернатор, — объясни, в чем твоя просьба.

— Никакой у меня просьбы, ваше превосходительство, нет, и я всем доволен, — отвечал, поднимаясь на ноги хозяин, — а только... — и он заплакал от волнения, — только скажите мне хоть вы, ни от кого я узнать толком не могу... Скажите: жив ли еще в Москве Федор Петрович?!

Фридрих Иосиф (в России — Федор Петрович) Гааз появился в Москве в 1802 году. Родился он 24 августа 1780 года в семье аптекаря, в старинном живописном городке Мюнстерейфеле, куда переехал из Кельна его дед — врач. Несмотря на то, что семья аптекаря была большая: 5 сыновей и 3 дочери, а жили довольно скромно, отец дал всем сыновьям солидное образование. Два старших брата Федора Петровича, окончив курс богословских наук, приняли духовный сан, а два младших пошли по судебной части.

Сам Федор Петрович был воспитанником местной католической церковной школы, затем — усердный слушатель курсов философии и математики в Иенском университете. Медицину он изучал в Вене, где особенно много занимался глазами болезнями у знаменитого профессора Адама Шмидта.

Случайно попав к заболевшему русскому вельможе Репнину, Гааз успешно вылечил его. Благодарный Репнин уговорил молодого доктора

отправиться с ним в Россию. Способный, энергичный и любознательный врач быстро освоился в первопрестольной и приобрел большую практику. Его приглашали на консилиумы, ему были открыты двери всех московских больниц. Как-то в одно из своих посещений Преображенского богадельного дома Гааз нашел множество беспомощных больных, страдающих глазными болезнями. С разрешения губернатора Ланского Федор Петрович стал лечить их, причем безвозмездно. Успех врачевания был настолько огромным и всеми признанным, что молодого искусного доктора стали настойчиво просить поступить на действительную службу.

4 июня 1807 года контора московской Павловской больницы получила приказ императрицы Марии Федоровны, в котором, между прочим, говорилось: "по отличительному одобрению знания и искусства доктора медицины Гааза, как в лечении разных болезней, так и в операциях, Ея Императорское Величество находит его достойным быть определены в Павловской больнице над медицинской частью главным доктором... и Высочайше соизволяет сделать по сему надлежащее распоряжение, а его, Гааза, заставить вступить в сию должность немедленно... Что же касается до того, что российского языка не умеет, то может онаго выучить скоро, столько, сколько нужно будет по его должности, а между тем с нашими штаб-лекарями он может изъясняться по-латыни..."

С этого дня Ф.П.Гааз вступает в должность старшего врача Павловской больницы. Но Россия обязана ему не только лечением больных.

В 1809-10 годах Гааз совершает поездки на Кавказ для изучения минеральных источников. Там он не только впервые систематически и научно исследовал и описал одно из богатых природных достояний России, но и лично открыл серно-щелочной источник в Ессентуках, обозначенный впоследствии №23, и ряд целебных ключей в Железноводске.

В связи с приближением войск Наполеона к первопрестольной и тем, что она была покинута большинством жителей, Гааз оставляет службу. Он вновь вступил в нее в 1814 году, но уже врачом в действующей армии. После окончания войны Гааз вновь выходит в отставку и отправляется на родину, где застаёт всю семью у постели умирающего отца. Федор Петрович, однако, не долго пробыл в Германии, его неудержимо тянуло в страну, где он уже начал работать на общую пользу.

Доктор Гааз вернулся в Россию, он уже свободно владел языком, понял и полюбил русский народ, с которым слился душой. Первое время Федор Петрович не поступал на службу, а занимался частной практикой, которая была обширной. Он становится одним из самых видных врачей Москвы. Его постоянно приглашали на консультации, с ним приезжали советоваться издалека.

Несмотря на то, что доктор начисто был лишен корысти, он в силу своего положения стал довольно богатым человеком. Федор Петрович имел в Москве дом и владел подмосковным имением в Тишках, где устроил суконную фабрику. Ездил (по тогдашней моде) в карете на четырех белых лошадях цугом, вел жизнь серьезного и обеспеченного человека, пользовался общественным уважением.

Примечательна была и внешность Гааза. Он постоянно носил костюм своей молодости: фрак, белое жабо и манжеты, короткие до колен панталоны, черные шелковые чулки, башмаки с пряжками, пудрил волосы и собирал их свади в широкую косу с черным бантом, а затем, когда стал лысеть, носил большой рыжеватый парик. Любил дружеские беседы, много читал и вел оживленную переписку со знаменитым философом Шеллингом.

В ведении московской медицинской конторы находилась аптека, снабжавшая медикаментами армию, а также 30 госпиталей и больниц. Вследствие вопиющих злоупотреблений в ее управлении и содержании штатт-физик был смещен, и министр внутренних дел рекомендовал генерал-губернатору избрать на эту должность "достойного". Князь Голицын долго уговаривал доктора Гааза, который отказывался, считая себя недостойным, но в конце концов (14 августа 1825 года) принял звание штатт-физика. Тотчас же он деятельно принялся за реорганизацию и повел войну с мертвящей апатией, которую встретил в своих сослуживцах по медицинской конторе. Пошли, естественно, пререкания, жалобы, доносы. В них Гааз выставлялся неуживчивым человеком, утруждающим начальство разными вздорными проектами. Упреком являлось и его нерусское происхождение. В конце концов завистники и ничтоже-ства одолели Гааза.

Федор Петрович предлагал, например, упорядочить продажу "секретных" средств и облегчить русским изобретателям возможность применения и сбыта придуманных ими лекарств.

Ему отвечали, что на сей предмет уже существуют надлежацие и достаточные законоположения.

Доктор Гааз предложил организовать в Москве службу скорой помощи. Представляя сведения о скоропостижно умерших в 1825 году (всего в течение года — 176) из-за несвоевременной помощи или даже от полного ее отсутствия, он настаивал на учреждении в Москве особого врача "для наблюдения за организацией попечения о внезапно заболевших, нуждающихся в немедленной помощи" по примеру Гамбурга, где в продолжение 18 лет, начиная с 1808 года, спасено из 1.794 человек, близких к скоропостижной смерти, 1.677.

Контора отвечала ему постановлением о том, что мера эта излишняя и бесполезная, ибо при каждой части города Москвы есть уже положенный по штату лекарь.

Указывая, что в 1815 году в Екатерининской больнице было упразднено 50 кроватей для крепостных помещичьих людей, и что вследствие этого с 1822 по 1825 год отказано в приеме 2.771 больным, некоторые из коих были брошены на улице и там скончались, Гааз просил контору хлопотать о восстановлении упраздненных кроватей, "будучи далек от безнадежности хотя бы и через сие малое пособие предуготовить помощь некоторым из великого числа страждущих".

Ему отвечали лаконичной отпиской, что о представлении его будет доведено до сведения по принадлежности.

Испуганный результатом оспенного заражения в Москве, Федор Петрович направил в контору подробную записку с предложением ряда

практических мер для успешного введения оспопрививания, к которому недобросовестно относились местное начальство и которому препятствовали предрассудки многих людей, считавших, что “несообразно природе человеческой заимствовать оспенную материю от животного, опасаясь от сего какого-то повреждения в здоровье и даже некоторого худого влияния на саму нравственность”.

Ему отвечали об отсылке записки “по принадлежности” с присовокуплением мнения, что по предмету оспопрививания уже существуют надлежащие законные постановления.

Таким образом, канцелярская трясина засосала почти все предложения “беспокойного” штадт-физика, более того, ему постоянно выражали недоверие. В протоколах неоднократно встречаются замечания инспектора медицинской конторы Добронравова, что “конторе неизвестно, какими путями достиг, будучи иноземцем, доктор Гааз чинов”.

Год безрезультатно бился Федор Петрович с московскими чиновниками, и, наконец, Добронравов и его сторонники добились своего — “иноземец” подал в отставку. Но этим своеобразным патриотам мало было избавиться от беспокойного доктора, они преследовали его еще очень долго. Дело в том, что, вступая в должность, Гааз обнаружил в запасной аптеке огромное количество очень ценного для медицины ревеня, испорченного от сырости. Федор Петрович с разрешения генерал-губернатора отремонтировал здание, на что ушло 1.502 рубля. Кроме того, сверх сметы, он устроил блок для поднятия ревеня на верхние этажи. Этим воспользовались недруги Гааза, возбудив дело “о незаконном израсходовании бывшим штадт-физиком Гаазом 1.502 рублей”.

Несмотря на письменное обязательство доктора выплатить всю сумму из собственных денег в случае, если выдача денег не была утверждена начальством, его терроризировали оскорбительными письмами без малого два десятилетия. Ревностные чиновники добились своего — они уязвили в самое больное место честного человека. Только через девятнадцать лет дело закрыли — действия Гааза были признаны правильными.

В 1829 году произошло событие, которое полностью изменило жизнь этого замечательного человека — он становится главным врачом тюремных больниц. На этом поприще с годами резко меняется сам образ Гааза и условия его жизни. Из уважаемого всеми врача он превратился в глазах многих в одинокого чудака, из состоятельного и уважаемого человека — в почти нищего. Обветшал его оригинальный костюм, быстро исчезли белые лошади и карета, с молотка пошла суконная фабрика, распродана вся недвижимость. Когда Федор Петрович умер, то оказалось, у него ничего нет, и пришлось хоронить его за счет полиции.

Но прежде чем рассказать о деятельности врача, которой он обесмертил свое имя, вспомним состояние тюрем в России в 20-х годах прошлого века. Арестованные содержались в мрачных сырых комнатах, совершенно лишенных воздуха. Земляные или гнилые деревянные полы часто были ниже уровня земли. Свет проникал в камеры сквозь узкие, наравне с поверхностью земли окна, покрытые грязью и плесенью, ко-

торые никогда не отворялись. Если же стекло в раме было выбито, то го- дами не вставлялось, и через него в камеру проникал дождь, мороз, сте-кала уличная грязь. Не было ни туалетов, ни умывальников, ни крова-тей, ни даже нар. Все спали вповалку на полу, подстилая свои лохмотья, кишасшие насекомыми, и везде на ночь ставилась традицион-ная "параша". Помещения были набиты народом, в маленькой комнате находилось до 50 человек.

Арестанты содержались впроголодь, так как на человека в день вы-делялось всего по 15 копеек ассигнациями, причем деньги отдавались на руки дежурному надзирателю. Контроля никакого не было. Скучное содержание арестованных при полиции заменялось подаанием, поэто-му они зависели от случая и от суровости граждан. В результате в тюрьмах XIX века была довольно распространенным явлением смерть от "голодной нужи".

Довольно часто наступала смерть и от переохлаждения. Казенное платье не выдавалось, а собственная одежда арестантов быстро превра-щалась в лохмотья. Сенатор Озеров насчитал в московском тюремном замке 92 человека без всякой одежды и обуви. Князь Голицын заявил в 1829 году, что московские тюрьмы наводят ужас, особенно московский пересыльный замок, который находится в "невозможном состоянии, что в нем невыносимо холодно, причем холод этот в женской половине, где меньше скученности, доходит до того, что матери, упросив надзира-телей, посылают по ночам своих детей без различия пола и возраста ото-греваться на мужскую половину".

Ужасным было положение и "колодников", шедших по этапу. Через московскую пересыльную тюрьму шли арестанты из 24 губерний — в год не менее 6.000 человек. Шли они, звеня цепями, пешком до Сибири, причем шли все вместе: и ссыльные, и каторжники, и семьи крестьян, пересылаемые помещиками из одного имения в другое, и беспаспорт-ные. При императоре Александре I ввели новшества, которые усугуби-ли положение пересылаемых. Два распоряжения, связанные с пресече-нием побегов, особенно бесчеловечны, против них в первую очередь восстал "святой доктор".

Всем без исключения идущим по этапу брили половину головы. Многие страдали своеобразной болезнью волос — колтуном. А этих больных ждала холодная Сибирь.

В 1825 году был введен общий способ для переправки ссыльных: к толстому железному пруту за руку наручниками приковывалось по 8—10 человек. Наручники снимались только по прибытии на конеч-ный пункт. Они натирали до глубоких ран затекавшие руки, невыно-симо накалялись под лучами степного солнца летом, вызывая ожоги, и охлаждались во время суровой зимы, вызывая отморожение. Нани-занные на прут люди были разного роста, возраста, здоровья, поход-ки, разные по силам. Ссыльные сбивались с ноги, не поспевали друг за другом, слабые тяготили сильных, крепкие негодовали на немощных, осыпая их бранью, проклятиями и даже побоями. Спали также прико-ванными к пруту, при отправлении естественной нужды каждого при-сутствовали все. Подобное насильственное сообщество совершенно

различных нравственно и психологически людей порождало озлобленность и отчаяние.

В то время, как ссыльные, прикованные к пруту, претерпевали нравственные и физические муки, серьезные преступники (каторжники) шли отдельно, каждый сам по себе. Они были закованы в ручные и ножные кандалы. Поэтому пересылаемые слезно молили, как о благодетели, обращаться с ними как с каторжниками.

Такое положение заключенных и ссыльных возмутило генерал-губернатора Москвы князя Дмитрия Владимировича Голицына. Это был высокого ума и замечательной души человек. Князь пользовался большой популярностью у москвичей и полным доверием императора Николая I.

Именно он явился инициатором создания московского попечительного комитета о тюрьмах, который торжественно открыли 28 декабря 1828 года. Учреждая московский комитет и набирая первый его состав, князь обратился к доктору Гаазу, который почувствовал в этой деятельности свое призвание и полностью себя ей посвятил, став членом комитета и главным врачом московских тюрем. Он был убежден, что между преступлением, несчастьем и болезнью существует тесная связь, что трудно, а иногда и просто невозможно ограничить одно от другого, и что отсюда вытекает тройкого рода отношение к лишенному свободы. Необходимо справедливое, без всякой жестокости, отношение к виновному, деятельное сострадание к несчастному и призрение больного.

Положение же вещей при открытии тюремных комитетов было совершенно противоположным, с чем и вступил в открытую борьбу Гааз. Он вел эту борьбу всю жизнь, его ничто не останавливало и не охлаждало — ни канцелярские придирки, ни затруднения и пути, ни косые взгляды и ироничное отношение других представителей комитета, ни столкновение с сильными мира, ни даже частые и горькие разочарования в людях.

В книге, изданной после его смерти, Гааз пишет: "Спешите делать добро!" Слова эти стали девизом всей его жизни, ежедневно он осуществлял его в своей практике. "Он понимал, что христианский идеал не есть нечто, чем должно любоваться лишь издали. Для него этот идеал был светочем, озаряющим жизненный путь. Посвятив себя всецело добру и милосердию, Федор Петрович показал, как следует идти по этому пути", — писал А.Ф.Кони в его биографии. Увидев воочию положение тюремного дела, войдя в соприкосновение с арестантами, Федор Петрович испытал сильное душевное потрясение.

С открытия комитета до кончины Гааза, в течение почти 25 лет, состоялось 293 заседания. Доктор отсутствовал всего раз. В журналах заседаний, как в зеркале, отражается неустанная деятельность доктора: в них записано 142 предложения Гааза о пересмотре дел, о помиловании осужденных или о смягчении наказания. Свое заступничество он отстаивал с горячей настойчивостью, которая многим досаждала. Председателем комитета был знаменитый митрополит Филарет, которому также наскучили ходатайства "беспокойного" доктора:

— Вы все говорите, Федор Петрович, — сказал раздраженно Филарет, — о невинно осужденных... Таких нет. Если человек подвергнут каре — значит, есть за ним вина!

Вспыльчивый и неугомонный Гааз вскочил со своего места.

— Да вы о Христе позабыли, владыко! — вскричал он.

Все смутилось и замерло от подобной дерзости — таких обвинений могущественному митрополиту еще никто и никогда не смел говорить. Филарет наклонил свою седую голову.

— Нет, Федор Петрович! — промолвил он, вставая после нескольких минут томительной тишины. — Когда я произнес мои поспешные слова, не я о Христе позабыл, — Христос меня позабыл!..

Митрополит благословил всех и вышел.

В деле милосердия Гааз не боялся дерзить не только Филарету, но и самому императору Николаю I. Во время посещения тюремного замка в Москве недоброжелатели доктора обратили внимание монарха на старика, который был приговорен к ссылке в Сибирь, но на протяжении долгого времени необоснованно задерживался в Москве строптивым доктором.

— Что это значит? — спросил государь Гааза.

Федор Петрович, не отвечая ни слова, стал на колени. Думая, что доктор просит о прощении за послабление арестанту, Николай сказал:

— Полно!.. Я не сержусь... Федор Петрович, что это ты? Встань!

— Не встану! — решительно ответил тот.

— Да я не сержусь, говорю тебе... Чего же тебе надо?

— Государь, помилуйте старика. Ему осталось немного жить, он дряхл и бессилен, ему очень тяжело будет идти в Сибирь. Помилуйте его! Я не встану, пока вы не помилуете его...

Император задумался.

— На твоей совести, Федор Петрович! — сказал он, наконец, и изрек прощение.

Счастливым и взволнованным Гааз встал с колен.

Приступив к исполнению своих обязанностей, доктор прежде всего забил тревогу по поводу прутов, и борьба его против этого орудия пыток длилась долгие годы. В этой борьбе он нашел союзника — князя Голицына. Письменное обращение последнего к министру внутренних дел Закревскому о невозможности использовать прут для препровождения арестантов, ибо "сей образ пересылки крайне изнурителен для сих несчастных, так что превосходит самую меру возможного терпения", сразу задело несколько самолюбив. Закревскому не понравилось, что московский генерал-губернатор возбуждает общий вопрос, не имеющий непосредственного отношения к Москве, а указывает ему, министру внутренних дел, на недосмотры и непорядки в области его исключительного ведения. Не понравилось обращение и военному министру графу Чернышеву, в ведении которого находились арестанты во время пути. Но самым рьяным противником Гааза и Голицына был командир отдельного корпуса внутренней стражи генерал Капцевич.

Эти сильные мира сего могли решить вопрос о пруте довольно быстро, представив его на рассмотрение императору Николаю I, но они направили дело в русло канцелярской переписки, решив взять бюрократическим измором.

Не желая дожидаться окончания переписки по поводу прута, Федор Петрович приступает в 1829 году к опытам — он задался целью создать

облегченные (не в ущерб прочности) кандалы. Кандалы, которые надевались на каторжников, были невероятно тяжелы — весили до 5,5 фунтов. Созданные доктором Гаазом весили всего три, они-то и были названы “газовскими”. Но прежде, чем рекомендовать новые кандалы, доктор испробовал их на себе. Как-то к нему домой заехал по делу гражданский губернатор, который услышал еще во дворе непонятный звон и стук. Войдя в комнату, гость увидел шагающего из угла в угол бледного и переутомленного хозяина, закованного в кандалы. Гааз прошел ровно столько шагов, сколько было до первой остановки пересыльных, а этот отрезок пути был самым длинным.

Федор Петрович обращается в комитет с горячим ходатайством о разрешении заковывать в эти кандалы всех, проходящих через Москву. Князь Голицын поддержал доктора и, плюнув на петербургские проволочки, приказал немедленно приспособить кузницы для выковки кандалов нового образца. Средств не хватало, поэтому Гааз добавлял свои деньги.

Федору Петровичу было мало этой победы, он стал настойчиво добиваться того, чтобы стариков, детей и увечных арестантов вовсе не заковывали. Это переполнило чашу терпения генерала Капцевича. Называя Гааза “утрированным филантропом”, который заводил пререкания и “затейливости”, мешающие работе, он писал: “мое мнение — удалить сего доктора от его обязанности”. Враги Федора Петровича радовались, считая, что дни “безрассудной филантропии доктора Гааза” сочтены, тем более, что в 1844 году скончался князь Голицын. Но князь Щербатов, ставший генерал-губернатором Москвы, тоже оценил по заслугам доктора и помогал Гаазу тем, что не давал хода никаким жалобам на него.

Федор Петрович, добился отмены поголовной стрижки волос. Когда временно было урезано пропитание заключенных на одну пятую, Гааз внес в комитет в общей сложности 11 тысяч рублей серебром якобы от “неизвестной благотворительной особы” для улучшения пищи содержащихся в пересыльном замке. Деньги от “неизвестной благотворительной особы” поступали до тех пор, пока Федор Петрович не стал совершенно нищим, затем деньги вносились богатыми людьми, которых он умел разжалобить.

Деятельность доктора Гааза протекала в крепостной России. По закону в этот период помещики не имели права разлучать супругов, и жены шли в Сибирь за своими мужьями. Но детей, ссылаясь на трудности пути, помещики оставляли у себя. Видя неутешное горе родителей, Федор Петрович за свои деньги выкупал детей. Таким образом он вернул родителям 74 ребенка.

Что касается непосредственной врачебной деятельности, то в первое время Гааз был в этой области полным хозяином. Ссылные, пришедшие в Москву, отправлялись по этапу немедленно. Федор Петрович добился того, что их, не считая дня прибытия, держали в пересыльном замке неделю. За это время он лично осматривал каждого не меньше четырех раз и нуждающимся оказывал медицинскую помощь. В 1832 году Гааз выхлопотал средства для устройства больницы на 120 чело-

век на Воробьевых горах, куда помещались больные, не способные идти по этапу.

Федор Петрович беседовал с каждым вновь прибывшим, выслушивал жалобы и всем старался помочь. Арестанты с нетерпением ждали его посещения и любили “святого доктора”, верили в него и сложили поговорку: “У Гааза — нет отказа”. Федор Петрович всегда входил один в камеры, где содержались особо опасные преступники, наказанные плетью, с клеймами на лицах, приговоренные в рудники “без срока”. Он долго находился с ними наедине, и ни разу не вырвалось у этих злодеев мало-мальски грубого слова против Гааза.

Многое сделал Федор Петрович не только для пересыльных, но и для тех, кто был заключен в московский тюремный замок. Он не только сумел описать Голицыну ужасные условия заключенных, но добился разрешения в виде опыта устроить северную часть замка. Доктор ретиво принялся за переустройство. Чтобы рабочие не прекращали работы и в праздники, он платил им свои деньги, приезжал по несколько раз на день, лазил по лесам, рисовал, рассчитывал, спорил. В результате через полгода эта часть замка приняла образцовый вид. Чистые светлые камеры с нарами, которые днем поднимались, выкрашенные масляной краской окна стали в три раза шире; были устроены ночные ретирады и умывальники. Во дворе вырыли колодец, и вода теперь поступала не мутная из притоков Москвы-реки, а чистая. Внутри двора посадили в два ряда сибирские тополя — “для освежения воздуха”. Кроме того, устроили переплетные, столярные, сапожные и портняжные мастерские. Спусти два года организовали школу для детей арестантов, которую Гааз часто посещал.

Федор Петрович зорко следил за поведением служащих тюрьмы, за расправами над арестантами. В случае, если узнавал о пытках, то разъяренным зверем кидался на палачей и на орудия пыток. Восстал он и против входившего в моду жестокого метода воспитания — одиночного заключения. При обсуждении вопроса в комитете он говорил:

— Дозволительно спросить, почему в России обрекать арестантов на одиночество? Почему лишать их тихого и доброго между собой разговора, а не удерживать только от шумного и неблагопристойного? Я уповаю, что не сими стеснениями и ожесточениями, а устройством труда и соединением арестантов на общую молитву можно надеяться на исправление их нравственности...

Благодаря “святому” доктору была создана полицейская больница на 150 кроватей для бесприютных, которую москвичи окрестили “газовской”. Слава об этой больнице быстро распространилась, и народ потянулся в нее. Добрый Федор Петрович не мог отказать в приеме больным, и вскоре их количество стало вдвое больше. Вновь посыпались нескончаемые жалобы и доносы с обвинением в нарушении порядка, он же не желал ничего знать, кроме своих больных — босоногих бродяг и оборванцев, отмалчивался и не сокращал больных.

Выведенный из себя потоком этих жалоб, генерал-губернатор князь Щербатов вызвал строптивного доктора и, раздраженно упрекая его, потребовал сокращения числа больных до нормы. Федор Петрович, по-

никнув головой, молчал, но когда последовало категорическое приказание: не смей принимать новых больных, пока число их не окажется меньше 150, — вдруг тяжело опустился на колени и, ничего не говоря, горько заплакал. Князь Щербатов, увидев, что его требование превысило силы старика, растрогался сам и бросился его поднимать. Больше о больнице вопрос не поднимался до самой смерти ее основателя. Так доктор Гааз выплакал себе право неограниченного приема больных.

Как-то в морозную зимнюю ночь Федор Петрович торопливо шел по темному московскому переулку. Вдруг его грубо остановили несколько грабителей.

— Отдай, господин добрый, — угрожающе сказал один из них, хватаясь за старую волчью шубу, надетую, как всегда, внакидку.

— Но я слишком стар, без шубы в такой мороз могу простудиться и умереть, а у меня на руках много больных, притом бедных, и им нужна моя помощь.

В ответ раздалась только внушительные угрозы.

— Если вам так плохо, что вы пошли на такое дело, — смело заявил старичок, — то придите за шубой ко мне: я велю ее вам отдать или при-слать, если скажете — куда. И не бойтесь меня, я вас не выдам. Зовут меня доктором Гаазом и живу я в больнице, в Малом Казенном переулке... А теперь пустите меня, мне надо к больному...

— Батюшка, Федор Петрович!.. Да ты бы так и сказал, кто ты! Да кто ж тебя тронет! Да иди с Богом! Если позволишь, мы тебя проводим...

Этот случай в действительности произошел с любимцем всей Москвы — доктором Гаазом. Получив известие, что с одним бедняком случилась беда и ему нужна срочная помощь, Федор Петрович, не имея терпения дожидаться своего старого и медлительного кучера Егора и не встретив извозчика, пошел пешком. Ночное приключение потом рассказывали уже как анекдот и приписывали различным лицам.

“Я, кажется, уже неоднократно высказывал вам свою мысль, — писал Гааз своему воспитаннику Норшину, — что самый верный путь к счастью не в желании быть счастливым, а в том, чтобы делать других счастливыми. Для этого нужно внимать нуждам людей, заботиться о них, не бояться труда, помогая им советом и делом, словом, любить их, причем, чем чаще проявлять эту любовь, тем сильнее она будет становиться, подобно тому, как сила магнита сохраняется и увеличивается от того, что он непрерывно находится в действии...”

Сам доктор Гааз эти принципы осуществлял на практике ежедневно.

Раздавая все, что имел, Гааз никогда не просил материальной помощи для своих “несчастных”, но искренне радовался, когда ее оказывали. Зная это, его московские друзья и знакомые не давали ему своих пожертвований прямо в руки, а клали деньги в задний карман его неизменного фрака. Федор Петрович делал вид, что не замечает этого и добродушно улыбался. Однако в последнее время доктор стал рассеянным, поэтому деньги часто перестали доходить по назначению, ловкие и своекорыстные люди извлекали их из фрака. Тогда по общему молчаливому согласию Гаазу стали класть свертки со звонкими монетами, которые, оттягивая его карман и ударяя по ногам, напоминали о себе.

Его облезлые и дребезжащие старинные дрожки, престарелый кучер в неладно скроенном выцветшем кафтане, и две, обыкновенно разбитые на ноги, разношерстные лошади известны были всем москвичам. Седок и экипаж, упряжь и кучер, от которых веяло такой архаичностью, были для них чем-то родным, тесно связанным с тогдашней внутренней жизнью Москвы. Москвичи шутя утверждали, что доктору, кучеру и лошадям вместе 400 лет. Сколько ни старались знакомые “открыть глаза” Федору Петровичу на проделки Егора, который нещадно обирал его, он ничего не хотел видеть и слышать, и на протяжении 20 лет (до самой своей смерти) держал его при себе. Ни за что не желал доктор расстаться и со старой пролеткой, к которой привык, тем более, что она была очень вместительна, и он мог расположить не одну корзину с провизией для тех, кто шел по этапу. Расстояния по Москве приходилось преодолевать немалые, поэтому, проголодавшись, Гааз иногда останавливался у какой-нибудь пекарни, где покупал 4 калача: себе, кучеру и два лошадям.

Как-то почитатели Федора Петровича, желая облегчить ему разъезды по Москве, послали ему в подарок, при письме без подписи, карету и пару лошадей. Гааз же немедленно отправил этот подарок к известному в то время каретнику Мякишеву, прося купить все это, оценив “по совети”, и полученные деньги немедленно раздал бедным.

Одевался он чисто, но бедно, фрак был истертый, с неизбежным Владимиром в петлице; старые черные чулки, много раз заштопанные, пестрели дырочками. Одинокий, весь погруженный в заботу о других, он лично ничего не имел. Однажды, придя к Надежде Михайловне Еропкиной, приняв в кресле свою любимую позу и начав говорить о виденном им при отправке последней этапной партии, вынул из кармана какую-то ветхую тряпицу, служившую ему платком. Увидев это, Еропкина, обойдя его за спиной, достала из комода хороший батистовый платок и, молча взяв из руки старика тряпицу, взамен вложила платок. Федор Петрович, ласково улынувшись, продолжал свой рассказ. “Однако, — подумала Еропкина, — одного платка ему мало, он его потеряет или забудет где-нибудь.” И женщина достала еще одиннадцать, стараясь незаметно вложить в карман фрака, но Гааз почувствовал это, обернулся, достал все платки из кармана и, схватив Еропкину за руки, со слезами на глазах воскликнул:

— О! Спасибо, спасибо! Они такие несчастные!

Гааз не мог допустить, что это могла быть забота о нем, а не о заключенных.

Федор Петрович до самой смерти весь был проникнут деятельной любовью к людям, осуществлять которую в то время, при крайне развитой формалистике и подозрительности, оказывалось чрезвычайно трудно. Тем не менее общество, наконец, поняло и оценило этого “чудака”. “Когда в начале 50-х годов, — писал один из медиков, — я студентствовал в университете, нам, медикам, имя Гааза было не только известно, но мы искали случая взглянуть на эту знаменитую личность — и я хорошо помню его наружность, а также, главным образом, и то, что он уже и тогда был причислен к лику святых и таковым разумелся во всех слоях московского населения.”

В начале августа 1853 года Гааз заболел. У него выскочил громадный карбункул, и вскоре надежда на излечение была потеряна. «Несмотря на болезнь, благообразное старческое лицо его выражало по обыкновению доброту и приветливость, — вспоминала его современница Е.А. Драшусова. — Он не только не жаловался на страдания, но вообще ни слова не говорил ни о себе, ни о своей болезни, а беспрестанно занимался своими бедными, больными, заключенными, — делал распоряжения, как человек, который готовится в далекий путь, чтобы остающимся после него было как можно лучше. Он до конца остался верен себе, забывая себя для других. Он знал, что скоро умрет, и был невозмутимо спокоен; ни одна жалоба, ни одно стечение не вырвались из груди его; только раз сказал он своему другу, доктору Полю:

— Я не думал, чтобы человек мог вынести столько страданий.

Когда Федор Петрович почувствовал приближение смерти, он велел перенести себя в большую комнату своей скромной квартиры, открыть входные двери и допускать всех, знакомых и незнакомых, кто желал его видеть, проститься с ним и от него услышать слова утешения».

Весть о неизбежности смерти «святого» доктора подействовала удручающим образом на служащих при пересыльной тюрьме. Они обратились к своему священнику, отцу Орлову, с просьбой отслужить в их присутствии обедню о выздоровлении Федора Петровича. Не решаясь это исполнить ввиду того, что Гааз не был православным, отец Орлов отправился к митрополиту Филарету. Тот помолчал с минуту, потом поднял руку для благословения и сказал:

— Бог благословил молиться о всех живых — и я тебя благословляю! Когда надеешься ты быть у Федора Петровича с просвирой?

— В два часа...

— Отправляйся с Богом, мы с тобой увидимся у Федора Петровича...

16 августа 1853 года Ф.П. Гааз умер, похоронен он на католическом кладбище на Введенских горах. На похоронах присутствовало около 20 тысяч человек. Гроб несли на руках до самого кладбища. На гранитной плите золотыми буквами написано любимое изречение Гааза:

«Спешите делать добро!»

В СЕТЯХ

Способен ли компьютер выиграть войну?

Почему российские программисты считаются

Что такое "мировая паутина" и надо ли

Кто такие хакеры и крэкеры?

Сергей ЛИТВИНОВ

На эти и другие вопросы отвечает заместитель декана факультета Информационная безопасность Московского государственного инженерно-физического института (МИФИ), кандидат технических наук Александр ТОЛСТОЙ.

"Памперсы" и "персоналки"

— Скажите, Александр Иванович, сколько персональных компьютеров находится в семьях у россиян?

— Точной статистики, разумеется, нет, но судя по социологическим опросам — примерно один компьютер на две-три семьи. Очень мало!.. Хотя количество их растет быстрее, чем увеличивается число домашних ЭВМ у американцев.

— Там, видимо, все, кто хотел, компьютеры уже купили... Сколько "персоналок" сейчас в домах у американцев?

— На сто семей — примерно 80 компьютеров.

— Почему, несмотря на то, что у нас "персоналка" еще не стала предметом обихода, российские программисты считаются одними из лучших в мире? Может, у россиян как-то по-особому, по-компьютерному "повернуты" мозги?

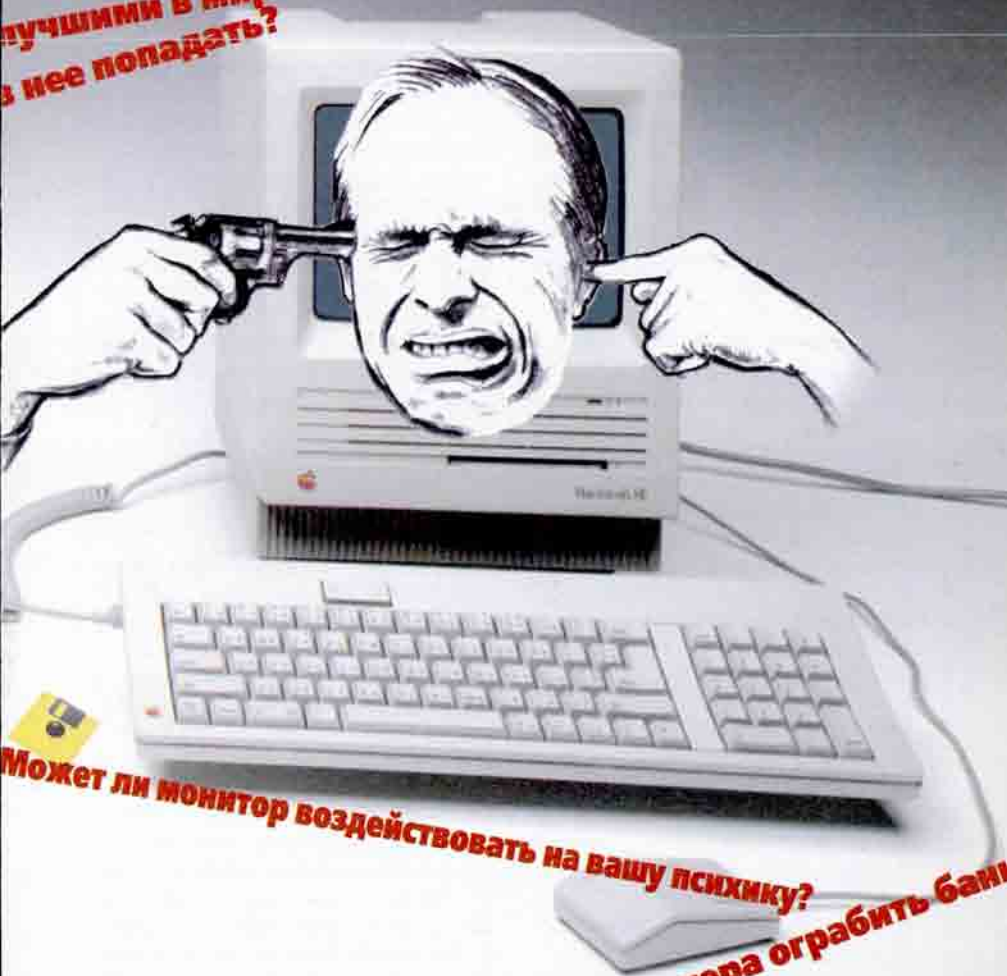
— Все дело, мне кажется, в прекрасной физико-математической подготовке, которую до недавних пор давала наша средняя школа. К тому же — высокий уровень школы высшей. Приплюсуйте материальный стимул: хороший программист зарабатывает очень прилично. Есть ради чего учиться и за что бороться бедному московскому аспиранту... Но превосходство наших программистов с каждым годом, я думаю, будет таять.

— Почему?

— Снижается общий уровень подготовки в школе (в том числе по физи-

КОМПЬЮТЕРА

лучшими в мире?
в нее попадать?

Может ли монитор воздействовать на вашу психику?
Можно ли с помощью компьютера ограбить банк?

не и математике). Все ниже, стало быть, оказывается средний уровень тех, кто поступает в вузы, а значит, все сложнее готовить из них классных специалистов. К тому же знакомство с компьютером надо начинать как можно раньше... А у нас даже в Москве редкая школа оснащена компьютерами, хотя бы устаревшими. Что уж говорить о поселке за Уралом!

— А сможет ли человек, впервые увидевший "персоналку" в институте, преодолеть отставание по сравнению с теми, кто возится с ними с детства?

— Если захочет — сможет. Для него не все еще потеряно; но у тех, кто рос рядом с компьютером, огромная фора.

— А с какого возраста можно подпускать ребенка к компьютеру?

— Впервые этим вопросом задались японцы и решили: чем раньше, тем лучше. Лет с трех-четырёх — на полчаса-сорок минут в день. Но, разумеется, не ради "мочилок-стрелялок", которые тренируют только гибкость пальчиков и реакцию, а для знакомства с обучающими программами по родному и иностранному языку, географии, биологии... Таких полезных игр для самого младшего возраста существует тысячи...

— А почему дети не испытывают перед "персоналками" никакого трепета, свободно лазают в любые программы, даже сами программы пишут, в то время как у многих взрослых перед компьютером наступает "ступор"?

— Потому что дети ничего не боятся испортить. И правильно делают. Пользователю сломать компьютер практически невозможно... И потом — ребенок открыт для получения информации. Он любопытен. Детям, вы знаете, легко даются языки: чем младше ребенок, тем ему легче. Так же и с компьютером.

— Как же тогда взрослому преодолеть психологический барьер, некий страх перед ЭВМ (а он, по-моему, есть у каждого) и все-таки заставить себя работать с "персоналкой"?

— Если человеку компьютер действительно нужен, он, несмотря на боязнь, овладеет им за неделю, максимум за две — настолько удобны нынешние программы. Разработчики стараются сделать их максимально комфортными для пользователя — с массой "инонок"-пинтограмм, подсказок... В то же время я знаю людей за сорок, считающих, что они прекрасно доживут свой век и без компьютера. Что ж, они имеют на это право. А вот тем, кому 30—35, каким бы видом интеллектуального труда они ни занимались, компьютер осваивать рано или поздно придется. Лучше — раньше...

"Мировая паутина"

Интернет — всемирная сеть ("паутина", как ее еще называют) из компьютеров, подключенных друг к другу (по телефонным линиям, радио-, оптоволоконным или сотовым сетям). Войдя в нее, вы можете побеседовать с другом (находящимся где-нибудь на другом берегу Атлантики), пролистать свежую газету, вышедшую в любой точке земного шара, посмотреть каталог Лувра... В Интернете насчитывается около 60 миллионов документов — узлов хранения информации: это книги, газеты, личные странички или клубы, где собираются "поболтать" друзья и знакомые... Количество информации, содержащейся в Интернете, по оценкам, уже превышает "запасы" всех библиотек мира.

В России Интернет пока используют очень мало. Всего около 50 тысяч российских пользователей подключено к Интернету (правда, пользовате-

лем может быть фирма, а внутри нее обращаются к мировой сети и пять, и двадцать человек). Но все равно, по самым радужным оценкам, не больше полумиллиона россиян "гуляют" в мировой компьютерной сети — это в десятки раз меньше, чем в Америке.

— Президент Клинтон поставил перед американской нацией (в числе других стратегических целей) задачу, чтобы каждый двенадцатилетний подросток овладел Интернетом. Как вы думаете, зачем?

— Интернет — совсем иное, новое качество получения и передачи информации. Это другой стиль и новый ритм жизни... С его помощью по-иному организуется работа, к примеру, журналиста или программиста, или писателя, или ученого... Ему не надо ходить на работу, ездить в библиотеки, рыться в архивах... Писатель сидит на глухом ранчо где-нибудь в Монтане, обращается в сеть за справками и информацией, а потом готовую работу отсылает, опять-таки через Интернет, в нью-йоркское издательство... Подобным образом в Штатах уже сегодня работают сотни тысяч человек... При помощи Интернета можно делать покупки: вы вызываете на дисплей каталог магазина, выбираете лодочный мотор или детские игрушки, связываетесь (опять-таки через "паутину") с продавцами, называете номер своей кредитной карточки, и вам доставляют товар на дом... Благодаря "паутине" можно учиться или повышать квалификацию (это особо актуально для нашей страны с ее расстояниями). Заочное образование в России еще недавно было хорошо отлажено и давало большой эффект: по почте ученику посылали задачи и вопросы, тот отвечал, переправлял решение преподавателю, получал замечания и рекомендации... А теперь представьте такую же систему — только диалог учителя с учеником идет без

посредства почты, в режиме реального времени...

— Когда наш Президент сможет поставить аналогичную задачу школьникам — овладеть Интернетом? Насколько мы отстаем от Америки?

— Навсегда. Пусть — в процентном отношении — количество компьютеров у нас растет быстрее, чем в США, но американцы не стоят на месте, они выбрасывают на рынок все новые модели (а старые "сплавляют" нем); у них уже миллионы школьников свободно "плавают" в Интернете — у нас он доступен только тем детям, кому обеспеченные родители приобрели мощный компьютер... Нам, в отличие от США, надо ставить другую задачу (которая, кстати, и была поставлена правительством, да как-то забылась, как многое другое, хорошее и нужное): оснастить каждую школу, неважно, где она находится, в столице ли, в глубинке, компьютерным классом и в каждую школу подготовить по-настоящему грамотного учителя информатики...

— Даже в московской школе, где учится мой сын, стоят древние "персоналки" отечественного производства...

— А что, если кликнуть клич через "Смену" — к предпринимателям, к фирмам, к более или менее состоятельным людям: "Господа, друзья, товарищи! Помогите школе! Парн компьютеров обновляется каждые два-три года, вы покупаете для своей фирмы что-то новое, а старые "персоналки" отдайте ребятам! Для ребенка компьютер сейчас, может быть, важнее, чем учебник!"

— Важнее, чем учебник? Вы не преувеличиваете?

— Нет! Сейчас подрастает поколение людей, которые будут жить совсем по-другому: с компьютером и с компьютерными сетями на "ты"... И чем

раньше — с молоком матери! — они начнут в них разбираться, тем естественней будет для них переход к этой "общеконпьютерной" цивилизации... Эти люди будут совсем иными...

— Для многих проблема — достать ребенку компьютер, а для тех, у кого он есть, забота — оттащить его от монитора. Ведь электромагнитное излучение, идущее от экрана, наверняка вредно — не случайно правила техники безопасности для взрослых ограничивают работу с "персоналкой" четыремя часами ежедневно...

— Почему многие болезни успешно лечат иглоукалыванием? Исследования, проведенные нашими радиофизиками, показали: иглока, применяемая при акупунктуре, — своего рода антенна, настроенная на определенную частоту. Когда эту иглолку используют, она опять-таки воздействует на организм неким полем: ограниченным, точечным... А от монитора идет массирующее, "густое" излучение... И ученые еще сами не знают, как оно отзовется в нас... Нет таких исследований — насколько изменился организм человека, проводящего у монитора по несколько часов ежедневно в течение десятилетия. Пока не ясно, как постоянная "жизнь с компьютером" меняет умственные, сексуальные, физические кондиции человека... Боюсь, что если меняет — не в лучшую сторону...

— Стало быть, компьютерная цивилизация несет с собой не только большой комфорт и улучшение качества жизни, но и опасности — сейчас еще, быть может, не до конца осознанные?

— Да, так же, как автомобили принесли вместе с удобствами и новым качеством жизни автокатастрофы и загрязнение окружающей среды...

— Мы все время говорим об Интернете — но это иностранное изобретение, англоязычная система... Может быть, нам стоит построить на-

кой-нибудь свой "Руснет" и пользоваться им?

— А у нас, в России, Интернет и является почти замкнутым. Россиянин говорит с россиянином внутри страны, и говорит по-русски... У нас всего несколько информационных "стволов", по которым можно общаться с "западниками".

— Говорят, что Интернет, помогая ученому решить сложную задачу, а врачу — вылечить тяжелого больного, сам способен вызывать болезни...

— Интернет не только владеет информацией, но и своего рода "мусорная корзина", потому что, наряду с ценными сведениями, там содержится столь много данных, сколько ни одному человеку не нужно. Более того, там есть много вредной информации — например, порнография. Но человек так устроен, что он — это главное свойство его природы! — любопытен. Ему нравится поглощать информацию. Любую информацию! И когда он подключается к Интернету, ему интересно: а что на той электронной страничке? А что — на следующей? А на каждой содержится ссылки на другие странички... И человек начинает в огромном количестве потреблять ту информацию, что ему совершенно не нужна. Это — как наркотик. Сейчас появилось множество людей, которые "плавают" в Интернете ради самого "плаванья". Интернет ничего не дает им для профессионального роста, такая "работа" не приносит никакой пользы обществу... А мозг человека грузится и грузится ничемной информацией... И уже появились публикации о том, что человек от такого компьютерного общения "сдвигается" психически...

— Вы знаете, я опасаясь подключаться к Интернету потому, что после этого "всемирная паутина" как бы заползет ко мне в дом. Любой умелец при желании сможет залезть в

мои файлы, прочитать мои статьи... Я не хочу, чтобы кто-то рылся в моих бумагах...

— Помните анекдот про "ковбоя — неуловимого Джо": почему он "неуловимый"? Да просто потому, что никому не нужен... Так и рядовой пользователь — филолог, домохозяйка, математик — никому не нужен... А вот теперь представьте: человек общается с Интернетом и в качестве ключевых слов для поиска нужной ему информации регулярно задает, допустим, такие: "химическое оружие" или, скажем, "характеристики боевых самолетов" — вот такой человек может представлять для кого-то интерес. Вот к нему, отследив его регулярные обращения, в компьютер можно залезть, поискать там важную информацию... Или если кто-то, блуждая по сети, натывается на защиту, на какой-то барьер — значит, там, за защитой, что-то интересное? Значит, если пароль взломать, узнаешь что-то необычное, запретное?.. И появляется спортивный интерес: взять барьер, сломать защиту...

"Медвежатник" с компьютером

— Людей, которые вскрывают компьютерную защиту, взламывают пароли, называют "ханерами". Кто они, просто хулиганы, только вооруженные компьютером?

— Ханер — полезный человек. Он вскрывает пароли из спортивного интереса, как бы доказывая самому себе (а потом и своим друзьям-ханерам): вот на что я способен. Тем самым он заставляет разработчиков эту самую защиту совершенствовать... Ханеры — люди очень и очень знающие, это системные программисты высочайшей квалификации. При разработке новой системы защиты их зачастую приглашают

ее "опробовать"... Тем не менее по новым российским законам (которые согласуются с законами многих стран) действия ханеров — запрещены и наказуемы.

— ...Как раньше звали "медвежатников" испытывать сейфы? Как же современных "медвежатников" с компьютерами находят?

— А они и не скрываются. Их всех знают! Они издают свои журналы... В Америке есть Сообщество ханеров... В Интернете у них целые страницы, там публикуются программы взлома... Причем ханеры — обычно люди самолюбивые. Он что-то взламывает — и тут же торопится объявить на весь свет: посмотрите, какой я молодец!.. А разработчики защиты читают это, узнают о "дырах" в своей системе и принимают их заделывать... В 1996 году ЦРУ пригласило восемь наиболее известных ханеров: перед ними поставили задачу взломать систему управления боевым оружием, в которую было включено два миллиона компьютеров. За неделю эти восемь человек взломали 88 процентов системы.

— А кто занимается "ханерством"? Обиженные на мир молодые неудачники?

— Все нет. Ханеры — сильные системные программисты, которые таким вот образом подтверждают и отстаивают свою квалификацию.

— Ваш институт готовит ханеров?

— Их никто и нигде не готовит. И только за время учебы в институте "научиться на ханера" невозможно. Снажу так: высокий уровень образования в МИФИ способствует тому, что из стен института выходят потенциальные ханеры.

— Такое ощущение, что вы к ханерам относитесь с симпатией... Но ведь они воруют информацию, деньги, посылают на чужие компьютеры вирусы!..

— Нет-нет, этим занимаются не хакеры! Для хакера интересен сам процесс: взломаю систему — не взломаю. Он ничего не портит и не крадет. Он — человек, в общем-то, безобидный...

— А кто — "обидный"?

— Их называют "кранкерами": от английского слова "кранк" — "кража со взломом". Вот им важна выгода — взломать, чтобы украсть и перепродать информацию, стянуть со счета в банке деньги, заразить компьютер конкурента вирусом...

Взломы сетей с корыстными и "бескорыстными" целями даже в России исчисляются тысячами в год. Известен случай, когда в одном московском издательстве в один прекрасный день на месте файлов с научно-технической документацией оказались нартинки "только для взрослых".

Сотни раз "кранкеры" пытались проникнуть в компьютерные сети Центробанка. Один крупный отечественный банк был ограблен с помощью "электронной отмычки" на весьма солидную сумму. Всего, по некоторым данным, в России выявляется оноло двухсот—трехсот электронных хищений ежегодно.

Что уж говорить о Западе, где компьютеров куда больше, а компьютерные сети — неизмеримо "ветвистее"! "Классикой" хакерства, вошедшей в учебники, были взломы интернетовских страничек ЦРУ (заглавную шапку этого ведомства они переделали на "Центральное Управление Глупости") и Министерства юстиции (переделанное в "Министерство Беззакония").

"Пентагоновцы" признают, что 65 процентов их компьютеров уязвимы для проникновения.

В Швеции по телевидению прошла передача, где хакеры на глазах, что называется, у изумленной публики взламывали банковскую систему и списывали деньги со счетов клиентов...

В прошлом году потери банков США от электронных хищений составили оноло 60 миллиардов долларов. Эти потери в Америке растут с наждым годом примерно на 10 миллиардов долларов.

— Сколько нужно средств — денег, времени, компьютеров — чтобы взломать самую совершенную систему защиты?

— Нужна — самое главное — голова. А совершенную систему защиты создать невозможно... И в связке "человек-машина" самым уязвимым звеном является человек. Компьютер нельзя подкупить, подпоить, соблазнить... Его, в конце концов, можно выключить! (Многие фирмы, дорожащие своей информацией, просто не подключаются к Интернету.) В Америке в восьми из наждых десяти успешных случаев электронных ограблений банков был сообщник внутри самого банка... Одно из самых успешных ограблений крупного российского банка обнаружилось потому, что один из его сотрудников исчез. Его не могут найти до сих пор. Может быть, он благоденствует где-то в теплых странах, но скорее всего, его просто убрали после успешного завершения операции...

— Один или с сообщниками действовал знаменитый петербургский кранкер Левин, который "взял" крупнейший американский Сити-банк?

— Никто ничего не знает. Никто ничего не сумел доказать... Здесь еще одна проблема — компьютерные преступления есть, и их будет все больше и больше, это ясно. Но для того, чтобы раскрывать компьютерные преступления, нужны следователи, сами разбирающиеся в ЭВМ и в сетях на уровне хакеров; чтобы судебный процесс был полноценным, необходимы компьютерно подготовленные судьи, прокуроры, адвокаты... В будущем году таких специалистов начнет готовить МИФИ...

— Однако я знаю, что если кто-то вдруг намеренно заразил чужой компьютер вирусом, он может отвечать по уголовной статье...

— Это так, но я пока о подобных процессах не слышал...

— А что вообще это такое — компьютерный вирус?

— Это программа — может быть, длинная, может быть, короткая, — которая воздействует на компьютер. Она может модифицировать или уничтожать ваши программы или файлы, может "дремать" до поры и включаться в какой-то "час инс" или же при выполнении вами определенной команды, может даже размножаться самостоятельно... Есть вирусы — невинные шутки, типа такого: в пятницу, 13-го, в 13 часов 13 минут он останавливает ваш компьютер и поздравляет "с Новым Годом". А есть далеко не шуточные, воздействующие на механическую часть компьютера и полностью выводющие его из строя... Говорят, что сейчас создаются вирусы нового поколения, которые через монитор психологически воздействуют на пользователя...

— Как это?

— Вы, наверно, знаете об исследованиях с пресловутым "25-м кадром". В обычной кинолентке проходит 24 кадра ежесекундно. Если подмонтировать к каждой секунде 25-й кадр, в котором зрителей будет убеждать пить лимонад — никто этого кадра не заметит, но после сеанса все ощутят непреодолимую жажду и бросятся в буфет пить лимонад — причем именно той фирмы, чье название мелькало в 25-м кадре... Во многих странах, в том числе и в России, такая реклама (или любое другое подобное воздействие) на подсознание человека запрещено законом... А если — "на войне, как на войне" — подобный вирус запускает вероятный противник? И после дежурства за таким "отравленным"

монитором офицер нажимает красную кнопку? Или отказывается ее нажимать?..

Компьютер-то засланный...

Во время войны в Персидском заливе ЭВМ, управляющая иранскими ПВО, вышла из строя. Причина проста: компьютер был американским, и поставщики заложили в него такую программу, которая в нужный момент по команде извне вывела его из строя.

— Может ли что-то подобное случиться у нас?..

— Я считаю, что на определенном этапе мы "информационную войну" уже проиграли. Сейчас нет методов (кроме полной разборки и последующей сборки компьютера), чтобы определить, не заложено ли в нем что-нибудь. Кроме того, машины поступают к нам с уже встроенным программным обеспечением. Специалисты давно обратили внимание: одна и та же операционная система на одних компьютерах длиннее, на других — короче. Что за этим стоит? Совершенствование самой операционной системы? Или в программном обеспечении что-то заложено? Проверить это почти невозможно...

— Значит, в некий "час инс" все наши самые важные компьютеры могут "зависнуть" или начать "качать" информацию врагу?

— Компьютеры, идущие на самые важные участки, полностью перебираются; кроме того, тестируется их программное обеспечение и они дорабатываются — защищаются от утечки информации по элентромагнитным каналам... Уже сейчас в шлюсном арсенале есть средства, которые позволяют настроиться на расстоянии до нескольких сот метров на один нужный компьютер из десятков в строго

охраняемом здании и считывать с его экрана всю информацию... Переборка, проверка и защита компьютера стоят значительно больше, чем сам компьютер...

— Не легче ли все-таки создать свою компьютерную индустрию?

— Не легче. Для того, чтобы делать современные компьютеры, нужны новейшие технологии. Чтобы изготовить, например, современную "персоналку" с тактовой частотой 200 мегагерц, надо иметь технологию обработки кремния на уровне 0,3 микрона. У нас такой технологии нет и никогда не было.

— Может, дешевле ее, такую технологию, купить?

— Нам ее никто не продаст! Существуют, во-первых, жесткие ограничения на продажу таких технологий; во-вторых, никто не хочет, чтобы в России появились конкуренты, производящие современные компьютеры. Западные фирмы понимают, что компьютерный рынок нашей страны — бездонная бочка. Сколько ни бросай сюда компьютеров — пусть старых, допотопных — все будет мало. И они, эти фирмы, приложат максимум усилий, чтобы этот рынок не закрылся. Лет семь назад они, переходя на "386-е" компьютеры, сваливали нам свои нереализованные "286-е". Точно так же поступают и сейчас...

Буду вечно молодым?

— Компьютеры стареют так быстро, как, наверное, не стареет ни один из приборов... Как обновлять свою "персоналку" и при этом тратить по возможности меньше денег?

— В более или менее современных машинах, (начиная с "Пентиума-100"), заложены возможности улучшать их, тратя не так много денег.

— А если у меня "386-й"?

— Покупайте, если средства позволяют, новый. А этот подарите ближайшей школе.

Автор благодарит за помощь в подготовке материала декана факультета "Информационная безопасность" МИФИ Анатолия Александровича Мялюка и доцента кафедры "Информационная безопасность" МИФИ Наталью Георгиевну Милославскую.

ОТ РЕДАКЦИИ

Если у вас есть вопросы, связанные с любыми аспектами применения компьютеров, — пишите в "Смену". Мы передадим ваши письма специалистам — они готовы дать вам исчерпывающие ответы на страницах журнала. Напишите нам: как вы считаете, нужно ли сделать рубрику, посвященную компьютерам, постоянной? ■

**Ярко, точно, откровенно
обо всем — в журнале "Смена".**

**Оформляй скорее подписку —
для себя, друзей и близких!**

Индексы журнала:

70820 — для индивидуальных подписчиков.

Цена **11 руб. 50 коп.** за один номер, **34 руб. 50 коп.** — за три, полугодовая подписка — **69 рублей** (по каталогу "Распечати" без стоимости доставки).

72516 — льготная подписка для библиотек, в том числе и библиотек школ, техникумов, ПТУ, институтов, воинских частей, детских домов и т.п.

Цена **10 руб.** за один номер, **30 руб.** — за три, полугодовая подписка — **60 рублей** (без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Дана с собачкой

— Ну ты смотри, что пишут!.. Совести нет у людей: “Аборты до 23-х недель”! Это ж живое дите... Уже шевелится, с ручками-ножками...

— Да ладно тебе... Сколько всего-то носят?

— Сорок недель! Безграмотная!.. Тьфу, фашисты и наркоманы...

Марья Васильевна — ромбовидная, с квадратными грудями и бульдожьим загривком, словно втиснутая изуверской рукой в оковы халата (замасленного вызова стиральным порошкам из наглой рекламы), допивала свой обеденный чай в подсобке сельского продмага вместе с молодой столбообразной напарницей Нелькой. Колбаса, глазированные сырки, печенье и опустошенная, но крепко разящая застоявшимся интимным запахом банка шпротного паштета были разложены на газете бесплатных объявлений. На половине Марья Васильевна — объявления медицинского содержания, на Нелькиной — “Куплю”, “Сниму” и “Разное”.

— Давай про знакомства! — Нелька, запрокинув голову, впахнула в рот рассыпающееся печенье и, заработав твердокаменным лицом с недвижимыми глазами, потрясла над чашкой мясистыми пальцами с облезлым маникюром.

— Ничего про знакомства нет... Все про алкоголиков... — отрезала Марья Васильевна. — Вот, увеличине бюста! Это для нас... — Она хмыкнула и со слоновьим кокетством повела саженью плеч, на что распятый по ней халат моляще хрустнул всеми своими истрадавшимися швами. — Выпадение волос не интересует?.. Тэ-эк... Половые инфек-

ции. Ох ты, Господи, названия! В честные времена разве таким болели? Тьфу! — Марья Васильевна махом допила чай из кружки с надписью “Гоша” и вдруг, уперв взгляд в газету, мелко затряслась, а ее расплывшееся лицо залила краска. — Лечение в барокамере, в кислородной среде... Это что ж в камере-то, в среде лечат... — Натужные хрипы покалывали сочные формы продавщицы.

Нелька растянула узкие губы в едва угадываемую щель:

— Чушь какая-то и обман народа... Ты посмотри, что у них в “Разном”! “Куплю бивень мамонта”...

— А моржа тебе не нужно? — В дверях подсобки грозно стоял тощий маленький мужик в черном халате. Казалось, все его тело сглодала неистребимая природная свирепость, от которой ему не было покоя ни днем, ни ночью.

— Сидят... — Мужик в неистовом порыве растопырил руки, приставив их к бокам. — Рыбы там три лотка, машина с молоком, и овощей навалили...

— Да не верещи, идем... Обед у нас... — Марья Васильевна тяжело встала и заковыляла с чашкой к крану. Впрочем, казалось, что она так и передвигается по заваленной тарой и бутылками подсобке на табурете, не увеличившись в росте ни на сантиметр. Раздутые многолетним топтанием за прилавком ноги были так коротки и бесформенны, что выглядели прилипанными к телу сырыми тефтелями, на которых, впрочем, Марья Васильевна передвигалась довольно бойко.

— Ты бы, Иваныч, чем орать тут, Гришане помог. Мы, что ль, с Васильевой бидоны таскать будем... — Нелька с апломбом тряхнула перетравленными кудряшками и достала из кармана сигареты. Яростный Иваныч молча (что было признаком полнейшего исступления) метнулся из подсобки во двор магазина, где натужно завывал грузовик, слышались ляг и хлопки.

Вдруг дверной проем загородила исполинская фигура. Она медленно переступила порог и с грохотом поставила на пол здоровенный алюминиевый бидон. В таких до сих пор развозят в селах настоящее молоко с ферм.

— Ку-ку-к-к-ку-да? — с трудом выдавливал звуки великан.

— Давай, Гришаня, сразу в зал, — засуетилась Марья Васильевна. — Парочку мне под прилавок поставь, остальное пока тут... Много навезли?

— Ка-ка-ка-жись, п-п-п...

— Ну хорошо, — перебила его Марья Васильевна. — Пять быстро зайдется...

Она распахнула обитые жестью двери в маленький зальчик сельпо, где было всего два, впрочем, универсальных прилавка. Первый, Марья Васильевна, молочно-мясо-колбасный. Второй — Нелькин, винно-кондитерско-овощной. Великан, без особых усилий подхватив бидон, покорно пошел за Марьей Васильевой, устремившейся шаровой молнией на рабочее место, прочно занятое ею лет двадцать назад.

Грузчик Гришаня — безвозрастный детина силы невероятной, был абсолютно беззлобным и управляемым дурачком. С детства мать его — женщина хозяйственная, рассудительная и, как водится, не-

счастливая, держала в строгости и почтении к старшим: к тупым врачам, жестоким учителям, пьяным совхозным начальникам. Всякий раз, вытянув шею и накривив голову крупным горбатым носом, Гришаня напряженно вглядывался грустными инопланетными глазами цвета сумеречного поднебесья в лицо говорящего, вслушивался оттопыренными, медленно багровеющими ушами в какофонию словесных скороговорок, но быстро уставал и, не поняв, что же хотят от него люди, уходил прочь... Боли физической Гришаня тоже не чувствовал. Мальчишки на спор кололи его в спину булавками — Гришаня не оборачивался. Лишь однажды дурачка всерьез попытались разозлить. Как-то, гоняясь за ним по улице и улюлюкая, они начали кидаться камушками. Один угодил растерявшемуся Гришане в глаз. Это оказалось так неприятно, что он взревел, закрыв лицо исполинскими ладонями. В ответ раздался дружный мальчишечий хохот. Гришаня отнял ладони, и размноженные слезами недоуменные глаза его впервые взорвались яростью. Он бросился на обидчиков, настиг одного и опустил карающий кулак на злую беспечную голову. Беда в том, что обидчик оказался сыном одного из поселковых начальников, и матери дурачка пришлось замалывать проступок сына домашним салом и покушной водкой.

С тех пор к Гришане никто не приставал. Несколько лет он провел в самодостаточном одиночестве, пока мать не устроила его в местный магазинчик грузчиком. Молчаливый исполнительный богатырь был создан для этой работы, которая давала лишний кусок в дом, а главное, все больше нравилась ему. Гришаня вдруг понял, что может вызывать в людях не только раздражение или брезгливость, но и совсем иные чувства. Например, благодарность, доверие... Только за это он готов был ворожать мешки и таскать ящики. На безотказного Гришаню ленивый магазинный народец навалил едва ли не всю работу. Мужики хитро, по-свойски хлопали его по плечу и... просили разгрузить машину с картошкой. Гришаня рьяно брался за работу, а его "коллеги" могли часок-другой позабывать козла, пропустить граммулечку или просто вздремнуть на припеке.

И все бы шло своим мирным чередом, если б не одна проблема. Гришаня взрослел... Неясное "что-то" томило его, и было это связано с неожиданным открытием непознаваемого параллельного мира — женского. Увидев в торговом зале "существо" — ярко-леденцовое, налакированное взглядами, источающее приторный зов, Гришаня ронял бидоны и лотки с яйцами. Он столбенел, ужасался и испытывал то, что ночами прорывалось в его больном крике: "а-шы-а-а..." "Существа" пугались Гришани, ни одна не позволяла ему приблизиться к себе, впрочем, и он старался обходить за версту "мучительш" — молодых и вызывающих... Но вдруг одна из них появилась за прилавком магазина. Сонечка, племянница Марьи Васильевны, устроилась в бакалейный отдел продавщицей. Это был классический вариант "существа"! Персиковые щеки, грудки и икры, пепельные локоны до глубокой выемки в спине, за которой в разлетающиеся складки юбки был помещен воздушный шар: тронь — лопнет... Но "существо" оказалось совсем не заносчивым. Гри-

шанины пронзительные взгляды лишь веселили Сонечку — она встряхивала пеной кудряшек и умопомрачительно складывала губки розанчиком. Словом, дикий Гришаня был приручен ею мгновенно и навсегда. Он настолько осмелел, что мог, подойдя к Сонечке вплотную, промывать, протягивая огромную коробку с нерасфасованной карамелью: “ко-он-ф-ф-фет-т-ты та-а-ммы”...

Впрочем, идиллия длилась считанные дни. В одно не прекрасное утро Гришаня сгружал в подсобку мешки с молодой капустой и вдруг увидел стоящую посреди магазинного хлама Сонечку с задранным до апельсинного шара халатиком. “Существо” рассеянно подтягивало колготки, пустившие по правому бедру легкую затяжку. Появление дурачка ничуть не смутило юную искуственную, продолжавшую тянуть от циколотки к коленке золотистую паутинку. Гришаня выронил мешок, из которого с хрустом выкатились сочные качаны, и рухнул перед Сонечкой на колени. Она успела отряхнуть юбку вниз, но тут же потеряла равновесие и преобльно шлепнулась на грязный бетонный пол. Гришаня мертвым кольцом обхватил ее колени и навис над позеленевшей “мучительшей”, вращая безумными, вмиг ослепшими глазами: “ашшшшшш-а-а...”

Сонечка, конечно, заверещала, сбежался магазинный люд. Но чтоб освободить невольницу из раблезианских объятий, пришлось применить силу. Марья Васильевна треснула страстного Гришаню по голове трехкилограммовой железной банкой с атлантической селедкой. К Гришане вернулось сознание, и он потерял Сонечку... Зареванное “существо” увели от греха подальше, а на дурачка долго кричали, трясли перед лицом кулаками и брызгали слюной, напоследок втоптав в лужицу под крапом носовой платок в горошек, которым Гришаня повязывал голову, наверхивая шутовские узелки-бубенчики с четырех углов. Больше других усердствовал водитель Пашка-малина, прозванный так за безмерную, всегда взаимную любовь ко всем встречаемым им женщинам. Их подкупала его приторная круглая рожа и, конечно, молодость. Он сказал самые страшные для Гришани слова: “Дегенератов надо держать в инкубаторе, а не в магазине. Скоро никто к нему и близко не подойдет. Гнать пора дурака отсюда!”

“Гнать-гнать-гнать...” — отозвалось в Гришаниной гудящей голове, и вдруг давно забытая волна отчаяния залила горло, хлынула потоком трубных звуков. Рев Гришани наполнил происходящее каким-то диким первобытным смыслом. Потом зазвенела тишина, и Гришаня, закрывшись от мира ладонями, упал на пол, в зелень растрескавшихся головешек...

Злобный кладовщик Иваныч по-отечески напоил Гришаню водкой и уложил спать на мешки с мукой, провонявшие терпким мышинным духом...

...Происшедшее быстро забылось. Сонечка уволилась из магазина и устроилась на почту. Пару раз Гришаня видел, возвращаясь неспешно с работы домой, как в сиреновом палисаднике Пашка-малина мял Сонечкино мармеладное тело, но равнодушно проходил мимо — вход в параллельный мир был для него закрыт...

А потом налетела беспрсветная осень с ее земляными хлопотами. Затем сытая зима с рождественским окороком и холодцом из очередного парного Борьки. Неизменной оставалась работа-работа-работа... Да еще материнский кашель со скрипучей кушетки, из-под вытертого сиденья одеяльца с бескрылым лебедем посередке... И треск смолистого полена за печной заслонкой, до которой только Гришаня мог дотронуться открытой рукой. Он часами колдовал в огненном зеве черной кочергой, и, наливаясь жаром, казался древним шаманом, свершающим свой загадочный ритуал...

Но вот треснувший настил окоченевшей земли смели потоки весеннего света, и можно было, копаясь под кронами сада, снять въевшуюся в лоб шапку, скинуть жаркие рукавицы, и, запрокинув голову, задержав, схватить, вобрать в себя на миг стремительно летящую небесную вязь, в которую печные думы вылетали свой легкий серый узор... В один из таких прозрачных светлых дней Гришанин день рождения. О наступлении его дурачок узнавал по сладкому запаху пампушек — маленьких крутых шариков из теста, посыпанных сахаром, которые мать успевала замесить еще засветло, а к Гришаниному уходу на работу ставила к чаю целое блюдо и целовала Гришаню в макушку, говорила ласково: “кушай, детка, кушай”, и клала в кармашек его свежей рубашки хрустящую бумажку: “у Марии конфет попроси”. Гришаня к вечеру приносил пакетик “Коровок”, которые вязли на зубах и неспешно таяли, пощипывая, на языке...

В тот день, когда Марья Васильевна с Нелькой штудировали газету объявлений, Гришаня шел на работу, думая о вечерних своих конфетах и о матери, которая вдруг расплакалась, провожая его, а потом, закашлявшись, вбежала в дом и хлопнула дверь. Он не задавался вопросами — а что есть мать в его жизни, любит ли он ее, и как сильно любит?.. Просто знал, что есть МАТЬ, которая была и будет всегда, как небо и облака, как хруст тонкой наледи под ногой и вспыхивающее чирканье вертлявых воробьев. А что еще, что еще будет в его жизни?.. Разве может дурачок Гришаня загадывать? Мудрая природа наделила его единственным, самым щедрым из своих даров — умением жить сегодняшним днем...

День проходил размеренно и тихо. Выгрузив молоко, Гришаня сел попить чайку с Иванычем в подсобке. Тот, по обыкновению, ярился.

— Я ей говорю — если ты со своими лохматыми вырожденками еще раз сюда сунешься — зашибу!.. Но она ж чего понимает?.. Дура набитая...

— Ладно тебе, по сто раз одно и то же, — в подсобку вошла Марья Васильевна.

— Не влезай! — взвизгнул Иваныч. — Надо ж человека в курс дела ввести. Короче, появится эта Дана — с серой лохматой сукой — гони ее в шею...

— Что, Иваныч, по новому кругу завел? — В дверях показался Пашка-малина с налитыми розовыми глазами. — Я только не пойму, что там случилось.

— Да Иванычу лишь бы vareжку поразевать, а толком ничего сказать не умеет, — встряла Нелька, которой скучно стало в пустом торго-

вом зале. — Дурочку знаешь? — спросила она у Пашки, затянувшись сигаретой.

— Да у нас в поселке куда ни плюнь — на дурака попадешь, — съязвил Пашка.

— Ну, не совсем она того... Просто странная.

— Мать ее учительницей была — а сама с бо-ольшим приветом. — Марья Васильевна, конечно, не могла не поделиться своей осведомленностью. — Она ж девку от какого-то алкаша родила, он вообще пропал куда-то, а ребенка как картину назвала — Даная!.. Это ж надо придумать, чуд-дила... — Марья Васильевна обвела присутствующих презрительным взглядом, поняв, что требуются пояснения: — Ну, баба там голая с ручкой... тьфу!

— А-а, это которую маньяк облил чем-то, — вспомнил Пашка. Он, кроме девок и водки, признавал еще телевизор. Преимущественно футбол и новости, из которых самые необычные все же застревали в его изредка трезвой голове.

— Да знаю я эту Дану! Толстая такая, все лыбится и собаку за собой таскает...

— Так а я про что! — взорвался Иваныч. — Собака у нее родит по два раза в году, а она щеночков подбрасывать ходит! Утром смотрю — стоит, подпирает дверь, чуть ящиком ее не зашиб. Здрасьти-мордастьи! Возьмите щеночка, в магазине у вас не подойдет — и двоих вытаскивает. Я чуть ящиком ее не окочурил. Псарня, а не магазин — сколько приبلудных по двору мотается...

— Да и потом, кошка бы — другое дело, — рассудительно заметила Марья Васильевна. — Как спокойно с Муськой было. Вот охотница! Крыс поперек себя шире таскала... Сволочь какая-то прибила ее, помнишь, Нель, прошлым летом?

— Помню, конечно, — потянулась Нелька и загасила окурок. — Давно известно: хуже человека зверя нет!

— Эт-то точно, — хмыкнул Пашка, с тоской почесал шею и вышел во двор.

Гришаня понял лишь, что речь шла о собаках, которых все почему-то невзлюбили. Выйдя из подсобки на гудки подъехавшей машины, он увидел жмущуюся к облезлой магазинной стене сутулую коренастую женщину, закутанную в серый старческий платок. Женщина что-то прижимала к груди, а у ног ее сидела маленькая серая дворняга, строго и настороженно поводя лохматой головой.

— Здравствуйте! — Голос женщины оказался детским — звонким и доверчивым.

Гришаня молча, с любопытством приблизился к странной незнакомке и уперся своим нездешним взглядом в ее лицо. Он подошел так близко, что чувствовал ее дыхание и тепло разгоряченного закутанного лица. Нет, это было не "существо" в привычном Гришанином понимании. Конечно, совсем молодая, но... совсем некрасивая: на широком рябом лице — распахнутая глуповатая улыбка, обнажающая редкие зубы, едва проклюнувшиеся из обнаженных десен. Глаза малюсенькие, лучистые. Наверное, это их огнем выжжены ее ресницы и брови. Она совсем

не испугалась Гришани, не отстранилась на безопасное расстояние от дурачка, а вынула из-за пазухи, обдающей Гришаню пряным уютом, маленький пушистый комок.

— Вам не нужен щеночек?

Комок шевелился и пищал, показывая недовольную беспомощную мордашку. Гришане приятно и смешно было смотреть на живой плюшевый шар. Лохматая сука, насторожившаяся у девичьих ног, тянула морду к родному существу, поскуливая и крутя совсем по-женски задом. Из подсобки стремительно вылетел Иваныч. Ветер вздыбил куцые хохолки на его мосластой макушке, отчего свирепый мужичок казался оцетинившимся “кабысдохом”, который вот-вот облетает чужаков, оказавшихся на его территории. Увидев Дану, Иваныч замер, а потом начал что-то остервенело выкрикивать, замахнувшись рукой. Вдруг он вприпрыжку приблизился к Данае, с лица которой, кажется, ничто не могло содрать юродивой улыбки, и неожиданно спокойно спросил:

— Собачку пристроить, да? Ну, давай свою собачку, давай... — Он деловито взял писклявый комок из девичьих рук и, резко обернувшись, крикнул:

— Барс, Барс, на-а-ка, куси, куси!... Взять, взять!

И вдруг из-под кучи ящиков, сваленных вперемешку с прелой соломой посреди двора, вылез старый, облезлый, но огромный и ничуть не уступающий в свирепости самому Иванычу кобель, который из-за глухоты и потери обоняния все чаще прозевывал непрошенных гостей, заглядывающих на магазинный двор. Иваныч шваркнул перед ощерившимся кобелем щенка, и... кажется, миг Барс растерзает маленького возмутителя спокойствия. Но лохматая сука в ту же секунду повисла на паршивом боку, не раздумывая вступив в неравный бой. Барс сразу же повалил тщедушную собачонку и вцепился в серый загривок, пытаясь разорвать кожаный ремешок, попадающий на его стесанные, но все еще грозные клыки. Дана подбежала к застывшему на земле от ужаса и холода серому комку, схватила его и вдруг завалилась, пронзительно крикнув “Фимка!”, в талую грязь, припорошенную последним мартовским снегом. Гришаня смотрел на нее, ставшее ужасным, с пустыми огромными глазами лицо, на осевшую, будто мертвую фигуру, и ему стало страшно. Он хотел закрыть ладонями, оглохнуть, не быть в этом мире, если тот сейчас же, сию минуту не перевернется, не приведет все в прежний порядок, по которому должны существовать улыбающаяся Гришане Дана и вертящаяся у ее ног маленькая собачка. Но проходила вечность, исчисляемая долей мгновения, и тогда Гришаня, словно отчаявшись чего-то ждать, кинулся к страшному визжащему клубку, оставляющему на бело-сером дворе неестественно яркие красные пятна, и бил, бил что есть силы кулаком по лобастой, с прижатыми ушами, рыжей голове, под которой трепыхался мокрый серый ком. Барс, словно подавившись, разжал пасть и откинулся в страшном оскале. Новым ударом Гришаня отбросил рыжего прочь от замершей окровавленной суки.

— Фимка, ну Фимка-Фимка-Фимка, — очумело, скороговоркой, едва слышно звала ее Дана...

Двор заполнился людьми, сбежавшимися изо всех магазинных щелей. Тупо и безмолвно они смотрели на плачущую Дану и ее умирающую собачку... Гришаня тоже смотрел. Вдруг он склонился над вздрагивающей Фимкой и осторожно, легко взял ее на руки. Собачка утонула в его огромных ладонях. Гришаня подошел к обезумевшей бормочущей Данае. Она, бессмысленно взглянув на дурачка, неуклюже поднялась, зарыла поглубже за пазуху мерно сопящий серый комок и, не глядя на страшную Гришанину ношу, сутуло поковыляла со двора. За ней последовал дурачок. Они молча шли по раскисшей грязной дороге к Даниному дому. Один раз Дана, поворачивая к Гришане расплывшееся, без черт лицо, тихо и отчаянно спросила:

— Вы любите собак, да?..

И Гришаня ответил громко, на всю промозглую весеннюю улицу:

— Ллю-у-у-бб-блю-у-у... — впервые складывая это слово. ■

“РЕСПУБЛИКА СКИТ”

Жан Миндубаев

Разбой на пруду

Странный, очень меня озадачивший случай наблюдал я недавно в наших краях.

Дело обстояло так. Я приехал поудить рыбу на небольшой прудок близ пионерского лагеря. Приехал и чертыхнулся: за плотиной стояли два мотоцикла с колясками. А по неглубокой воде в оранжевых химзащитных костюмах таскали бредень плечистые мужики...

Работа у браконьеров была тянущая, я их пожалел. По пояс в илистой

взбаламученной воде, в тяжелых резиновых штанах волокли они взад-вперед снасть. Но еще больше жалко мне было мелких, в пол-ладшки, карасинов, которых эти “джентльмены” выцеживали из пруда. Июнь, нерест, запрет на все, кроме удочек, а они... Мерзавцы! Насрать бы на них, прогнать вон! Да ведь их, мордатых, четверо, а я один. А место глухое, безлюдное. Мое трусливо-возмущенное состояние, думаю, объяснять не надо...

Так я стоял минуты три, злясь и на себя, и на браконьеров, которые на мое присутствие плевать хотели.

Я уже повернулся было уйти — но произошло нечто.

Протащив поперец пруда, браконьеры вытащили бредень — и в кошеле тяжело забился, заходил огромный, в две сковородки, карасище. Это была рыба! Патриарх пруда, проживший, наверное, в укромных подводных схронах добрый десяток лет, родоначальник всего стада... "На литр потянет!" — в дином восторге зарорали счастливы. Бросив бредень, они кинулись с чудо-рыбиной к своим мотоциклам на поляне, где их приятели уже разжигали костер...

И тут из кустов, нависших над берегом, что-то вылетело на брошенный бредень и оглушительно взорвалось — раз, другой. Затем оттуда же вымахнули полдюжины подростков с размалеванными физиономиями. Они пробежались по бредню, чем-то поливая его из пластиковых бутылок — и ринулись обратно в лес, еще раз громыхнув напоследок. Вспыхнуло пламя, из кустов раздался торжествующий вопль:

— Это вам за карася! Алкаши, обжоры! Еще раз в пруд полезете с бреднем — мотоциклы подожжем!

Происходящее отдавало голливудским боевиком. Но происходило в самой настоящей реальности. Парила над прудом чайка, лежала на берегу растерзанная браконьерская снасть... А к ней через плотину, страшно матерясь, тяжело бежали мужики в оранжевых резиновых штанах. Бежали весьма запоздало — хулиганья и след простыл...

С двояким ощущением возвращался я на свой хутор Вязки зарастающей лесной дорогой. Чувство застенчивого удовлетворения тем, что браконьеры были наказаны (у меня-то даже не хватило духу устыдить их!) мешалось с неясной тревогой: что это за соловьи-разбойники такие за-

велись в окрестных оврагах? И чего от них ждать? Припомнилось, как год три назад поснимали у меня ночью с машины зеркала и фары: как уволокли у соседа с чердака мешок луна. Был и такой случай: кто-то под осень ютился в пустой окраинной избе... В милицию тогда никто не заявлял — да и разве станет она заниматься этой ерундой?!

Спалось в ту ночь тревожно. Бродили порывы ветра, шелест сирени за окном, громохание жести на крыше. Собаку мою старенькую еще в начале лета пришлось захоронить, предупредить было некому — и даже заряженное ружье под рукой не успокаивало.

И мог ли я предположить в ту ночь, что буквально через неделю встречу с теми, кто учинил разбой на пруду? И что эти парнишки почему-то подружатся со мной, станут откровенничать и расскажут о себе такое, что и в голову никому прийти не могло.

Явление Робин Гуда

Неожиданности, как известно, поджидают нас на каждом шагу.

Я мирно поливал капусту, когда в калитку требовательно забарабанили: "Открывай!"

Передо мной стоял крепенький тинейджер. Короткая стрижка, начальные плечи, крепкая шея. На армейском ремне у левого бедра был ловно пристроен охотничий нож. За "начком" грудилось еще четверо таких же. В сторонке с любопытством соробн за нами наблюдали две девчонки.

— Вынеси воды и курева, — не попросил, а распорядился крепыш. И с нажимом добавил: — Уважь, хозяин!

Тональность и твердый, немигающий взгляд — вот что выдавало в

нем харантер. Отдав сигареты приятелям, он долго тянул из бидончика родниковую воду, потом подставил ладони:

— Плесни!

С наслаждением зафыркал, ополаскивая лицо. А когда я опрокинул ему на шею весь бидончик — захохотал по-детски, стягивая монрую футболку и обтираясь ею...

— Ты откуда? — поинтересовался я.

Парнишна, мгновенно оборвав смех, кивнул своим:

— Пошли отсюда!

Рассевшись неподалеку под березнами, подростки курили, что-то выясняли между собой, играли в карты.

Сидя в саду, я слушал их галдеж. Мне мерещилось, что где-то я уже видел этого плотненького мордастенького паренька. Особенно глаза — твердые, по-кошачьи не мигающие. Но где? Ба, да это он же и командовал разбоем на пруду! Ишь ты!

Вечерело. Я нарезал бутербродов, пошел в компанию:

— Ешьте!

— Ты всех угощаешь? — уставился на меня вожак. — Смотри, разоришься.

Но еду принял.

Уже в сумерках он снова стунул в налитку.

— Ты что к нам липнешь? Мент, что ли?

— Писатель, — соврал я. В ответ услышал:

— Тогда живи.

Так я познакомился с Димкой Бычковым, жителем приволжского поселка Верхний Затон, он же — "Бычок"; он же "президент" тайной "Республики Снит", которая, как выяснилось, существовала по соседству с моим хуторком, потому что...

Впрочем, дальше надо рассказывать подробно и по порядку. Скажу

лишь, что в лице Димки я встретил тип, ранее мной на сельских просторах не виденный.

Первая месть

Отец Димки Бычкова утонул на рыбалке, когда мальчишне исполнилось пять лет. Мать вскоре вышла замуж за милицейского отставника, прибывшего в поселок откуда-то с севера.

Август 1991 года Димка хорошо помнит: "Мы телевизор смотрели. Танки по Москве шпарят. Мне погибших пацанов жалко... А отчим, блин: "Мало этих сопляков подавили!" Тогда мы с ним в первый раз подрались. Он — за ремень, я — за кочергу. Убежал из дома, иснали меня целый месяц"... Не нашли. А девятилетний пацан хоронился на стоящей в волжском заливе самоходной барже. Баржу пригнали в Затон на зимовку.

Поселковые пацаны приносили своему приятелю удочки, хлеб, соль, спички. Димка ловил онкуей, жарил их на жестянке и размышлял о жизни — своей и взрослых...

С баржи он вернулся сильно повзрослевшим. Мать заплакала, а отчим кратко пообещал:

— Я тебя, Робинзон Крузо, в меру определю.

— За что? — взвился Димка. И тут он почувствовал, как крепка и безжалостна рука милицейского служани — даже отставного.

С тех пор и началось... Димкин отчим оказался злым и запойным. Он пил неделями, в пьяни зверел по любому поводу, хватался за топор, колотил и мать, и Димку...

Поначалу пацан терпел. Ходил в школу (и учился неплохо!), гонял шайбу, рыбачил. Но каждое лето сооружал шалаш в дальнем углу сада

и ютился там, заглядывая в дом лишь в отсутствие отчима: поесть-попить. Для психоаналитика тут был, пожалуй, повод для размышлений. Но кого могли озадачить эти странности в поселке, где ругань, драки являлись нормой жизни почти каждой семьи?

Мужики в подпитии "гоняли" своих жен и детей без всякого стеснения. Поводы были разные: от вышибания нуланами денег на опохмелку — до потребности просто покуражиться... Раньше доведенные до отчаяния бабы бегали жаловаться на своих "вразумителей" к поселковому начальству или в профком. Но когда судоремонтный завод анционировали, новое начальство и слушать жалобщиц не пожелало: "Это ваше семейное дело!" Начальник поселковой администрации сам не просыхал; должность участкового была ликвидирована. Искать упорство на любителей почесать руки стало вообще негде.

Мордобой и скандалы в доме Бычковых повторялись регулярно. Отчим был дико ревнив. Как-то раз сосед подвез на своем "Жигуленке" Димнину мать до райцентра. Выясняя "правду-матку", отчим чуть не задушил жену.

— Если в суд не пойдешь, я сам его прикончу, — заявил Димна. Мать запрочитала:

— Сынок! Кто меня будет слушать?! Он же в милиции работал! И без его пенсии мы с тобой пропадем!

Пенсия у отставного майора и правда была большой. А Димкина мать уже год как потеряла работу.

Все подростки бегут оттуда, где им плохо. Димна не стал исключением. Зимой ошивался в элеваторном узле заводской теплотрассы, а летом... О, летом! И баржи в заливе, и пещеры Арбучинской горы, и бесчисленные ометы соломы на окрестных

полях привечали беглеца, укрывали его от домашнего террора, который все креп и креп.

И не его одного — пацанов, отторгнутых родным домом, в поселке хватало... Естественно, они "нучковались".

После восьмого класса Димна, как и большинство его одноклассников, учиться не захотел: надрело. Но случилось нечто, побудившее его передумать.

Это нечто явилось июльским днем в виде разноцветных палаток, разбитых на берегу залива. "Крутые из Назани оттянуться прибыли", — решил было Димна, ибо красоты местного пейзажа примагничивали оных постоянно... И что "крутизна" тут витворяла! Рыбу глушили, нагишом нупались, палили по всему живому.

Но на этот раз явилась другая публика. Прибыли на полевую практику студенты-биологи. Затонские пацаны повадились к студенческому костру.

Чудно было поначалу Димне и его сверстникам видеть не пьющую и жрущую ораву, а совсем другую публику... Эти парни и девчата лазали по крутым холмам, собирали какие-то травы и цветы; часами смотрели в бинокли на гнездовья серых цапель в устье залива; что-то азартно разглядывали под микроскопом... Вечерами у костра они пили не водку, а чай; не дрались, а пели песни. Димна понимал: им открыто что-то, не имеющее отношения к его собственной уныло-однообразной жизни с вечным ожиданием скандалов, с бесконечным нытьем матери и кандодневной суевой возле огорода и картошки...

Однажды студенты сцепились с затонским браконьером Гришкой Бузановым (поселковая кличка "Пу-

зан"). Он средь бела дня сетью выцеживал залив. "Вы знаете, что это запрещено?" — возмутились студенты. "А-ась?!" — нагло ухмыльнулся Гришка, набивая лодку судачками. Толстый, полупьяный, он подчалил к студенческому стойбищу, вылез из лодки, помочился в костер... Потом швырнул наземь рыбину;

— Жрите, лявы! А будете гавнать — утоплю!

Вечером "Пузан" и Димкин отчим варили уху, пили водку. "Но-аг-да-б имел златые горы и реки, полные вина..." — неслось над поселком. Потом оба уснули. Димка взял кусок сахара и бросил его в бензобак пузановской моторки... Пусть теперь заведет мотор, сволочь!

Ох, как матерился "Пузан" наутро!

Чувство мести было удовлетворено. Так Димка сделал первый шаг "по тропе Робин Гуда". И это ему очень понравилось.

Создание республики

Сказано: природа не терпит пустоты. После отбытия студентов Димка приуныл. Прежнее времяпрепровождение (удочка, валянье на песке, бесцельное шастанье по поселку) казалось теперь бесцельным и скучным.

Разными путями приходит к человеку идея. Обрести конкретную реальность Димкиному томлению помогли военные учения, которые однажды были затеяны возле Верхнего Затона.

Вояки постреляли, побегали и убрался восвося. Димка с приятелями отправились исследовать "театр военных действий". В одном из лесистых оврагов обнаружили блиндаж, оборудованный по всем правилам армейской науки: бревенчатые сте-

ны, потолок в три наката, лежанки вдоль стен. А самое главное: из блиндажа просматривались все подходы. Лучшего для затаенной лесной жизни и придумать было нельзя!

Тут и обосновалась Димкина ватага. Жизнь на свободе, в отдалении от поднадоевшего мира взрослых оказалась соблазнительной.

Тан был заложен фундамент подросткового сообщества. Решили именовать себя "Республикой Скит" — по аналогии с известной книжкой. А поскольку существовать в бездействии было скучновато, вскоре определились и с кругом занятий.

"Президент" республики Димка произнес программную речь. Оказалось, что с присущей подросткам категоричностью он не приемлет: а) стяжательства взрослых ("все хапают, все тащат, жалости в них нету"...); б) их лицемерие ("при людях одно твердят — а сами на любую гадость способны..."); в) их самодовольство ("каждый дурак корчит умного из себя"), но больше всего, оказывается, "президента" выводило из себя хамское, как он выразился, отношение взрослых к природе.

— Все ублюдки! Все вокруг испоганили! Кричат: экология, экология! А сами? Вон на Канавке стоит свинарник, все орут: передовой, передовой! Даже семинар какой-то проводили... А эти свинари всю речку дерьмом своим залили... Свалки на каждом шагу... Залив браконьеры сетями в три ряда перегородили...

И так далее.

Резюме было таким: объявить партизанскую войну всякому браконьерству, хапужничеству и любому другому хамству взрослых.

Тан Димка со своей командой стал наводить порядок в округе. Способы наведения и "объекты воздействия" были своеобразны. Гонит

самогона, спаивает мужиков шинкара в поселке Сосновка? Запереть ее в бане! Глушит рыбу гранатами на Волге Егор Лялин? Угнать у него моторку! Мужики из Линевки в пруд с бреднем лезят? Наказать!

Вот и пополз по окрестностям слух: безобразничают в округе то ли вооруженные дезертиры, то ли бежавшие эски... И никто не предполагал, что все вышеперечисленное — дело рук предоставленных самим себе подростков, которые таким способом решили выяснить свои отношения с чуждым и равнодушным к ним миром взрослых...

Парнишки заглядывали ко мне на хутор: за солью, картошкой, просто поболтать. Я понимал: Димне и его приятелям не миновать беды. Пытался объяснить им, что их штучки — отнюдь не баловство и не мальчишечьи проказы. Что достанется им сильно — не от милиции, так от местных мужиков — если застукают. Но упоминание милиции вызвало у Димки презрительное фырканье, а о мужичках он отозвался так:

— Пусть сперва протрезвеют — потом нас воспитывать начнут. Если найдут, конечно.

В пятнадцать лет каждый мнит себя неуязвимым. Но предчувствия тяготили меня все больше и больше. Вскоре выяснилось: не зря...

Облава

...Шел день за днем, натилось лето к осени. И вот однажды утром явился ко мне лесник Николай Суров. В коляске его трепаного мотоцикла сидел участковый, тоже мне знакомый.

Служивые были на сей раз суровы, выпить яблочного вина отказались. Без долгих разговоров мне показали фотографию:

— Не встречался?

С фоторобота на меня внимательно смотрел... ну да, Димка Бычков. Та-ан, вроде доигрались.

— Да нет, такого возле хутора не видел. А что случилось?

— Шалят! В Прибрежном моторку угнали. В Сосновке старуху в бане заперли. И вот только что на Выселках ларек подломали. Составили портрет по рассказам, ищем...

Я узнавал деяния "скитальцев". Проводив нежданных гостей, поспешил в "Скит".

В блиндаже царила полная беспечность: гремела музыка, народ загорал. Я отвел Дмитрия в сторону, сказал о начатой облаве. Полюбопытствовал: что это за история с ларьком на Выселках?

— Да-а шинкаря покарали, — нехотя протянул Димка. — Доторговался, сволочь.

Я понял, о чем речь. На Выселках существовал частный ларек. Владел им начальник отделения местного "коопхоза" Ефим Гнутов — полновластный хозяин деревушки. Все было в его руках: сено, дрова, комбикорм, газ в баллонах и даже торговля. Сельпо, якобы, из-за нерентабельности прикрыло здесь свою торговую "точку". А ровно через месяц Гнутов объявил, что взял "коммерческую" лицензию. Выкупил сельмаговский ларек и открыл в нем свою торговлю.

И все бы ничего — какая разница сельскому человеку, кто продает ему соль-спички, муну-крупу, селедну или бутылку? Но обнаглел Гнутов. Не в том смысле, что построил ударно два гаража; купил две машины или вез комбикорм не на общественную ферму, а прямо на свое подворье. Нет! Хлебом он "достал" своих односельчан... Печеным хлебом. До него сельпо возило его регулярно — и хо-

роший. А у Гнутова этот не очень доходный, но очень нужный продукт стал появляться лишь раз-два в неделю. К тому же: то недопеченный, то черствый. Народ взроптал.

Но что поделаешь? Частная собственность: чем хочет, тем и торгует.

Бабни-пенсионери пытались Гнутова устыдить. Он их погнал: "Нужны вы мне!"

Димке Бычкову об этом рассказала родная тетна, проживавшая в Выселках.

"Снит" разобрался с Гнутовым быстро и безжалостно. "Борцам за справедливость" хватило короткой летней ночи для того, чтобы сделать подноп, пролезть в ларек и перебить два ящика с водкой. Гнутов, естественно, заявил в милицию.

— Ты понимаешь, до чего вы допрыгались? — справился я. — Угнанная браноньерская моторка, шинка в бане — это семечки. А тут взлом, разбой, хищение...

— Ничего мы у него не взяли! — возмутился Димка. — Пусть подавится!

— И дадут вам лет по пять. И ты вместо девятого класса пойдешь в колонию. Этого добиваешься? Что и кому ты этим докажешь?

Димка молчал.

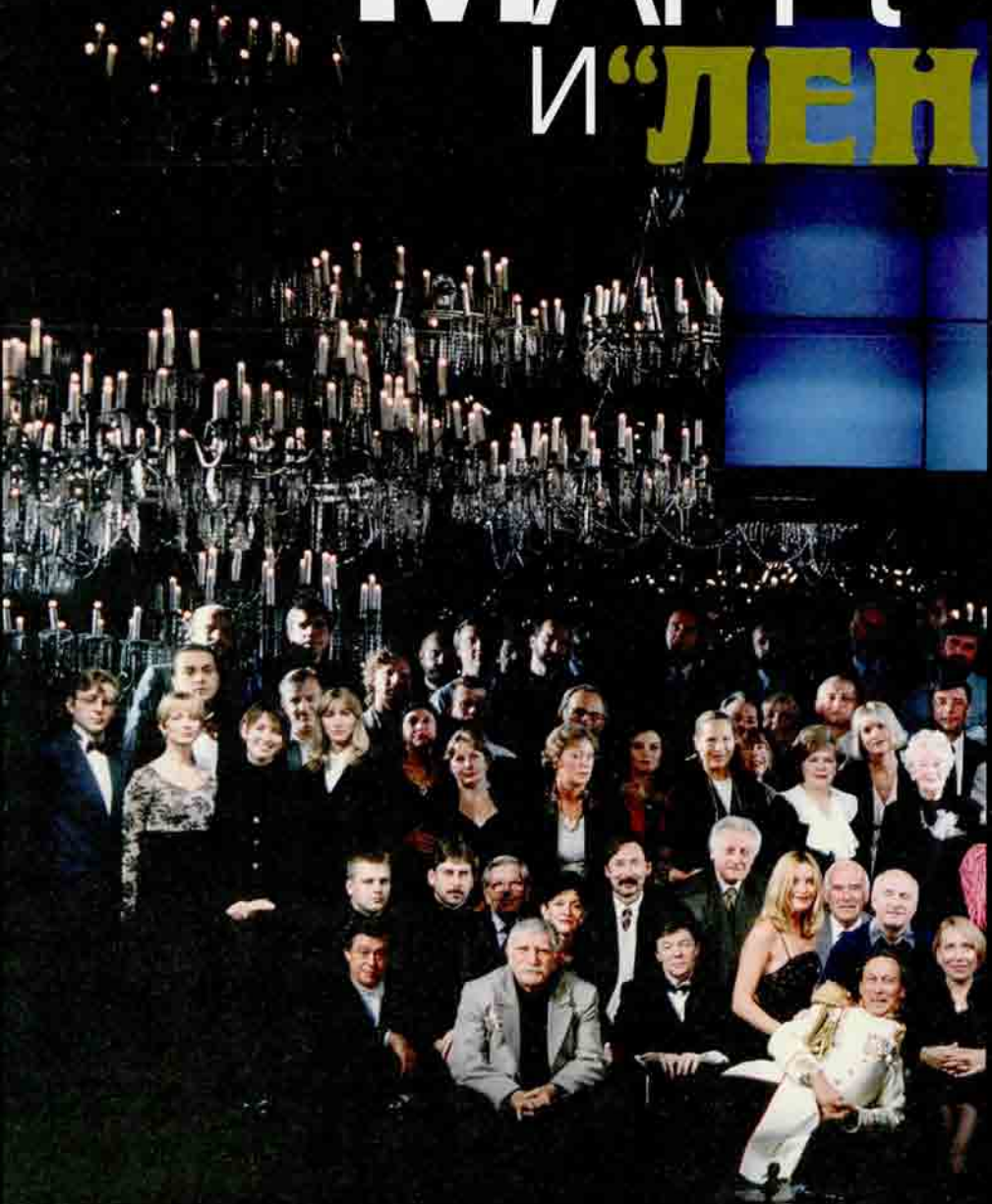
Наутро я отбыл из хутора — ждали дела в городе. Вернувшись через неделю, увидел прислоненный к налитке позеленевший от древности кованый медный поднос. Именно он все лето висел на сучке старого дуба у входа в блиндаж. Вместо колокола, предназначенного предупреждать подданных "республики Снит" об опасности или звать на помощь...

А вскоре и милиция отличилась. Ей удалось-таки разыскать блиндаж в лесном овраге. Там не раз устраивались засады — но тщетно. В конце концов "разбойное гнездо" просто сожгли. Искоренили, так сказать, зло.

...Димкин подарок — старый поднос — я повесил на яблоне. Когда его пристукнешь торцом сухого полена, то над обезлюдившим хутором, над багряными лесами долго плывет густой протяжный звук...

Иногда поднос гудит сам по себе. Я вздрагиваю. Мне вдруг примерещится: а не Димка ли это кличет меня? Не ему ли опять худо там, в поселке Верхний Затон, где, я думаю, ни пьянки, ни скандалы, ни браконьерство и "прихват" плохо лежащего никуда не исчезли — по-прежнему все так же являются привычной нормой повседневной жизни... Надо бы съездить в Затон, надо! ■

МАРК И "ЛЕН"

ЗАХАРОВ

КОМ"

Московский театр "Ленком" отметил свое семидесятилетие. Солидный возраст театра ко многому обязывает одну из самых прославленных московских трупп. Конечно, и старожилы "Ленкома", и молодежь помнят, что легендарные имена П. Берсенева, С. Гиацинтовой, С. Бирман, А. Эфроса имели в разные годы к их театру самое прямое отношение, чем сумели прославить и себя, и "Ленком". Но все эти люди, как бы хорошо они ни были знакомы с судьбоносными вехами прошлых лет, уже почти четверть века живут другой историей — историей театра Марка Захарова.

Двадцать пять лет назад Марк Захаров пришел в это старинное московское здание, и с тех пор в биографии театра имени Ленинского комсомола началось его время. А время — понятие относительное, в искусстве особенно. Оно обратимо. Марк Захаров знает это лучше других.

Вот поэтому мы и начали нашу беседу о жизни "Ленкома", о спектаклях, которые здесь создавались, об артистах, которые здесь работают, о событиях, которые наиболее запомнились художественному руководителю театра, и обо всем том, что составляло творческую жизнь Марка Захарова на протяжении последних двадцати пяти лет, со слова "вчера".

— Если смотреть на "вчера" шире, то в последние годы, как мне кажется, в связи с отменой цензуры, давившей и уничтожавшей многих художников, нам удалось создать несколько спектаклей, ставших особенно любимыми и посещаемыми. Я имею в виду "Варвар и Еретин", "Безумный день, или Женитьба Фигаро", "Королевские игры", "Чайка", "Сорри", "Чешское фото". Все это — наше достояние последних лет. Сюда же можно отнести "Мудреца" Островского, "Поминальную молитву" — спектакли, которые

никогда не могли бы появиться раньше, в доперестроечное время. Мы очень гордимся, что уцелели и не потеряли своего зрителя в момент общественного слома, изменения вкусов и потребностей зрителей, в момент серьезных катаклизмов в театральном мире.

А вообще "вчера" мы создали свой стиль, свой почерк. Он связан с неким театральным азартом, с театральностью. Это обязательно. Мне нравится словосочетание "фантастический реализм" — вахтанговский термин, и всегда хотелось создавать произведение, которое было бы интересно гурманам, людям с повышенными театральными требованиями, истинным театралам, и тем людям, которые пришли в театр впервые, чтобы их тоже увлекло зрелище. Мы с большим трудом завоевали определенный кредит доверия, любовь и внимание зрителей. Да, все это произошло теперь уже вчера.

— *Марк Анатольевич, всякая история собирается из мелких и очень мелких подробностей и деталей. Поэтому вращая колесо истории в обратном порядке, давайте остановимся на самых разных по величине и масштабности событиях. Итак, вспомните, что было месяц, два, три назад, весной 1997 года?*

— В конце прошлого сезона мы выпустили спектакль "Варвар и Еретин" по роману Ф. Достоевского "Игрон". В спектакле заняты ведущие артисты — Александр Абдулов, Инна Чурикова, Олег Янковский, Леонид Броневой, Армен Джигарханян, Александр Збруев. Интересно дебютировала на нашей сцене молодая актриса Мария Миронова.

Показали премьеру на гастролях в Киеве и Санкт-Петербурге. Гастроли — удивительное обновление организма, встреча с новым зрителем в новом

пространстве, с каким-то новым настроением и эмоциями. Мне даже трудно выделить, какие гастролы были наиболее интересными. Эмоциональный поток, идущий от зрителя, оказался таким сильным, во время поклонов аплодисменты переходили в такой рев восторга, что в какой-то момент вдруг я даже почувствовал некоторую опасность. Человек, особенно молодой актер, облучается такого рода интенсивной энергией, у него, что называется, может поехать крыша, он может посчитать, что это и есть абсолютно объективная, естественная и нормальная оценка его дарования. Вот тогда может случиться беда. И я, собрав весь свой демагогический и проповеднический лафос, попытался посоветовать молодым артистам относиться к этому с уважением, но не терять голову. Надеюсь, был услышан.

— Колесо истории вращается дальше. Октябрь 1995-го. Премьера спектакля "Королевские игры"...

— Спектакль создавался сложно. Мне понравилась пьеса М. Андерсона "1000 дней Анны Бoleйн". Но когда начал репетировать, понял, на сегодняшний день она не совершенна, хотя драматург вне подозрений. Пьеса, написанная в 1948 году, имеет сильный кинематографический налет. В то же время она похожа по своей фактуре на шекспировские сочинения, но там отсутствует юмор. Вернее, отсутствовал, пока не появился Григорий Горин. Гениальный драматург Шекспир понимал, что трагедия должна обязательно сочетаться с комедийными разрядами, и поэтому сочинял интермедии. Мы с Гориним тоне стали создавать фантазию на тему пьесы Андерсона. Возникли новые роли, возникла та довольно сложная условная театральная структура, которую мы называли "опера для драматического театра", появился очень интересный человек — композитор Шан-

дор Каллош. Он в совершенстве знает музыку средневековья, коллекционирует живые звуки, записывает природу, крики зверей, меняет скорость движения магнитофонной пленки. Он маг и волшебник, и он подарил нам много радостных минут творческого взаимодействия с коллективом. Получился музыкальный спектакль, хотя это, разумеется, не мюзикл.

— Прошел еще один год, только не в будущее, а в прошлое. Наступил октябрь 1994-го. У вас завершились многолетние репетиции "Чайки"...

— Да, долго делали денорации. Очень сложное оформление предложил Олег Шейнцис. Для меня это оказалась принципиально важная работа. Я всегда борюсь со зрительским прогнозом, надо делать то, что зритель совсем не ожидает от театра. А здесь было, я бы сказал, уважительно-традиционное обращение к Чехову. Хотя потом пресса все равно написала много интересного на тему соответствия нашего спектакля так называемому "чеховедению". Я с любопытством читал критические отзывы, думал об этом, разбирался. Во всяком случае, это наш Чехов, и он не похож ни на "Безумный день", ни на "Королевские игры". Конечно, были замечательные работы наших мастеров: Инна Чурикова в очередной раз преподнесла нам подарок — Аркадина, работа, о которой можно отдельно много говорить и писать. Олег Янковский не побоялся развить и углубить стороны своего актерского дарования, не эксплуатируемые кинематографом, их можно увидеть только на сцене. Мне понравилось, как работает молодая пара — Дмитрий Левцов и Александра Захарова. Удивительная работа у Леонида Сергеевича Броневого, ее очень высоко оценил Петер Штайн. Он пришел к нам на спектакль и сказал: "Вот этого актера я бы обязательно пригласил к себе в

Германию". Слышать такое было лестно, хотя ужас от одной этой мысли на некоторое время поверг меня в шок.

— Еще один год отмотаем назад. 13 октября 1993 года. В "Ленкоме" отмечается ваш юбилей — весело, остроумно, настоящее шоу в подарок к 60-летию от преданных вам артистов.

— Действительно, праздник получился очень симпатичный, веселый и домашний, и в то же время привлекающий внимание людей, просто любящих театр. Юбилей состоялся очень вовремя, потому что дальше пошла какая-то бесконечная череда юбилеев. Сегодня я бы уже отказался, а тогда был самый подходящий момент. Как говорил один человек, которого я недолюбиваю: "Вчера — рано, завтра — поздно, а вот сегодня..."

— В январе 1993 года впервые прозвучала фраза "второе актерское поколение "Ленкома", потому что состоялась премьера спектакля "Безумный день, или Женитьба Фигаро".

— Вспоминая "Безумный день", естественно, хочется говорить о "втором поколении", о молодежи "Ленкома". Был такой момент, когда мне показалось, что в связи с этим спектаклем мы продлили жизнь "Ленкому" десятилетия на два—три, как в свое время сделал МХАТ. Обязательно должна вырасти новая поросль. Такова традиция русского репертуарного театра, который хочет жить долго и не хочет умирать, несмотря на то, что смерть все равно неизбежна для творческого организма. Так мы устроены. Тем не менее, ее можно отдалить. Мы доказали, что зритель сегодня идет в театр не обязательно на звезд. Можно сделать спектакль, где будут актеры неизвестные, молодые, новые, но спектакль от этого не потеряет свою привлекательность, а, наоборот, обретет ее.

— Еще на два года возраст "Ленкома" стал моложе. И на календаре

памятных дат новое яркое событие — август 1991 года ознаменовался не только политической борьбой, но и возвращением театра из Эдинбурга, где на театральном фестивале с большим успехом прошел спектакль "Мудрец".

— Да, нас очень поддержали эдинбургские газеты в Шотландии. Спектакль играли три раза, и каждый раз его принимали все теплее и радужнее. Для нас фестиваль запомнился тем, что англичане и шотландцы нас лучше поняли, чем отечественные критики. Там у нас появляется обнаженная спина главного героя Глумова. Теперь, по прошествии многих лет, это кажется невинной рождественской шуткой, а тогда у нас в стране эта спина у многих вызывала шок. Я понимал, что это довольно смелое движение режиссерской мысли, но мне оно казалось справедливым и вполне естественным.

— В декабре 1990 года в "Ленкоме" состоялась необычная премьера: в спектакле "Школа для эмигрантов" впервые вывели на ленкомовскую сцену два равноправных актерских дуэта — Александр Абдулов и Александр Збруев, Олег Янковский и Николай Караченцов.

— Это тот случай, когда репетиции оказались интереснее спектакля. Критики метнули много иронических слов в наш адрес. В спектакле есть любопытные вещи, хотя, думаю, не стоит переоценивать пьесу молодого драматурга Дмитрия Липскерова. Все равно надо прикасаться к современной драматургии, даже если она несовершенно. Сейчас мы ищем современную пьесу. Больше всего боюсь, что не найдем. А вот тогда отыскали и очень обрадовались. Правда, один критик сказал про меня, что я забрался на вышку для прыжков в воду, решив, что бассейн полон воды, бросился

вниз головой, а там оказалось не больше метра. Имел в виду и меня, и пьесу. Но на репетициях нам удавалось вскрывать некоторые сложные процессы, происходящие в человеческом подсознании. Например, как материализуются галлюцинации.

— Под новогоднюю ночь 1990 года "Ленком" впервые улетел на гастроли в Америку со спектаклем "Юнона" и "Авось". Улетел на месяц, вернулся почти через два.

— С Америкой у меня связаны самые неожиданные воспоминания. Я впервые летел в очень хорошем самолете, в первом классе, и меня поразило то, что обслуживание началось уже на стоянке. Самолет еще не взлетел, а негр разносил джинс с тоником. "Юнону" и "Авось" мы играли в театре, примыкающем к Бродвею. Поразила американская звукоорежиссура и театральная профсоюз, заявивший нам, что они внимательно изучили наш спектакль, его сложность, и по всем американским законам его должны обслуживать 30 человек. Несмотря на мой агрессивный протест и уверения, что наши 7—8 монтажников прекрасно справляются, ничего не хотели слушать. Должен заметить, наши работают веселее, азартнее, энергичнее, но они могут иногда стул поставить сантиметром на 15 левее. Американцы же, если берут спектакль в свои руки, таких ошибок уже не допустят.

Была большая сложность с пылающим фанелом, который нам удалось отстоять в Москве перед нашими пожарными. Американцы тоже пошли навстречу, но когда на генеральной репетиции Абдулов выскочил с фанелом на сцену, они стали за ним внимательно наблюдать, а потом заявили, что в принципе не возражают, но при условии, что фанел цепочкой прикрутят к руке Абдулова. Они сказали, что артист странный, вид у него безумный, не ис-

ключено, швырнет его в зрительный зал. Я попробовал объяснить, что Абдулов никогда не совершит столь опрометчивый и гнусный поступок, но они настаивали — глаза у артиста очень подозрительные, и вообще, он находится в оголтело-исступленно-агрессивном состоянии. Так что Абдулова закольцевали с фанелом.

Вначале мы не собрали аншлаги. Постепенно количество зрителей росло. Не хватало рекламы. Не хватало, может быть, некоторой новизны для Америки в нашей рок-опере, хотя она во многих странах прошла триумфально и так же продолжает идти у нас.

— В самом начале так называемого "американского сезона" в театре "Ленком" в сентябре 1989 года, наконец, состоялась долгожданная премьера спектакля "Поминальная молитва". Ее откладывали из-за болезни Евгения Леонова...

— Этот спектакль вошел в десятку лучших за последние десять лет. Конечно, соединение на сцене таких двух удивительных людей, удивительных актерских организмов, я имею в виду Евгения Павловича Леонова и Татьяну Ивановну Пельтцер, и финал, церковный хор, звучащий наверху, — все это производило особое впечатление. Спектакль как бы выходил за параметры обычного спектакля. Уход из жизни двух прекрасных артистов сильно видоизменил "Поминальную молитву", хотя и сейчас мы играем его с достаточно стабильным успехом.

Мне говорили, что могут произойти акции со стороны "Памяти" или других людей, которые мучаются проблемой антисемитизма. Но меня удивило то, что они-то отнеслись спокойно, а вот некоторые ортодоксально настроенные евреи почему-то обрушились на меня и на Горина за какие-то там нарушения. Кто-то усмотрел, что слишком хорош и приятен урядник, а он должен

быть обязательно кровопийцей в кандалах своем поступке и движении, и что-то там в ритуале мы напутали. Но когда мы пригласили священника, чтобы он помог поставить сцену православного венчания и попросили его сделать все по-настоящему, он ответил: "Да Господь с вами, мы же превратим ваших актеров в несчастных людей. По-настоящему нельзя венчать на сцене, надо только культурно и грамотно обозначить этот момент".

— Следующий спектакль по нашей ретроспективной хронологии появился в феврале 1986 года. Знаменитая "Диктатура совести" М. Шатрова. Но за три года, разделяющие "Мудреца" и "Диктатуру...", в вашей жизни и в жизни "Ленкома" произошло много событий. Вы сняли кинофильм "Убить дракона", в ленкомовском дворике прошел первый благотворительный концерт "Задворки", идея которого благополучно прижилась в стенах театра на целых пять лет, а издательство "Искусство" выпустило вашу книгу "Контакты на разных уровнях", которую вы посвятили своей дочери.

— С "Драконом" связан тяжелый момент. Потому что мы начинали работать еще при жесткой цензуре, а когда фильм снимался, вышло "Покаяние" Тенгиза Абуладзе, и те реплики, те движения в сюжете, которые нам казались оглушительными и смелыми, теряли свою остроту. Мне кажется, нам с Гориним удалось догнать зрительское восприятие этой истории только в самом финале, которого нет у Шварца, но нам удалось найти кинематографический эквивалент. С ужасом вспоминаю гигантские массовки, потребовавшие огромных денег.

Книжка тоже выходила в неудачное время, и первая половина ее подверглась сильному вмешательству со стороны цензурного аппарата. Зато во второй части есть некоторые сужде-

ния, наущиеся мне актуальными по сегодняшнему дню. Они насаются наших чисто профессиональных режиссерских вопросов, и я даже иногда рекомендую своим студентам почитать на досуге две-три главы. Посвятил ее самому дорогому мне человеку. Я счастлив, что Александра во многом помогла моей жизни в театре, и безумно благодарен ей, что она превратилась в хорошую антрису как бы без моей прямой помощи.

Мое участие в "Задворках" — просто благосклонное отношение к идее Александра Абдулова. Мы собрали довольно большую по тем временам сумму на восстановление и реставрацию храма Рождества Богородицы в Путинках, находящегося рядом с нашим театром. Когда теперь слышим колокольный звон, чувствуем, что в этом есть и наша заслуга, результат нашего упорства, так как исполком района хотел превратить храм в краеведческий музей.

— И все-таки десять лет назад первые следы перемен отразились в вашем своеобразном манифесте нового времени — "Диктатура совести".

— Вспоминая сотрудничество с Шатровым, я не сожалею, что мы занимались ленинской темой. Это оказался мощный рычаг для уничтожения сталинизма, который так страшно деформировал нашу психику, что люди до сих пор выходят на улицу с портретами Сталина. Потом это был достаточно новаторский ход, не исползовавшийся нигде ранее. Я не видел ни в одном спектакле, чтобы человек выходил с микрофоном в зал и организовывал совершенно непредсказуемый блон участия зрителей в интеллектуальной игре. Олег Янковский всегда очень тонно и умело просчитывал, кто где сидит, и подключал к действию интересных людей.

— Марк Анатольевич, 1985 год, наверное, мог запомниться вам, как

год исполнения творческих желаний. Наконец, по центральному ТВ показали фильм "Дом, который построил Свифт", и состоялась официальная премьера "Три девушки в голубом", который тоже несколько лет не выпускался на сцену.

— "Три девушки в голубом" — многострадальный спектакль, и прекрасно, что он все-таки вышел. Это произошло в начале чернушного этапа в нашем искусстве, но тогда он еще так не назывался. Просто было прикосновение к жизни и заботам людей, живущих на скромный материальный достаток. Драматург Людмила Петрушевская талантливо и интересно описала новый для нашего искусства социальный пласт. Что касается "Свифта", то фильм так сильно изрезали, как ни один другой из моих телевизионных работ. Я как-то не люблю об этом вспоминать. Там были вещи, ушедшие навсегда.

— 1984 год. В театре — "Проводим эксперимент", на телевидении — "Формула любви"...

— "Проводим эксперимент" — ничего не помню, кроме отчаянного желания сделать на современную тему непротивный спектакль. Задача, которая посещала многих моих коллег в то время, когда от нас требовали так называемую современную драматургию. Нам удалось сделать что-то наивное, безыскусное. Но точно не противное. А "Формула любви" — одна большая радость и приятное существование с замечательными артистами Пельтцер, Абдуловым, Фарадой, Мглоблишвили.

— Наверное, радость присутствовала и в конце 1983 года, когда в Париже на сцене театра Пьера Нардена "Эспас Нарден" проходили триумфальные гастроли "Леннома" со спектаклем "Юнона" и "Авось"?

— Да, это первый выезд театра в капстрану. Мы честно признались Нар-

дену, что считаемся невыездными, но он все уладил через свои правительственные связи. Нас разбили на пятёрки, и в 11 часов вечера мы обязательно должны были приходить домой и отселяться. Кстати, я тоже выступал за жесткую дисциплину, потому что Париж, конечно, рассеивал внимание, а нам хотелось выступить как можно интереснее. Мы играли "Юнону" и "Авось" в элитарном театре на Елисейских полях. Гастроли не носили широкого демократического характера, билеты были очень дорогими. Приходили в основном богатые люди и наши диссиденты — Владимир Максимов, Рудольф Нуриев. К моей действительно великой радости, никто из актеров не остался в Париже.

— Марк Анатольевич, в июне 1983 года вы преподнесли щедрый подарок театроведам всех времен, поставив "Оптимистическую трагедию". Они тут же стали говорить, что в истории театра было три великих "Трагедии" — у Таирова, у Товстоногова и у Захарова.

— Это одно из самых любимых воспоминаний. Вообще, когда я предложил труппе это название, у меня был довольно сложный момент в жизни. По имевшимся у моего директора, ныне покойного Рафика Экимяна, сведениям, меня собирались снимать с должности главного режиссера. Нужен был какой-то спектакль, который бы переломил ситуацию, и Экимян поддержал идею поставить Вишневского. Но случился "бунт на корабле" — артисты не хотели связываться с этим названием. Я написал режиссерский сценарий, как это делается в кинематографе, и с большим трудом сумел убедить труппу, что может получиться интересный спектакль. Так оно и вышло. Там замечательно играли Евгений Павлович Леонов, Инна Чурикова, Александр Абдулов. Замечательный

эпизод сыграл Александр Збруев, по началу отказавшийся его играть. "Оптимистическая трагедия" так и осталась в театре живой и самой любимой легендой.

— Перелистывая страницы истории, возможно, мы подошли к самой яркой вехе в судьбе "Леннома": июль 1981 года, премьера спектакля "Юнона" и "Авось". "Ленком" в зените славы.

— "Юнона" и "Авось" — единственный спектакль, который приняли сразу. Обычно наши спектакли принимали через месяц, два, три, иногда через год. А здесь мы заранее с Андреем Вознесенским и Алексеем Рыбниковым наметили пути отступления, определили для себя красную черту, за которой мы ничего не отдадим и не уступим цензуре. И неожиданно комиссия сказала, что хороший получился спектакль. Удалась роль Богоматери актрисе Людмиле Поргиной. Очень хорошо "Аллилуйя" звучит в финале. Мы поняли, что произошло чудо. Вознесенский предложил мне срочно поехать в Елоховский собор и поставить свечку Назанской Богоматери, что я и сделал. Большие неприятности у нас начались позднее, после публикации в журнале "Штерн" маленькой заметки: "В связи с тем, что религия в Советском Союзе полностью уничтожена, единственное религиозное питание для молодежи осуществляется ныне дважды орденосный театр имени Ленинского комсомола".

— Рубеж десятилетий. Вы вместе с "Ленномом" изучаете собирательный портрет молодого современника. В феврале 1981 года появился спектакль "Люди и птицы", а в декабре 1979 — "Жестокие игры", спектакль, перевернувший жизнь не одного молодого человека, сказавший правду о внутреннем самочувствии молодых людей, в которой они сами не хотели признаваться.

— Мне всегда везло в жизни, пока везет до сих пор. Поставив неважный спектакль, я всегда после этого ставил приличный. Поэтому у меня никогда особых конфликтов с коллективом не было. "Люди и птицы" — явная неудача, все высосано из пальца, хотя мы совершили интересную поездку на БАМ вместе с Шatroвым и группой молодых драматургов. Я посмотрел, как все там строится, увидел новых людей, запаса новыми ощущениями. На сцене это не удалось материализовать, зато удалось сделать пьесу Арбузова достаточно заразительной, веселой, своеобразной, правдивой. Драматургу не сразу понравился спектакль "Жестокие игры". Он вначале сказал, что, в общем, это не его спектакль. Только позднее мы стали дружить, и он оценил новую новизну той трактовки, которую никак не ожидал увидеть.

— В 1978 году в репертуаре "Леннома" появился спектакль "Революционный этюд", в котором, как писали рецензенты, Олег Янковский играл не Ленина, а мысль Ленина. Но, помимо революционной тематики на сцене, в конце 70-х вы снимаете свои самые лиричные фильмы — "Тот самый Мюнхгаузен" и "Обыкновенное чудо".

— Когда я их снимал, к телевидению относился более чем сдержанно. Я не думал, что эти телефильмы проживут долго. И только когда появились в продаже кассеты, за которые я ничего не получаю, несмотря на наше вхождение в Бернскую конвенцию, мне стало радостно, что эти фильмы посмотрят и следующие поколения. Кстати, в Париже, в русском магазине я видел кассеты "Обыкновенное чудо" и "Формула любви" и даже пожалел, что радуюсь совершенно бескорыстно и бесплатно.

Что касается "Революционного этюда", то спектакль долго не принимали. Он считался сверхъестественно

новаторским, очень смелым. Мне объяснили, что у нас Ленин — один, а должен быть с единомышленниками. Я все время апеллировал к Гамлету и говорил, что если бы у Гамлета была компания принцев-единомышленников, то не получилась бы трагедия, не получился бы спелтанль. Но все мои демагогические пассажи ни к чему не приводили.

— Марк Анатольевич, сохранились ли какие-нибудь воспоминания о спектакле "Вор", премьеры которого состоялась в апреле 1978 года?

— Этот спектакль вызвал ко мне некоторое уважение тех людей, которые думали, что я занимаюсь только музыкальными, развлекательными, комедийными спектаклями. Он долго пользовался успехом и до сих пор остался у меня каким-то светлым воспоминанием. Был интересный актерский ансамбль — Евгений Павлович Леонов, Винтор Проскурин, Вера Марковна Орлова.

— 1977 год оказался очень плодотворным. Вы поставили сразу три спектакля "Парень из нашего города", "Хория", "Мои Надежды".

— В то время существовал план, и мы обязательно сдавали по три спектакля в сезон. Самый интересный — "Парень из нашего города". Кто-то из моих знакомых сказал, что получился прекрасный комикс, этаное не очень серьезное попури на темы наших воспоминаний. Там была ностальгическая грусть и радость, звучала музыка нашей юности, молодости наших родителей, которая потом часто использовалась в кинематографе и театре. Константин Симонов остался очень доволен появлением этого спектакля.

— Май 1976 года — шумный месяц в истории "Ленкома". Премьера современной оперы "Звезда и Смерть Хоакина Мурьеты" и начало сотрудни-

чества с композитором Алексеем Рыбниковым.

— Я вспоминаю наши гастроли в Ленинграде. Мы играли "Звезду..." в большом закрытом дворце спорта, вмещающем 9—10 тысяч человек, и никогда не забуду: я стоял у входа и видел, как шла на спектакль гигантская толпа зрителей, уходящая за горизонт. И понял, такого явления, наверное, больше никогда не будет. Мы сумели проехать по многим дворцам спорта. Тогда это было хорошим материальным подспорьем. Спектакль собирал рекордное количество зрителей, потому что угадали потребность в звучании живого рок-ансамбля, в тех ритмах, в той жесткой конструкции, которую предложил Алексей Рыбников.

— Марк Анатольевич, мы подошли к тому времени, когда уже можно сказать "двадцать лет назад..." Именно в 1976 году вы заканчиваете съемки телевизионного фильма "Двенадцать стульев", а в 1975 в репертуаре "Ленкома" появляются два новых названия — "Ясновидающий" и "Иванов".

— Помнится, когда вышел фильм, даже люди, ко мне хорошо относящиеся, близкие друзья сказали, что дело не получилось. Но прошло восемь лет, фильм показали второй раз по телевидению, и вдруг мне стали звонить и говорить, какой хороший фильм. Я долго думал над этим явлением и, честно говоря, так до конца и не понял. Сейчас это воспринимается, как несколько наивная, может быть, лубочная, но достаточно выразительная телевизионная фантазия. Раньше таких ощущений не возникало.

"Иванов" подвергся большому нападкам, очень не понравился критике. Цензурный аппарат меня понимал тем, что Евгений Павлович Леонов лысый человек, а его полюбила достаточно молодая женщина. И все мои ссылки на то, что в нашей истории происходи-

ли такие случаи, когда лысых людей любили, не проходили. Даже заместитель директора однажды сказал: "Марк Анатольевич, ну давайте плюнем и приобретем на Мосфильме специальную накладочку для Евгения Павловича по безналичному расчету". Но спектакль неожиданно прозвучал первым номером, его высоко оценили на гастролях в Чехословакии и Польше. Почему-то именно за границей я повеял, что не зря мы коснулись Чехова.

— Апрель 1975 года. Премьера спектакля "В списках не значился"...

— Запомнилось то, что у нас появился студент Абдулов. Он только начал учиться на 4 курсе, и наш режиссер Юрий Аркадьевич Махаев привел его в театр. Мы поручили ему главную роль. Получился замечательный молодой дуэт — Александр Абдулов и Елена Шанина. Вместе с ними Олег Янковский. У спектакля оказалась трудная судьба, он сложно проходил через цензуру. Когда появилось в Москве много спектаклей про войну, он стал более спокойно восприниматься...

— Весной 1974 года зрителям пришлось заново оценить размеры ленномовского зала. Он оказался до неприличия мал. Поэтому зрители висели, лежали и стояли в проходах, а на сцене в это время шла премьера "Тилия".

— Да, был такой переломный момент, когда зрители поняли, что наш театр состоялся и в него надо ходить. И вот с 1974 года у нас начались аншлаги. Когда я только пришел в "Ленком", прежние спектакли собирали одну треть, в лучшем случае половину зала. Кто-то даже предложил нам взять пример с МХАТа, но вместо чайки прикрепить на занавес колпачок Тилия, чтобы всегда помнить о спектакле, который принес нам такой успех и стал как бы знаменем нового времени в "Ленкоме". Началась какая-то новая

эпоха в истории театра. Кроме того, молодой, никому не известный артист Николай Караченцов проснулся знаменитым и доказал потом, что он обладает вокальными, музыкальными данными, определенной заразительностью и редким темпераментом. В спектакле "Тиль" у нас впервые появилась живая музыка, был приглашен настоящий ВИА, ставший потом рок-ансамблем. Вместе с композитором Геннадием Гладковым мы нашли этот студенческий коллектив на одной подмосковной танцплощадке, а потом уже наши музыканты профессионализировались.

— И все-таки вашей первой работой в "Ленкоме" был спектакль "Автоград-XXI", премьера которого состоялась в декабре 1973.

— Я начинал работать в "Ленкоме" еще не как главный режиссер. Мы с Юрием Визбором придумали эту пьесу. Придумали, наверное, от отчаяния, от ощущения, что надо обязательно что-то делать. Сочинили нечто громкое, несуразное, но в этом действе оказалась какая-то животная заразительность, может, глуповатая, может, навивная, но на него стали ходить. Возможно, не хватало тогда в Москве шумных зрелищ. Спектакль в чем-то решил мою судьбу, хотя серьезно к нему относиться никак нельзя.

— Марк Анатольевич, в жизни каждого человека есть дни, а, возможно, и фразы, которые он помнит всю жизнь. Наверное, есть и в ваших воспоминаниях историческая фраза, сообщающая, что вы становитесь главным режиссером московского театра имени Ленинского комсомола?

— Случилось это так. Один человек вызвал меня в соответствующую инстанцию и сказал: "Ты хочешь больше не работать очередным режиссером в театре Сатиры, а иметь свой театр?" Я сказал, что, конечно, хочу. Он продолжил: "Ну тогда пиши заявле-

ние в партию". Я спросил: "Обязательно?" Он ответил: "Обязательно, иначе не назначат". Я: "А если напишу, назначат?" Он: "Если напишешь, сразу назначат". Так что у меня есть серьезное оправдание моего присутствия в этой организации — оно связано с профессией. Я написал заявление, и через месяц мне сказали, что я назначен главным режиссером московского театра имени Ленинского комсомола.

— Марк Анатольевич, мы начали разговор со слова "вчера" и завершили 1973 годом. История "Ленкома" прошлых лет полностью прочитана. Но в театре открылся новый сезон. Каждый артист мечтает о новой работе, а у вас, наверное, как всегда, много оригинальных идей. История "Ленкома" продолжается, она продолжает сочиняться дальше. И поэтому, что "завтра"?

— Я надеюсь, мы обязательно завершим работу, репетиция которой началась еще в прошлом сезоне. Это интересное произведение, во многом экспериментальное, преподнесла нам Нина Садур — "Брат Чичиков" по "Мертвым душам" Н. Гоголя. Этот спектакль создается силами нашей ведущей актерской молодежи — второго поколения "Ленкома". Есть еще одна надежда и еще один замысел. Григорий Горин сейчас над ним работает. Мы договорились с Владимиром Спиванковым о совместном спектакле — "Виртуозы Москвы" и московский "Ленком". Хотим объединиться и сделать своеобразный музыкальный спектакль. У этой грандиозной идеи есть спонсор из Днепрпетровска — Виктор Пинчук, он сам ее придумал и сейчас активно пытается реализовать.

А вообще хочется, чтобы завтра было немножечко похоже на сегодня, потому что я, конечно, понимаю неко-

торую важность экспериментальных скучных спектаклей в подвалах, там есть интересные явления, но тем не менее, для меня театр — большой зрительный зал. Это вопрос лишнего билета, это аншлаги. И это всегда праздничное зрелище, даже если оно заканчивается трагическим образом. Так всегда было в нашем театре и, надеюсь, несмотря на солидную юбилейную дату, еще будет. ■

Беседе вела Оксана Шапарова.

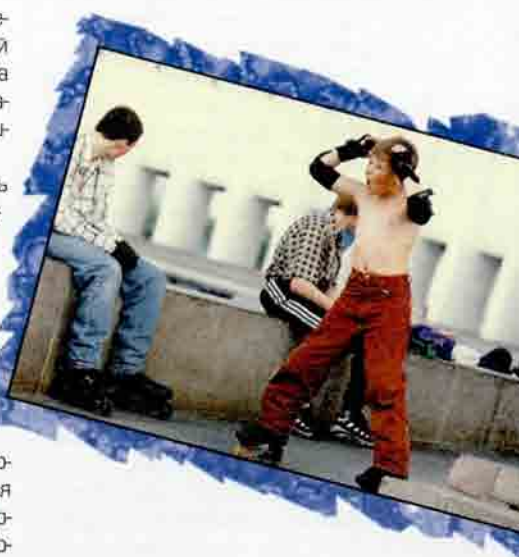
Можно кататься Над асфальтом

Александр Пьянков

— Почему я катаюсь на роликах? — переспросила 15-летняя Настя, с которой я чуть было не столкнулся нос к носу на улице. — Это же так круто! Лучше снадите, почему вы сами до сих пор пешком ходите?

В самом деле, почему? Оглянитесь вокруг: кажется, все — от мала до велика — нацепили коньки и носятся, как угорелые, по улицам и площадкам. Олимпийский комитет России уже официально признал Федерацию роллер-спорта. Статистика утверждает, что в Москве уже 85 тысяч роллеров. А мне кажется, что гораздо больше!

Хотя до западных масштабов мы пока не доросли. Приятель, вернувшийся из Америки, рассказывал, что в Нью-Йорке частенько можно встретить со-

лидного господина в пиджаке и при галстуке, который мчится в офис на роликах, размахивая портфелем. Я тоже, путешествуя по Европе, был свидетелем подобных сцен. А в Германии бундестаг вообще принял специальный закон, по которому ролики приравнены к личному автотранспорту. Еще бы — на них натаются более 10 миллионов немцев.

Число роллеров растет во всем мире. Потому что, во-первых, мода нынче такая, во-вторых — экономя времени, в третьих — для здоровья весьма полезно: и худеешь, и позвоночник укрепляется, и мускулатуру развиваешь. [Недавно у юных роллеров появилось еще одно преимущество перед "пешеходными" сверстниками — их схотно берут на нурьерскую работу: время — деньги.] Ролики, словом, — удовольствие. Но при одном условии — если ролики хорошие.

Как угадать, хорошие они или нет? В спортивной секции столичного ЦУМа я разыскал настоящего профессионала — продавца-консультанта Захара Петрова, который знает о роликовых коньках практически все. Советую прислушаться к его рекомендациям.

— Классические ролики — это гластмассовый ботиночек, внутренний сапожок, металлическая рама и колеса — канцде с двумя подшипниками внутри.

Все коньки делятся на три вида: прогулочные, скоростные и прыжковые. Прогулочные — для начинающих. На них установлены подшипники с густой смазкой, которые не позволяют развить большую скорость, а, значит, меньше шансов налететь на столб. К тому же полукруглый профиль колес делает их более устойчивыми.

Скоростные ролики — для людей, продвинутых в катании. Масляная смазка подшипников, большой диаметр и узкий профиль колес позволяют роллеру буквально летать — профессионалы могут разогнаться до 80 километров в час. Мировой рекорд скорости — 180 километров в час.

Прыжковые коньки "агрессивного" стиля — только для "профи". На них можно кататься, скользить по перилам и бордюрам, перепрыгивать через препятствия и выделять всевозможные фигуры высшего роллерского пилотажа.

Самый темный вопрос в роликовых коньках — это материал, из которого сделаны колеса. Его можно разделить на мягкий — из износостойкой резины на основе полиуретана, и твердый — из пластмассы. Последний встречается практически на всех коньках, слепленных в Китае. Честно говоря, китайские коньки лучше не покупать. На них установлены плохие подшипники, плохие колеса, плохие тормоза. Помимо того, что их хватает всего лишь на пару месяцев, они могут стать причиной серьезной травмы, неожиданно развалившись в самый неподходящий момент. Отличить китайскую продукцию несложно — раскрашенный "кислотными" цветами ботинок, яркие шнурки, тонкая и хлипкая застёжка-липушка", пластмассовый тормоз, при вращении колес явно слышен рычащий шум. И стоят они сравнительно дешево — около 300 рублей "новыми".

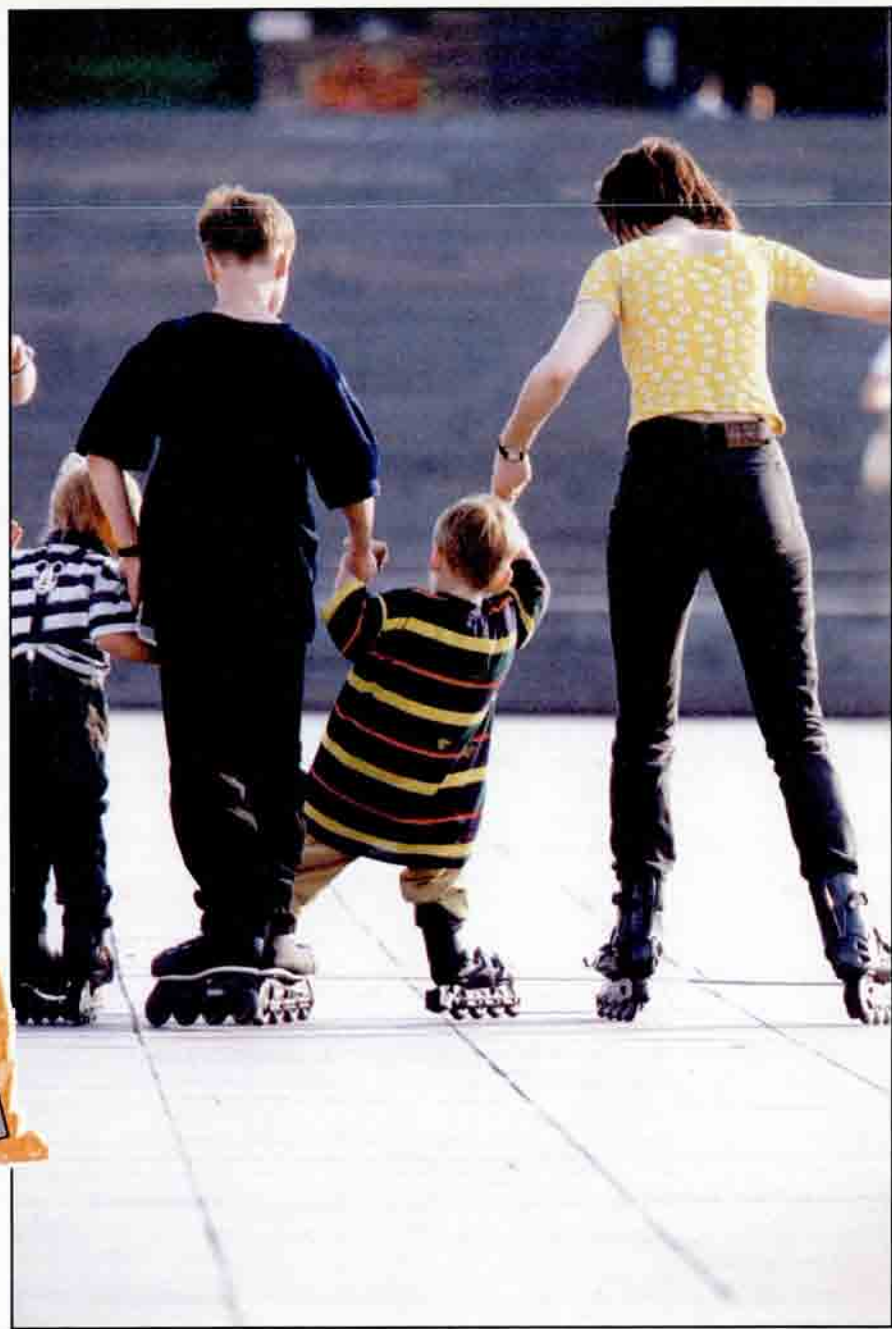
А вот фирменные роликовые коньки обойдутся не менее, чем в сотню долларов. Лучшие на нашем рынке сейчас — от фирм "Рочес", "Роллерблейд", "Бауэр", "Оксиджен", "К-2". В прошлом году по-

явились итальянские ролики "Типно" со съемной платформой. Очень удобное изобретение — снимаешь колеса и можно идти, как в обычных ботинках, не надо запасную обувь с собой таскать.

У фирменных коньков все сделано настолько целесообразно, что можно заменять вышедшие из строя детали, не покупая новых роликов. При этом колеса рассчитаны на два сезона, а подшипники могут служить и дольше, только не надо забывать их смазывать.

К роликам, какими бы фирменными они ни были, непременно придется приобрести защиту: перчатки, наколенники, налокотники и пластиновый шлем. Новичкам без защиты лучше не кататься. В одном из московских детских травмопунктов медсестра жаловалась, что больше не может слышать слово "ролики". Бывают дни, когда из сорока пациентов — тридцать восемь ломали руки-ноги, катаясь на коньках. Поэтому если уж нашлись деньги на коньки — потратитесь еще и на надежную защиту. Чтобы не было потом мучительно больно...

Зимняя гроза,
Молния над полем.
Разом небеса
В сумрачной юдоли
Высветились. И
Снова все померкло.
Господи, спаси,
Вызволи из некла!
Нечего сказать,
Небеса сдурели —
В январе гроза,
Холода в апреле.
Брошен на авось,
И — кому в угодю? —
Вкривь пошел и вкось
Календарь природы.
...По щекам слеза,
Молния — по нервам.
Зимняя гроза
Будто в круге первом.
Это тайный знак,
Посланный нам небом,
Или просто так —
Молния над снегом...

ПТИЦЫ

Живу в больничной палате с окнами на восток,
Раньше других получаю свежего утра глоток.
Воздуха, цвета и гама птичьего — раньше других.
Ночь, а закатов не вижу. Господи, что мне до них!
Ночь, как огромная птица, черным взмахнет
крылом...
В сон опускаюсь, будто в тот возвращаюсь дом,
Где лампа под абажуром, серые пятна лиц,
Шелест страниц газетных и крики голодных птиц.

*...Сорок послевоенный год леденит окно,
По карточкам получаем — хлеб, керосин, пшено.
Горсть утащу из дома, чтоб не видала мать,
Ведь птицам голодным что-то надобно поклевать...
Слетаются черные птицы на малую горсть пшена.
Мама во двор выходит, улыбка ее нежна.
Смотрит на птиц, на сына, на серые небеса,
А на щеке застыла крошечная слеза...
Вздрагиваю, просыпаюсь — луна леденит окно,
Звездная състь, как будто разбросанное пшено.
Каплет вода из крана — секунда, потом еще...
Это ночная память мне выставляет счет.
Тяжелый больничный воздух — не выдохнуть, не вдохнуть,
Но до рассветной сини надобно дотянуть.
А там уж перекантуюсь и надышусь сполна —
Лишь бы запели птицы у моего окна...*

◆◆◆
*Зашторенные окна,
Сентябрь на двоих.
И воздух будто соткан
Из капель дождевых*

*И хлопает фрамуга
Вверху на чердаке,
И от шального звука
Рука дрожит в руке.*

*На пальце безымянном
Окружие кольца,
Но в полумраке страниом
Не разглядеть лица.*

*И мы стоим у края
Беспамятной воды,
Еще не понимая,
Откуда ждать беды...*

◆◆◆

*Музыка в подземном переходе...
Ежедневно, при любой погоде,
в гимнастерке, в ржавых кирзачах,
из Твери, а может, из Рязани
он гармошку древнюю терзает —
лишь бы свет музыки не зачах!*

*Нет, не просит. Не вздыхает тяжело,
не у ног — на голове фуражка.
Меж жующих и спяющих меж,
он хрипит всей болью и всей кровью! —
Про нее, родимую Прасковью,
Про медаль за город Будапешт...*

◆◆◆

*Чистильщики ботинок,
с патентами и без,
бывало, за полтинник
наладят шик и блеск.*

*Где их акцент гортанный,
веселый их оскал,
что на углу Басманной
меня очаровал?*

*Остоженка, Покровка...
Из тех, сороковых,
летит скороговорка
их щеток обувных.*

*Бархотка осторожно
скользит туда-сюда,
и с пылью придорожной
стираются года.*

*И веселеет воздух
в усталом октябре.
И все еще не поздно
поправиться тебе...*

ПОПЫТКА ЭПИТАФИИ

*Жили в бараках ГУЛАГа,
Мерзли в роскошных дворцах...
Было — и честь, и отвага,
Было — и подлость, и страх.*

*В судьбах их все перемешано,
(Не пожелаю другим...),
Райское — было обещано,
Адово — выпало им.*

*Кровью и славой отмечены,
Правдой и ложью увенчаны,
Здесь, на погосте простом,
Спят под звездой и крестом.*

*Кто они — Авели, Каины?
Не разобраться в золе...
И в небесах неприкаянны,
Как и на грешной земле.*

*От тех, шестидесятых, остался легкий свет,
да пара фотографий, да скомканный сюжет
где наши диалоги как щебетанье птиц,
и где ишкарны жесты бездействующих лиц.*

*Истерлась позолота и удлинилась тень —
от тех, шестидесятых, осталась дребедень:
дешевого портвейна на утро полглотка
и вместо поцелуя поспешное "Пока...".*

*Ну, а еще осталась — гитарная струна,
да песенка простая, где чудная страна...
Плывет себе кораблик бумажный по волнам,
любови и надежды он возвращает нам.*

*Летит себе журавлик по светлым небесам,
прислушиваясь к нашим вчерашним голосам...*

РЕВНИВАЯ МУЗА

РОМАН БЕЛУСОВ

В то утро Флобер, как обычно, принял ванну и, напевая мотив из “Лючии ди Ламмермур”, спустился вниз.

— Твои друзья приедут к завтраку? — спросила мать.

— Я жду их с минуты на минуту, — ответил он, глядя в окно с нескрываемым беспокойством. Настроение начинало портиться. Обещали прибыть утром, чтобы позавтракать вчетвером. После чего Флобер собирался прочитать им только что законченный новый роман. Встреча была назначена заранее на 12 сентября 1849 года — для Флобера нынче пробьет час решающего испытания. Впрочем, он был уверен в успехе и нисколько не волновался.

Наконец послышался шум подъехавшего экипажа. Флобер выбежал к воротам встречать друзей. Горячо обнял Луи Буйле, своего однокашника по руанскому колледжу, а ныне собрата по перу; крепко пожал руку Максиму Дюкану, писателю, с которым в ту пору его связывали узы большой дружбы.

Весело переговариваясь, все трое направились в дом. По пути Максим Дюкан, поглядывая на двадцатисемилетнего хозяина, заметил, что тот еще больше располнел. А ведь он был божественно красив, так красив, что когда появлялся в руанском театре в ложе вместе с сестрой Каролиной, его встречали аплодисментами. И вот теперь, особенно после болезни, свалившейся на него лет пять назад, белокурый викинг превратился в эдакого восточного пашу с уже намечающейся лысиной...

Его жизнь изменилась с того дня, как руанцы, глубоко уважавшие Клеофаса Флобера, главного хирурга центральной городской больницы, проводили на кладбище гроб с его телом. Вслед за отцом смерть унесла младшую сестру Гюстава, нежно любимую им Каролину. Подобно своей бабушке по материнской линии, она умерла, родив дочь. Племянница, которую нарекли именем матери, росла в их доме, и дядя лично занимался ее воспитанием.

Семья переселилась в Круассе, небольшой поселок, расположенный на Сене неподалеку от Руана. Старинный дом с пристройками и садом — целое поместье времен Людовика XV — был куплен отцом Гюстава незадолго до смерти.

Флобер полюбил новое обиталище, тем более что здесь, как уверяли, бывал в свое время автор “Манон Леско”. Приятно было сознавать, что в этих стенах, возможно, родились бессмертные строки прославленного романа аббата Прево.

После завтрака мужчины перешли в кабинет хозяина.

Флобер разложил рукопись на столе. “Искушение святого Антония”, — произнес он сильным, глухим голосом и начал читать: “Перед рассветом я становился на молитву, потом шел к реке за водой и возвращался по крутой тропинке с бурдюком на плече, распевая гимны”...

В первый день чтение длилось восемь часов: от полудня до четырех и затем от восьми вечера до полуночи. И так — четыре дня подряд. Все это время друзья молча слушали Флобера — он просил не пребывать его и пока не обсуждать с ним написанное.

На четвертые сутки, в полночь, Флобер закончил чтение. Он был так измотан, что предложил перенести вынесение приговора на следующий день.

— Поговорим обо всем завтра утром.

Суждение друзей было столь же единодушным, сколь и жестоко категоричным.

— Мы с Максимом считаем, что вещь не удалась, — прямо заявил Буйле, который, как казалось Флоберу, обладал тонким и безупречным литературным вкусом. — Лучше всего, Гюстав, бросить рукопись в огонь и забыть о ней...

— Вы шутите, — едва выговаривая слова, произнес ошеломленный Флобер. — Нет, вы шутите. Послушай, Луи, ты ведь это не всерьез?

— Вполне серьезно, — вступил Дюкан. — Ты просто одержим, помешан на словесной мании. Не спорю, ты умеешь строить фразу. Но все

повествование — сплошной поток фраз, повторяю, музыкальных и живописных, но ничего не дающих. Все это смахивает на напыщенную риторику. А сам Антоний? Какой-то глуповатый, ошалевший от изумления. К тому же, отсутствие действия и неизменность ситуации... Поверь, Буйле прав, забудь об этом. Хочешь — сожги, хочешь — положи в ящик стола. И точка.

Сегодня мы знаем, что друзья Флобера оказались не правы.

К счастью, Флобер не последовал их совету и не бросил рукопись в огонь. Он изобрел путь совершенствования: избавился от нагромождения сцен, из-за чего терялась логика композиции, сделал мысль более четкой, пожертвовал кое-какими деталями, “подсушил стиль”. И тридцать лет спустя, когда писатель завершил, наконец, свое трудоемкое сочинение, читатели получили шедевр, без которого ныне мировая литература была бы беднее.

...Весь остаток того дня Флобер не мог найти себе места. Ночью не сомкнул глаз. На другое утро друзья, спустившись к завтраку, застали за столом одну мадам Флобер. Она еще не видела сына, он ушел часа три назад в направлении Кантлэ.

Отложив завтрак, Луи и Максим поспешно отправились вслед за Гюставом.

С холма Кантлэ, возвышающегося над Сеной, видны были весь Руан, покрытый легкой голубой дымкой, шпили собора, крыши с дымящимися трубами, переплетение улиц и извилистая лента реки. Флобер задумчиво созерцал раскинувшуюся перед ним панораму. Лицо его осунулось — результат бессонной ночи — и казалось постаревшим.

Возвращались назад молча. Внезапно Флобер заговорил об отсутствии у него таланта. Теперь он, право, не знает, о чем писать. Есть у него две-три исторические темы, но он не уверен в них.

— Возьми какой-нибудь обыденный сюжет, будничную историю из буржуазной жизни и изложи ее соответствующим образом.

— Но я не помню ни одного интересного случая, — пожаловался Флобер.

— Почему бы тебе не использовать историю Деламара? — предложил Буйле.

— Кого? — переспросил Флобер.

— Эжена Деламара.

— Того, что был учеником моего отца и проходил у него практику в больнице?

— Именно его. Помнишь, лет шесть назад он женился на дочери бленвийского фермера? — продолжал Буйле.

— Да, да, вспоминаю. Кажется, в прошлом году его жена отравилась мышьяком.

— Ну, конечно, помнишь — эта история наделала столько шума. Муж был разорен, жена покончила с собой, а дочка осталась на попечении бабушки, матери Эжена. Не так давно престарелая мадам Деламар посетила ваш дом, — сообщил Буйле. — Тебя тогда не было, ты

путешествовал в Италии. Как-то я пришел навестить твою мать и застал у нее пожилую женщину весьма провинциального вида. Она представилась как мадам Деламар. Говорила, что живет в соседней деревне, очень бедствует, воспитывает сироту внучку. Сюда пришла искать утешения у вдовы знаменитого доктора, у которого когда-то учился ее сын.

— Превосходная мысль, — согласился Флобер. И как бы убеждая самого себя, добавил: — В самом деле, почему бы не попробовать?

Позже Флобер начал вспоминать подробности истории семейства Деламаров, Эжен Деламар, проходивший клиническую практику у доктора Флобера в центральной руанской больнице, был трудолюбивым, но посредственным учеником. Кажется, он даже не получил полного диплома врача. Вместе с матерью обосновался в Ри. Здесь женился на вдове, которая была старше его, работал в сельской общине. Вскоре, однако, стал вдовцом.

Как-то вечером его срочно вызвали к фермеру в Бленвиль-Кревоне — тот сломал себе ногу. На пороге дома его встретила девушка лет семнадцати. Это была мадемуазель Дельфина Кутюрье. Она проводила врача к отцу. Перелом оказался не сложным. Тем не менее, врач произвел на папашу Кутюрье хорошее впечатление, и он попросил навестить его еще раз.

В августе 1839 года Деламар женился на Дельфине.

Как установили позже, о чем, возможно, Флобер и не знал, родители Дельфины были против брака дочери с молодым вдовцом. Однако дочь думала иначе. По словам служанки, Августины Менаж, девушка мечтала выйти замуж. Между тем отец выпроваживал одного жениха за другим, считая, по тем или иным соображениям, что они недостойны его дочери.

Тогда Дельфина пошла на хитрость. Об этом в преклонном возрасте служанка рассказала Ж. Леблан-Метерлинк — актрисе, решившей выступить в роли журналистки. Так вот, со слов служанки известно, что Дельфине удалось обмануть родителей. Девушка стала подкладывать под юбку салфетки, мистифицируя беременность. Уловка подействовала — свадьба состоялась.

Прошло девять лет их совместной семейной жизни. Были ли они счастливы?

Поначалу молодой женщине импонировало быть женой, как ей казалось, серьезного медика. Но вскоре она обнаружила, что Деламар весьма посредственный врач, а человек — скучный и нелюдимый. Правда, жену свою он любил и посему, надо полагать, был счастлив. Что касается ее, то монотонная жизнь в доме провинциального лекаря очень скоро ей наскучила. Ничто — ни ребенок (Алиса родилась в первый год замужества), ни чтение, ни заботы по хозяйству — не могло принести ей счастья. Ребенка отдали на попечение кормилицы. Дельфина, отличавшаяся взбалмошным характером и внезапными, подчас необъяснимыми для окружающих приступами дурного настроения, жила в постоянном беспокойстве. Муж, дочь, служанка, аптекарь Жуан, мещане-соседи были ей неинтересны. Она грезил о

другой жизни, о другом общественном положении. Это подтверждали и те, кто знал ее. Дельфина была безудержной мечтательницей. На читавшихся Бальзака, Вальтера Скотта и Эжена Сю, она собирала полную охапку всех цветов со своих клумб, украшала ими свою гостиную, окна, стол. Потом появлялась, бойкая и оживленная, на пороге своего дома и произносила, смеясь:

— Я жду своих гостей. — Жеманься, она делала реверансы, улыбалась, спрашивала воображаемых гостей: — Здравствуйте, принц!.. Как вы себя чувствуете, герцогиня?.. Ах! Герцог болен?.. Приедет ли маркиза?

Потом прислушивалась к молчанию, озиралась. Кругом было пусто, как и в ее душе.

Отвращение к мужу росло. Теперь Дельфина открыто презирала супруга-буржуа. “Деламар не был дурным человеком, но он не был создан для нее — такой красивой, такой деликатной, так хорошо воспитанной.. — рассказывала служанка. — Она была такой доброй, такой нежной!..” Дельфина начала тратить деньги на экстравагантные наряды, и скоро муж ее погряз в долгах. Когда ей это надоело, она стала мечтать о любовнике. Случай не заставил себя ждать. Совершив первое грехопадение, она в поисках идеала стала менять поклонников, иступленно предаваясь страсти. Со временем о ее амурных приключениях будут рассказывать многие свидетели. Прежде всего, та же служанка, от которой, по ее словам, госпожа не имела секретов.

Во время поездки в Ри, где Ж. Леблан-Метерлинк собирала материалы для своей книги, ей довелось слышать и записать свидетельства еще живших очевидцев трагедии, разыгравшейся в этом городке. Она узнала, что в те годы в нескольких километрах от Ри в замке Грасьянвиль поселился красивый тридцатилетний холостяк Луи Кампьон. Поговаривали, что до этого он жил в Париже и содержал танцовщицу. Он стал ее любовником. Утверждали, что именно он послужил прототипом Родольфа Буланже в романе Флобера.

“Родольф? Это тот, который жил в Гашетт. Но он не был единственным. После него был еще Леон, и в то же время был брат Леона”, — приводит Ж. Леблан-Метерлинк рассказы кумушек из Ри. “А дядя моего мужа? — свидетельствовала другая. — Высокий, красивый мальчик, которого она пыталась соблазнить. А? Флобер далеко не обо всем рассказал”. Третья вспоминала, как ее мать будто бы выручила однажды Дельфину, когда муж чуть было не застал ее в гроте, в саду, где она находилась не одна.

Не верить всем этим свидетельствам нет оснований, особенно если учесть, что в Ри давно уже существует своего рода “культ” Дельфины Деламар. Тем более нет причин не доверять служанке.

Раз уж я заговорил о “культе” Дельфины и всего, что связано с другими персонажами и местом действия романа Флобера, то замечу, что были найдены прототипы даже для горничной, кучера дилижанса, отвозившего Эмму Бовари в Руан, и других второстепенных персонажей. Тщательно искали и, наконец, определили местонахождение дома Эжена Деламара в Ри, аптеки, трактира “Золотой лев”, замка

“Вобьессар”. В связи с этим вспоминаются слова писателя В. Лидина, побывавшего в доме-музее Флобера в Круассе: “Старая Нормандия в изобилии поставляла ему всех этих аптекарей, ветеринарных врачей и оскудевших дворян, которые стали впоследствии его героями”.

Когда о связи Дельфины с Луи Кампьоном заговорили все кумушки в Ри, старая мадам Деламар пыталась предостеречь сына. Но тот лишь посмеялся над матерью. Впрочем, по другим сведениям, Эжен Деламар внял советам матери и запретил жене выходить из дому. Ему будто бы даже пришлось запереть ее на ключ. Но тут на помощь затворнице, как всегда, пришла ее наперсница-служанка. Она помогла ей выбраться через окно в сад, где та встретила со своим любовником. “Нужно было видеть, как она обнимала своего возлюбленного...”, — повествовала служанка.

Но вот, бросив Дельфину, Луи Кампьон уехал, как говорится, в Америку. Поехал один, хотя и обещал увезти вместе с собой и ее, умолявшую об этом. Дельфина тяжело пережила обман и измену, однако вскоре утешилась. Стала встречаться с молодым клерком Луи Боттэ, работавшим у нотариуса. Но и Боттэ ее оставил. Возможно, кумушки из Ри были правы, и любовные похождения Дельфины Деламар этим не ограничились... Как правы были Луи Буйле и Максим Дюкан, рассказавшие о жизненном источнике сюжета “Госпожи Бовари”, и писавшие, что Дельфина Деламар “гнала за приключениями и не могла насытиться ими”. Иначе говоря, по их же словам, она “была поражена нимфоманией”, являлась жертвой “одной из форм тяжело невроза, который разрушает анемичных женщин”.

Запутавшаяся в сетях адюльтера, униженная в собственных глазах, поставившая мужа на грань разорения, Дельфина Деламар отравилась. Случилось это в марте 1848 года. “Она лежала на кровати бледная, с закатившимися глазами, — спустя годы вспоминала служанка. — Ее уже нельзя было узнать... Она не хотела сказать, какой яд приняла... Все плакали. Тогда ее маленькая дочка стала на колени и умоляла ее сказать, наконец, правду. О! Это было гораздо ужаснее, чем в книге...”

Не трудно представить, что оба, Буйле и Дюкан, наперебой припоминали подробности событий в Ри. Пересказывали свидетельства других: какие на окнах в доме Деламаров висели портьеры — черно-желтые в полоску, в какие платья одевалась хозяйка. Вспоминали внешность Деламара, его характер, причину смерти, а возможно, самоубийства, после того, как в его руках оказались письма жены, и он удостоверился в ее измене.

Флобер все с большим вниманием прислушивался к тому, о чем рассказывали друзья. Однако засесть за новый роман не спешил. Надо было, как условился с Дюканом, совершить путешествие на Восток.

“Шекспир и Восток приводили его в экстаз”, — скажет о Флобере Анатоль Франс. Шекспир — великий англичанин, как его называли “эйвонский лебедь”, всегда казался ему колоссом, в реальное существ-

вание которого трудно было поверить. Что же касается “вечного Востока”, то смолоду Флобер упивался “восточным миражом”. Теперь предоставлялась возможность воочию увидеть его города, людей, познакомиться с чудесами, загадками, обычаями. И убедиться в его “подлинности”.

С энтузиазмом Флобер включился в сборы, которыми Дюкан начал заниматься еще ранее. Покупали костюмы и снаряжение, подыскивали слугу. Дюкан изучал фотографию, чтобы делать снимки; Флобер запасался блокнотами.

Мать, убедившись, что Гюставу это путешествие необходимо, дала на него согласие. Перед отъездом он отвез мадам Флобер в Ножан-сюр-Сен к родным ее покойного мужа.

И вот 29 октября Флобер отправился в путь. Позади осталось шумное застолье прощального обеда для друзей в ресторане “Провинциальные братья”, восхитительная Виардо, которую они успели услышать на сцене оперы в “Пророке” Мейербера, прощание с Луизой Коле...

В середине ноября они высадились в Александрии. Затем совершили поездку в Каир, осмотрели его окрестности, мечети эпохи крестовых походов и, конечно, знаменитые пирамиды. Побывали внутри гробниц-гигантов, но самое большое впечатление произвел Сфинкс, находящийся у подножия пирамид.

Возбужденные и уставшие, они вернулись в отель “Нил”, а на следующее утро двинулись дальше, на юг. Они плыли по великой реке, и залитая туманом нильская долина казалась морем.

...Неистово бурлил поток под яростным нубийским солнцем. Грохотала и пенилась вода, разбиваясь о черные гранитные скалы. Завороженный, Флобер любовался величественным зрелищем. И вдруг крикнул, стараясь перекрыть шум воды: “Эврика! Эврика!”

Не разобрав слов, Дюкан бросился к нему: не случилось ли чего-нибудь?

— Что на тебя нашло?

— Я назову ее Эммой. Эммой Бовари, — улыбаясь, ответил Флобер.

— Почему не Буварэ? — с раздражением спросил Дюкан, этот “интимный враг”, как позже назовет своего спутника Флобер.

— Вот именно. А потому, что гостеприимный хозяин отеля “Нил”, почтенный господин Буварэ, только что превратился в господина Бовари.

Так, на широте двадцать четвертой параллели неверная и романтическая супруга врача из Ри обрела свое “гражданское” состояние.

Когда в начале июля 1851 года, исколесив земли древних цивилизаций, Флобер и Дюкан вернулись домой, замысел будущего романа вчерне был почти готов. Позже так и скажут, что вместе с восточными сувенирами Флобер привез из путешествия “Госпожу Бовари”.

В Круассе за это время все осталось по-прежнему. Так же отчужденно от мира текла жизнь обитателей дома. Старый садовник молча поливал цветы в саду. Кроме почтальона, редко кто посещал семейст-

во Флоберов. Только Луи Байле регулярно приезжал по субботам. Зато все заметили, что хозяин за время путешествия заметно переменялся. Волосы еще больше поределли, лицо осунулось и сделалось кирпичным от загара, а брови рыжими, как у бывалого матроса. “Где ты, обильная шевелюра моих восемнадцати лет, ниспадавшая на плечи, полные надежд и честолюбия?” Заметили в нем и другое — он был в прекрасном настроении. Шумно рассказывал о путешествии, охотно делился впечатлениями, с гордостью показывал маленьких засушенных кайманов, кувшин с мумией священного ибиса, набедренный пояс негритянки-рабыни. Но главная причина его хорошего настроения состояла в том, что его воображение было всецело поглощено будущим романом.

Спустя четыре месяца после возвращения Флобер написал Луизе Коле: “Вчера вечером приступил к новому роману”.

Впереди — долгие пять лет напряженного, изнуряющего труда.

Какие отношения существовали между писателем и Луизой Коле, его Музой? Была ли она, действительно, его вдохновительницей? Повлияла ли Луиза Коле на создание образа Эммы Бовари? Об этом спорили много. Она пребывала в атмосфере литературного Парижа (среди ее поклонников были Виктор Кузен, Альфред де Мюссе, Альфред де Виньи, Александр Дюма, Виктор Гюго) и, казалось, не имела ничего общего с проживавшей в провинции героиней Флобера. И все же некоторые исследователи усматривали известную аналогию между столичной поэтессой, тщеславной и любвеобильной, и сладострастной мечтательницей из романа Флобера.

Поэтесса Луиза Коле, “богиня романтиков”, как ее называли, крупная белокурая южанка, была на тринадцать лет старше Флобера. Она стала первой, и, видимо, единственной настоящей любовью писателя.

Лет за десять до встречи с Луизой Коле он пылал юношеской неразделенной страстью к Элизе Шлезингер, жене музыкального издателя, в доме которого бывал. О своей безответной любви он расскажет в “Записках безумца”. В этой же повести автор, верный своему тогдашнему принципу писать о том, что лично чувствовал, изображать непосредственно пережитое, вывел и другую свою знакомую тех лет — Гертруду Колльер. И еще одна женщина, некая Элали Фуко, оставит след в памяти молодого Флобера. Он встретил ее в Марселе. У них был легкий флирт. В романе “Ноябрь” мадам Фуко предстанет в образе куртизанки, воспылавшей страстью к юному поэту и мечтателю.

Все это было позади, принадлежало беспокойной поре чувствительности, оставившей на плече у него клеймо, шутил Флобер, которое он “носит как каторжник”.

Письма Флобера к Луизе Коле (а их около трехсот) — бесценная часть эпистолярного наследия писателя. На протяжении всех восьми лет, пока длились их отношения, Флобер буквально засыпал свою возлюбленную пылкими откровениями. Однако это не только интимные признания. Он щедро делился в них своими эстетическими

взглядами, размышлял, излагал творческие принципы. Письма эти, в частности, помогают воссоздать творческую историю романа "Госпожа Бовари". Можно сказать, что похождения героини Флобера, мечущейся в тенетах узкого мешанского мирка, разворачиваются на фоне его отношений с Луизой Коле, их любви, вначале подлинно возвышенной (во всяком случае с его стороны), озаренной взаимными художническими интересами, согретой общим духовным климатом. Понимала ли она его? Сознала ли, что жизнь — не только проявление нежностей? Казалось, да. Во всяком случае испытывала удовлетворение от того, что Флобер не похож на других мужчин, и гордилась своей победой. Ее тщеславие требовало, чтобы все знали имя ее возлюбленного, самолюбие жаждало слов любви, восхвалений.

Встречаться им доводилось не часто. Она жила в Париже, он в Круассе. Их разделяло расстояние в несколько десятков километров. Иногда на две-три недели он приезжал в столицу. В Круассе Луиза не должна была появляться, пока жива его мать. Так решил Флобер, и ничто не могло заставить его отменить этот запрет. (Вдова доктора Клеофаса скончалась через пятнадцать лет после того, как Флобер расстался с Луизой Коле.)

Столь редкие встречи и породили интенсивную переписку, благодаря чему мы сегодня располагаем изумительными письмами великого писателя, проливающими свет на историю создания "Госпожи Бовари".

Что касается Луизы, то она не задумывалась, что будет потом, жила настоящим: "Один, два, десять лет, какое мне дело? Все, что мы измеряем, проходит, у всего есть конец". Она торопилась, опасаясь, что ее могут забыть. Он успокаивал ее: "Ты знаешь, что такую, как ты, не покидают, слишком трогаящая и глубокая у тебя натура". И утешая, уверял, что он не из тех, в ком обладание убивает любовь, напротив, она воспламеняет его.

Чаще всего они виделись в Манте — на полпути между Парижем и Руаном. Их так и называли — "любовники из Манты". Но и сами они посвятили городку, дававшему им приют, теплые слова признательности. "Там, долгим поцелуем, за которым следовали бесчисленные другие, мы начали наш любовный праздник", — писала Луиза в собственной ей манере. Она воспевала Мант в стихах "Песня", "Последний жар", "Обожание" и других. Ничего другого, кроме праздника чувств, Муза не помнила. И в знак благодарности посылала Флоберу стихи о маленьком прелестном городке в долине Сены.

Просыпаясь утром в Круассе после недавнего свидания, Флобер вновь мечтал о Луизе. И его охватывало отчаяние от того, что он не скоро теперь увидит свою Музу. Она же, не желая ничего знать, требовала более частых свиданий, жаловалась, что он не любит ее, не думает о ней, совсем забросил. Называла монстром, чудовищной личностью.

"Что я могу ответить тебе, дорогой друг, на твои постоянные упреки, будто я не хочу приехать повидаться?" — спрашивал он в свою очередь. И уверял, что она ему очень нужна, что хотел бы ее чаще ви-

деть, быть с ней, что он мечтает о парижской квартире, где будет всегда около нее. Впрочем, как знать, не наскучили бы они друг другу, если б жили всегда вместе, осторожно замечает он. Ведь лучше любить по влечению, а не поддерживать любовное пламя по привычке или упорству. “Законная связь — незаконна, — убеждает он, словно боится за свою свободу, — она противоестественна, противоречит сердцу, ее законности достаточно, чтобы прогнать любовь”.

Ему не терпелось скорей подойти к развязке “Госпожи Бовари” — “ведь она, в конечном счете, может привести к развязке и в моей личной жизни”.

“Вот именно — мадам Бовари!” — возмущалась Луиза. И готова была ревновать даже к ней, к той, которая всегда рядом с ним и которой он уделяет все свое внимание.

Работа над романом изматывала Флобера до такой степени, что он иногда физически страдал, ощущал боль, от которой почти терял сознание.

Как назло, рукопись подвигалась крайне медленно. Случалось, что за целый день не удавалось написать и полстраницы. Бывало и хуже: с утра до вечера он слонялся по кабинету, не в состоянии вывести ни строчки. И тогда ему казалось, “будто вся катушка размоталась”. “От досады, уныния, усталости у меня голова идет кругом! Просидел четыре часа и не мог придумать ни единой фразы. За весь сегодняшний день не написал ни строчки”.

В эти минуты Флобер зывал к своей Музе: “Постарайся навеять на меня вдохновение. В этом товаре я сильно нуждаюсь в данный момент”.

Луизе не терпелось, чтобы он поскорее закончил этот роман о женщине, незримой тенью вставшей между ними. На ее упреки, что работа мешает их свиданиям, он отделяется шуткой: “Пегас чаще идет шагом, чем скачет галопом. Если же говорить серьезно, то “Бовари” подвигается туго; за целую неделю — две страницы!” Обещал: увидятся в Манте, когда он закончит эпизод, это будет недели через две, не позже.

В следующем письме: “Мне осталось написать страниц шесть или восемь до конца эпизода”. Она знала, что на это может уйти и неделя, и две, и все три... Наконец, Флобер сообщил, что дошел до того места, после которого наметил их свидание. “Как я запоздал!” — сетовал он.

“Долгое ожидание убивает радость встречи”, — говорила ему Луиза. “О, моя дорогая, печальная любовь, не покидай меня!” — словно спохватившись, умолял ее Флобер. И невольно снова заводил речь о самом для него главном: “Когда мы с тобой увидимся, я уже далеко шагну вперед — любовь достигнет апогея, сюжет развернется окончательно, и участь книги будет решена”.

Между тем они стали замечать, что все, разделявшее их, накладывало свой отпечаток даже на мелочи повседневной жизни. На какое-то время очередное свидание приносило радость, оживляло отношения. Но все явственнее дуэт переходил в дуэль. И раздражительнее становились письма Луизы. Все чаще в них звучали обвинения в бес-

чувственности и равнодушии, нежелании поступиться ради нее своим искусством.

Он, как обычно, отшучивался: нельзя требовать апельсин от яблоки. Напоминал ей, что ошибаются те, кто отождествляет любовь с физической близостью. Но все его доводы рушились перед обыденностью Луизы.

Любовников она обычно выбирала среди людей знаменитых и полных. В этом смысле Флобер — самая серьезная ее связь — не представлял в то время какого-либо интереса. Эту свою незаинтересованность она безусловно могла поставить себе в заслугу. Вообще же, Луиза Коле делала все с умом. Стихи были для нее поводом сообщить читателям о месте своего рождения, о предках, которых она считала знатными, о любовниках, которых имела немало. Она писала статьи, комедии, стихи, сказки для детей (кстати, детей у нее было семеро, причем, от разных мужчин; в живых остался лишь ребенок от Виктора Кузена), вела отдел в журнале “Моды Парижа”.

Настоящим ее достоинством была красота. И когда с годами она поблекла, Луиза, будучи не в состоянии восполнить эту утрату умом, умерла “от огорчения и от неумения состариться”.

Себялюбивая Луиза не понимала, либо не хотела понять, что в работе для Флобера заключалось и горе, и счастье. Она совершала распространенную ошибку — ревновала к творчеству. Возможно, ей хотелось, чтобы перо Флобера чаще выводило ее имя.

Так или иначе, пылкий, необузданный нрав и капризный характер Музы приводили к частым размолвкам. Наконец, в 1854 году произошел окончательный разрыв.

Спустя несколько лет мадам Коле отомстила Флоберу. Не так, правда, как писателю Альфонсу Карру за его неудачно брошенную фразу в кафе “Риш”, что отцом ребенка Луизы был не ее муж, а любовник. На следующий день она явилась к А. Карру и, вынув из сумки кухонный нож, нанесла ему удар — к счастью, не смертельный. Потом этот нож висел в прихожей у А. Карра с надписью: “Нож, всажженный мне в спину мадам Коле”.

Месть Луизы Флоберу была не столь явной, но достаточно откровенной. В своих романах “История солдата” и “Он” бывшая возлюбленная вывела его в образе равнодушного Леонса, погубившего героиню своей бесчувственностью.

Но в то время, о котором идет речь, Луиза Коле и Гюстав Флобер переживали золотой полдень, и до омрачения его тучами серьезных размолвок было еще далеко. Они отдавались “ветру своих сердец, пока он надувал их паруса”. “Пусть он несет нас куда хочет, а что до подводных камней... что поделаешь! Увидим”.

Толстый позолоченный Будда бесстрастно дремал в углу комнаты. Он всегда одинаково безразличен и к холодному зимнему ветру, и к затяжному осеннему дождю, и к бушующей за окном реке. Так же спокоен он и перед лицом страстей. И как бы ни был взволнован хозяин кабинета, восточный истукан взирал на него с обычным равнодушием.

А между тем хозяин действительно был очень возбужден. Лицо его вздулось от прилива крови, шея налилась, лоб побагровел. Вобрав голову в могучие плечи, он уставился на исписанный лист бумаги. Только что отравилась Эмма Бовари. “Она двинулась прямо к третьей полке, схватила синюю банку и, вынув горсть белого порошка, тут же принялась глотать”. Флоберу стало тяжелее дышать, грудь стеснило, и он вдруг почувствовал странное сильное недомогание. Не хватало воздуха, он задышался. Во рту отчетливо ощущался вкус мышьяка, который только что проглотила Эмма. Прикрыв рот рукой, Флобер едва успел выбежать из кабинета. Его вырвало...

“Буржуа и не догадываются, что мы подаем им на стол наши сердца. Род гладиаторов не вымер, каждый художник принадлежит к этому роду. Он развлекает публику своей агонией”.

В этот вечер с радостью и облегчением он написал, что “Бовари” близится к завершению.

Как измучила его эта книга, Боже, как он устал, сколько выстрадал. Предложи ему сейчас кто-нибудь начать снова этот проклятый роман, он не согласился бы ни за какие миллионы. В минуту отчаяния он пишет на уголке письма: “Пора кончать с “Бовари”!.. Нет, эта книга — не мое детище, не моя плоть, не мной выношена...”

Пятьдесят три месяца упорного труда и ежедневного — днем и ночью — общения с тенью Дельфины Деламар, принявшей облик Эммы Бовари. За это время было исписано тысяча семьсот страниц — чтобы оставить в окончательном варианте около пятисот.

Наконец, в конце мая 1856 года Флобер отправил рукопись в редакцию “Парижского обозрения”. Роман был опубликован и разошелся мгновенно. “Только женщины, — записал Флобер в те дни, — смотрят на меня, как на “ужасного человека”. Находят, что я слишком правдив”. Однако кое-кто усмотрел в книге нечто иное, более опасное, нежели правда.

Случалось в истории, и не раз, что литературное сочинение и его автор были преследуемы судом. Но, пожалуй, ни в одну эпоху не преследовали писателей за их книги так яростно, как во времена Второй империи. Первое, что предпринял Наполеон III, захватив власть, — упразднил закон о свободе печати. Теперь репрессии грозили любому изданию, и прежде всего журналам и газетам, заподозренным в отсутствии политической лояльности.

Полицейские меры принимались и против тех писателей, которые в своих произведениях якобы нарушали правила общественной нравственности. По обвинению в “аморальности” к суду в то время привлекались Ш. Бодлер, братья Гонкуры, Э. Фейдо, Т. Готье, Э. Золя. Оказался на скамье подсудимых и Г. Флобер. Ему инкриминировали оскорбление общественной морали, религии и добрых нравов на основании закона от 17 мая 1819 года и 59 и 60 статей уголовного кодекса.

Вместе с писателем перед судом предстали редактор “Парижского обозрения” г-н Пиша — за то, что поместил в своем журнале столь вредное сочинение, как “Госпожа Бовари”, а также г-н Пилле, типограф — за то, что напечатал его.

В сущности, под предлогом борьбы с безнравственностью в литературе, власти вели наступление на свободу мысли. Негодование властей вызвал не только сам роман Флобера, но и то, что он появился в таком либеральном издании, как "Парижское обозрение". Этот журнал, занимавший враждебную правительству позицию, полиция уже дважды предупреждала. Теперь представлялся случай разделаться с ним окончательно. Словом, подоплека была явно политическая, а не литературная, хотя правительство и пыталось представить свои действия как акцию, направленную исключительно против безнравственного и антирелигиозного сочинения. С этой целью выискали в книге Флобера несколько непристойных и безбожных отрывков. Писателю пришлось предстать перед судебным следователем, и судопроизводство завершилось.

Что ожидало его в случае признания виновным? Возможно, год тюрьмы, не считая штрафа в тысячу франков. Сверх того, каждая книжка отдельного издания подверглась бы жестокому надзору и мелочной критике господ из полиции, а в случае рецидива Флобер снова очутился бы на "сырой соломе тюремной камеры", приговоренный к пяти годам заключения. Короче говоря, он не имел бы возможности напечатать ни одной строчки.

Но все же ему пришлось отправиться в шестую палату Суда исправительной полиции.

31 января 1857 года перед судом предстал высокого роста господин с длинными усами, глубокими залысинами и покрытыми красными прожилками щеками. Обращал на себя внимание его шикарнейший костюм, сшитый у Вассёра и Рубо, лучших столичных портных. Это был Флобер. Публика с интересом наблюдала за неизвестным доселе автором скабрёзного романа.

Но были в зале и те, кто сочувствовал писателю, — его друзья, коллеги-литераторы.

Ровно в десять часов утра началось слушание дела.

Председатель суда Дюбарль занял место между двумя своими помощниками Люпати и Наккаротом. Красноречивым движением Дюбарль предложил начать обвинительную речь. Господин товарищ прокурора Эрнест Пинар, с желчным лицом и всклокоченными бакенбардами, потребовал, чтобы суд встал на защиту попорченной нравственности. Речь обвинителя изобилвала восклицаниями, сарказмом и издевками. Не жалея красноречия, блюститель закона доказывал, что книга г-на Флобера — пагубная, безнравственная по самой своей сути. В ней высмеиваются неприкосновенные общественные институты и священные религиозные обряды, изображены исполненные похоти картины.

Едва сдерживая себя, весь побагровевший, Флобер слушал обвинительную речь. Временами лицо его становилось бледным, как полотно, и ему казалось, что в зале судят, смешивая с грязью, вовсе не его, а женщину, которую он сотворил силой своего воображения, стоявшую теперь перед судом и вынужденную публично отвечать за свои поступки.

Между тем в зале продолжали раздаваться слова обвинителя: “грязь и пошлость”, “книга, дышащая похотью”, “непристойные картины”, “поэтизация адюльтера”, “чудовищное смешение священного и сладострастного”. Последние слова относились к эпизоду смерти героини, в частности, к сцене соборования умирающей. Здесь пафос достиг высшей точки, и прокурор с торжественным видом зачитал сцену соборования, как главный аргумент своего обвинения.

Кончив цитату, он тут же заодно обрушился и на всю реалистическую литературу — не потому, что она изображает страсти, а потому, что делает это без удержу и без меры. “Искусство, лишенное правил, — не искусство. Оно подобно женщине, которая сбрасывает с себя все одежды...”

Наступила очередь защитника. Мэтр Сенар (в прошлом председатель Национального собрания и министр внутренних дел) поднялся со своего места. В успехе он не сомневался, знал, как нанести удар.

Его речь длилась четыре часа. Опытный адвокат один за другим разбивал аргументы обвинения, пока, наконец, не приступил к изложению своего главного аргумента, который должен был начисто опровергнуть обвинение. Неожиданно для всех он извлек из кармана небольшую тоненькую книжечку и потряс ею.

— Послушайте, — торжествуя воскликнул он, — послушайте, что говорит сама церковь.

Флобер сразу узнал эту книжку: это был тот самый “Требник”, которым он пользовался для описания сцены соборования умирающей Эммы. Блестящий ход. Молодец, дядюшка Сенар...

Через неделю, седьмого февраля, суд вынес решение.

Председатель Дюбарль унылым голосом зачитал: “Принимая во внимание, что произведение, судя по всему, потребовало от писателя долгого и тщательного труда..., что отмеченные отрывки, хотя и заслуживают всяческого порицания, занимают весьма небольшое место по сравнению с размерами произведения в целом... принимая во внимание...”

Флобер не слышал продолжения. Это был триумф адвоката, победа его самого, Флобера, и полное поражение господина Пинара, которому, видимо, здорово влетело за провал судилища над книгой.

— ...В этих обстоятельствах, — продолжал председатель, — суд снимает с Пиша, Флобера и Пилле выдвинутые против них обвинения и освобождает от уплаты судебных издержек...

Такое решение означало отсутствие состава преступления и закрывало “дело Бовари”.

Покидая в этот день здание суда, Флобер сказал Жюлю Сенару:

— Никогда еще я не понимал так отчетливо, как сегодня, что в это самое мгновение моя бедная Эмма страдает и плачет в двадцати французских селениях одновременно...

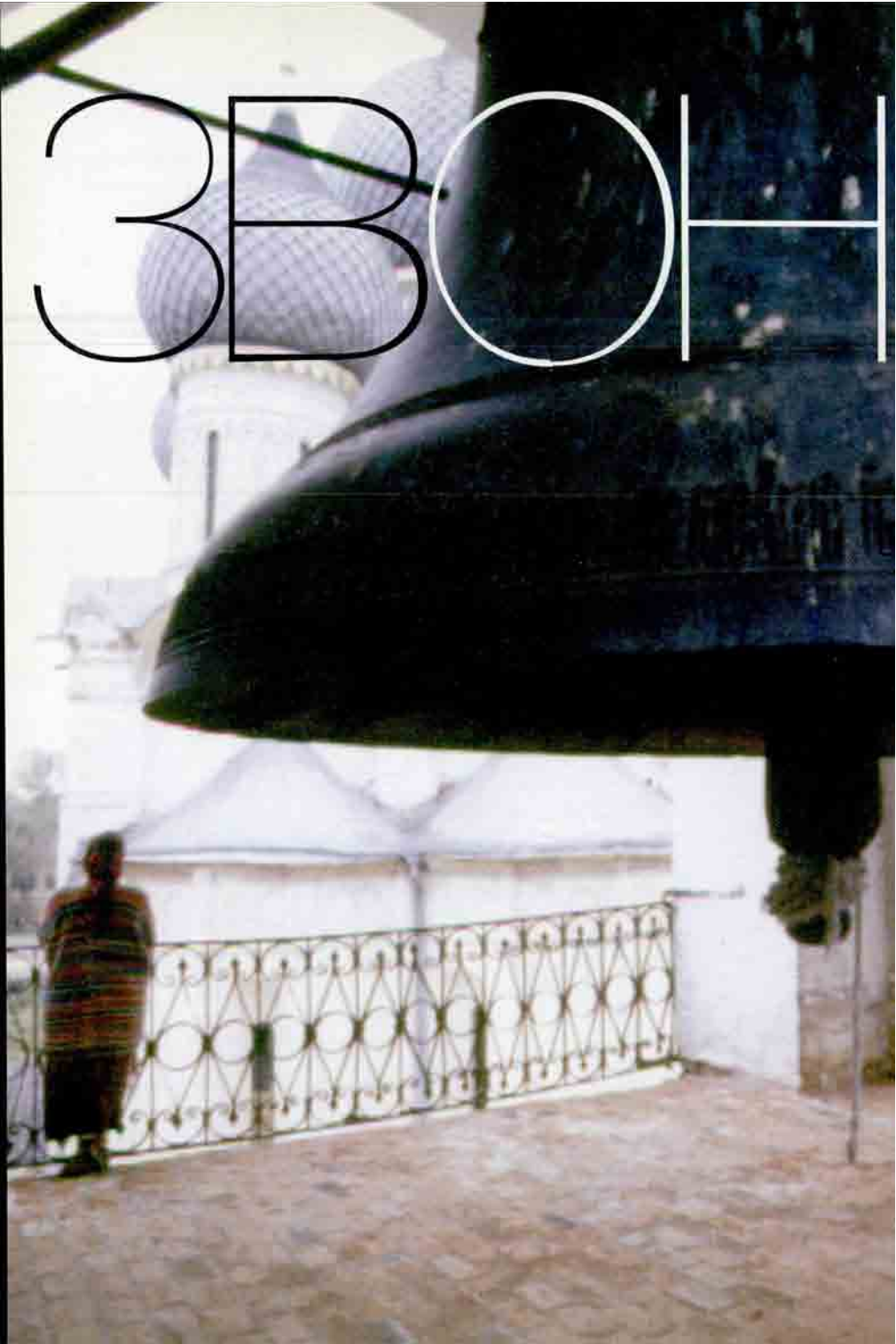
Вскоре издатель Мишель Леви выпустил роман “Госпожа Бовари” отдельным изданием тиражом в 15 тысяч экземпляров. Открывалась книга словами признательности Жюлю Сенару, которому Флобер был обязан выходом ее в свет. В приложении были помещены постановле-

ние суда, речи прокурора и защитника, которые во время суда записал стенограф, приглашенный Флобером с оплатой по шестьдесят франков за час.

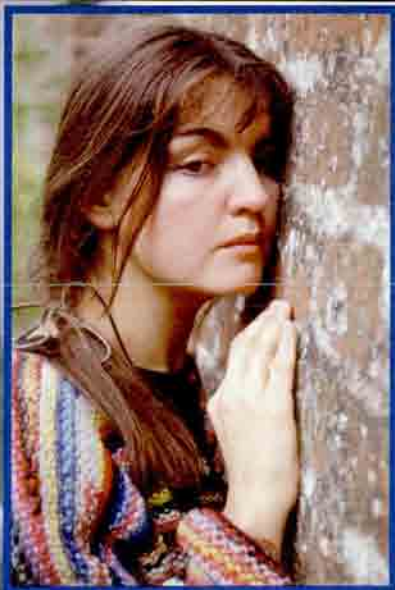
Однако, несмотря на одержанную в суде победу, нерадостно было у Флобера на душе. “Я так разбит физически и морально после всего этого, что не в состоянии ни шевельнуть ногой, ни держать в руке пера”.

Что было делать? Надо возвращаться в Круассе, жить там, как прежде, и постараться натянуть новые струны на его бедную гитару, которую забросали грязью... И как бы ни судачили обыватели, как бы ни реагировали присяжные критики, сколько бы ни клевали охранители нравственности, его дело “дробить камни, подобно рабочему, упрямо, со склоненной головой, с бьющимся сердцем”. Его дело “писать, не разводя теорий, не заботясь о составе красок, о размерах холста, о долговечности своих творений”, писать “изо дня в день, — как скажет о нем Анатоль Франс, — принося жизнь свою в жертву литературе”... ■

ЗБОЖ

Б

Андрей Семашко

Алле Виденееву я впервые встретил в Суздале, на фестивале колокольной музыки. Удивительное лицо ее светилось нежностью и покоем. И тонкие колокольные перезвоны, добавляя летнему суздальскому воздуху щемящее ощущение надежды и чуда, как бы очерчивали ее облик.

Мы познакомились. Алла работала научным сотрудником музея-заповедника в Ростове Великом. Колокольную музыку она знала, любила и сама пробовала "разговорить" колокола...

И вот я еду в Ростов. В тот самый Ростов Великий, что не раз соперничал с Владимиром и Москвой, выдвигаясь

среди славных русских городов сразу же вслед за самим Киевом.

Дорога ленила через Сергиев Посад, Переславль-Залесский — по местам красивейшим, окрашенным утренней осенней дымкой и багрянцем. И мне вдруг почудились благодатные звоны, когда увидел я нарядные хороводы ростовских куполов и башен, словно плывущие по синеве озера Неро. Древняя столица русского севера встречала меня храмами Спасо-Яновлевого Дмитриева монастыря.

Алле я отыскал в доме у бабушки, на окраине Ростова. И мы, не мешная, направились в храм, на звонницу...

фото автора

Тут надо заметить, что Алла Виденева разыскала в архивах удивительные сведения о всех 175 колокольных наборах церквей Ростова и его уезда. Ведь некоторые церкви в этом краю имеют на звонницах до шестнадцати колоколов! Исстари здесь все звоны игрались по нотам, что отличало музыку ростовских звонарей от прочих колокольных звонов.

К колоколам на Руси во все времена отношение особое — как к существам живым, дорогим и близким. Каждому колоколу давали свое имя: они, колокола, были вестниками и радости, и бедствий. Безмолвные звонницы, будто кладбище в полночный час, навели ужас: не слышать перезвонов малиновых — значит беда над Русью...

Черной тенью проходят в летописях упоминания о том, как был пленен благовестный голос Киева; как по приказу Ивана Грозного разбили (казнили!) вечерой колокол Новгорода Великого.

Ростовские звонницы тоже не раз наказывали страшным молчанием... А в XVII веке зодчие и мастера литейного дела создали здесь уникальную звонницу Успенского собора. Огромным 36-тонным Сысом управляли два звонаря; средний тысячелудовый звался Лебедем; младший из трех богатырей был Полиелейный — он тянул "все-

го-то" на восемь тонн. Ну, а Баран и Голодарь с гроздьями безымянных — вся колокольная рать.

Они и ныне подают голоса свои. Мне посчастливилось слышать их и видеть, как управлялась с этой ратью Алла Виденева.

Перед тем, как подняться на звонницу, она зашла в храм на благословение. А уже после — вверх, вверх! — ближе к небу, к воздуху, настоящему на горьковатом аромате ранней осени.

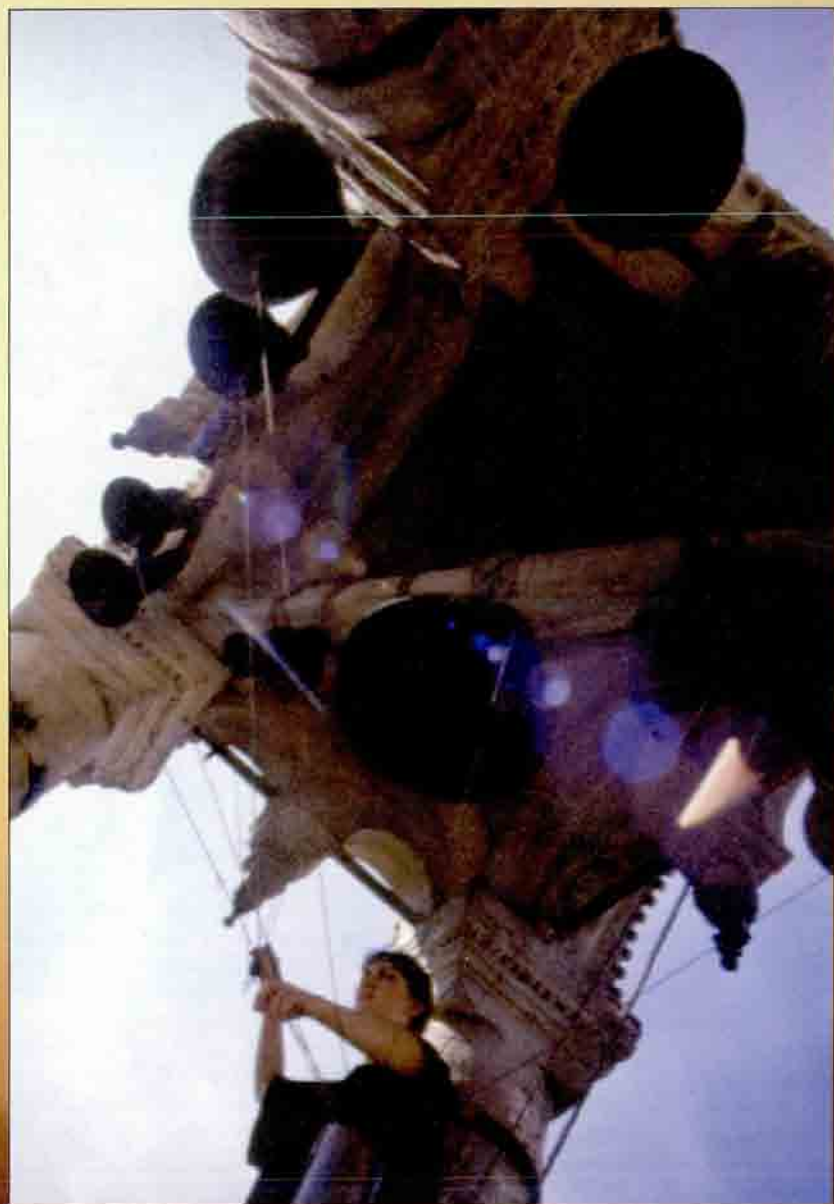
...Первым ударил громовой Сысой. Голос его подхватили чуть глуше и распевней Лебедь и Полиелейный. И вот уже веселым перезвоном вступили в хор колокола безымянные. И вострепнулись, разбуженные этой музыкой Архиерейский двор и Соборная площадь. А звон колокольный ширился, рос и шел к озеру, где тихо и нежно онунался в водную рябь...

Я смотрел на хрупкую фигуру звонаря, на лицо ее, обращенное ввысь, к Богу. Какая сила, какое торжество владело сейчас Аллой?

Нет, стороннему не понять...

И мне вдруг вспомнились давние строки Андрея Вознесенского: "Колокола, гудошники — звон, звон... Вам, художники всех времен..."

Духу, творчеству людскому — в утешение, в радость музыка эта. ■

В наше тревожное время кража людей становится привычным бандитским "бизнесом". Их спасение — без выкупа! — удается только опытным профессионалам...

ПОХИЩЕН

Сергей Золоткин

Кто расследовал и доводил до суда уголовное дело № 27119, не сговариваясь, признают: редкое какое организованное преступное формирование способно и сегодня сравниться с тем, что несколько лет назад одновременно орудовало в Сочи, в Сухуми, в Рязани. Есть, конечно, куда более жестокие и кровавадные, в нашем обществе немало "отморозков", гасящих чужие жизни, словно окурки. Но редко кто даже из самых отъявленных уголовников способен так, в совершенстве, отработать конспиративные связи между членами банды, каналы оперативной передачи информации че-

рез российскую границу, способы выявления наружного наблюдения и ухода от "хвостов". Это слишком сложная работа для дилетантов. Такому делу долго и специально учатся...

Невзрачный, щуплый "топтун"—оставник из милицейской "наружки" навсегда запомнил все детали секретной операции по спасению жизни профессора Кучавы. Мы пили с ним на Платоновой аллее кофе, у сочинских цветомузыкальных фонтанов, и он в меру дозволенного обрисовывал мне "на местности", где и как вокруг приморской гостиницы "Москва" дислоцировались автомобильные и пешие экипажи тай-

ной слежки. Это были лучшие силы местного УВД и регионального управления по борьбе с организованной преступностью. Это были мужчины и несколько женщин, обладавшие талантом все замечать и не быть замеченными. Тем не менее, их сумели обнаружить... "Контрдействия высшего класса сложности!" — определит потом старший следователь УВД Александр Хвостов. Ему было поручено вести это дело. Он вжился в него как никто иной. Он знает о нем все.

Уникальная по своему сюжету история с похищением профессора Нучавы — это лишь надводная часть не

изученного до сих пор "айсберга". Он и сегодня укрыт покровом тайны. Ее оберегают профессионально обученные люди, ускользнувшие от судебной кары.

...Они, эти люди, не сомневались в успехе, когда ранним августовским утром подъезжали к дому № 28 по Тбилисскому шоссе в Сухуми.

Трое в камуфляже

Лилия Михайловна собиралась на работу как всегда — к половине девятого. Амиран Александрович еще спал. Даже перед золотой свадьбой

супруга продолжала величать его по имени-отчеству, потому что боготворила мужа. Умница, талант, красавец, одно из самых ярких медицинских светил в Закавказье... Такого никто не посмеет тронуть даже в самые смутные времена, считала она: слишком многие обязаны жизнью профессору-онкологу Кучаву.

После того, как родители наотрез отказались переехать из Сухуми в Рязань, неугомонная дочка профессора Лиана настояла на установке бронированной двери с замками повышенной секретности. Лилии Михайловне было непросто с ними управляться, и она каждый раз ворчала, перебирая ключи: "Зачем такие хлопоты, а? Кому мы, старые, нужны?.."

Она пересекла двор, миновала узорчатую калитку и оказалась в военном санатории, где давно работала врачом. Не успела распахнуть окно в своем кабинете, как услышала донесшийся через двор крик "помогите!", и в то же мгновение увидела, как трое в камуфляже и в черных масках с прорезями для глаз вывели из подъезда Амирана Александровича в одном исподнем, забрызгав его кровью. Голова у мужа безвольно болталась, ноги заплетались — дюжие парни волокли его под руки.

Лилия Михайловна хотела закричать, но не успела. Профессора толкнули на заднее сиденье белого "Жигуленка" без номерного знака, и машина рванула с места.

Лилия Михайловна нинулась из санатория домой, вбежала на второй этаж и обмерла — дверь распахнута, стулья разбросаны, балконное окно разбито, на полу кровь.

Нет, это был не кошмарный сон, не галлюцинация. Ее дорогого мужа, заслуженного врача Абхазии, хирурга Божьей милостью, всеми уважаемого и любимого профессора Кучаву дерзко похитили.

Очнулся Амиран Александрович уже в машине. Она ехала в сторону обезьяньего питомника, что под Сухуми. Сидевший рядом смуглый мужчина лет 35-ти перехватил профессорский взгляд, ругнулся и торопливо натянул на лицо спецназовскую шапочку-маску. "Это не хорошо, что я его увидел", — огорчился профессор. Он сразу понял, что на занате жизни его силой втянули в историю, где лучше ничего не видеть, не слышать и не запоминать...

— Назови адрес и телефон дочери в Рязани! — требовали от него в душной комнатке без окон трое громил. Они называли друг друга Эдиком, Димой, Альбертом, но профессор догадывался, что имена выдуманные...

Лиана, его дочь, к тому времени работала в Рязани и была замужем за состоятельным бизнесменом. Поэтому профессор не сомневался: за его жизнь с дочери потребуют очень большие деньги. А потом... "Эти все равно не пощадят, — со спокойствием обреченного подумал Кучава. — Уж очень профессионально и безжалостно пытаются старого, беспомощного человека. Они выбьют из нас 10, 20, 30 миллионов и потом все равно прирежут".

— А ты дорого стоишь, профессор! Тебе многие на этом свете должны... Хоть 50 миллионов, хоть 100...

— Сто миллионов, сто миллионов! — взбудораженно загалдели подельники. — А почему бы и не сто миллионов? Заплатят!

У Амирана Александровича вдруг все поплыло перед глазами, лица в масках стали заливаться багровой пеленой и последнее, что он успел увидеть в тот день, склонившуюся над ним женщину со шприцем в руках. Она не укрывала своего лица и делала внутривенную инъекцию профессионально. Кучава запомнил и это. Но тогда даже он, многомудрый и столь

но повидавший человек, не мог предположить, при каких невероятных, почти фантастических обстоятельствах повстречается он с этой женщиной еще однажды...

Мамина записка

Дочь профессора Нучавы не могла поверить, что происходящее с ней — реальность. Все было так налажено и хорошо в ее жизни: достаток и покой в доме, солидное положение в обществе. И папу с мамой, слава Богу, обошла стороной война. У этих замечательных врачей, сделавших столько добра людям, попросту не могло быть врагов...

И вдруг — звонок из Сухуми, и подруга детства, работающая теперь на телефонной станции, заливаясь и понижая голос, читает мамину записку: "Доченька, срочно изолируйтесь хотя бы на пару недель! Переезжайте к родителям мужа. Никому не доверяйтесь! Помните, если кто вам позвонит или придет, вашего адреса и телефона мы никому не сообщали".

Мама была запугана до смерти и этот панический страх перенесся по проводам к Лиане. Какое-то время ей казалось: невозможно простому человеку, тем более женщине, противостоять злой, нахрапистой силе. Но потом натура взяла свое. Как потомственный врач Лиана хорошо усвоила золотое правило: ничего в жизни само по себе не делается. Грубому, циничному и безжалостному насилию необходимо сопротивляться столь же настойчиво и грамотно, как и тяжелой болезнью.

Впервые Лиана не могла посоветоваться с отцом, но думала так же, как он. Она понимала: больше всего похитителей интересуют деньги и меньше всего жизнь ее престарелого отца. Но самое главное зависело именно от де-

нег. И она решила: надо держать мерзавцев на крючке их алчности, не позволяя сорваться. Держать на крючке и осторожно вываживать. Чтобы папа остался жить.

В одиночку с этим, конечно, не справиться. Но заведующая облздравотделом Лиана Нучава — не последний человек в коридорах власти. Уже через пару часов Рязанское региональное управление по борьбе с организованной преступностью (РУОП) подключилось к делу не хирургической операции. И главным оружием рупоцев стала даже не подслушивающая и записывающая аппаратура — ювелирная техника общения с похитителями во многом определяла, в какую сторону качнется стрелка судьбы профессора и его близких.

"Убивать его мы будем медленно..."

Первый звонок прозвучал в обеденный перерыв. Лиана готовилась к нему, но все инструкции милицейских профессионалов вылетели из головы, как только грубый мужской голос спросил ее или брата. Она в панике бросила трубку и единственное, что удалось установить тогда с точностью — звонили издалека.

Этого было слишком мало, но следующий звонок не заставил себя ждать. Все тот же голос сразу предупредил, что говорить будет не более 40 секунд, чтобы не засекла "прослушка", и что отец Лианы пока еще жив, хотя уже завтра может погибнуть особо мучительной смертью. Для этого достаточно одной фразы: "Платить не будем". А заплатить надо 100 миллионов рублей. Наличными. Передача денег должна состояться в Сочи через пару недель. Обращаться в милицию бесполезно, там все "схвачено", а если и найдется какой не купленный, его

быстро вычислят, а отца тут же прикончат.

Все это выстрелилось в трубке пулеметной очередью с легким кавказским акцентом, от чего стало еще страшнее и тягостнее.

“А если это люди из близкого окружения отца? — спрашивала себя Лиана каждую бессонную ночь. — Если он знает их и они знают, что он узнал... Тогда отец обречен, несмотря ни на какие деньги. Тогда они попросту не выпустят его. Возьмут деньги и заренут”...

Дорога была каждая минута, и Лиана вступила в рискованную игру, чем-то напоминающую фехтование. Ответный выпад семьи Нучава и помогавших ей сыщинов начался с хитроумной оперативной комбинации. Просторную престижную квартиру в самом центре Рязани Лиана и ее супруг освободили для важного “покупателя”. Если кто и наблюдал в те дни за Лианой, мог не сомневаться: идет лихорадочный сбор больших денег.

Инструкцию по их передаче преступникам Лиана должна была получить в Сочи. 15 и 16 августа с 15 до 17 часов она должна быть в летнем кафе у кинотеатра “Стерео”. К ней подойдут и расквантуют, как действовать дальше.

— Как вы меня узнаете? — спросила Лиана во время очередного телефонного блиц-разговора.

— Не волнуйся, — хмыкнули на другом конце провода. — Разница между тобой и нами в том, что ты ничего о нас не знаешь и не узнаешь. А мы о тебе знаем все...

Наружное наблюдение, или попросту слежка — искусство древнее и хитрое. Видеть все и оставаться незамеченным умеют только отдельные любознательные соседки и особо талантливые сыщники. Последними любящая спецслужба дорожит и собирает наиболее опытных лишь в особо серьезных случаях. Тут был именно такой случай.

Задолго до указанного часа автомобильные, пешие и стационарные посты наблюдения сосредоточились вокруг кинотеатра “Стерео”. Все там, казалось бы, выглядело, как всегда. Прогуливалась с тансой пожилая дама. Двое помятых мужичков с большого, видимо, похмелья морщились, но тянули прямо из горлышка местное “Жигулевское”. Образцово-показательная супружеская чета баловала свое неугомонное потомство мороженым “Марс”...

Но почти каждый из этих людей держал под пристальным наблюдением кафе и его окрестности. И каждый прохожий просвечивался цепким, профессионально замаскированным взглядом: не это ли объект разработки?

Первым “засветился” невысокий кавказец лет сорока — он битый час изучал одну и ту же страницу газеты. И с каждой минутой все больше нервничал, все чаще бросая взгляд через улицу Орджоникидзе на столики летнего кафе. Человек явно кого-то ждал, хотя и пытался скрыть это. Вот мимо него уже в третий раз прошел другой кавказец, лет на десять моложе, с правильными тонкими чертами лица. Уронил пачку сигарет, неторопливо поднял ее и, не поворачивая головы, что-то коротко бросил любителю чтения на свежем воздухе. Тот выждал еще минут 10, последний раз взглянул на часы и неторопливо направился в сторону церкви. Там поставил свечку и долго глядел на икону. Крестился необычно, не как принято. Но иначе этот человек и не мог. Трех пальцев на правой руке у него не было...

Кассета в зарослях гортензии

Дочь профессора Нучава прилетела в Сочи с начальником охраны того предприятия, что возглавлялось ее мужем.

— Да не бойтесь вы, Лиана Амирановна! — басил квадратный, как шкаф, Захар Латыпов. — Если что, эта штука срабатывает...

Призер боксерского чемпионата снимал свой увесистый кулак-"колодушку", с добрую дыню величиной, но беспокойство и даже ужас не покидали женщину. Она понимала: самый быстрый кулак — не быстрее пули. А что, если бандиты догадаются, по какой именно причине она пропустила первый день встречи? Если они обнаружат диктофон или слезинку за собой?

Таким ничего не стоит застрелить и ее, и телохранителя. А потом и отца. Да и жив ли он? Быть может, уже поздно?

Эти вопросы бились в измученном мозгу Лианы всю бессонную ночь с 15 на 16 августа. Но на место встречи в кафе она явилась бодрой, энергичной, подтянутой. Она пришла не умолять. Она пришла договариваться и — торговаться.

— Мы же с вами деловые люди, — начала она свою игру именно так, как репетировала с руповцами, как повторяла не раз перед зеркалом. — Мы же знаем с вами, что, кто и сколько стоит. Мой отец уже очень стар. Он не выдержит долгого плена. Он умрет и вы потеряете товар, и тогда не получите ничего. А я предлагаю 30 миллионов, это большие деньги. Это все, что мы можем собрать. И потом, где гарантия, что мой папа жив?

Двупалый, как его сразу окрестила для себя Лиана, очень внимательно слушал, сочувственно покачивал головой в наиболее драматичных местах монолога. Глаза его были полны печали — казалось, он сейчас заплачет. Но вот мягким движением руки он потребовал молчания и жестом приказал телохранителю отойти подальше. Проверил сумочку Лианы, и она порадовалась тому, что совсем недавно ее возмущало: несколько часов оперативники уговарива-

ли женщину укрывать миниатюрную звукозаписывающую технику под одеждой, а не в сумочке среди носметки и прочих дамских безделушек.

— Согласен, мы с вами серьезные люди, Лиана Амирановна, — наконец заговорил Двупалый. — И поэтому будем все делать по-серьезному. Не будем обманывать друг друга. Например, мы знаем, сколько "наваривает" ваш муж за год. Ради тестя он может "отстегнуть" побольше. Но мы люди не жадные. И не жесткие. Это хорошо, что вы спросили о гарантиях, иначе я бы вам не поверил. Иначе все бы уже кончилось. Ваш отец жив. Пока жив. До первой вашей ошибки. Доказательства? Я сейчас уйду, а вы поищите в кустах. Завтра вам перезвонят в гостиничный номер. А уже сегодня мы будем знать, привели ли вы с собой "хвост". И если это так, не поможет ничего...

Двупалый говорил ровным, почти скучным голосом, не меняя выражения лица и не оглядываясь по сторонам. От этого Лиане было еще страшнее. Ей все казалось, что этот бандит пришел на встречу не один, что рядом кто-то невидимый и зоркий уже догадался, что за машина с поднятым капотом пристроилась на обочине, и что за паренек заназал поодаль бутылочку "Фанты"...

...Пакетик с кассетой в зарослях гортензий Захар Латыпов нашел сразу. Магнитофон оперативники подвезли в номер еще вчера. Руки у Лианы дрожали и она все никак не могла вставить пленку в аппарат. Наконец она нажала на кнопку и обмерла...

Предложение, от которого нельзя отказаться

Уже через несколько суток томительной неволи время для профессора потеряло счет. В комнатке всегда бы-

ло душно из-за спертго воздуха и нечеловеческого напряжения. Какие-то нелюди в масках и с оружием глумливо гоготали, приставляли ствол к виску, щелкали незаряженным автоматом. Полторы недели узника почти не кормили и каждое утро собирались расстреливать. Потом ткнули в лицо динтофон. А к груди приставили взведенный пистолет.

— Что говорить? — еле слышно спросил профессор.

— Говори, как тебе плохо, какие мы здесь все звери, и какая это ерунда — 100 миллионов за твою жизнь, — не без издевки пояснил верзила с офицерской выправкой.

Как ни крепился старик, голос у него задрожал сразу же, как он назвал имена жены и дочери. Спазмы не отпустили горло, и это не могла не услышать в номере сочинской гостиницы "Москва" его драгоценная Лиана.

К тому моменту "наружка" могла уже сделать первые выводы. Двупалый сразу после разговора у кинотеатра "Стерео" неторопливо прошагал к почтамту. Есть ли за ним "хвост", контролировал Красавчик — такой псевдоним молодому человеку с правильными чертами лица дали сыщики.

У телефонных кабин эти двое встретились, о чем-то коротко переговорили и каждый стал звонить по номерам, установить которые тогда не удалось.

И еще одна загадка сильно обеспокоила и даже встревожила сыщиков. Эти двое хотя и очень старались, но настоящими профессионалами явно не были. Проверялись нервно и чаще, чем следовало бы. Нарботанными и эффективными приемами отрыва от "хвоста" они явно не владели. Но вот третий... Контакт похитителей с Лианой Кучава явно контролировал кто-то третий, куда более

искусный, чем Двупалый и Красавчик. Он появился в поле зрения одного из постов, потом "засветился" перед другими, однако у поющих цветофонтанов словно бы растворился в воздухе. Этого фигуранта необходимо было разрабатывать тщательнее всего. В нем чувствовались особая выучка, несуетливое и проверенное умение профессионала скрываться в нужное время и в нужное месте. Его необходимо было вызвать на новый контакт с Лианой, и значит — со службой наружного наблюдения.

Когда граница не помеха

— Одной кассеты мало! — сухо и решительно обрубил Лиана во время очередного телефонного разговора с похитителями. — Вы могли записать моего отца еще в первый день. Где гарантия, что он жив и сегодня? Деньги будут после еще одной проверки. Я напишу три вопроса. Ответ на них знает только отец...

Для похитителей это должна была быть почти невыполнимая задача. Если профессор спрятан в Сочи, кто-то обязательно выведет на него. Если он остался в Сухуми — как можно успеть за сутки пробраться сквозь пограничные кордоны и вернуться?

Однако случилось то, что до сих пор остается загадкой для всех спецслужб, принимавших участие в акции спасения профессора.

Ровно в 14 часов 17 августа в гостиницу позвонил "Двупалый".

— Через 10 минут у фонтанов в кафе! — скомандовал он.

Руки у Лианы тряслись, она все никак не могла принесть под кофточку микропередатчик.

К ее столику долго никто не подсаживался, но Лиана почти физически ощущала на себе сразу несколько при-

стальных и все отмечающих взглядов. Затем словно бы ниоткуда возник Двупалый и с улыбкой поставил перед побледневшей женщиной чашечку кофе.

— Это вас успокоит! — Он протянул пачку "Стейт лайн".

— Мне не надо, — отмахнулась Лиана.

— Это как раз вам и надо! — С нажимом поправил Двупалый.

В пачке из-под сигарет было две записки. В первой анкуратным, почти каллиграфическим женским почерком объяснялось, что своего отца за 30 миллионов Лиана Кучава получить не может. За такие деньги она может получить только его труп. Но, следуя принципам гуманизма и сострадания, люди, у которых спрятан профессор, готовы согласиться на 50 миллионов. Лишь только потому, что Амирану Александровичу в заточении совсем плохо, он похудел уже на 20 килограммов и мир может потерять большого хирурга из-за непонятого упрямства и непростительной скупоści единственной дочери господина Кучавы.

Двупалый анкуратно снег в пепельнице прочитанную Лианой записку, терпеливо переждал, когда у нее высохнут слезы, и протянул свернутую в трубочку бумажку. Почерк был неровный, прерывистый, отдаленно напоминающий отцовский. И написано было о таких подробностях жизни семейства Кучавы, которые были не ведомы никому из посторонних. Написано всего восемь часов назад, в Сухуми, как свидетельствовала отцовская приписка. И еще несколько цемющих, пронзительных слов завершали это послание: "Шансов увидеться нам с вами почти не остается, — написал Амиран Александрович. — Мне определили остаток жизни всего в два дня. Если денег не будет... Тогда — прощайте!.."

Медлить больше было нельзя. В жестокой игре, где ставка — судьба

человека, необходимо было опередить преступников хотя бы на один ход.

Что удалось узнать сыщикам о похитителях к решающему моменту операции? То, что один из них, 32-летний Вахтанг Гогохия — Красавчик, еще относительно недавно был вполне добропорядочным гражданином. Бегство от войны, безработица и безденежье в чужих краях Вахтанга явно сломили. Он стал прислушивать Двупалому — 42-летнему Роини Квирлиани.

Двупалый же прошел закалку суровой жизнью. Он никогда нигде не работал, зато часто бывал судим то за угон машины, то за хулиганство, то за кражу... Сроки получал небольшие, максимум — 4 года. Выходил на свободу всегда досрочно. Но в "зоне" держался уверенно, не "шестерил", хотя и в "паханы" не стремился. Дерзок. Решителен. Тем не менее, и он явно не играет первую роль в похищении профессора Кучавы. За Двупалым стоит кто-то еще. Куда более матерый и подготовленный. Уверенный в том, что переиграет любую милицию и любую спецслужбу,

Блеф и козыри...

Место и время передачи выкупа этот кто-то определил заранее: в открытом летнем кафе напротив гостиницы "Москва" 18 августа в 8 утра. Это обескураживало оперативников: так поступают или самоубийцы, или "отморозки", уверенные в своей неуязвимости. Получение денег — самый рискованный этап любого похищения. Здесь выше всего вероятность провала и задержания. В доказательственной базе на судебном процессе именно эта стадия преступления является краеугольным камнем, на который опирается обвинение. Те, кто похитил профессора, этого не знать не могли.

Явочную квартиру бандитов на Лысой горе, арендованную женой Двупа-

лого у пожилой сочинской пары, нелегально "зарядили" всем, чем только можно было. Снимали на дальнобойную оптику всех входящих и выходящих. Записывали каждое слово в каждой комнате: Двупалый ругал Красавчина за плохую работу и был уверен почти на все сто — их "пасут". Но потом рейсовым автобусом уезжал в город, звонил кому-то из телефона-автомата, каждый раз другого, больше слушал, чем говорил, и возвращался очень приободренный.

— Мы им не по зубам... — загадочно обронил он подельнику за день до финала. — Если даже менты повянут, нас вытащат в два счета.

Участники намечаемого захвата похитителей встретились. Что это? Блеф Двупалого? Или же у него, как у опытного шулера, всегда отыщется запасной козырь в кармане?

К операции стали готовиться еще тщательнее. В ее подробности был посвящен только узкий круг избранных. Стационарные и мобильные посты наблюдения замаскировали и внутри гостиницы, и снаружи.

В часов утра для курорта — время раннее, малолюдное. Одним из самых убедительных прикрытий для сыщиков остаются лишь спешащие на работу сочинцы. Не должна вызвать подозрений и парочка собачников, выгуливающих своих любимцев. А вот с подменной бармена и официантки в гостиничном кафе решили не рисковать, наверняка преступники запомнили их лица. Только ли это предусмотрели они к решительному часу?

Вот Двупалый неторопливо подошел к столику, где ни жива ни мертва сидела Лиана. Внушительный пакет с обработанными спецреактивами денежными "нунлами" стоял у нее под столом. Теперь надо было дожидаться главной изобличающей улики — момента передачи "выкупа". Но Двупалый брат

его не спешил. Он любезно спросил у дочери своей жертвы, хорошо ли ей спалось. Посмотрел на часы, немного выждал, лениво обозрел окрестности сквозь темные очки, потянулся, устремив лицо к небу... И кан-то сразу посуловел... Торопливо пообещал дочери профессора перезвонить в номер. Едва заметно кивнул ее телохранителю, присевшему поодаль. Криво ухмыльнулся вслед бодренькому топстячку в пижамных шароварах, прошлепавшему мимо трусцой... Даже не посмотрел на нового швейцара, чрезмерно напрягшегося у входа в "Москву"...

Теперь всем участникам операции было ясно: Нвирлиани в ловушку не пойдет. И это при том, что Красавчик маячил "на стреме" у него далеко за спиной, у фонтанов и явно не обнаруживал за собой слежки. Не подавал никаких условных знаков, не кричал: "Роини, беги!" Но Роини, тем не менее, сейчас уходил. Он что-то или увидел, или почуял и теперь ускользал из расставленных милицейских силков.

Что-то его слугнуло. Или кто-то, оперативниками так и не замеченный, предупредил. Лишь позднее, при показном изучении оперативной видеосъемки, один из руповцев обратит внимание на странную тень у шпиль гостиницы "Москва", запечатленную случайно скользящим объективом. На крышу здания каким-то чудом и вопреки оцеплению кто-то все же прошмыгнул. Оттуда как на ладони были видны передвижения всех и вся вокруг гостиницы "Москва". Некоторые из машин уне по несколько раз за полчаса проезжали то по улице Платановой, то по Курортному проспекту. Профессионалу это говорило о многом. И он каким-то непонятным для оперативников образом подал Двупалому тревожный сигнал. Это был не только сигнал провала операции. Вполне возможно, это был сигнал гибели заложника. Спасти

его теперь могли только совершенно нестандартные, наступательные и дерзкие контрдействия милиции.

Двупалого и Красавчика в любом случае упускать было нельзя. Да, главная улика — прием выкупа, утрачена. Но можно потерять и самих подозреваемых. Брать обоих следовало без промедления. Но это только в кинобоевиках все просто: "Руки вверх, лицом вниз, не двигаться!" И все, "наши" победили, хэппи энд, финальные титры... Но это в кино.

В жизни же самое сложное начинается потом, после задержания. Что было и чего не было у сыщиков к тому моменту, когда Двупалый не взял денежную "куклу" и неторопливо направился к почтамту?

Была твердая уверенность в том, что Квириани и Гогохия являются активными соучастниками похищения профессора Кучавы. И были тому доказательства, но больше косвенные, нежели прямые. Ведь даже переговоры с дочерью профессора о выкупе еще не свидетельствуют о том, что Двупалый лично похищал и прятал престарелого заслуженного человека. "Наоборот, хотел ему помочь, начальник! Меня попросили (или заставили). А кто унрал, где прячут? Разве я к этому отношение имею?" — Так или примерно так мог защищаться рецидивист Квириани в следственном кабинете. Без показания самого Амираана Кучавы обвинение могло и не сложиться.

Но даже не в этом ощущалась для детективов тревожная неуверенность: не было никакой гарантии, что после задержания Двупалого и Красавчика профессора Кучаву удастся спасти.

Тем не менее, добро на "приемку клиентов" группе захвата было дано. Обоих повязали неподалеку от "хазы" чисто и быстро. Ни Квириани, ни Гогохия даже не думали сопротивляться.

Для такой ситуации они были более чем спокойны. Это укрепляло худшие опасения оперативников. Дача на Лысой горе скорее всего пуста, один шанс против миллиона, что профессора прячут именно здесь. Дюжие молодцы в "бронинах" и в полусферах с пуленепробиваемыми щитками ворвались на дачу с двух сторон. Все было сделано так молниеносно, что кухарившая у плиты Циала, жена Квириани, даже не успела испугаться.

Дачу обшарили от чердака до подвала, но заложника там не оказалось. Это был крах операции — так казалось в те минуты большинству оперативников. Но не всем. Несколько руоловцев, по роду секретной службы обязанные и сегодня быть безымянными, а также Александр Хвостов, следовательно из городского УВД, рискнули действовать на грани фола. В случае неудачи это могло стоить им дальнейшей карьеры, но ставка — жизнь профессора Кучавы — была слишком уж высока.

Как перехитрить ловкача?

Итак, стало ясно, что заложника прячут где-то в Сухуми. Но это раньше Абхазию можно было считать чуть ли не пригородом Сочи. Еще относительно недавно сочинцы ездили туда на элентричке или на автобусах за мандаринами по рублю за кило. Теперь вытаскать профессора из-за границы самостоятельно милиции было практически невозможно.

Значит, надо выманить на серьезный разговор тех, кто прятался в Абхазии сам и прятал там профессора, и надо очень торопиться, потому что на денежный выкуп у похитителей интереса теперь не оставалось. Им нужно было создать совсем другой "интерес". И выдвинуть другое предложение. Та-

ное, от какого отказать они не смогли бы при всем желании. Решили, что для подобного торга нужно взять того, кто уже пару раз обводил вокруг пальца всю местную "наружку", весь РУОП и все следственное управление. Кровь из носа нужно было перехитрить ловчака, проходившего сквозь госграницу, как нож через масло.

Интуиция подсказывала оперативникам, что по всей логике бандитской операции этот неуловимый субъект вот-вот должен появиться в Сочи. Кто-то должен приехать или за деньгами, или за информацией. Кого-то непременно надо ждать этой ночью на даче.

Как ни в одном другом оперативном мероприятии успех засады зависит от воли случая. Нет, безусловно, опыт, смелость, решительность тут многое значат. Это ведь не за письменным столом писателя-детективщика было придумано: идеальная, казалась бы, засада провалилась однажды из-за легкого табачного дымка, что почувствовал еще на подходе к своему логову один некурящий и очень осторожный рецидивист...

А можно и вообще ни на чем не проколоться, почти не дышать, не шевелиться, а вожденная добыча в ловушку не пойдет. Не подфартило! Не тот расклад у милицейской карты вышел. Примерно так думали дальние и ближние посты засады на Лысой горе в предрассветные часы 19 августа.

Вот двое странноватых парней обнялись под голубым ночным светом и почти поплыли по лунной дорожке, что-то шепча друг другу на ухо... Вот они едва не завернули к "хазе". Пронеслась еле слышная команда от рации к рации, напряжились группа захвата, заколотились бешено сердца... Но "сладкая" парочка юркнула в кусты, где ее и повязали без шума, отволокли в сторонку, бросили в штабной автобус, упрятанный подальше. Прове-

рять здесь особо было нечего: случайно забредшие наркоманы с нетрадиционной, так сказать, сексуальной ориентацией...

Вот частное такси притормозило между домами, поодаль. Заглушая стрекот цинад, понесся вдоль улицы беззлобный матерок... Припозднившийся хмельной пассажир и водитель искали консенсус в животрепещущем вопросе оплаты за проезд...

Нет, все это явно было не то. И — не те. Нужный человек возник будто бы из ничего за час до рассвета. Тихая, неприметная серенькая "мышка" скользнула в калитку прозрачной тенью, замерла на крыльце, прислушалась осторожно, сделала шаг через порог и обмякла в молниеносном железном захвате.

Маленькая хозяйка большого дела

Нама Кирия была прописана в селе Члоу Очамчирского района Абхазии. На вид — типичная крестьянка, заданная скудным бытом и тревогами беспокойного времени. Вроде бы как ничего и не понимает по-русски. И вообще мало что значит и может в суровых мужских делах.

Но почему тогда при виде задержанной Намы дернулся в панике Крававчик и не сумел скрыть тревоги во взгляде даже рецидивист Двупалый? Почему Циала так сбивчиво и так много стала говорить, почти кричать о полной непричастности Намы к делам своего мужа Роини и его друга Вахтанга?

За всем этим наверняка что-то крылось. Задержанная явно выдавала себя не за ту, кем была на самом деле. Но пока все, да же самые тягкие подозрения, строились только на догадках и следственной интуиции.

Уголовно-процессуальный кодекс дает всего лишь три дня для превра-

щения всех этих умозаключений в железные доназательства, способные убедить прокурора. После этого — или санкция на арест, или освобождение. Другого не дано... Не дано?..

У оперативников всех стран и времен, начиная с бывшего уголовника и "короля сыска" Франции Видона, всегда были и есть свои тайные источники информации. Без них, без агентов, или стукачей, если угодно, не обойтись почти ни в одной оперативной "раскрутке" по-настоящему серьезного дела.

Похищение профессора Нучавы — это более чем серьезно. Это, как тогда уже понимали рязанские и сочинские милиционеры, столкновение профессионалов с профессионалами. Действующими в одном направлении сразу же после задержания Двупалого, Красавчина, Циалы и Намы. Противника надо было дезинформировать и сбить с толку. Его надо было заставить поверить в то, что милиция разъярена до предела своей неудачей с освобождением заложника и теперь всю тяжесть своего гнева обрушит даже не на Нвирлиани и Гогохия, а на Циалу и Наму. В первую очередь — на Наму.

О, она оказалась совсем не простая птичка! Тихие, незаметные, но все знающие и все слышащие люди уже шепнули своим кураторам по агентурной работе, что там, в Абхазии, эта маленькая женщина ворочает большими делами. Там она распрямляется, становится сразу выше, значительнее и способна подчинять даже крутых кавказских мужчин. Это она, по негласным данным, под видом беженки пронесла через пограничный пост записку от заложника. И она же каллиграфически правильным почерком сообщила дочери профессора: "За 30 миллионов получите только труп".

Нама Кирия наверняка служила если не основной пружиной, то одной из главных деталей того механизма, что

действительно в любую минуту способен был уничтожить профессора Нучаву.

Операция "Дезинформация"

— Если что с профессором случится, всем, кого менты в Сочи повязали, несдобровать! — нашептывали в нужные уши специально проинструктированные люди. — Тут дело на принцип пошло. Легавые таное против наших накопили... Совсем озверели... Хоть год, говорят, их держать будем, а своего добьемся...

Это был откровенный блеф. Там, по другую сторону границы, похитители профессора уже давно разучились подчиняться закону и верить в справедливость. Зато они были подвластны диктату наглой силы и гипнозу страха. В данном случае — страха за Наму. В первую очередь — за Наму. Кто-то очень авторитетный и очень ею дорожающий более всего боялся теперь одного: что, если в Сочи начнут играть в ту же самую жестокую и подлую игру, что была затеяна в Сухуми, когда окровавленного престарелого врача в одном исподнем выволокли из собственной квартиры...

Даже самые интенсивные допросы Двупалого и Красавчина, как и следовало ожидать, оказались безрезультатными: оба задержанных ушли в глухую "несознанку" и молчали.

Александр Хвостов, следовательно одаренный и цепкий, умел разговорить по душам почти любого. Интуиция подсказывала Александру, что Красавчик — самое слабое звено преступной организации. Он слишком быстро и безжалостно был вырван из привычного круга жизни с ее суетой и необременительными обязанностями. И слишком тяжело свыкается теперь с ролью преступившего закон и нравственные заповеди.

Нет, о похищении профессора Кучавы и о требовании выкупа за него Гоголия не говорил ни слова. Он не называл ни одного имени. Но, столкнувшись в следственном коридоре с Камой, вздрогнул. И не удержался от опрометчивого вопроса следователю: "Неужели и ее будут здесь держать?" "Пока не освободят профессора!" — не моргнув, присочинил Хвостов. Но только очень опытный человек мог заподозрить в этом фальшь. К тому времени оперативно-следственная группа уже знала: противник выкидает. Он растерян, но не сломлен. Он надеется на 22 августа. Именно в этот день истекает срок задержания, разрешенный Уголовно-процессуальным Кодексом. Дальше — или санкция прокурора, или — освобождение.

Но подписать ордер на арест Камы Кирия и Циалы Джинджолия мог только очень отчаянный начальник. Ни одной улики против них не было. Записку Камы Двупалый предусмотрительно сжег в пепельнице сразу же после того, как Лиана прочла ее. В подслушанных телефонных переговорах обе женщины не фигурировали... Что еще? Оставался единственный выход: милиция стала блефовать нан никогда. Расчет был на то, что там, в Сухуми, не выдержат нервы у кого-то, очень дорожащего Камой.

На третьи сутки ее и Циалу не освободили. Даже при наличии паспортов оформили по спецприемнику как бомжних, чьи личности еще необходимо выяснять. Это, кстати, могло стоить кое-кому из группы если не погон, то очередного звания. Любая прокурорская проверка тут же вскрыла бы нарушение закона.

Нет, следователю Хвостову и отвечавшему за всю операцию замначальника УВД по следствию Тайгибову ни в коем случае нельзя было отпускать задержанных на Лысой горе. Нужно было рисковать и ждать гонца из Сухуми. А потом жестко ставить условие: вы

нам — заложника, мы вам — двух женщин! И считайте, что вам еще повезло. Что "выкуп" получается просто царский. Что чешутся руни сочинских властей засадить и Циалу и Каму вместе с Двупалым и Красавчином "на всю катушку". Что хватает, мол, с лихвой для этого доказательств. И лишь чувство гуманизма и сострадания к детишкам задержанных удерживает пока карающий меч...

Все это и многое другое человек "оттуда" выслушал с каменным лицом. Он появился на вторую неделю содержания Камы в одной душной камере вместе с грязными бомжиками. Кама была в ярости. Она регулярно переправляла на волю "малявы" вначале с требованиями, а потом и мольбами незамедлительно освободить ее. Тайные записки не задерживали и давали им уходить через границу. И вот в кабинете Хвостова возник человек, представившийся отставным офицером ГРУ. Он сообщил, что уполномочен "от третьих лиц" передать сочинской стороне "не обсуждаемое предложение".

Предложение было конкретное и радующее. Завтра, 29 августа, в 18 часов надо доставить задержанных женщин к мосту через речку Псоу. К этому времени туда подвезут и профессора Кучаву. Процесс обмена заложника на Каму и Циалу будут контролировать из засады опытные профессионалы с винтовками очень точного боя. Они начнут стрелять только в случае обмана.

— Нам этого не нужно, — внутренне ликуя, сказал Хвостов.

— Этим людям — тоже, — сухо подтвердил посредник. — Вам сдают мужчин и этого достаточно. Сажайте... Если доканете.

Обмен

Весь день 29 августа был, пожалуй, самым напряженным и нервным в

истории освобождения профессора Кучавы. На контрольно-пропускной пункт к обычному наряду добавили не только натренированных рупоповцев. Один из них, допрошенный на суде как свидетель, позднее отметит, что весь процесс обмена напоминал классическую сцену из фильма "Мертвый сезон". За одним только исключением: не было кавальдады зарубежных лимузинов и эффектного синхронного разворота ченистских черных "Волг". С абхазской стороны к мосту беспрепятственно подняла красная "девятка". Кроме водителя, в ней находился лишь тот, чью голову похитители оценили в 100 миллионов рублей. Профессор с трудом выбрался из машины и оперся рукой о капот, придерживаемый настроженным молчаливым водителем.

Парни из сочинского угрозыска вывели из милицейского "воронка" Циалу и Каму. Ровно в 19 часов по взмаху руки заложник и задержанные направились навстречу друг другу. На середине моста Амиран Александрович приостановился. Он узнал в одной из женщин, проходивших мимо него, ту самую, что колола ему лекарства в бесконечные дни заточения. Это и была Кама Кирия. Она старалась не смотреть в сторону профессора и ускорила шаг. Когда обе женщины сели в машину, та круто развернулась и рванула в сторону Сухуми. Абхазский пограничник почему-то отдал ей честь и это видели сразу несолько участников операции с сочинской стороны.

Лиану Кучаву близко к мосту не подпускали, и она встретила отца уже в машине. Впервые за весь этот страшный месяц Лиана не выдержала и разрыдалась. Каждый день заточения стоил профессору почти килограмма веса. В то утро, когда его захватили и волокли из квартиры в машину, в нем было более 70 килограммов, теперь он не вытягивал и на 50... Судья

Центрального района Сочи Виталий Анисимов, рассматривавший дело о похищении профессора Кучавы, резонно причислил к отягчающим обстоятельством и подобное издевательское отношение к престарелому узнику.

Это было одно из самых сложных дел в богатой судебной прантинке Анисимова, Роины Квириани и Вахтанг Гогохия промолчали все предварительное следствие и отказались даже от последнего слова перед приговором. Но доказательств вины для судьи все-таки хватило. Он понимал, что далеко не все организаторы и исполнители преступления оказались на скамье подсудимых. Однако Двупалого и Красавчика это не оправдывало. Квириани получил 8 лет колонии строгого режима, Гогохия, с учетом первой судимости, был отправлен в исправительно-трудовую колонию общего режима на 6 лет. Краевой суд посчитал приговор вполне справедливым и оставил его без изменения...

...Отца обратно, в Сухуми, Лиана Кучава так и не отпустила, вместе с женой Амиран Александрович переехал жить в Россию. Но на Кавказе о нем продолжают помнить, и совсем недавно один пожилой абхазец умолял сочинских милиционеров помочь в спасении сына, пожираемого раном. Но никто из соображений безопасности не назвал новый адрес профессора и даже не сказал, жив ли он. Несчастный старик почти целый день простоял у железных ворот милиции, беззвучно шевеля губами. И лишь приблизившись к нему, можно было уловить еле слышное: "Зачем война? Стреляют... Воруют... А кому потом лечить, а? Кому?" ■

Сердце на ниточке

Верите ли вы в гомеопатию?
Если нет, то прочитайте этот материал

Гомеопатия известна людям давным-давно. Кто-то свято верит в нее, кто-то относится, мягко говоря, скептически. Я не открою Америки, если скажу, что в нашей стране эта сфера медицины долгое время была под полуофициальным запретом и врачей-гомеопатов можно было пересчитать по пальцам. Сейчас положение постепенно приходит в норму. Но мало кому известно о том, что хороший гомеопат способен сотворить не меньше чудес, чем все те "чудо-лекарства", рекламой

которых забиты средства массовой информации.

Я и сама открыла это только тогда, когда познакомилась с **Алексеем Михайловичем БУТЕНИНЫМ**. Познакомилась не от хорошей жизни, а потому, что все "нормальные" врачи, выслушав мои жалобы, дружно посылали меня... к психиатру. Психиатры же не менее дружно уверяли, что к контингенту их пациентов я никакого отношения не имею (слава Богу!). Когда я посетовала на это, Алексей Михайлович только усмехнулся:

Будьте здоровы!

— Двухсотлетие гомеопатии весь мир отмечал два года назад. Мы лечим не болезнь, как таковую, а данного конкретного пациента с учетом всех многообразных симптомов. Мне, например, одного клинического диагноза недостаточно, потому что даже членам одной и той же семьи при заболевании, скажем, одним и тем же гриппом, я назначаю совершенно разное лечение. Причем важнейшее значение придаю самым необычным и странным жалобам.

— Например?

— Например, ощущение стеклянных ног, головы в виде чаши с водой или воздушной прослойки между черепом и мозгом. Ну, сырный привкус во рту или змеи во сне еще куда ни шло. Но боль из левой половой губы через весь живот, отдающая в грудь?! А не хотите запор с ощущением шнура, протянутого через анус в прямую кишку? А ощущение, что "сердце подвешено на ниточке" и "частит" со страшной силой? Действительно, врач-аллопат (то есть не гомеопат) разведет руками и отошлет чересчур откровенного пациента к психиатру. Что, к сожалению, нередко и происходит.

— И пациент остается "при своих", потому что психиатров в нашей стране просто боятся.

— Вот именно. А ведь сейчас гомеопаты всего мира используют в своей работе компьютерную диагностику, что значительно облегчает индивидуальный подбор правильных лекарств. Да, психиатров у нас боятся, но это — отдельная тема. А про гомеопатов почти не знают, потому что после октября 1917 года было официально запрещено печатать и распространять соответствующую литературу и лечить нашими методами. Табу сняли только в 1990 году, но гомеопатия до сих пор не включена в реестр врачебных специальностей. Более того, специальным

приказом Минздрава она запрещена при венерических заболеваниях, опухолях, туберкулезе и психических болезнях. Достопамятный шеф Минздрава Б.В.Петровский аж ногами топал, объявляя войну гомеопатии. В результате многие лучшие специалисты просто эмигрировали, пооткрывали за рубежом не только аптеки и амбулатории, но и стационары...

— То есть гомеопатические больницы?

— Вот именно. А бесценный метод, получивший мировое признание после блестящих результатов во время страшных эпидемий холеры и оспы, после излечения бесчисленных "безнадежных" больных, в том числе и онкологических, остается у нас невостребованным. Хотя, как ни нурьезно это покажется, при всех гонениях почти шестьдесят лет существует ведущее в стране учреждение — Гомеопатический центр. В Москве, на 2-й Владимирской улице.

— Нашим чудом он сохранился?

— Никаного чуда нет. Для всего народа гомеопатия была запрещена. А для сильных мира сего охотно применялась. Например, бывший партийный руководитель Москвы Гришин лечился только у гомеопатов и центр не закрыли благодаря его немалому влиянию. Но сегодня это в общем не так уж и важно. А важно напомнить, кто является действительным "отцом гомеопатии" во всем мире и вообще объяснить вашим читателям, что это за метод лечения.

— Я, например, знаю, что гомеопаты прописывают своим пациентам маленькие белые шарики с таинственными названиями...

— Тогда начнем с самого начала. Немецкий врач Самуил Ганнеман в возрасте тридцати пяти лет разочаровался в обычной медицине, хотя имел обширную прантину, а значит, известность и

немалые доходы. Он знал пять языков, несколько лет жизни посвятил переводам древних медицинских книг и с удивлением обнаружил, что, например, основное средство от малярии — хина — вызывает у здорового человека симптомы типичной... малярии. Будучи последователем английского ученого Фрэнсиса Бэкона, Ганнеман верил только в опыт, и поэтому сначала на себе и членах своей семьи, а потом на добровольцах стал испытывать и скрупулезно описывать действие субтоксических доз лекарственных препаратов растительного, животного и минерального происхождения. И открыл, что данное вещество помогает при таком заболевании, симптомы которого подобны проявлениям действия этого вещества на здоровый организм. "Подобное лечится подобным!"

— Ежедневная микроскопическая доза яда как профилактика против отравления?

— Примерно, но не совсем так. Например, жевание ветки туи вызывает, в частности, истечение гноя из уретры, как при гонорее, которую как раз прекрасно лечит туя. Но вообще сейчас известно более 4000 лекарств, и по всей совокупности многообразных проявлений врач находит подобие с патогенезом того или иного лекарства и дает его в несопоставимо малых (по сравнению с аллопатией) концентрациях и дозировках. При этом на силе лекарства отражается все: место, сезон и время сбора сырья, фаза Луны и солнечная активность. Более того, огромную роль играют личность, настроение и даже физиологическое состояние аптекаря. Нельзя готовить лекарства во время месячных, после смерти родственников, после ссоры... Только в спокойном душевном состоянии.

— А не слишком ли все это... мистично?

— Вот-вот. Мы готовы поверить в то, что нашей жизнью управляют звезды или что кто-то способен дать обычной воде "положительный заряд". А в гомеопатии важно все. Например, лекарство разводится в десятичных, сотых и тысячных потенциях. А при дальнейших кратных разведениях, которые необходимы, в воде по всем законам физики не должно оставаться ни единой молекулы лекарства, но на деле эффективность лекарства только возрастает. Это трудно объяснить, но гомеопатические лекарства действуют не на химическом, а на информационном уровне, как бы напоминая организму об окружающих его (тысячелетиями!) минеральных, животных и растительных веществах, пробуждая глубинные защитные силы организма. Отсюда, кстати, "живая вода" народного эпоса. Гомеопатическое лекарство должно соответствовать болезненным проявлениям данного человека. Идеалом классической гомеопатии является излечение одной дозой правильно подобранного лекарства в максимальном разведении. В результате с больного, как шелуха с лука, начинают сходить одна за другой все его болезни. Но не быстро: в хронических случаях за год болезни идет месяц лечения.

— Это значит, что если меня, например, двадцать лет мучила мигрень, то лечить ее придется два года? Откуда же столько терпения взять?

— Нетерпеливые лечатся у аллопатов, причем поглощают тонны антибиотиков, совершенно ненужные организму. Или избавляются от кожных высыпаний, а взамен получают что-нибудь типа рассеянного склероза. Про случаи, когда требуется реанимация или интенсивная терапия даже и не говорю. У самих врачей, работающих на "Снорой", есть такая шутка: "Будем лечить или пуснай живет?" Конечно, мож-

но "шарахнуть" по заразе ударной дозой какого-нибудь сильнодействующего лекарства и убить ее, но внутренние органы при этом разбухнут от дистрофии и получится, например, то, что врачи иногда называют "печень в штанах".

— Б-р-р, ужасы какие! Так, может, ну ее совсем, другую медицину-то? Оставим только гомеопатию.

— Не надо утрировать. Все разделы аллопатии нужны там, где без них невозможно обойтись. Надо составить костные обломки, удалить источник гноя и отмыть перитонит, ликвидировать внематочную беременность из-за опасности смертельного кровотечения. Да и фундаментальные общемедицинские знания, предварительная специализация — невропатолог, хирург, гинеколог и так далее — только увеличивает ценность гомеопата. К тому же наша специальность вплотную смыкается с акупунктурой. По методу Фоля через реологию ключевых точек на коже подбирают не только гомеопатическое лекарство, но и его потенцию. Сейчас, например, уже можно перезаписать малые микроволновые излучения с лекарства на магнитную пленку, наклеить кусочек на больное место — и будет лечить. Кстати, и при острых состояниях гомеопатия тоже может помочь. Существует масса средств, причем мощных, неотложной и скорой помощи, когда в считанные минуты ликвидируются боли и воспаления различной локализации, судороги, острая сердечная недостаточность, разнообразная сосудистая патология, радикулиты, остеохондрозы, даже грыжи и спортивные травмы. Я уже не говорю о лор-больных, гинекологии, гастроэнтерологии, урологии и эндокринных болезнях.

— Просто чудеса какие-то!

— Никаких чудес нет, хотя я сам, например, не перестаю удивляться и радоваться, когда мучительный грипп излечивается буквально на глазах. Но-

гда быстро, легко и без последствий проходят разнообразные детские инфекции. Кстати, в 1993 году впервые в России была издана книга А.Фогеля "Гомеопатическая терапия детских болезней". Лечатся те же болезни, что и у взрослых, плюс полиомиелит, ночной энурез, несварение ряда продуктов. Корреници поддаются дети болезненного вида, физические слабые, истощенные, толстые, нервные, страдающие бессонницей. Гомеопатия, между прочим, излечивает так называемых "трудных детей": упрямство и злость, грубость и жестокость, агрессивность и лень, уклонение от работы, клептомания, лживость. Не надоело? Продолжу: неряшливость и трусость, ревность и тоска по дому, застенчивость и нерешительность. И даже — детский онанизм.

— Но если я правильно поняла, для успешного лечения нужно знать о пациенте всю подноготную? А далеко не все склонны исповедоваться врачу, особенно на первом приеме.

— И не надо исповедоваться. Существует целая система тестов, которые помогают, например, составить психологический портрет пациента. Например, я раскладываю перед человеком восемь разноцветных карточек и прошу его последовательно откладывать самые приятные. При этом следует полностью отрешиться от любых бытовых ассоциаций — цвета одежды, галстука, мебели, окраски автомобиля...

— И что это дает?

— Это всемирно известный цветовой тест Макса Люшера. Отвергнутые в конец ряда цвета отражают источник света. Наоборот, самые "симпатичные" говорят о повороте к чему-либо, то есть о цели или способе поведения для преодоления стресса. Их сочетание указывает на тревоги или актуальные проблемы, а точнее — конфликты сознания и подсознания в динамичном

переплетении, свойственном данному, индивидуальному психотипу. На втором месте — цвета, отражающие настоящее состояние, а на третьем — некий "резерв" психических и поведенческих реакций, которые при изменении ситуации могут быть "задвинуты" подальше или выйдут на передний план. Тест повторяется дважды с интервалом в две-три минуты и позволяет нарисовать предельно точный психологический портрет пациента.

— Я, например, всегда на первое место поставлю черный цвет, потому что люблю его. И что это значит?

— Это значит, что вы любите черный цвет. Смысл теста не в этом. Мы ведь подчас не отдаем себе отчета, как цвет влияет на наше поведение. Вспомним: "красная тряпка для быка". Установлено, что яркие цвета, типа красного, приводят к повышению артериального давления и учащению пульса, а синий действует успокаивающе. Более того, дошлиевые промышленники методом проб и ошибок установили, что невозможно быстро распродать сахар в зеленой упаковке, а косметику — в коричневой. На упаковке сахара всегда должно быть броское синее пятно, так как психологически у человека синий цвет ассоциируется с понятием "сладость", а зеленый — "терпкость". Объяснение подобным явлениям дает теория функциональной психологии того же Манса Люшера. Символика цвета уходит корнями в далекое прошлое. Вначале жизнь человека определялась двумя факторами, не подлежащими его контролю — ночью и днем, светом и тьмой. Ночь (темно-синий цвет звездного неба) — прекращение деятельности, успокоение, сон. День — возбуждение, охота, поиски добычи (ярко-желтый цвет дневного света), надежда, активность. Последняя у примитивного человека

обычно принимала одну из двух форм — либо нападал и охотился сам, жаждал крови и проливал ее (красный), либо прятался, терпеливо пережидал и отсиживался в зарослях растений (зеленый).

С незапамятных времен человек был окружен красками и испытывал на себе влияние цвета. Но лишь недавно научился изготавливать краски и использовать их с той легкостью, которая привычна сейчас. Отношение к цвету накапливалось тысячелетиями и закреплялось в генотипе. Поэтому выбор цвета в тесте Люшера — вещь не случайная. Результаты тестирования могут быть выражены в терминах и понятиях врача, психолога, криминалиста, педагога. А выводы используются в различных отраслях — от психотерапии до службы по трудоустройству.

В классической гомеопатии — это еще и быстрый, эффективный метод диагностики основных психологических проблем личности, то есть определения психотипа. С помощью теста Люшера врачу несравненно легче определить и сузить направление поиска нужного лекарства, делая окончательный вывод, конечно, только после тщательного обследования и опроса пациента. К сожалению, в нашей стране этот тест пока еще малоизвестен, а почему — загадка.

— А какой-нибудь конкретный случай быстрого исцеления от тяжелой болезни можете привести?

— Могу рассказать, как вылечил собственного сына от менингита за три дня. Меня вызвали в школу: у Степана "пищевое отравление". Я прихватил с собой наиболее уместное лекарство (рвотный орех) и дал ему четыре горошины. Через полчаса — еще четыре. Рвота прекратилась, бледность исчезла. Я привел сына домой, он полто-

ра часа поспал, а после этого я с ужасом обнаружил, что у него температура подскочила до сорока градусов и налици — явные симптомы менингита. Последствия традиционной "бронейбойной" терапии я себе ясно представлял: массированные дозы антибиотиков, гормонов, инфузий сделают из моего ребенка инвалида, он год после больницы будет восстанавливаться. Так что, несмотря на слезы и уговоры жены, "Скоруо" не вызвал, собственные эмоции задавил и стал действовать в русле классической гомеопатии.

— *Не страшно было?*

— В общем, нет. К счастью, незадолго до этого я "вычислил" конституциональный лекарственный тип Степана — фосфор. Выяснил это, в первую очередь, по его психологическому типу: ярная личность, притягивает к себе внимание, чувствителен, доброжелателен, отзывчив... Экспансивен и импульсивен... Готов говорить другим комплименты, чтобы его похвалили... Очень общителен, у него всюду друзья... Энтузиаст и этим заражает других... Поверхностный и неусидчивый... Даже наказание может перевести в игру. Поэтому смело дал четыре крупинки фосфора из домашней аптечки. Вскоре ребенок заснул — на несколько часов. Я, разумеется, не отходил от его постели. У Степана постепенно восстановился естественный цвет лица, стало спокойным и ровным дыхание, наполнился пульс, прекратилась аритмия и даже симптомы менингита растаяли. Он проснулся с температурой 37,5 и попросил есть. Съел полный обед с огромным аппетитом и вскоре снова заснул, получив перед этим еще четыре крупинки фосфора. Утром в нормальном самочувствии пошел гулять, а еще через день — вернулся в школу и возобновил спортивные тренировки.

— *Фантастика!*

— Абсолютная реальность. Хотя я, воспитанный атеистом, каждое утро возношу молитву своему учителю Ганнеману и тем, кто наставил меня на путь истинный, открыв дорогу в гомеопатию.

Поговорив со мной об общих проблемах гомеопатии, Алексей Михайлович предложил мне разложить "цветовой пасьянс". А потом дал коробочку с белыми сладкими шариками и рекомендацию, как и когда их принимать. А через несколько дней меня совершенно перестали мучить те проблемы, с которыми я к Алексею Михайловичу являлся.

Болезнь я больше не намерена, но если — не дай Бог! — то только к гомеопату. Впрочем, каждый должен решить это для себя самостоятельно, поскольку, во всему прочему, нужно верить в то, что лечение поможет. Пусть даже через несколько месяцев, но поможет обязательно. ■

Беседа велa Майя Орлова.

ВИП

При всей огромности дарования его жизнь и творчество представляется чем-то незавершенным и недосказанным, каким-то трагическим недоразумением. Соединение в одном лице двух разных художников: одного — безмерно талантливое, глубокого и дерзкого, а другого — просто банального, и составляет, по-

жалуй, главную интригу биографии художника.

Рассказ о Кипренском следует, по-видимому, начать с неразгаданной тайны его происхождения. Фамилию — Кипренский, такую цветисто-красивую и несколько необычную для русского человека, дали ему непосредственно перед поступлением в Воспитательное училище Академии художеств. Дело в том, что Орест Адамович — незаконнорожденный ребенок, и вопрос, кто его настоящий отец, остается нерешенным до сих пор. Сам Кипренский считал себя сыном дворового человека Адама Швальбе и крепостной Анны Гавриловой. Но в начале века с легкой руки известного критика Николая Врангеля появилась версия о том, что его настоящий отец — помещик Алексей Степанович Дьяконов. В пользу этой версии говорит то обстоятельство, что Оресту, как и всем последующим детям Швальбе, даровали вольную при рождении, а отцу их и матери вольную завещали только после смерти помещика.

Тот же Дьяконов определил маленького Ореста в Академию художеств. Трудно сказать, что подвигло его на такое решение. Художественные ли способности ребенка или те значительные привилегии, которые Академия давала своим выпускникам — выходцам из простого народа: дворянство и освобождение от гражданской и военной службы. Но чем бы ни было вызвано это решение, последствия показали, что оно оказалось счастливым и мудрым. Учили в Академии основательно и серьезно. Детей, взятых нередко из самых низших социальных слоев, учили понимать и ценить античную культуру, читать серьезные книги, знакомили с отечественной историей и лите-

ОРЕСТ РЕНСКИЙ

ратурой. За пятнадцать лет обучения из них готовили профессионалов, умеющих в своем деле “блоху подковать”.

При переходе в старшие классы, когда нужно выбирать специализацию, то есть тот жанр, в котором собираешься работать, Кипренский выбрал исторический, как самый почетный и престижный. Кипренского стали отличать и выделять среди других: его рисунки и эскизы композиций получают то серебряную, то золотую медали. Он числится среди самых способных и первых, и от него уже многого ждут. Однажды, правда, он отличился несколько с другой стороны, оказавшейся неожиданной для многих. В день своего рождения, отпущенный на побывку к родным, Орест убежал на торжественный вахт-парад и умолял изумленного императора Павла I отправить его на военную службу. Как объяснит впоследствии этот поступок его близкий приятель Гальберг, причиной было увлечение некоей девушкой, обожавшей военных. Конечно, это лишь глупая и минутная выходка молодости. Но при желании в ней можно усмотреть и беспечную нерасчетливость, и слишком живой темперамент, и некоторую слабость к прекрасному полу, которая останется у Кипренского на всю жизнь.

Последний год его учебы в Академии был занят исключительно подготовкой к конкурсу на золотую медаль. К конкурсу Кипренского допустили, а вот золотой медали не дали. Понадобилось еще три года работы при Академии, чтобы эту медаль заработать.

Его конкурсная работа — историческая картина “Дмитрий Донской на Куликовом поле” — вещь не то чтобы средняя, но никакая, вся в плену тех ложных условностей, которые связывали исторических живописцев по рукам и ногам. Кипренского еще здесь нет, есть примерный, послушный и усердный ученик, старательно следующий наставлениям педагогов. Но тем удивительнее, что еще за год до этого он подает на академическую выставку вещь далеко не ученическую, а свободную, раскованную и мастерски написанную — портрет Адама Швальбе. И будет гордиться им до конца жизни, считая своею лучшей вещью и с удовольствием рассказывать анекдот о том, как за границей, в Италии, профессора приняли эту работу за портрет кисти Рубенса или Рембрандта. Еще жив был старик Левиц-

кий, еще работал где-то рядом совсем не старый Боровиковский, но, при всем обаянии их искусства, в их живописи сохранились остатки архаики и наива, XVIII век, а тут вдруг сравнение с Рубенсом и Рембрандтом — величайшими мастерами европейской живописи.

Золотая медаль, полученная за “Дмитрия Донского”, давала право ехать пенсионером в Италию на три года, но в Европе было беспокойно, шла война, наполеоновские войска громили Австрию и Пруссию, и поездку пришлось отложить на неопределенный срок. А пока Академия оставляла своих способнейших учеников, и в их числе Кипренского, “при себе” на три года. Существеннейшая поддержка. Можно отсидеться, прийти в себя, не завися ни от заработков, ни от заказчиков. К тому же темпераментному и даровитому Кипренскому очень благоволил президент Академии А.С. Строганов. Он устраивает ему официальный заказ на несколько “образов” для строящегося в Петербурге Казанского собора, заказывает копию с портрета Ван-Дейка, подключает к работе над эстампами с классических произведений. Однако время пенсионерства при Академии для Кипренского еще и время нерешительности, сомнений и трудности выбора. Его альбомы тех лет полны зарисовок на исторические и мифологические темы: “Похищение сабинянок”, “Воскрешение Лазаря” и т.п. — неизбежная дань выбранной им специализации. И в то же время рядом с этим он делает прекрасные зарисовки: мужчины, девушки, женщины... Чему отдать предпочтение? Что выбрать? Внушительную и солидную историческую живопись, или то, что проще, но роднее и ближе? Портреты, написанные в 1808 году, мастерские, блестящие, ставят точку в затянувшемся выборе. И ему самому и всем становится очевидным: его подлинное призвание — портрет. Правда, ранние петербургские портреты Кипренского еще как будто застряли одной ногой в XVIII веке, в них еще сквозит некоторая условность и напряженность, человек представлен не таким, как он есть, а в некоей позе или роли, какую он играет или собирается играть в жизни. Ну да все равно — это чудесные вещи. Особенно хорош портрет директора Горного корпуса Алексея Ивановича Корсакова. Сколько в нем энергии, силы и энтузиазма! И как живописен и красив по пятнам: белый лист бумаги, ослепительно белый, сахарный воротничок, подхватывающий желтовато-кремовое, чуть обрюзгшее лицо, и энергичный выплеск алого, ярко-красного на грудь.

После окончания пенсионерства Кипренского командировуют в Москву вместе со скульптором Мартосом для помощи в работе над знаменитым памятником Минину и Пожарскому. В чем заключалась та помощь — неизвестно, но Кипренский, отправленный в Москву всего лишь на месяц, застрял в ней на три года. О том, каким он был в те молодые и, наверное, самые горячие и бунтарские свои годы, можно судить по двум сохранившимся автопортретам — одному, с кистями за ухом, из Третьяковской галереи, и другому, с цветным шарфиком на шее, из Русского музея. Сказать об этих автопортретах: новаторство — мало, это — свежая горячая кровь, влитая в тихую заводь русского искусства. Здесь желание кому-то что-то доказать, что-то переделать, создать свое — неповторимое, дерзкое и смелое. И как хорош нетерпеливый нервный блеск в глазах молодого Кипренского, эти непокорные всклокоченные волосы, этот скруток, который и не сидит как надо, а куда-то сползает и только мешает нетерпеливому движению вперед. На ав-

Портрет мальчи́на Челицева. 1808—1809.

Портрет О.А. Рюминой. 1826.

топортрете с кистями и вовсе необычное для русского портрета темное освещение, таинственная игра бликов и пятен создают особое напряженное поле вокруг лица, поле борьбы и страстей, драматизма и преодоления. Таких портретов русская живопись еще не знала. Пришел новый человек — романтик, деятель, герой, человек, желающий пересоздать и изменить весь мир по-своему.

Молодой Кипренский выдает шедевры один за другим. В двадцать пять лет он уже классик, сказавший свое слово в русском искусстве. Один из самых лучших его портретов — знаменитейший, хрестоматийный — гусара Давыдова. В искусствоведении до сих пор ведутся споры о том, кто изображен на этом портрете. Традиция XIX века видела в модели знаменитого поэта и партизана Дениса Давыдова, новейшее искусствознание доказывает, что это двоюродный брат Дениса — Евграф Давыдов. Но, в сущности, не так уж важно, кто конкретно из семейства Давыдовых здесь изображен, ибо сейчас, спустя почти двести лет после написания, он воспринимается нами не столько как портрет конкретного лица, сколько собирательный образ русского человека, гусара, военного начала XIX столетия. Это скорее портрет героического поколения, сумевшего остановить Наполеона, чем отдельного человека. В нем — славное и блестящее русское дворянство, русское воинство времен Александра I. И главная заслуга Кипренского в том, что он сумел создать масштабный, обобщенный и в то же время очень живой и человеческий образ русского офицера.

Словно в контраст и противовес этому героическому образу Кипренский в том же 1808 году создает нечто совсем другое и противоположное — очень интимные, “домашние” портреты четы Ростовичных и мальчика Челищева. Кажется, что редкая задушевность русских художников, их теплота и какое-то удивительное сочувствие человеку находят в портретах Кипренского свое крайнее и наиболее глубокое выражение. Из великих русских портретистов прошлого, при всех величайших достоинствах их живописи, ни один, пожалуй, не смог приблизиться к тайне человека так близко, как Кипренский. Тем более удивительно для человека, находящегося еще в том возрасте, когда прислушиваются больше к себе, чем к другим, когда собственный опыт еще не настолько велик, чтобы понять и оценить чужие страдания и потери. Он кажется гораздо мудрее и старше своего реального возраста, в 27 лет он уже старик, которому известно о человеке все. Словно он не пишет, а — исповедует. Его портреты того времени предельно просты и лаконичны. Он убирает из них все — предметы, украшения, околичности, оставляя лишь главное — лицо и глаза. В этом смысле идеальный пример — классический портрет Федора Ростовичина, того самого, о котором в “Войне и мире” княжна с “длинною талией и окаменелым лицом” говорит Пьеру Безухову: “Ах, этот ваш граф, это лицемер, злодей, который сам настроил народ бунтовать”. Однако в Ростовичине Кипренского нет ничего злого, смешного или карикатурного. Лишь некоторая легкая надменность во взгляде и чуть поджатые губы выдают, пожалуй, склонность к суетности, тщеславию и властолюбию. Впрочем, дело не в Ростовичине, Бог с ним, дело в самом Кипренском, в его великолепном умении при-

Дмитрий Донской на Нулиновом поле. 1805.

влечь внимание к своему герою, сделать его значительным и интересным, заставить любоваться им.

В Москве Кипренский работает бешено. Он пишет чудесный портрет мальчика Челищева, где почти отсутствует конкретный мальчик, но есть всеобщее Детство, его чистота и ранимость, его прекрасные, туманные и неосуществимые мечты. Ростопчин, в доме которого Кипренский часто бывает, докладывает в Академию: «Кипренский почти помешался от работы, воображения и нетерпения быть в Вавилоне Французском». Действительно, художник рвется в Париж — столицу мира. Но для чего? Посмотреть Европу? Учиться у европейцев?

Сейчас это кажется нелепицей. В 27 лет он абсолютно законченный самобытный мастер, один из лучших европейских художников, и не ему надобно учиться, а — у него, но, похоже, он сам этого не понимает, и ему некому это объяснить...

В 1811 году Кипренский попадает в Тверь, где завязывает, не без помощи Ростопчина, весьма полезные для себя знакомства. Его представляют ко двору тверской губернаторши Екатерины Павловны — сестры Александра I и жены принца Георга Ольденбургского. Его искусство нравится, по-видимому, нравится и он сам. Кипренский никогда не был угрюмым отшельником, пропадающим дни и ночи у мольберта. У него приятная, привлекатель-

ная внешность, о которой он любил заботиться, и очаровательные манеры, позволявшие обращаться в самом изысканном обществе. Он умеет быть светским и любезным и привлекать внимание к себе сильных мира сего. В Твери его пребывание оказалось успешным. Он пишет портреты принца Георга с некрасивым, но каким-то неожиданно нервным и умным лицом; коллекционера Мосолова и князя Ивана Гагарина в аlegantном зеленом халате, того самого князя, который был без ума от театра и который женился на простой актрисе Екатерине Семеновой. Великий князь Константин Павлович, брат царя, покровительствует Кипренскому, и, похоже, мечта — побывать в Париже — близка к своему осуществлению. “Кипренский, — докладывал Ростопчин в Академию, — выработал весьма полезное для себя, и великий князь изволит определить ему ежегодно по две тысячи рублей для езды в Париж, куда наш безрассудный Орест стремится”. Однако от поездки за границу его отделяют еще долгие четыре года: в марте 1812 года, после трехлетнего отсутствия, он возвращается в Петербург, а уже в июне Наполеон со своей полумиллионной армией переходит границы России, начинается Отечественная война. Ни о каком Париже не может быть и речи.

Кипренский отчитывается перед Академией своими московскими и тверскими работами и получает за них звание академика. Пожелай только, и он вполне мог бы сделать себе приличную служебную карьеру в Академии, но Кипренский предпочитает ненадежное и зыбкое существование свободного художника. В 1812 и 1813 годах он почти совсем не пишет маслом, но много рисует. Генералы, капитаны, майоры — вот герои его карандашных рисунков. Не все из них равноценные: есть и слишком выштукатуренные, отдаленные и скучноватые, но есть и новаторские вещи, сделанные будто на одном дыхании, как, например, портрет генерала Чаплица, где карандаш Кипренского свободно и вдохновенно летает по бумаге, едва успевая нанести живые черточки чем-то занятого генерала. Вообще там, где Кипренский не стремится во что бы то ни стало сделать законченной вещи, а просто отдается своим непосредственным впечатлениям, у него получаются очень живые, свежие работы.

Последний год пребывания Кипренского в России, 1816, ознаменовался для него еще двумя значительными вещами — небольшим, но красивым по живописи и с настроением написанным портретом Жуковского и портретом великосветского денди Сергея Уварова, будущего знаменитого пушкинского врага — министра просвещения и создателя формулы “Православие, самодержавие, народность”. Очень часто этот портрет называют портретом пушкинского Онегина, и действительно Уваров напоминает его: холеные руки, жеманная поза, весь как будто от модного кутюрье, но, если это и Онегин, то без онегинской рефлексии, без его метаний и пустоты. В отличие от пушкинского Онегина Уваров — полон собой и собственными совершенствами, в его спокойных твердых глазах ясно видна цель, к которой он способен дойти без лишних размышлений. И еще: в этом портрете появляется некоторая сухость и жесткость красок, ранее не свойственная Кипренскому, он не столько отдается живописи, сколько рационально выстраивает свой портрет...

Но вот, наконец, настал долгожданный счастливый миг — Кипренский отправляется за границу, в Италию. Его близость ко двору сыграла

свою роль: императрица Елизавета Алексеевна, жена Александра I, согласилась из своих средств выплачивать ему пенсией в течение трех лет. Это ли не счастье! Его долгий путь в Италию лежит через Германию и Швейцарию, и он с наслаждением долго ждавшего свой час человека предается радостям и впечатлениям беззаботного путешественника. Гамбург, Ганновер, Марбург, Гейдельберг и, наконец, Женева, в которой он остается на три месяца — вот главные пункты его маршрута. Через год он напишет счастливое письмо Оленину, президенту Академии, в котором все приключения и восторги, пережитые им в пути. В октябре 1816 года проездом через Милан и Флоренцию Кипренский прибывает в Рим, где снимает большую студию на Страда Сан Исидоро. Пестрота и сутолока художественной жизни ошеломляют его. “В Риме целые полки художников”, — сообщает он. От обилия впечатлений у него кружится голова. Великие творения стариков восхищают и одновременно подавляют его. Рядом с ними впервые чувствует себя жалким провинциалом, крошащим в далекой северной столице всего лишь скромные портреты. Он загорается желанием создать что-то возвышенное и грандиозное, что-то такое, что можно поставить рядом с эпохальными произведениями старых мастеров. Тем более, и сами итальянцы — современные ему художники — не идут дальше подражания искусству своих великих соплеменников и возводят в разряд гениев заурядных академистов типа Коммучини и Аппиани.

Кипренский задумывает писать большую историческую картину, которая удовлетворила бы его взывавшее честолюбие. “Начал весьма смелое дело, — докладывает он Оленину, — Аполлона, поразившего Пифона. Я взял весь мотив да и всю осанку Аполлона Бельведерского, словом, сего Аполлона переносу в картину в ту же самую величину”. Поскольку картина задумывалась как аллегорическая, Аполлон должен обозначать у него победившую Россию, а Пифон — злодея Наполеона. Специально для того, чтобы Аполлон вышел понатуральнее, Кипренский заказывает слепок с Аполлона Бельведерского. Кажется, он и сам не понимал всей натужности, неестественности и безжизненности поставленной перед собою задачи. Куда девался весь его вкус, его строгость, обаятельная самобытность? Кажется, ему изменил даже здравый смысл, который должен был подсказать, что лучше оставаться мастером, пусть в скромной, как ему казалось, но близкой и доступной области портрета, чем пытаться блистать в абсолютно чуждом жанре исторической живописи. Его почвой всегда была правдивость, внимательное и любовное погружение в натуру, в этом он мог достичь необычайной глубины и совершенства; но в какой-то миг ему показалось, что в искусстве недостаточно одной только правды, нужна броская и придуманная красота, нужны сильные эффекты. Непонимание природы собственного таланта, природы настоящего искусства, растерянность перед Западом и стали причиной его драмы.

Три года он безуспешно работает над “Аполлоном и Пифоном”, пока окончательно не убеждается в неудачности своего замысла. Однако неудача не охлаждает его несчастной страсти, развившейся в Италии, — реализовать себя непременно в исторической живописи. Его альбомы тех лет пестрят набросками к грандиозным композициям: “Пир Валтасара”, “Крещение народа Иоанном”, “Триумф Галатеи” и т.д. Весной 1819 года он подает на

Портрет А.С. Пушкина. 1827.

выставку иностранных художников в Риме картину “Ангел, прижимающий к груди гвозди от распятого Христа”. А с 1820 и до конца своего пребывания в Италии работает над картиной “Анакреонова гробница”, о которой в России отзывались как об откровенно слабой вещи. Попутно пишет совершенно не свойственные себе салонные и безвкусовые вещи: “Молодой садовник”, “Девочка в маковом венке” и “Цыганка с миртой в руке”. Его прежнюю серьезность сменяет слащавая сентиментальность, безупречный строгий вкус и сдержанный благородный колорит — пестрая яркость красок, редкое умение погружаться в человека вытесняется стремлением подавать чисто внешнюю эффектную красоту. Из серьезного, глубокого и самобытного художника Италия, похоже, сделала среднего ремесленника, умеющего писать красивые и пошлые картинки.

Портрет А. В. Щербатовой (фрагмент), 1808.

Не совсем удачно складывалась и его жизнь в Италии, по крайней мере, во втором ее периоде. Беспечный, веселый и остроумный, всегда душа компании, отличный товарищ, он с удовольствием помогал устраивать дела своим друзьям-художникам. Но неожиданно попадает в немилость к начальству. В мае 1820 года посол России в Риме А.Я. Италинский пишет письмо Оленину, в котором выражает неудовольствие поведением Кипренского. В чем тут дело — неизвестно, возможно, прямодушный и несдержанный Кипренский сумел кому-то не угодить и за это поплатился? Так или иначе, но о поведении Кипренского докладывают императрице, и с этого времени он попадает в немилость, хотя к чести императрицы следует сказать, она продолжала выплачивать ему пенсию в течение почти семи лет вместо обещанных трех. А через два года, когда Кипренский собирается уезжать во Францию, в русской колонии в Риме о нем распространяют слухи, будто бы его отъезд в Париж является бегством от содеянного им страшного преступления. "О нем рассказывали ужасную историю, — вспоминал Ф. Иордан, — будто он имел на содержании одну женщину, которая его заразила, и будто болезнь и неблагодарность женщины привели его в исступление, так что однажды он приготовил ветوشку, пропитанную скипидаром... наложил на нее и зажег. Она в сильных мучениях умерла". "Общее мнение было против него до такой степени, — пишет его приятель, скульптор С. Гальберг, — что долго не смел он один по улице пройти". Правда, близкие друзья художника, хорошо знавшие его приветливый и мягкий характер, не могли поверить в чудовищность этих обвинений. И действительно, вскоре выяснилось, что настоящим убийцей был не Кипренский, а его итальянский слуга, что именно он отомстил натурщице, которая позировала Кипренскому для "Цыганки с миртой", за то, что она его заразила. Но хотя истину и обнаружили, имя Кипренского оказалось запятано этой грязной клеветой...

Наконец, в августе 1823 года после поездки в Париж и после семилетнего отсутствия Кипренский возвращается на родину. Петербург его встретил холодно. Здесь все наслышаны о его итальянских "похождениях" и не очень-то спешат возобновлять с ним знакомство. Императрица оставила его "без всякого внимания". Лишь молодой богач Д. Шереметев, сын графа Шереметева и Параша Жемчуговой, "взял Кипренского к себе в живописцы". За несколько месяцев Кипренский пишет большой прекрасный портрет графа во весь рост на фоне анфилады солнечных комнат, уходящих далеко в глубь особняка. Как бы ни было неуютно Кипренскому дома, но родные стены отогревали его. Его кисти возвращается прежняя мягкость и глубина, его образы становятся опять человеческими. Через три года после возвращения он пишет романтический, несколько приподнято-возвышенный, но ничуть не фальшивый портрет князя Никиты Трубецкого. Создает очень красивый, изысканно-аристократический портрет обворожительно-женственной Олимпиады Рюминой. Кажется, что постепенно с него спадает итальянский дурман, необходимость постоянно утверждать себя в качестве исторического живописца, к чему его подстегивало итальянское окружение. Он просто возвращается к себе самому, к своему подлинному призванию — быть портретистом.

Последние два года его пребывания в Петербурге на редкость плодотворные: он снова много и успешно работает. Помимо портретов Трубецкого и

Портрет Н.П. Трубецкого. 1826.

Рюминой, создает портрет министра народного просвещения, знаменитого славянофила А.С. Шишкова, театрала А.Ф. Шишмарева, помещика Дмитрия Философова — деда известного критика, очень теплый портрет библиотекаря Д. Шереметева Михаила Черкасова, и, наконец, быть может, самые известные работы этого периода — “Автопортрет в полосатом халате” и портрет Пушкина. Первая словно возвращает нас к прежнему молодому Кипренскому. Художник как-то сумел подать себя. Хотя в его costume нет ничего экстравагантного, и в завернувшемся белом воротничке, и в неожиданном полосатом халате, и в позе, в гордо поставленной голове чувствуется артистизм и эlegantность, почерк большого мастера. Это человек, все еще полный сил и энергии, уверенный в себе и сознающий себе цену. Вот только несколько излишне серьезные глаза, спрятанные за блестящей светской улыбкой, выдают глубоко запрятанную тоску и неудовлетворенность. За внешней маской благополучия просвечивает неустroенность и какой-то душевный разлад. С портретом же Пушкина все обстоит по-другому: в нем как раз ничего не “просвечивает”, ничего нет личного и своего, того, что называла Цветаева “моим Пушкиным”. Пушкин сразу и безоговорочно дан гением, классиком и памятником самому себе. Эта изначально заданная хрестоматийность портрета, его “бронзовость” сейчас мешает и раздражает. Мы слишком хорошо знаем Пушкина-классика, и потому так бы хотелось увидеть живого Пушкина, Пушкина-человека: легкомысленного, влюбчивого, обаятельного, бешеного. Хотелось бы того же погружения в его мир, как это

Портрет Е.Е. Намировского. 1823

было в лучших портретах Кипренского. Но этого нет при всей безупречной выстроенности портрета. Недаром Ф. Глинка писал поэту из Петрозаводска: "У меня есть Ваш портрет, только жаль, что Вы в нем представлены с некоторой пасмурностью. Нет той веселости, которую я помню в лице Вашем. Ужели это следствие печалей жизни?"

Как бы то ни было, Кипренский, несомненно, лучший портретист своей эпохи; его знают и любят не только в России, но и в Европе. Как бы мы ни относились сейчас к его работам итальянского периода, следует помнить, что он первый русский живописец, ставший известным на Западе. Недаром Флорентийская академия предложила именно ему написать в 1820 году автопортрет для галереи Уффици, где хранятся автопортреты лучших художников мира. И как лучший портретист он вправе был ожидать понимания и бережного отношения к себе со стороны правительства. Увы, этого не произошло. После Италии, несмотря на одобрительные и даже хвалебные отзывы печати о периодически выставляемых им работах, несмотря на очевидное его мастерство и работоспособность, его обходят стороной. Не дают правительственных заказов, вообще словно не замечают его. И вовсе не потому, что не хватает работы, работа есть, и ее сколько угодно. Например, Александр I пригласил в Россию английского художника Джорджа Доу писать портреты для знаменитой "Галереи Героев 1812 года" в Зимнем дворце. С 1819 по 1829 годы Доу написал более трехсот портретов для галереи, больше, чем Кипренский за всю свою жизнь. А ведь всем, кто помнит портрет гусара Давыдова кисти Кипренского, кто помнит его замечательные карандашные рисунки русских офицеров, совершенно очевидно, кому принадлежало первое право писать портреты для национальной галереи. В то время, как Кипренский простаивал в тщетном ожидании заказов, Доу, несмотря на всю свою бешеную энергию, был не в состоянии справиться с тем громадным потоком заказов, которые поступали в его мастерскую от русских вельмож, и часто вынужден оставлять работы незаконченными. Кипренский на себе испытал всю жестокую несправедливость известной формулы: "Нет пророка в своем отечестве". Особенно это стало очевидным, когда в 1828 году в Академию поступило известие о том, что Николай I "повелеть изволил: живописца англичанина Доу назвать первым портретным живописцем его императорского величества". Русский Кипренский, очевидно, на эту роль не потянул.

Мудрено ли, что через несколько лет жизни в России его потянуло назад, в Италию. Тем более, что в Италии его ждало единственное существо, к которому он был привязан. Это Мариучча — девчонка, подобранная им на улицах Рима, служившая ему моделью для маленькой фаунессы в "Анакреоновой гробнице" и для известной вещицы "Девочка в маковом венке". С Мариуччей у Кипренского вышла целая история в духе романов Диккенса или раннего Достоевского. Заброшенный ребенок, дочь распутной мамыши, она тронула его одинокое сердце. Кипренскому пришлось вести долгую, изнурительную борьбу с ее чудовищной матерью, которая шантажировала его, требуя каждый раз все большей и большей суммы за сеансы позирования своей дочери, прежде чем он сумел выкупить у нее Мариуччу, поселить у себя дома и оформить документы на право ее воспитания. Перед отъездом в Петербург он поместил девочку в привилегированный монастырский пан-

сион. Его письма из Петербурга в Италию — трогательные свидетельства его нежности, памяти и заботы об оставленной им маленькой Мариучче: "...где милая (моя?) Марьюка, — пишет он Гальбергу, — которую я очень забочусь не оставить никогда". И в другом письме: "...я непременно приеду в Рим в течение двух или трех лет и постараюсь нашей Марьюче вполне оказать мое участие, которое я принял в ее судьбе. У меня никого ближе ее нет на земле, нет ни родных и никого".

И вот, с 1828 года он снова в Италии, в Риме. Грустно писать об этом последнем периоде его жизни. Грустно писать историю человека, так ярко и многообещающе начавшего свою жизнь и так банально и бесцветно ее закончившего. Увы, Кипренский не был героем, способным в одиночку бороться с окружающей его рутинной. Жизнь подчинила и перемолочила его, как не раз перемалывала десятки свежих и нерастрченных талантов. Он рвался в Италию, надеясь, что там, среди собратьев-художников, его талант будет развиваться свободно. А вышло наоборот, ибо нигде в мире, пожалуй, не было такого застоя в искусстве, такого засилия вырождающегося академизма, как в Италии. Еще жив был "живой классик" итальянского искусства Винченцо Камуччини, классицист, которого называли "современным Рафаэлем". Его устаревшее выдохшееся искусство, ныне никому не известное, считалось в те годы образцом для подражания. В русской колонии начал блистать Карл Брюллов, чьи сладкие картины вроде "Итальянского полдня" и "Вирсавии" со жгучими итальянскими красавицами вызывали всеобщее восхищение. Приблизительно в те же годы Брюллов начал работать над своей грандиозной эпопеей "Последний день Помпеи", а Федор Бруни приступил к "Медному змию". Где уж тут тягаться Кипренскому с молодыми виртуозами, для которых писать портреты светских дам, разряженных с меццанской роскошью, было парой пустяков. Он и не тягался. Уступал, уступал себя, свой талант, свое представление о настоящем искусстве, пытаясь приспособиться и приладить себя к этому всепобеждающему наступлению салона. Он изгоняет и вытравливает из своего искусства всякую серьезность и задушевность, ту строгую честность, которая так привлекала в его лучших работах. Пытается делать жанровые картинки в духе Брюллова: "Неаполитанские мальчики", "Неаполитанская девочка с плодами" и т.д. Но и тут для полного успеха ему не достаёт брюлловской самоуверенности и игривости, он и в таких работах остается слишком серьезным. Вслед за Брюловым и Бруни он задумывает капитальную историческую картину "Тибуртинская сивилла" в надежде "щегольнуть" ею в Риме, но ни она, ни подготовительный этюд к ней "Ворожея со свечой" успеха не имели. За год до смерти художник пишет свое последнее произведение — большой групповой портрет графинь Потоцкой, Шуваловой и неперменной эфиопки, введенной в моду Брюлло-вым, — картину, производящую впечатление вымученности и фальши.

Но никакие его потуги идти в ногу со временем, казаться модным и интересным, не спасают от надвигающейся бедности. Материальное положение Кипренского в Италии ухудшается с каждым годом. Приехав туда вполне обеспеченным человеком, он за несколько лет растрчивает заработанные в России деньги и остается почти без средств к существованию. В начале 30-х художник шлет в Россию письма — к министру двора князю

П.М. Волконскому и к графу А.К. Бенкендорфу с просьбами о денежной помощи. “Кажется, видимо, я тружусь, да тружусь, да еще и для славы России, а от крупниц, падающих из России, нет мне ни малейшей крохи”, — писал он Бенкендорфу. В 1831 году униженно просит царя купить у него холст картин за двадцать тысяч рублей, а когда тот отказывается — сокращает список до трех. “Наш почтеннейший Кипренский, увенчанный лаврами Европы, едва живет в Риме”, — писал Александр Иванов. Может быть, тогда Кипренский и начал чаще прикладываться к рюмке? “Проработав день, — вспоминал Иордан, — он отправляется обедать и старается отыскать хорошее вино, которое он требует до половины фульсты, и к концу вечера, когда едва может говорить, перед ним стоит целая батарея; в руках он держит приподнятый стакан красного вина перед лампочкой, восхищается его цветом...” От пьянства его не спасала даже молодая жена, та самая Мариучча, на которой он в конце концов женился за три месяца до смерти, в тайне от друзей переменяв свою веру. “Она часто заставляла его дрожать в санях по целым часам, когда он возвращался немного поздно из *cete dreco* в довольно веселом расположении духа; она еще более отравляла его существование, упрекая его едко в проявившейся в нем слабости, не понимая, что энергическая натура Кипренского в веселье круговой чаши старалась заглушить голос сильно уязвленного самолюбия”. Может быть, в одно из таких поздних возвращений, когда молодая жена, “не желая видеть мужа в сем безобразном виде”, не впустила его в дом и он ночевал на улице, Кипренский простудился и занемог той “жестокою горячкой”, которая и свела его в могилу? Кто знает.

5 октября 1836 года Кипренского не стало. Александр Иванов в письме к отцу отозвался на смерть Кипренского следующей горькой эпитафией: “Знаменитый Кипренский скончался. Стыд и срам, что забросили этого художника. Он первый вынес имя русского в известность Европы. А русские его всю жизнь считали за сумасшедшего, старались отыскать в его поступках только одну безнравственность, прибавляя к ней кому что хотелось. Кипренский не был никогда ничем отличен, ничем никогда жалован от двора, и все это потому, что он был слишком благороден и горд, чтобы искать этого”.

Типичнейшая судьба российского художника: гениальный по своим задаткам, он мог бы развиться в крупную фигуру общеевропейского масштаба, он мог бы, подобно Пушкину, стать родоначальником могучей русской живописи, такой же глубокой, самобытной и прекрасной, как и русская литература XIX века. Мог бы, но не стал. И нет его вины в этом. Слишком неравны оказались силы: с одной стороны, художники, за которыми и правда и истина, но у которых ни денег, ни поддержки общества, а с другой — колоссальный натиск коммерческого искусства, всех этих бесконечных Доу, Крюгеров, Орасов Верне, получавших по четыреста тысяч(!) за посредственные плац-парадные “баталии”. Но именно им в России кланялись и их кормили, а своих — не замечали.

Что же удивляться тому, что Кипренский, чьи великие портреты Хвостовых, Ростовичиных и мальчика Челищева можно помещать рядом с портретами Гойи и они выдержат это сравнение, вынужден был уезжать в Италию, спиваться там и писать жалкие подражательные картинки а-ля Брюллов?..

Девочка в мановом венне. 1819.

Синдром Пиноккио

**Кто и почему
паразитирует на нашем
милосердии**

Кто они такие?

Ольга **Н**екрасова

В число нищих по тяжелым гайдаровским временам рисковали попасть массы образованных, достойных людей, экономическими реформами кинутых за черту бедности. Но прошло несколько лет, и те, кто могли, — выкарабкались. Слой "дна" определился: кто-то застрял в нем с начала девяностых, кто-то скатился добровольно, по склонности к жизни без обязанностей, а кто-то спокойно перешагнул в него из времен социализма, не заметив смены социального строя.

Говоря "нищий", я не имею в виду широкое понимание этого слова в смысле "неимущий". Я говорю о нищенстве как об особом образе жизни, о социальном паразитировании, жизни без обязательств перед обществом и невыполнении общественных норм. Ведь не повернется же язык в этом смысле назвать нищими, например, ученых, у которых, как ни у кого, болит душа за общество, за будущее отечественной науки, ученых, которым не платят зарплату, а они все равно работают.

Я говорю о нищенстве как о социальной патологии — о тех нищих, кото-

рые за последние годы тысячами разбрелись по России с протянутой рукой.

Их промысел обычно называется попрошайничеством, но можно взглянуть на это и как на особую профессию, и как на чрезвычайно эффективное психологическое давление, которому рано или поздно подвергается каждый из нас.

"Профессионалы"

В нашем районе много лет побиралась старушка на костылях. Появлялась она у нас с достаточно четкой периодичностью. По праздникам обходила квартиры, как мне казалось, даже в приподнятом настроении. Причем, когда лифт не работал, брала костыли под мышку и преспокойно поднималась по лестнице. (Любой из нас хоть раз да видел, как после трудов на ниве попрошайничества слепые начинали видеть, а хромые ходить...)

Но не так уж важно, совпадает ли "рабочий образ" нищего с реальным. Может быть, он и вправду одноногий. Обратите внимание на других. Во-первых, этих образов мало (табличка "Спьяну попал под трамвай" — немислима, попрошайка для вас напишет: "Память о Чечне").

Во-вторых, образы стереотипны. Тексты же — вызубрены наизусть: "Сами мы не местные...", "Нас тут двенадцать семей..."

Образы меняются, сообразуясь с конъюнктурой: "инвалиды Афгана" переквалифицируются в "инвалидов Чечни", родиной "беженцев" оказывается именно та "горячая точка", которая сегодня на первых полосах газет...

Тут мы имеем дело с изощренными приемами психотехники. Возможно, интуитивной, но я не удивлюсь, если окажется, что нищенские речевки заказываются хорошо оплачиваемым

профессионалам. Это ведь очень сложный жанр, такая речевка. Она должна соответствовать социальным предпочтениям — кого нам жалко, а кого не очень. Должна содержать конкретные трогательные детали — приметы достоверности. Должна четко звучать в шумном вагоне. И при этом производить впечатлительные безыскусной (здесь одно "Поможите!" чего стоит—одно это слово "работает" на образ необразованного провинциала, который, может, и рад бы честно заработать, да потерялся в большом городе).

Такое нищенство не может быть самодельностью частных лиц. Это хорошо организованный теневой бизнес.

Не знаю, насколько соответствуют действительности байки о сверхдоходах нищих — дескать, по 100 тысяч в день. Сотрудники МВД недавно назвали мне дневной заработок рекордсменов — 300 тысяч. Но фактом остается, что, подавая хоть настоящим, хоть поддельным инвалидам и немощным, мы не меньше половины подаем, попросту говоря, на развитие мафии. Откуда такие сведения? А оттуда, что в любом бизнесе (в том числе в нищенстве) есть незыблемые установки. Во-первых, в стране нет бесплатных торговых площадей, даже на улице. Во-вторых, кто не платит государству, тот платит преступникам и коррупционерам. Попросту говоря, если ты промышляешь чем угодно с патентом, милиционер подойдет, проверит — и все (ну, может, вылянчит у тебя то, чем торгуешь — газету или жвачку). Теперь он обязан тебя охранять, как и всякого честного гражданина. А если патента нет, он обязан тебя гнать. Одни на самом деле гонят, другие назначают сумму отступного. С попрошайками еще круче: их милиция должна забирать. Пока отловили не всех, будут напрашиваться очевидные выво-

ды: раз нищий стоит себе, попрошайничает, значит, он заплатил милиционеру. И, добавлю, рэнетиру. Потому что пожаловаться тому же милиционеру не может...

У профессиональных нищих складывается и своя социальная структура, и своя специализация.

Пренде всего, одни работают "бригадой", другие — "свободные художники". Элита имеет нормальное жилье (часто это съемные квартиры), четкие сферы влияния и отсюда — стабильный доход. "Полупавшие" бомжуют, промышленяют на "чужой" территории и бывают биты.

Есть "беженцы". Целые семьи приезжают в столицу и в крупные города зарабатывать на подаяниях, объединяясь в беженские кланы, приезжают с детьми, которые попрошайничают (а задно и лазят по карманам) весьма профессионально. Через некоторое время "беженцы" вывозят домой тюки с вещами. А потом опять возвращаются на места заработков...

Есть "свалочники" — живут на свалках, обустроивая свой быт из подножных в прямом смысле вещей. Но и у этих пошел свой мелкий бизнес: они собирают металл — алюминиевые детали, медную проволоку. Закупщики расплавиваются с ними, как правило, водной.

Есть "вокзальщики" — у этих класические места наживы. На Казанском вокзале столицы бойкий мальчишка лет шести стоит у касс и дергает за рукав каждого берущего билет: "на хлебушек"...

"Церковные" хоть как-то отработывают подаяние. В пренние времена считалось, что молитва нищего — Богу в уши, и подавали с наказом помолиться за раба Божьего такого-то. Среди церковных нищих есть искренне религиозные, а уж праздники, порядок службы знают практически все — это профессиональная необходимость...

"Нищенства не одобряю, но нищим подаю"

Так вкратце выглядят результаты моего социологического опроса. К профессиональному нищенству отрицательно относятся все (нищие, понятно, не опрашивались).

Вот типичные высказывания: "Если помиравшь с голоду, то работу, чтобы временно перебиться, всегда можно найти"... "Наверняна их кто-то направляет и организует — это способ зарабатывания денег"... "Для них подойдет только что-то типа лагеря — они привыкли легкие деньги получать и воровать будут все равно"... "Будоранат приличный народ своим внешним видом"... "Это морально тяжело для нормальных людей. Всем нелегко приходится, и денег не бывает, так что же — всем ходить попрошайничать?"... "Профессиональные нищие, скажем, цыгане, работать не хотят принципиально, хотя артисты замечательные"... "Они, как паразиты, — только берут, а обществу взамен один вред".

Почти все опрошенные, тем не менее, милостыню подают — впрочем, подают избирательно. "Подаю очень старым старикам"; "немошным инвалидам"; "безногим"; "приличной женщине с большим ребенком"; "слепым"; "детям-нецыганам"; "всех жалко, по-христиански всем подаю"; "монашам с церковной кружкой" (святая простота — в церковную кружку надо класть в церкви), "музыкантам" (а это особая статья — уличный музыкант, если он хороший, зарабатывает, а не попрошайничает). И только один из десяти (в основном молодежь): "Ничому не подаю из принципа"...

По поводу того, что с ними делать, ничего нового опрошенные мною сограждане не предлагают. "Бороться должно государство, гонять — мили-

ция. Когда их гоняли — их и не было", "Обеспечивать работой"; "Запретить въезд из "братских" республик"; "Заставить работать принудительно"; "Отдать поношенную одежду"; "Открыть центры реабилитации для бомжующих подростков"; "Помещать бродяг в спецлечебные учреждения"...

Многие поражаются, когда узнают, что в России созданы 150 приемников для бомжей и лиц, занимающихся бродяжничеством, 93 центра временной изоляции несовершеннолетних детей. И деньги наши, налогоплательщиков, на их содержание выделены.

Поэтому, если стыдно не подавать, помните, что вы уже подали, и на ваши деньги сделано для нищих немало.

Особое мнение

Знакомый профессор-обществовед попытался указать мне "на другую сторону проблемы": "Профессиональных нищих, без социальных на то оснований, у нас нет. Это инвалиды, немощные, неимущие выпрашивают на кусок хлеба. Не давать им средств, а потом еще и наказывать — позор! Если государство плодит безработных, то они и будут попрошайничать..."

Может быть, он прав? Ведь идет социальное расслоение, кто-то спатывает с лестницы... Но у меня свое мнение о социальных основаниях нищенства — если рассматривать его как сознательно выбранный образ жизни.

Песенка "сами мы не местные, собираем на дорогу домой" вдребезги, к примеру, разбивается об "Инструкцию о порядке перемещения за пределы г. Москвы и Московской области лиц, помещенных в центры социальной реабилитации..." Попросту говоря, можно сдать ближайшему милиционеру — тебя отвезут, сназем, в Филимонки Московской области, там центр на 500 человек. В Москве в каждом админис-

тративном округе открылись дома ночного пребывания — ночлежки. Отмоют, накурят, подлечат и отправят домой. Само собой, установят личность, откачают "пальчики" и проверят на причастность к совершению преступлений. Вот этого и боятся, ибо многие успели накурлесить.

Опять проблема нищенства смыкается с проблемой преступности. И не надо думать, что если ничего задобрить, подать побольше, он при удобном случае не стукнет вас кирпичом по голове.

Дане не питая никаких симпатий к нищенству, дернешься за кошелек, услышав очередное "Помогите!". Причиной тому — сложный комплекс социальной вины, смешанной с социальным самоутверждением: "Мне плохо, но кому-то еще хуже; если я еще способен подать, значит, мне не так уж плохо". Но противно думать, что и этот наш комплекс нищими заранее просчитан. Что нами манипулируют.

О вине общества и правительства можно было говорить в гайдаровские годы, которые столкнули в нищету социально уязвимых. Но ведь прошло пять лет. Виноватое общество предоставило всем огромные возможности, и это не столько социальные программы, сколько перемены в общественном мнении. Сейчас каждый труд нестыден. Моя знакомая, инженер, торгует газетами, чтобы дети могли учиться в дневном институте. Это тяжело, но не стыдно, а достойно: тянет детей, да и с основной работы не ушла — сохраняет себя профессионально до лучших времен. Продающих сигареты старушек уже не обзывают спекулянтками — они зарабатывают. Между прочим, рядом с ними кто-то стоит с протянутой рукой — "место работы" то же, "трудозатраты" те же, и точно так же к вечеру подсчитывается выручка. Как рационально объяснить, почему один работает, а другой

нет? Напрашиваются категории социальной патологии.

Так кто они? Люди, утратившие свое социальное лицо по трагическим обстоятельствам или сознательно выбравшие асоциальное поведение как способ жизнедеятельности, став профессиональными нищими?

На недавно прошедшей международной конференции по вопросам беспризорных детей прозвучал термин "синдром Пиноккио". Образ, раскрывающий смысл поведения подобных детей (и не обязательно детей). Как поступал Пиноккио? Папа все продал, чтобы отправить дитя в школу, а его все равно тянет на карусели. И он получает все, что хочет — развлечения за просто так, задаром, а не так, как другие дети, для них эти развлечения даются как награда за хорошее поведение и прилежную учебу.

На вонзалах замечены и дети из вроде бы благополучных семей, у которых есть и еда, и дом, но вот времяпрепровождение они выбирают нищенское — что-то выпросить, что-то подобрать, особо не напрягаясь. Это уже не развлечения, а образ жизни.

Пиноккио — 50

У каждого своя трагедия, но можно выстроить типичную линию: как скатываются к социальным низам.

Леша. Ему уже 50... Родители были обеспеченными людьми. По молодости не хотел учиться, интересы с ранних лет — вино, танцы, девочки, телевизор или просто лежать мечтать. В 12 лет — первый привод в милицию в нетрезвом виде. В 17 — угон мотоцикла, колония. Образования нет, специальности нет, да и получать не хочется. Работал в такси, но ездил только по ночам и со "своими" — проститутками, фарцовщиками. Зарабатывал много и пил. Сбил на машине старушку — снова тюрьма. Вы-

шел, работал, долго не задерживался нигде — алкоголизм развивался. Пона был интересный и сильный мунчина (чего же не быть — на работе не надрылся, вся силушка мунская ясно, нуда шла), менял жен, выбирая женщин, которые бы его содержали, постепенно становился альфонсом. Последнее место работы — вахтер. После стал косить под блатного: "я не работаю из принципа", но этот "принцип" известен — когда работаешь, особо не попьешь. Родственники перестали его пускать к себе, потому как он вредил в чужих домах, где по невежеству, где спьяну, а где и нарочно — что-то ломает, а то и подожжет. Трехкомнатный дом с садом поменял на однокомнатную квартиру, приплату быстро пропил. Потом сменил на комнату — приплату пропил, потом и ту продал — пропил, живет на чердаке. Просит милостыню у церкви, отстрил бороду, чтобы не узнавали знакомые. Когда тепло, сидит в подземном переходе, демонстрирует язвы на ногах...

Можно ли в принципе этих людей с социальной патологией "вернуть" в общество? И где найти им работу? Я пошла в Управление труда и занятости Северо-Западного административного округа Москвы. Так вот, оказывается, есть программа трудоустройства "лиц БОМЖ", которая финансируется за счет службы занятости: уборщицу территории из бомжей положили 800 тысяч, а оклад обычного дворника 450 тысяч. Дорожный рабочий ("только для БОМЖ") получает от 700 тысяч до 1 миллиона; уборщик служебных помещений — БОМЖ — 300—500 тысяч (а уборщица-пенсионерка имеет 120 тысяч).

Но, увы, консультант отделения "Строгино" утверждает, что ни одного бомжа еще не видела. Им это не нужно, работать они не хотят. Служба занятости занимается гражданами, добровольно выходящими на рынок труда. В

случае с бродягами можно было бы говорить о принудительных работах, но нет такого закона...

Общество обязано?

(Впечатления от посещения приемника-распределителя)

В приемнике-распределителе клиентов моют, очищают (от паразитов) одежду или выдают новую. Врач обрабатывает раны, язвы, установит, есть ли хронические болезни. Возьмут анализы на ВИЧ и на венерические инфекции. Если выявленные заболевания достаточно серьезны, начинается экспресс-лечение. Почему, спросите, экспресс? Потому что держать по закону бродягу в приемнике можно только 10 дней. Далее он, отмытый, переодетый, подкормившийся, отоспавшийся на чистых простынях, отпускается на волю.

Но самое ценное для бродяги — его документируют. Все, как правило, попадают сюда без документов — нету, продал-пропил. Личность устанавливается, документы выправляются. Неслабо, правда? Побыл в санатории, выправил ксиву, вышел, можешь опять ее загнать...

Задержать могут и до 30 суток, если бродяга из СНГ, или подозревается в причастности к преступлению. Больных отправляют в лечебные учреждения, нежелающим получить жилье выдают путевки в дома-интернаты, алкоголикам наркоманам предлагают лечение. Именно предлагают — у нас насильно лечить нельзя.

Около 100 тысяч в сутки обходится государству содержание одного бродяги в приемнике-распределителе. Намеропалата — метров двадцать, два окна, кровати в два яруса, в углу — закуток с туалетом. Рассчитана на двадцать человек, но и из санитарных, и из дисциплинарных соображений помногу в одной намере стараются не скапливать. Так что

"в номерах" просторно, каждый может выбрать место поудобнее. (Вообще, приемник рассчитан на 1200 человек. Одновременно тут бывает от 60 до 300.)

Вглядываемся в лица. Все явно выпавшиеся, не худые, гладкие. Кстати, как сообщил врач, за прошедший год через спецприемник прошло около 970 человек, и только пятнадцати из них поставили диагноз "дистрофия". Вот вам и голодающие, на кусок хлеба собирают!

В функции приемника входит сопровождение бродяг к месту постоянного жительства. Для них приобретается железнодорожный билет, выдается сухой паек на количество дней пути. Как утверждает начальство, чтобы побольше был паек, многие требуют билеты подальше, куда-нибудь до Владивостока. Раньше их только довозили до вокзала и сажали в поезд. Естественно, "вечные странники" сходили на ближайшей станции, а некоторым удавалось не сесть в поезд, а билет "загнать". Теперь бомжей сопровождают до конечного пункта. Во сколько это обходится государству, журналистам добиться у сотрудников МВД не удалось...

По статистике до 90 процентов бомжей являются убежденными бродягами... Не все они без образования и без специальности. Попадают даже художники. В "зеновской" манере оформляют помещения приемника: поля, березы... Словом, просторы необъятные. Психолог сразу определил бы доминант характера — охоту к перемене мест.

А где мои права?

"Верхи" социально отгорожены от нищих. Как, впрочем, и от нас. Наверное, из автомобиля с тонированными стеклами не такой уж значительной кажется дистанция между честным налогоплательщиком и маргиналом. Как иначе объяснить, что из нового Уголовного Кодекса исчезла статья 209 —

"Систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством"?

Есть соответствующие президентские указы, но заставить профессионального нищего работать, выслать его или как-то иначе изолировать от общества весьма затруднительно. Как правило, попрошайка — старик или "мамаша с ребенком". Это "неприкасаемые" категории, в самом деле, не звери же мы — наказывать мамашу за бедность... Увы, такой образ мыслей череват тяжелыми социальными последствиями. В среде попрошаек уже пошел процесс воспроизводства. Их дети, подчас неграмотные и всегда разбалованные социальной безответственностью, иного, ответственного способа существования не выберут. Ладно, если они взрослыми сохраняют свой "прикид" — лохмотья и немые жалостливые физиономии. А то наденут кожаные куртки, возьмут пистолет и "просить" будут уже по-другому.

Тут мы подходим к гражданским правам — не гражданина России "вообще", а к правам, например, моим и попрошайки (повторюсь: говорю не о несчастных и оступившихся, а о нищенстве как о сложившемся образе жизни без социальной ответственности). Почему тот, кто сложил с себя всякие обязанности перед обществом, должен иметь равные права с человеком работающим, платящим налоги, военнообязанным?..

Я напомню вам перечень "нормальных" болезней бродяг (подсказал фельдшер со "скорой"). Заболевания от кожных до кишечных, педикулез, чесотка. Этот бунет мы с вами можем заполучить в автобусе, и необязательно — при контакте, иногда достаточно подержаться за поручень. Туберкулез: он плюнул, а мы принесли в дом на туфлях. Есть случаи особого "рэнетирства": приходит в фирму — я туберкулезный, сейчас заражу тут у вас

всех... Бродяги побитые, поцарапанные, в крови, а это угроза СПИДа, который, как сейчас выяснено, не только половым путем передается. Так что, если на руках ранна и вы собираетесь в общественное место, не поленитесь заклеить пластырем...

Бомжей в тяжелом состоянии "снорая" подбирает на улицах и везет в городские больницы. За 1997 год в Москве, например, доставлено в больницы около 3200 бродяг; у 30 процентов из них установлены инфекционные и венерические заболевания, у 17 — туберкулез, каждый четвертый — алкоголик.

Подмосковная больница № 11 имеет отделение социальной помощи для бомжей, страдающих туберкулезом. А вообще в больницах их держат дольше положенных по нормам сроков — выпускать-то ненуда. Лежат вместе с гражданами, добросовестно платящими налоги — и за себя, и "за того парня".

По медстатистике приемника-распределителя, почти у каждого третьего бомжа — чесотка, у каждого десятого — сифилис; у процентов десяти — застарелые и свежие травмы, психические и алкогольные расстройства.

Возвращаясь к вопросу о правах: могу я требовать защиты от бомжей — по санитарным хотя бы соображениям?

"Жигуль сменяю на стакан"

Продолжая искать социальные причины современного нищенства, хочу отметить еще и такой нюанс.

Не обязательно все нищие с протянутой рукой и в лохмотьях стоят на углу или ходят по электричкам. Они часто приходят к нам домой или останавливаются во дворе... Я их тоже считаю нищими и попрошайками, эдаким пограничным слоем, готовым вот-вот свалиться за критическую черту.

Все маргинальные характеристики у них налицо — и профессию забыли, и не работают, и семьи растеряли, и пьют, и попрошайничают. Не хватает последнего штришка — бездомности, да и то они постоянно где-то шатаются, на несколько дней пропадают, а то в больницах лежат... А пропьют квартиру — превратятся в бомжей окончательно.

Валера, 46 лет. Закончил физматшкола и Московский энергетический институт, почти десять лет работал в союзном министерстве ведущим специалистом, безотказный общественник, член профнома... Но любил выпить с сослуживцами и в командировках. После 1991-го министерства стали распадаться на фирмы, концерны и холдинги. Валера тыркался туда-сюда, как-то еще работал на старых связях, малорезультативно посредничал. Потом потерял работу вовсе, постепенно сливаясь. Не работает уже несколько лет, на выпивку выпрашивает у жильцов дома. Недавно спяну попал под машину. С тяжелой травмой черепа угодил в Боткинскую. Дружки его заочно похоронили. А он ничего, выжил, только остатки высшего образования, по-моему, вышиблены окончательно. Вышел, опять подбирается. Давать ему деньги я перестала давно, но однажды ему все-таки удалось "впарить" мне дверной замок — без внутренней пружины и совершенно непригодный.

Коля, художник из соседнего подъезда, долго и упорно пропивал свою профессию. Ему я, случалось, деньги давала, он приносил под них то какой-то мебельный лак, то масло для картин, то кисти. Устроился при церкви. Имел разговоры с батюшкой, но пить и пропадать из дома не перестал. Попал под расселение коммуналки, получил комнату в Бибирево, она оказалась занятой. Пришел помиться в старую квартиру и умер от разрыва сердца на лестничной площадке. Ему было 44 года.

Ну, так как же с ними быть обществу?

Верхи, повторюсь, социально отгородились от нищих. Очередь — за остальными социально адекватными гражданами, независимо от уровня достатка. Если вы считаете, что для вас лично нищенство неприемлемо, то не надо прощать его другим. Подавать не надо. На призыв "Помогите!" следует помогать себе, найти форму защиты от расшатывания уже складывающихся нормальных устоев общества. Пора подумать о качестве нации. О собственных детях — ваше сочувствие нищим может заронить в них мысль, что нищенство — хотя и крайний, но не такой уж неприемлемый путь. Призывы к "новым русским" понаяться в грехах и поделиться с ближним давно должны перейти в русло меценатства — хочешь помочь, помоги талантливому, стремящемуся наверх. В бездонную бочку нищенства кидать в цивилизованных странах не принято.

ОТ РЕДАЦИИ

Взгляд социолога, кандидата философских наук Ольги Некрасовой на проблему нищенства не означает, что он единственно верен. Наверняка есть и другие мнения: в чем корни явления? Надо ли помогать несчастным, оказавшимся за "чертой"? Как можно им помочь?

Мы ждем, что вы, читатели "Смены", подключитесь к разговору. Может быть, вы захотите поспорить; может — высказать "особое мнение"...

Словом, ждем ваших писем. ■

Хрупкость и женственность не помешали 25-летней Татьяне Пиналовой удостоиться звания чемпионки мира в международном шоу "Бои гладиаторов"...

— Чтобы с ходу не раскрывать читателям все карты, давайте начнем с вашего детства...

— Я родилась в Тбилиси. Отец был спортсменом — играл в футбол. Меня тоже тянуло к спорту, с четвертого класса я начала заниматься легкой атлетикой: метала копье. Видимо, довольно успешно, потому что меня заметили на сборах и пригласили выступать за Москву. У тренера были большие надежды, но... Однажды на тренировке в ЦСНА ко мне подошел очень большой и сильный человек и спросил, не хочу ли я попробовать себя в другом, необычном виде спорта? Это был Владимир Турчинский, знаменитый "Динамит" — напитан российской сборной гладиаторов.

— Насколько я знаю, в Древнем Риме гладиаторами становились исключительно мужчины. Чем вас-то прельстили лавры Спартака?

— Меня вообще влечет к необычному. Еще до встречи с Турчинским я занималась женской борьбой без правил, и мне назвали, что стать гладиатором не так уж и сложно.

— Расскажите вкратце об этих соревнованиях...

— Команда участников, преодолевая множество препятствий, должна добраться до финиша и заработать при этом как можно больше очков. Задача гладиаторов — помешать им. Мы изначально сильнее, но именно в этом за-

ГЛАДИАТОРША

включается изюминка — дать человеку проверить свою ловкость, свои способности в схватке с профессионалом.

— И все-таки это спорт или шоу?

— Мне кажется, настоящий, большой спорт обязательно должен содержать в себе элемент шоу. Ведь зритель хочет увидеть не только известных спортсменов, но и то, как профессионально они выступают. В гладиаторских боях это особенно важно.

— В России гладиаторы появились сравнительно недавно, а вы вдруг становитесь чемпионкой мира. Поневолле вспомнишь строчки про "коня на скаку и горящую избу"...

— Когда я приехала на чемпионат в Австралию, на первой же тренировке была ошарашена: это только с виду кажется, что победить легко, на самом деле нужен огромный труд и долгая практика. Но я подсознательно предчувствовала победу, и действительно она оказалась — соперниц сильнее меня не было.

— Знаю, что вам под силу одолеть соперника и совсем другой весовой категории...

— Конечно, не всякий способен сдвинуть с места или протащить определенную дистанцию сцепку из нескольких автомобилей. Владимир Турчинский сам в этом весьма преуспел и меня втянул. А поскольку здесь тоже можно доказать свою "необычность", я занимаюсь с удовольствием. Мой рекорд — сцепка машин общим весом 10 тонн.

— Поклонники спорта знают вас как "Комету". Откуда такое прозвище?

— Во время отборочного тура в команду гладиаторов нас много фотографировали, а мое изображение, как на грех, получалось смазанным. Тогда Турчинский и назвал меня "Кометой".

— Вы выступаете довольно часто. Трудно поддерживать "боевую" форму?

— Сейчас учусь в аспирантуре Московской академии физкультуры и спорта. После занятий — ежедневная 2—3-часо-

вая тренировка, включающая аэробику, силовую подготовку, растяжку. Это тяжело, но оправдано — ведь мне хочется поразить людей не только своей красотой, но и силой. Это мое состояние души, моя работа, я не могу жить без нее.

— А как относятся к вашей профессии родители?

— Сначала они сильно переживали за мое здоровье, говорили, что это не женское дело. Но я их все же убедила, что мне такая работа по плечу.

— У вас есть поклонники?

— Множество. Времени на личную жизнь, конечно, не хватает, но я стараюсь выкраивать. У меня есть друг, тоже спортсмен, у нас много общего, он меня прекрасно понимает, даже гордится мной. Вообще-то с мужчинами я очень нежна и обязательна.

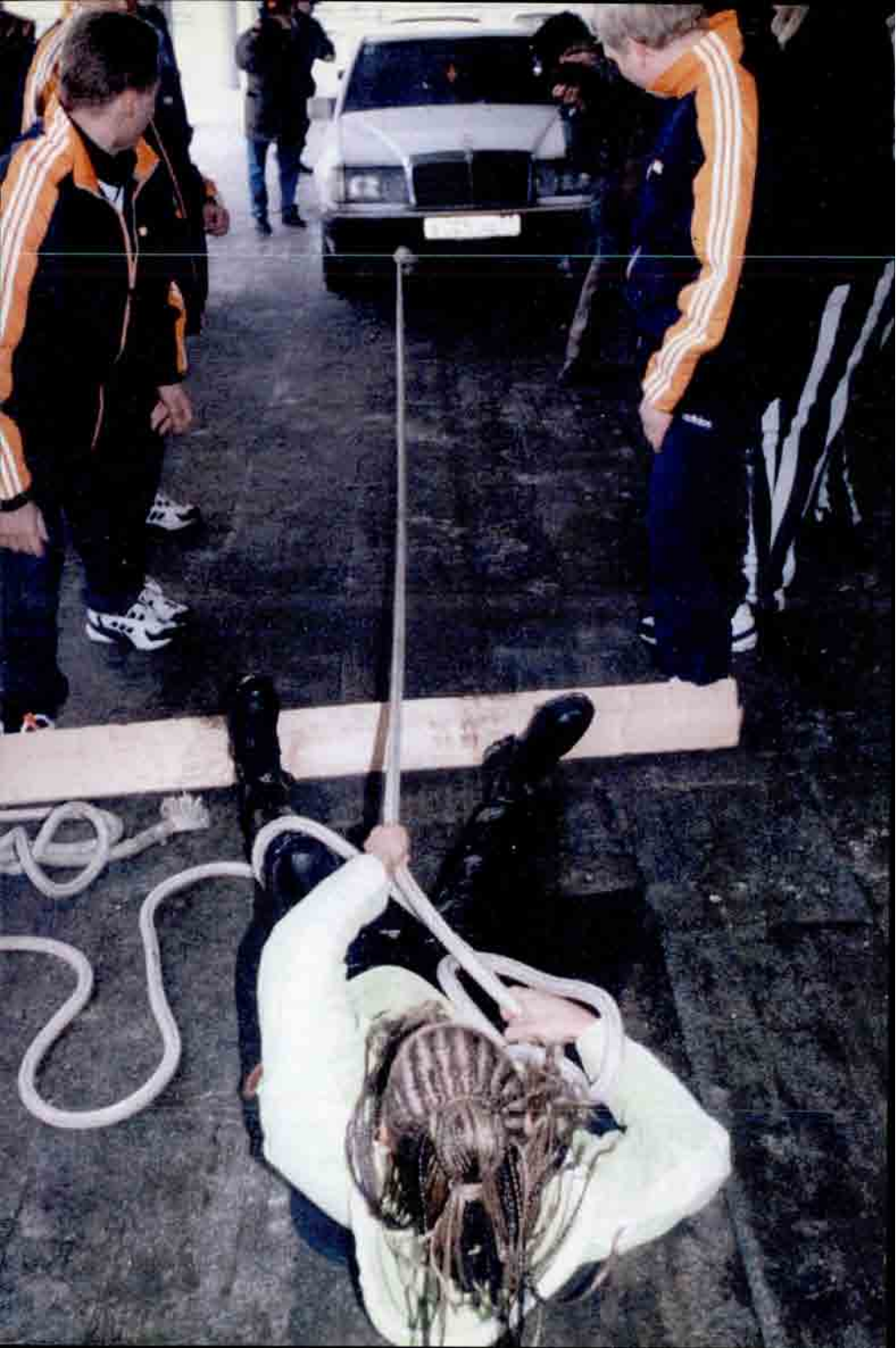
— Они разные бывают...

— Ну, ко мне лучше с дурными намерениями не подходить. Я не только силой, но и словом могу так отшить... Кстати, однажды я даже вора поймала. Это случилось в центре столицы, на Новом Арбате. Я заметила, что к мужчине подошел парень и начал ощупывать карманы. Поймала вору, что называется, за руку. Он начал отмахиваться и неожиданно дал мне пощечину. Это была с его стороны непростительная ошибка — недолго думая, я огрела его спортивной сумкой по голове и он полностью потерял ориентацию. Тут его милиция и повязала...

— Поделитесь напоследок, долго еще собираетесь шокировать публику своими достижениями?

— Думаю, гладиатором я пробуду еще довольно долго, но если появится что-нибудь новенькое и необычное, тоже обязательно попробую. Есть лишь одно "но" — я по натуре очень семейный человек, и с появлением мужа и детей моя карьера, видимо, закончится... Но членом Международного Клуба рекордсменов "Интерстронг" я останусь теперь уже на всю жизнь.

Хотите — верить...

ПАДЕНИЕ БАВИЛОНА

Пролог

Совершенно секретно.
Строго предназначено адресату.

Исходя из Ваших последних оперативных рапортов, можно утверждать, что круг агентуры главного противника, получивший доступ к стратегическим и тактическим материалам, касающимся операции "Вавилон", полностью выявлен и нейтрализован.

Журнальный вариант.

Однако ознакомление с подробной служебной запиской контрольной службы, курировавшей операцию, выявило серьезную погрешность в реализации приказа по устранению второго, вспомогательного звена резидентуры противника, также причастного в результате своей разведывательной деятельности к информации по исполнению долговременной акции "Вавилон".

В частности, обращаю Ваше внимание на агента-нелегала противника Олега М., в течение шести лет действовавшего на территории США под известными Вам именами и в настоящее время проживающего после выполнения задания на территории СССР.

Прошу немедленно принять меры по нейтрализации данного лица, несмотря на очевидную сложность такой задачи.

Учитывая всемирную значимость операции "Вавилон" в ее принципиальном влиянии на судьбу существующей цивилизации, предостерегаю Вас от повторения ошибок, подобных допущенной в отношении Олега М., что позволило опытному и информированному агенту врага не только получить сведения о ходе секретнейших политических и разведывательных мероприятий, но и уйти с ними на собственную территорию.

Об исполнении приказа доложить незамедлительно.
"ПЕРВЫЙ".

Совершенно секретно.
"ПЕРВОМУ".

Во исполнение Вашего приказа, связанного с нейтрализацией на территории противника известного Вам лица, докладываю:

Специальная агентурная группа в качестве оптимального варианта для совершения акции избрала тщательно спланированную автомобильную катастрофу.

С сожалением вынужден констатировать отрицательный конечный результат действий группы в его "техническом" аспекте.

Искомый объект, управлявший автомобилем, в итоге аварии получил лишь незначительные телесные повреждения. Хотя остальные лица, находившиеся рядом с ним, погибли на месте.

Однако, несмотря на неблагоприятный исход операции, дальнейшими усилиями агентуры создана ситуация, при которой объект осуждается в порядке уголовного преследования за совершение дорожно-транспортного происшествия в нетрезвом состоянии на длительный срок, с отбыванием его в исправительно-трудовой колонии для гражданских лиц.

ВЫВОДЫ:

1. Нейтрализация агента противника принципиально завершена.
2. Решение суда и дальнейшее препровождение осужденного для отбывания наказания в ИТК обычного типа находится под контролем.
3. Проведение каких-либо дополнительных мероприятий в отношении объекта, во-первых, излишне, во-вторых, способно привлечь внимание покровительствующих ему лиц из генералитета КГБ, а в-третьих, спровоцировать объект на непредсказуемые действия.

"ЧЕТВЕРТЫЙ".

Совершенно секретно.
Строго предназначенному адресату.

Выражаю крайнее неудовольствие, считая выполнение задания по нейтрализации известного Вам агента противника принципиально! — незавершенным.

Согласен выждать необходимое для проведения повторной акции время.

Приказываю провести акцию на месте отбывания объектом срока назначенного ему наказания.

Неукоснительное исполнение приказа жестко и однозначно диктуется долговременностью и разноплановостью операции "Вавилон", а также ее чрезвычайной важностью для судеб мира, что настоятельно рекомендую Вам уяснить во избежание недоразумений.

"ПЕРВЫЙ".

Джошуа Паркер сошел с трапа самолета, снисходительно оглядев представшую его взору идиллическую картину местного курортного застоя. Подхватив спортивную сумку, составлявшую весь его багаж, он двинулся к стойке иммиграционной службы.

Чиновник в красной форменной безрукавке с уважением принял в руки синюю книжечку американского паспорта.

— Бизнес, туризм? — спросил заученно.

— Туризм, — небрежно проронил Паркер, хотя на языке вертелось правдивое — "бизнес". Однако о роде его бизнеса здесь, на Сейшельских островах, знать чиновнику категорически не следовало.

Страничку паспорта, предназначенную для виз, увенчал голубой округлый штампель с датой прибытия и надписью поверх даты: "Seychelles".

— Я могу идти?

— Если у вас нет ничего, что вы хотели бы предъявить таможене...

— Ничего.

— Желаю приятно провести время, сэр!

Через считанные минуты Паркер, с интересом оглядываясь по сторонам, катил на такси к отелю, где зарезервировал номер.

Отель назывался "Plantation Club". Его приземистые бунгало тянулись по краю подковы широкой бухты, очерченной от океана ровной полосой белой пены, обозначавший невидимый риф.

За рифом начиналась синяя пропасть глубокой воды.

Сунув пластиковую карточку-ключ в паз замка, Джошуа вошел в номер — светлый, просторный, с огромным, до пола, окном.

Он набрал телефонный номер города — столицы островов Виктории, располагавшейся в полчасе автомобильной езды от гостиницы.

Отвечил женский голос. Произнеся пароль, Паркер незамедлительно услышал надлежащий отзыв.

Встречу со здешним помощником по проведению операции назначили через два часа в центре города.

Джошуа надел плавки, халат, пляжные пластиковые шлепанцы и вышел из номера, направившись к бассейну.

Тот, кто был ему нужен — полный мужчина в темных очках, с рябоватым лицом, — сидел за столиком у края бассейна, в окружении двух блондинок, повествуя им, судя по выражению лиц собеседников, нечто забавное...

Поодаль томились три типа с мрачными дегенеративными физиономиями — охрана.

Джошуа улыбнулся. Нет, все-таки этот русский — идиот. Притащить сюда, на Сейшельские острова, центнеры мяса, думая, что они способны его защитить...

Он подплыл к краю бассейна и непринужденно обратился к компании:

— О, я слышу русскую речь... Неужели вы сподобились добраться и до Сейшельских островов с вашими перестройками и демократией?

Паркер знал восемь языков. На русском говорил бегло, хотя и с заметным акцентом.

Человек с рябым лицом небрежно спросил:

— А откуда, позвольте узнать, русский язык столь хорошо знаком вам?

— Я американец, но мама родом из России... Так что рад увидеть здесь, на осколке Африканского материка, соотечественников предков.

— Хотите выпить? — Рябой кивнул на столик, густо заставленный полными и пустыми бокалами с напитками — как крепкими, так и безалкогольными.

— А... с удовольствием! — Паркер, подтянувшись на облицованном кафелем парапете, легко выскочил из воды. — Но заказываю я!

— Какая разница, кто... — с небольшим раздражением передернул плечами рябой.

— Символическая, — сказал Паркер, представившись тем именем, что было проставлено в актуальном на сей момент паспорте: — Майк Дуднев! — Мельком он взглянул на охранников, с невозмутимостью перекормленных бегемотов созерцающих сцену знакомства.

Свою профессию Паркер обозначил согласно выработанной легенде — хиропрактик, обучавшийся в Тибете.

Рябого, именовавшегося Сергеем, мучил остеохондроз, лечил его известный английский врач традиционными методами, лечение не помогало, и, учитывая склонность пациента ко всякого рода мистическим процедурам, аналитики ЦРУ порекомендовали Джошуа сыграть именно на этом моменте, снабдив его подробными фактами об установленных недомоганиях интересующего объекта. Что Джошуа элегантно и проделал, вызвав своей пронизательностью восхищение у Сергея.

Через полчаса Джошуа и Сергей болтали с непринужденностью старых приятелей, попивая ледяной джин с тоником.

Темы разговора со всеми промежуточными связками были выверены, у русского невольно зарождался интерес и расположение к незнакомцу, и Джошуа оставалось лишь холодно фиксировать адекватность

предвосхищенных в теории реакций собеседника и его спутниц с реально достигнутыми.

— Прошу прощения... — Паркер взглянул на часы. — Пора ехать за женой, она ждет меня в городе...

— У вас здесь жена? Очень хорошо! — отозвался Сергей. — В семь часов вечера ждем вас в своем номере.

На сем Джошуа откланялся.

Возвращаясь в свои апартаменты, он с одобрением вспомнил о коллегах, готовивших операцию. Ребята все просчитали правильно. Во-первых, жена. То есть, напарник, играющий такую роль. Весьма необходимый аксессуар. Отдыхать на Сейшельские острова, где бытовал известный консерватизм в укладе жизни, приезжали, как правило, семейные пары. И одиночки смотрелись здесь белыми воронами.

Во-вторых... да что там, во-вторых! Ему выдали даже "ролекс" с корпусом, усыпанным бриллиантами, ибо русский был склонен судить о достойном его собеседнике в немалой степени по мишуре, собеседнику сопутствующей, и на часах Паркера взор Сергея останавливался, как тот подсчитал, семь раз...

Вот же — туземец, хотя и мультимиллионер...

Арендовав в отеле "тойоту" с кондиционером, Джошуа покатил в город. "Жена" — она же связник с резидентурой, наверняка изнывающей от безделья и скуки в этом кораллово-тропическом земном раю, встретила его в условленном месте. Брюнетка лет двадцати пяти, хорошо сложенная, несколько замкнутая.

— Вам не так уж долго придется терпеть мое общество, — сказал Паркер, укладывая в багажник машины ее сумку. — Я вошел в контакт с объектом и приглашен вечером к нему в гости. Вместе с вами. Так что, возможно, операцию проведем завтра. Ваша вспомогательная группа готова?

— Конечно, мистер Майк Дуднев... — Ее губы едва шевельнулись. В глазах заиграла какая-то странная, презрительная насмешка. — Вы запомнили мое имя?

— Да, Лесли... — Джошуа растерянно посмотрел в окно, на темно-зеленые холмы острова, над которыми клубились низкие, дымные облака.

Эта умненькая стерва была ему неприятна. И за такое его чувство она заплатится. Жизнью. Он так решил.

Вечер провели славно. Джошуа, конечно же, обнаружил кучу болезней у всех присутствующих, вставил на положенное место выскочивший позвонок Сергею, затем принес тонкие витые иголки, проведя отдельный сеанс всем присутствующим протачкам, включая и клюнувшую на его приманку Лесли, также поверившую в его способности обучавшегося на Востоке целителя и, естественно, не подозревавшую, что, проникнув в ее плоть, вирус, невидимо прилипший к стали игл, стремительно канул в кровь, тут же набираясь сил. Осваиваясь в питающей его среде...

Джошуа был удовлетворен. Сегодня он принес в жертву четверых.

Часть 1

КОНВОЙНАЯ РОТА

1

Погожим майским вечером я, Анатолий Подкопаев, сержант срочной службы внутренних войск, вес — сто, рост — сто девяносто пять, цвет глаз — серый, волосы, отросшие уже сверх положенной уставом нормы, — русые, вышел со скаткой и вещмешком на плече из рейсового "Икаруса", следующего по маршруту Ростов-на-Дону — Волгодонск.

Помахав на прощание рукой водителю автобуса, а вернее, в сторону зеркальной калоши бокового обзора, я настороженно оглядел панораму до сей поры не знакомой мне местности.

Подобно тысячам иных российских поселков так называемого "городского типа", данный микрополис ничем выдающимся в своей сути не отличался, разве что глинистая сухая пустошь без единой травинки, на которой, густо и смоляно чадя солярккой, разворачивался сейчас рейсовый автобус, направлявшийся обратно к трассе, являла собой своеобразную городскую площадь перед воротами зоны, обнесенной серым дощатым забором и покосившейся изгородью из колючей проволоки, вдоль которой тянулась утоптанная караульная тропка.

Чернели в предвечернем небе угловые вышки с нахохлившимися фигурками постовых солдатиков.

Прибыли.

Я плотнее уместил на затылке фуражку с околышем цвета спелой вишни. Вот и цель очередного из моих перемещений. Поселок Северный, исправительно-трудовая колония номер семь. Режим — общий. Значит, тут мне и куковать... Полтора, мать твою, годика!

— Ты, случаем, не к нам, командир?

Я обернулся.

Передо мной стоял коренастый крутолобый ефрейтор с ручным пулеметом, свисавшим стволом вниз с брезентового ремня, вдавившегося в обшарпанный погон с тонкой золотистой лычкой, почерневшей от грязи.

— Если здесь шестнадцатая рота, то к вам, — ответил я равнодушно.

— Других рот тут нет, — заметил ефрейтор, протягивая руку. Представился: — Харитонов. Кличут Сергей.

— Анатолий. Подкопаев, — сказал я, пожимая вялую кисть нового сослуживца.

— После учебки? — спросил ефрейтор, поправив подсумок с запасными пулеметными магазинами.

— Да, после учебки...

— Салабон, значит, — сплюнул ефрейтор. — Ну, поканали, салабон, дослуживать Отчизне... Крышу с антенной, что навроде метлы дворницкой, видишь? Там вот и рота. Номер шестнадцать. Ростовского полка внутренних войск министерства таких же внутренних дел. Сам-то откуда родом?

— Из Москвы.

— О, высокий гость из столицы! — прокомментировал красноречивый ефрейтор. — Ну, тебя здесь встретит рота почетного караула, готовься.

В голосе пулеметносителя сквозила отчетливая, даже агрессивная неприязнь. Однако неприязнь эта меня не задела, иммунитет к ней за прошедшие полгода службы выработался стойкий.

Да, не любили нас, москвичей, соотечественники. И почитали за какую-то особую, чуждую народу русскому нацию. Сначала такому отношению я искренне удивлялся, после же, свыкшись, начал воспринимать его с презрительным равнодушием. Но природа болезненной внутренней зависти провинциалов к обитателям столицы оставалась для меня неизменной загадкой. Отчего происходила эта зависть? От того, что жителям Москвы больше привилегий перепадает? Или от того, что по складу ума и характерам мы иные, нежели наши периферийные российские собратья — истинные, так сказать, русские, кондовые?..

По дороге развязный ефрейтор многократно пытался завести разговор на ту или иную тему, но я упорно отмалчивался, и до железных ворот с намалеванными на них красными звездами, за которыми располагалось двухэтажное кирпичное здание конвойного подразделения, мы, будущие сослуживцы, дошли в сосредоточенном молчании, минули пустовавшие КП и очутились у входа в казарму, где наши пути разошлись: ефрейтор отправился к "прилавку" ружьей для сдачи оружия и боеприпасов, а я пошел в канцелярию роты, дабы отрапортовать местному начальству о своем прибытии по назначению для дальнейшего прохождения и так далее...

2

В армию довелось угодить мне двадцати шести лет от роду по причинам свойства непредсказуемого и даже, можно сказать, аварийного.

Если обратиться к истокам, то родился я в семье относительно благополучной: папа работал в советском торгпредстве в США, мама — по образованию переводчик с английского и немецкого — всю жизнь обреталась при нем, трудясь то референтом, то консультантом в том же торгпредстве.

И выпало мне, таким образом, появиться на свет и вырасти в штате Мэриленд, в городе Вашингтоне, где до двенадцати отроческих лет учился я в самой что ни на есть настоящей американской муниципальной школе, среди тех, кто по-русски не знал даже слова "здрасьте".

Когда мне исполнилось двенадцать лет, мы переехали в Москву — отцу предстояло новое назначение.

Отношения родителей в ту пору откровенно ухудшились, а вернее, переросли в обоюдное равнодушие.

Все происходящее между ними я воспринял на уровне каких-то неясных ощущений, и хотя уже вторым, нарождающимся взрослым сознанием начал догадываться, что разрыв их неминуем и близок, занимало меня иное, диктовавшееся чисто эгоистическим нежеланием ребенка покидать привычный круг общения, — мне было страшно уезжать в Москву.

Я уже смутно помню последние дни своего пребывания в Америке, но зато намертво отпечатался в памяти тот рубеж, когда, проснувшись зимним утром в нашей московской квартире, я прильнул к холодному стеклу окна и увидел чужой морозный город, дымящий сотнями труб, украшенный не рекламой кока-колы, а призывом побыстрее достроить коммунизм, заполненный одинаково серыми людьми на грязных улицах. И тут сердце мое тревожно замерло, и я сквозь наверхнувшиеся слезы, чувствуя себя подло и жестоко обманутым, обреченно понял: это надолго, а может быть, навсегда.

И, увы, угадал.

А дальше была обыкновенная советская школа, кличка Американец, секция бокса, после — самбо; затем я увлекся кикбоксингом и ай-кидо, целиком посвятив себя спорту и, может, данное мое увлечение, отнимавшее все свободное время, позволило мне относительно легко перенести развод родителей и, самое главное, их последующие браки.

Я остался с матерью, вышедшей замуж за полковника из Генерального штаба, а отец, изгнанный за прогулы и пьянство из своего внешнеторгового министерства, на удивление проворно подыскал себе какую-то английскую корреспондентку и без особенных мытарств получил разрешение на выезд с новой супругой в превосходно ему известный город Лондон.

По окончании школы я довольно легко поступил в институт иностранных языков, хотя при поступлении не обошлось без скандала: на экзамене по моему родному английскому экзаменатор поставил мне двойку, сказав, что у меня дичайшее произношение и речь моя — каша звуков, на что я отвесил ему комплимент, заявив, что его акцент напоминает акцент эскимоса, долго проживавшего среди китайцев, после чего отправился к проректору с жалобой.

Выслушав жалобу — на английском, естественно, языке, — проректор-американист побагровел, забрал мою карточку абитуриента и, хотя экзамен по английскому был лишь первым в череде последующих, сказал, что я свободен до первого сентября, дня начала занятий, и что в получении мною диплома с отличием он не сомневается.

В дальнейшем, встречая своего экзаменатора в стенах института, я уяснил железное правило: дилетант, претендующий на профессионализм, неизменно обречен на попадание в глубочайшее дерьмо. Что же касается истинных профессионалов, то их девиз должен быть следующим: нет пределов совершенству. Другими словами, будь всегда настороже, даже при самых благоприятных обстоятельствах, и не допускай недооценки противника.

В справедливости последнего тезиса я убедился на своей шкуре самым суровым образом: в нашу секцию кикбоксинга пожаловал новенький — студент-кореец Чан О Ли, — худенький, узкоплечий, с кривыми ножками и тонкой шейкой. Кореец напросился в секцию, утверждая, что навыки рукопашного боя имеет, хотя весьма скромные, однако укрепить личный состав нашей команды способен вполне.

"Пробить" новенького тренер приказал мне — к тому времени уже мастеру спорта и чемпиону всяческих первенств.

Оценив хлипкую мускулатуру корейца перед его выходом на ринг, тренер порекомендовал мне сквозь зубы:

— Без жертв чтобы... Не увлекайся. Интеллигентно...

Я, как надутый бойцовый петух, принял небрежное подобие стойки и тут же ощутил хлесткий удар чужой пятки в мое родное колено, пронзенное в следующее мгновение острой болью.

Я вел себя в этом поединке как бычок-недоумок, самоуверенно полагаясь исключительно на грубую физическую силу и свой активный напор.

Практически полностью раскрывшись, я нанес длинный прямой правой, противник всем корпусом отклонился назад, уходя от удара, но тут же круто поднырнул вбок и в великолепной растяжке впечатал свою медную пятку в мой незащищенный висок...

Очухался я после нокаута быстро, но тут же не без некоторого недоумения уяснил, что вижу окружающий мир как-то не так — смутно и перекошенно...

Диагноз врача удручил: повреждение зрительного нерва. Левый мой глазик держался молодцом, соответствуя идеальным параметрам, а вот правый подкачал, удружив близорукостью в восемь отрицательных единиц, и пришлось мне обзавестись контактной линзой, одновременно забыв не только про спорт, но и про учебу.

Излечить мой недуг доктора не брались, я медленно, но неотвратно впадал в отчаяние, но тут муж моей мамы — человек утрюмый и немногословный, недаром боевой полковник разведывательного, кстати, управления, — явился домой в приподнятом настроении, сообщив, что имеет для меня хорошие новости. Заключались новости в том, что сослуживец его — генерал-майор Николай Степанович, ведавший советским военным сотрудничеством с дружественной Индией, нашел в далеком городе Бангалоре, где часто бывал по делам службы, врача-кудесника, обещающего вернуть меня в полноценное состояние.

Я мигом был оформлен на должность переводчика в какой-то хитрый "ящик", а уже через три дня, дрожа от страха, отправился на Старую площадь в ЦК КПСС "для собеседования", где, ни слова не говоря, мне сунули "Правила поведения советских людей за границей", после изучения которых я расписался в их партийной квитанции, что, дескать, ознакомлен и проникаю.

Далее, уже под сводами МиДа, я получил синий служебный паспорт с чернильной индийской визой и рванул с ним домой — собирать чемодан.

И вот "Шереметьево", проводы, предъявляемое таможеннику спецписьмо для прохода через стойку для лиц с дипломатическими паспортами, наконец, самолет и — знойный аэропорт индийской столицы.

Оставив за спиной его стеклянные двери, я попросту обомлел, оглушенный и беспомощно очарованный пестрой суетой и гомоном восточного города с его нескончаемыми автомобильными гудками, бесчисленными уличными торговцами, заклинателями змей, пальмами, парящими в поднебесье орлами над минаретами мечетей...

Генерал Николай Степанович, чьим переводчиком и секретарем я отныне являлся, несмотря на зной, томился в шерстяном кондовом кос-

тюме профессионального бюрократа и, вытирая лысину обрывком аэрофлотовской туалетной бумаги, обозревал бушевавшую вокруг экзотику с явным пренебрежением.

— Дели — дерьмо, — заявил он, аккуратно отрывая по линии перфорации очередной лоскуток от рулона, предусмотрительно, как полагаю, похищенного из сортира воздушного судна. — Жара и жулье.

В тот же день местным рейсом мы вылетели в Бангалор — центр индийских военно-воздушных и космических изысканий.

Городок мне сразу понравился: уютный, относительно чистый по сравнению с Дели, отмеченный великолепным климатом: температура здесь редко превышала двадцать восемь по Цельсию, а ночи порой бывали даже прохладными.

Работа моя сводилась к синхронному переводу переговоров военных спецов, время от времени прибывавших в Индию к своим здешним коллегам, уточнению неясностей в технической документации, секретарствованию у Николая Степановича в те периоды, когда он посещал Бангалор, а такое случалось ежемесячно. Однако при всем разнообразии своих функций работал я, как водолаз, не более сорока минут в день, а иногда выдавались целые недели, когда я был полностью предоставлен самому себе.

Местный доктор-старичок лечил меня отварами гималайских целебных трав, пытался восстановить мой зрительный нерв различными упражнениями из практики йогов, прижиганием активных точек, заставлял меня неотрывно наблюдать за качанием маятника на фоне светлого и темного фона, за резкими перепадами света и мрака, и старания его дали результат уже через три месяца, когда я почувствовал, что уже могу вполне обходиться без линзы, отвоевав у близорукости две с половиной единицы.

Мое естественное и абсолютно раскованное поведение, отражавшееся, в частности, в романчиках с европейскими преподавательницами из университета, вольном передвижении по стране и звонками папе в Лондон — что, кстати, категорически исключалось Николаем Степановичем еще в Москве, — доставляло, вероятно, немало хлопот индийской контрразведке, а меня же, глубоко любяще шпионские страсти презиравшего, забавляло от души, и каждый вечер, входя с какой-либо дамой в свое жилище, я произносил куражливо в пространство:

— Мать твою так, даю настройку...

...Однажды вальжанный и добродушный Николай Степанович позволил мне из Дели, наказав срочно прибыть в посольство.

Холодея сердцем в дурном предчувствии, я тотчас отправился в аэропорт.

Предчувствие не обмануло: ждали меня неприятности.

3

— Индия, значит, тебе не нравится, — грустно констатировал Николай Степанович, встретивший меня в одном из служебных кабинетов посольства, в котором он расположился как полноправный хозяин.

— Очень нравится...

— Не чувствуется!

— Но почему вы думаете, что...

— Я не думаю, я знаю! Те, кому здесь нравится, ведут себя по-другому, чтобы продолжалось нравиться. Понял?..

И мне с детальной точностью было поведано о количестве и даже качестве моих романтических увлечений, а также о некоторых высказываниях, порочащих государственные и общественные устои великого коммунистического новообразования.

— Вот почему тебе не нравится Индия, — заключил Николай Степанович.

Я залепетал нечто жалкое: дескать, больше не буду, простите...

— Как твой глаз?

— Что?

— Как глаз, спрашиваю!

— Чуть лучше.

— Уже хорошо. Ладно, пошли обедать.

Уминая вторую тарелку наваристого борща, Николай Степанович доверительным шепотом продолжал отчитывать меня за беззаботность и ребячество.

— Ты думаешь, что живешь в вакууме? — вопрошал он, со свистящим звуком втягивая в рот прилипший к подбородку волнистый обренок капусты. — Нет, брат, вакуум только в открытом космосе витает, да и то не чистого качества...

— Это да, — кивал я пришибленно.

— Вот и да. Ты думаешь, я против твоих кобелирований? Но ведь эти долдоны... там... Им нужно обоснование, понимаешь... Поэтому так — будешь проводить разработку.

— Разработку... чего?

— Кошелок своих, дурак...

— Понятно...

Из последующих разговоров я довольно легко уяснил смысл так называемых "разработок" и вообще своего приобщения к шпионской деятельности на территории дружественной Индии.

Я получал деньги на рестораны, покупку машины, подарки. Возил из посольства баулы японской радиоэлектронной аппаратуры, по закону облагаемой дикими таможенными пошлинами, и в перепродажу ее, как заведомо контрабандного товара, втягивал индийских военных спецов, устанавливая таким образом с ними двусмысленные контакты; также знакомил спецов, по наущению Николая Степановича, с приезжающими из Союза командированными "инженерами" — якобы со своими друзьями, способными еще более укрепить наш противозаконный бизнес...

Как-то я заикнулся о нечистоплотности своей второй, так сказать, специальности Николаю Степановичу, на что получил следующую отповедь:

— Запомни: Индия — стратегический плацдарм. Думаешь, мы им за красивые глазки самолеты сюда гоним и бесплатные ракетоносители

для спутников даем? Дружба, мир, гони сувенир, думаешь? Да тут война идет. Сейчас, сегодня. Между нами и Штатами. И не было бы советской халявы, знаешь, кто бы твоих индусов сейчас вместо нас охмурил? Ребятки из ЦРУ! Они и так тут кругами ходят, как бесы у монастырских стен...

Аббревиатуру, составляющую название американского разведывательного ведомства, Николай Степанович, равно как и все его коллеги, неизменно произносил слитным единым звуком, похожим на плевков.

— И не исключаю, — продолжал старший товарищ, — что некоторые из твоих подружек, кстати...

— Да быть не может!

— Ох, может, Толя... Хотя... чего с тебя, раздолбая, взять... Глаз-то как?

— Почти в номер.

— Самое главное! Да... В Москву тебе надо бы съездить, двадцать пять лет скоро, хоть с матерью встретишься, отметишь...

— Николай Степанович!

— Ну?

— А с институтом как? Ведь если не восстановлюсь — привет, армия!

— Решим, — отмахивался всеильный генерал. — И с армией, и с институтом, и с приветом. То заботы мои. А пока вот... две тысячи рупий вам, молодой человек, на радости быстротекущей жизни, и вот тут подпишись...

— Сумму указывать?

— Не надо.

С кучей разнообразного сувенирного хлама я отбыл в Москву в отпуск.

Уже всюду бушевала перестройка, чье начало я благополучно просидел за рубежом, создавались кооперативы и устойчивые преступные группировки, появлялись в быту рядовых граждан компьютеры и видеомагнитофоны, и мое зарубежное бытие в государстве третьего мира особо престижным уже никому не казалось.

— Бросай ты эту страну факиров, иди в институт, — убеждала меня мама, — а то так и будешь вечным студентом...

Что ей ответить, я просто не знал, будущее свое соотнося с планами моего покровителя Николая Степановича.

На поддержку кого-либо иного мне просто не приходилось рассчитывать.

В силу неизвестных причин, выяснение которых я посчитал излишними и нецелесообразными, муж-полковник маму мою оставил, жила она теперь одна, работая референтом в английской торговой фирме, красота ее поблекла, тяготилась она вечерним своим одиночеством, а потому отпускать меня обратно категорически не желала.

Меня же, наоборот, тянуло обратно в солнечную Индию из мрачной осенней Москвы — к моей обжитой квартирке, подружкам, оставленному на служебном паркинге автомобильчику "амбассадор", университету и привычной работе.

Но тут я узнал, что сразу же после моего отъезда в Москву Николай Степанович скончался от обширного инфаркта. Мама ухватилась за это сообщение, как за "спасательную соломинку", и продолжала уговаривать меня восстановиться в институте.

4

Очередным утром, когда я, не устояв перед маминым напором, покинул квартиру, направляясь в институт, где намеревался подать заявление о моем восстановлении в составе студентов, на лестничной клетке мне встретились капитан милиции и двое военных — майор и лейтенант, выходящие из лифта.

— О! — восхищенно присвистнул майор, всматриваясь в меня. — Никак Подкопаев Анатолий, мастер спорта по мордобитию и бегу...

— По какому-такому бегу? — спросил я неприязненно.

— По бегу от призыва в армию, — с улыбкой пояснил майор.

— Ах мама, мама, что ты натворила! — сказал я майору.

— А все по закону, Толя, — откликнулся он. — Вот, — указал на милицмейскую шинель. — Имеем предписание, с нами представитель властей, так сказать...

— Мне надо позвонить матери...

— Мы сами позвоним. Ну, как договариваться будем?.. По-доброму, по-злему, а?..

Я тяжело вздохнул. Мне остро захотелось оказать этим типам в погонах серьезное физическое сопротивление, но такое желание по причине его нецелесообразности я отклонил, выбрав сотрудничество, а не поединок, тем более помнил золотое правило: порой победу в поединке означает уклонение от него.

За свое соглашательство я получил возможность переодеться, взять с собой туалетные принадлежности, пакет с едой и необходимые мелочи, после чего закрыл квартиру и обреченно вышел со своим конвоем к поджидавшему нас у подъезда милицмейскому "уазу".

На призывном пункте меня передали под попечение какого-то нетрезвого капитана с петлицами артиллериста, сообщившего, что команда, в которую я включен, ждет отправки, и сопровождающий, отбывший на вокзал за билетами, должен вернуться с минуты на минуту.

— Чтобы глаз с него не спускал! — сурово предупредил лейтенант нетрезвого капитана, и тот кивнул ему с таким угрюмым пониманием, что я твердо уяснил: мне конец!

Меня провели в кабинет, где стояло несколько письменных столов, заваленных папками с личными делами призывников, и множество стульев, также тяжестью папок обремененных.

— Сиди здесь, — коротко сказал капитан, затем подошел к письменному столу, вытащил из него бутылку водки, шумно выдохнув воздух, совершил из бутылки объемный глоток и, утеревшись рукавом кителя, кабинет покинул, не забыв, правда, запереть за собой дверь.

Любопытствуя, я взял в руки одну из папок. Какой-то Подколизин...

И — замер, обожженный неясной, но стремительно формирующейся в сознании мыслью...

На подоконнике лежала самая тощая из стопок — всего лишь пять папок.

Я, сомнамбулически привстав со стула, подошел к окну и на верхней папке узрел свою фамилию...

Вероятно, это была какая-то особая папка, даже наверняка особая.

Далее чисто механическим жестом я взял свое дело, переложил его в ту стопку, где лежало дело Подколизина, а его папку, да простит мне неведомый собрат по несчастью, уместил в категорию "избранных".

Затем меня отконвоировали в толпу одинаково лысых молодых людей, плотно толпившихся в зале, после чего старший лейтенант зачитал фамилии пятерых особо отмеченных, в состав которых моей коварной волей был зачислен послушно вышедший из толпы розовощекий двухметрового роста Подколизин.

Огласив список, лейтенант придирчиво осмотрел свою пятерку, не узрев в ней меня, скользнул по толпе испытующим взором, но, так и не отыскав среди однообразия лысых голов искомую, принялся перебирать свои папки, идентифицируя личности подведомственных ему призывников.

В этот момент прапорщик, собиравший свою команду, выкрикнул:
— Подкопаев!

И я пошел на зов, искоса наблюдая за действиями лейтенанта, который, претерпев некоторое раздумье, повел свою пятерку на выход, озабоченно почесывая подбородок.

У двери, ведущей на лестницу, он обернулся в сторону кабинета, из которого вышел капитан-распределитель с высокомерно-отрешенным выражением физиономии, и, оценив, видимо, данное выражение, лейтенант усмехнулся, мигом все свои сомнения отринув.

Дверь за ним закрылась, и он исчез из моей жизни навсегда вместе с новобранцем Подколизиним, чьей судьбой я столь небрежно и внезапно распорядился. Впрочем, не на казнь же его вели, этого Подколизина...

Время приближалось к полуночи, когда автобус доставил нас — группу из десяти человек, возглавляемую прапорщиком, — к Казанскому вокзалу, откуда я позвонил по телефону домой.

— Где ты? — донесся взволнованный голос матери.

— А тебе не звонили?

— Нет...

— Я в армии, мама. Поезд через десять минут. Едем в Ростов-на-Дону. Внутренние войска. Все. Прибуду на место — напишу.

— Но как же... — донеслось с отчаянием.

— Все. Целую. И не затевай никакого скандала. Ни в коем случае.

— Я поняла...

— Очень надеюсь, что поняла.

Через считанные минуты поезд уносил меня в загадочный город Ростов-на-Дону.

— Зеков охранять будем? — спросил я у прапорщика.

— На месте узнаешь, — заученно ответил он.

Я проснулся в пять часов утра, обнаружив себя на верхнем ярусе казарменной койки, и поначалу привстал испуганно, не понимая, где оказался и какие обстоятельства тому способствовали.

После все вспомнилось мгновенно и ясно: баня, нательное белье, кирза новеньких сапог, казарма, куда нас привезли поздней ночью...

До подъема я недвижно пролежал на узком панцирном ложе, прислушиваясь к храпу и бормотанию сослуживцев и глядя в растрескавшуюся штукатурку казарменного потолка.

Я вспоминал Индию, свою замечательную квартирку с двуспальной кроватью, автомобильчик "амбассадор", знойные улицы, буйство тропической зелени, нежных подружек, покойного Николая Степановича — да будет земля ему пухом...

А потом дневальный, словно ошпаренный, заорал, разевая пасть:

— Р-р-рота... подъем!

И тут же на полную мощь врубили радио, ухнули кремлевские куранты, отбивая шесть часов утра, заскрипели пружины солдатских коек, казарма наполнилась гомоном, руганью, стуком тяжелых табуретов и неуклюжих сапог...

Началась армейская жизнь.

Месяц "учебки" в конвойном полку тянулся нескончаемо долго и однообразно. Нас учили палить из автомата, возили в городскую колонию, объясняя правила и устав караульной службы, предназначение внешних и внутренних заграждений, изматывали бегом в противогазах, строевой муштрой и ежедневной чисткой картофеля в кухонной полковой подсобке.

Накануне распределения новобранцев в боевые подразделения и школы сержантов я заступил в наряд по роте и, убираясь в канцелярии, увидел на столе командира аккуратные стопки серых казарменных папок с личными делами, специально, видимо, приготовленных для ознакомления начальству.

Поверх каждой стопки лежал лист бумаги с начертанным на нем наименованием того или иного подразделения.

Подметая канцелярский пол, я одновременно пробежал глазами по маркировке на стопках:

"Первая рота".

Конвоирование в поездах. Что ж, живая служба, даже в чем-то забавная. Особенно, говорят, на женских этапах...

Вторая, третья, четвертая...

Это все здесь, в Ростове...

"Автотранспортная".

Туда меня с моим индийским водительским удостоверением возьмут едва ли.

"Калач-на-Дону"...

Школа строевых сержантов.

Место, по слухам, жуткое. Тот же дисбат. Муштра и измывательство круглые сутки. Лучше — опять-таки по слухам — в зону, чем в такую учебку...

"Батальон милиции".

Вариант сладкий. Город. Относительная свобода перемещений, много свободного времени... Ну, хулиганы, понятное дело. Но хулиганы лично меня не пугали.

Далее пошли роты периферийные: Батайск, Новошахтинск... Судьба тех, кто попадал туда, определялась в двух словах: вышка и автомат.

Наконец, самое неблагоприятное место — под Элистой.

Безжизненное пространство с промозглыми зимними ветрами, знойным летним адом, вселенским осенне-весенним болотом... Тухлая прирванная вода, зверствующий гепатит...

Я быстро просмотрел стопку.

Точно! Именно в солончаки под Элисту и направлялся Анатолий Подкопаев для несения постовой службы по охране одной из зон строгого режима.

Маркировка же последней стопки меня поразила:

"Москва. Инструкторы".

Я слышал, что некоторым счастливицам после учебки удается попасть в столицу, где готовят инструкторов ИТСО — то есть инженерно-технических средств охраны объектов, специалистов по средствам связи, сигнализации и разного рода заграждениям, препятствующим побегу хитроумных зеков, но после пережитых злоключений мечта о Москве казалась столь эфемерной, столь ирреальной...

Памятуя призывной пункт, я отработанным жестом переместил свою папку в ту стопку, в которой, по моему разумению, ей и полагалось находиться, после чего, подхватив веник и совок с мусором, канцелярию покинул, полностью положившись на волю Божью.

Вечером того же дня я был вызван в знакомую канцелярию для собеседования с комиссией по распределению.

Возглавлял комиссию не известный мне доселе лысый подполковник с пористым красным носом и пропитым оперным басом.

— Так, — сказал подполковник, — Подкопаев... У вас, Подкопаев, что, техническое образование?

— Работал в области авиации и космоса, — поведал я, памятуя индийскую эпопею.

— Как?... — спросил командир моей роты, сидевший рядом и, вероятно, именно своей волей распределивший меня в ряды постовых.

— Но, — произнес подполковник, в раздумье листая мое дело, — у вас же гражданская специальность — переводчик...

— Инженер-переводчик, — соврал я честным и твердым голосом.

И далее привел ряд зазубренных мной технических терминов, почерпнутых из рабочих бесед военных спецов.

— Это ошибка! — потрясенно произнес комроты. — Он направлялся в другой полк, в Элисту!

— Правильно! Ошибка! — согласился подполковник, глубокомысленно поджав губы. — И мы ее исправим! Это надо же!.. Специалист... буквально международного класса... едва не угодил на вышку! Вы правы, капитан, с Элистой у нас недоразумение... А вы, Подкопаев, собирайтесь: отбываете в Москву уже через два часа, так что в темпе, голубчик, в темпе... И давайте следующего, капитан...

— Есть, — сказал капитан, провзительно на меня взглянув. Даже, я бы сказал, подчеркнуто провзительно. С пониманием, то есть, откуда ветер дунул.

Но поезд, что называется, уже ушел.
В Москву. В школу сержантов.

5

В справедливости истины, что все познается в сравнении, московская школа сержантов-инструкторов убедила меня самым наглядным образом. Ростовскую учебную роту через две недели своего пребывания в качестве курсанта я вспоминал, как санаторий.

Нет. Никаких целенаправленных издевательств со стороны командиров ни мне, ни моим сокурсникам испытать не пришлось. Относились к нам ровно и без каких-либо эмоций, как к дрессируемым конвойным овчаркам. Грамотно исполнил команду — молодец. Плохо — будьте любезны, нарядик на всю ночь до рассвета. А в нарядике если и давалось время на роздых, то исчислялось оно буквально секундами.

В шесть часов утра без гимнастеров, в одних нательных рубашках, невзирая на январский мороз, нас выгоняли на кросс протяженностью в три километра, потом следовала основательная физзарядка, скорый завтрак и развод по учебным классам, где нам объяснялись все возможные способы побегов из тюрем и зон, методы противодействия таким способам, преподавалась последовательность оперативно-розыскных мероприятий в тех случаях, когда побег все-таки произошел, открывались секреты устройства специальных техсредств, и за час до обеда занятия завершались, после чего, от души намаршировавшись по плацу, мы шли в столовку, а из нее — снова в учебные классы. До ужина, как правило, мы успевали совершить марш-бросочек с полной выкладкой, почистить оружие и после без ног свалиться в койку по самой желанной команде "отбой".

Провинившихся или же схвативших на занятиях "неуд" сослуживцы провожали в ночной наряд, как отправляющихся на страшную пытку, ибо после каторжного черного труда на протяжении всей ночи штрафнику предстояло ровно в шесть часов утра присутствовать на уроках, иначе автоматически обеспечивался наряд и в следующую ночную смену.

Я, слабо соображавший в технических дисциплинах, вскоре досконально изучил все тонкости бессонных мытарств. Спасибо моему спортивному прошлому! Не будь его, закалившего мое тело и, не постесняюсь сказать, волю, даже не знаю, как бы я выдержал такую муку.

Правда, существовала в школе и определенная свобода выбора между продолжением учебы и ее досрочным прекращением. Те, кто не желал платить сегодняшнюю высокую цену за будущие сержантские лычки и привилегированное положение инструктора, могли подать рапорт и отправиться в конвойную солдатчину, однако заранее оговаривалось: малодушных, не оправдавших надежды своего полкового начальства, ждет продолжение службы в таких условиях, в сравнении с которыми наша школа — дом отдыха.

Так что желающих сделать свой выбор в пользу солдатчины среди моих сокурсников не было. Мы дружно и отчаянно претерпевали все тяготы курсантского бытия, находя изощреннейшие методы иной раз и "сачкануть" как на занятиях, так и в нарядах.

Воскресным свободным — ха-ха! — днем, выметая снежок на плацу с одним из моих товарищей по несчастью совместной службы, услышал я от него следующее:

— Слушай, меня этот концлагерь достал...

— Ты не оригинален, — хмуро заметил я, орудуя метлой.

— Хотя бы недельку перерыва... Хотя бы день! Я, дурак, из Магадана в Москву рвался как... в рай небесный! А сейчас думаю: лучше б уж, что ли, на вышке... А чего: стой себе, кури... бамбук!

— Ты не один в Москву рвался... — бурчал я.

— Разговорчики, товарищи курсанты! — прервал наш диалог голос вездесущего надсмотрщика-сержанта. — Снег между плитами вымести тщательно!

Да, Москва была рядом, за забором... Но толку! За месяц своего пребывания в каких-то тридцати минутах езды от родного дома я всего лишь раз, и то буквально чудом, умудрился позвонить из части матери и выпросить у начальства краткое свидание с ней на КП.

Никаких положительных эмоций из свидания я не вынес, а только болезненно ощутил, что нахожусь в некоем параллельном пространстве с миром нормальных людей, который существовал в каких-то считанных метрах от проходной, но был отделен от меня прочнейшей прозрачной перегородкой, перейди которую — тюряга!

...Стоял апрель, город тонул в мутной серой мороси. Почернелые сугробы тянулись вдоль обочин, чумазные машины однообразным потоком обтекали наш неуклюжий грузовик, державший курс по широкому Ярославскому шоссе в направлении поселка Хотьково.

Что впереди?..

А впереди оказалось вот что: палаточный городок с полевой кухней, разбитый возле учебного макета исправительно-трудовой колонии.

Макет, сооруженный в натуральную величину, в подробностях отражал бараки, вышки, заборы, контрольно-пропускной пункт со слагбаумом и, казалось, только и ждал своего заполнения зеками.

Под предводительством одного из командиров взводов мы совершили паломничество на этот безрадостный объект, где нам была прочитана лекция по специальности, так сказать, а после отправились устраивать свой быт в палаточные чертоги.

В палатках мы размещались по четверо; постелями служили деревянные настилы с бесформенными ватными матрацами, застеленными тонкими одеяльцами, а остальную мебельку составляли кособокие фанерные тумбочки для хранения личных вещей. Все.

Вешалки для шинелей отсутствовали, и, как я впоследствии понял, не без умысла.

После ужина на очень свежем апрельском воздухе возле бочки с варевом неопределенного вкуса, формы и цвета последовала команда "от-

бой", и мы разбрелись под брезентовые пологи, тут же уяснив, что раздвигаться для сна не стоит.

Ледяные отсыревшие матрацы и подушки согреванию теплом человеческого тела не поддавались, и спать мы улеглись в полной зимней форме одежды, то есть не снимая шинелей, а также сапог и ушанок.

Ночью я проснулся, содрогаясь от холода. Мои соседи по брезентовому жилищу отсутствовали. Сквозь ткань палатки оранжево просвечивало пятно недалекого костра. Там, в компании часового, охранявшего сон нашей роты, я обнаружил всю честную компанию своих сослуживцев.

Нам удалось пропарить над огнем дымящиеся густым паром шинели и сапоги, покауда не явился такой же, как мы, задубевший от мороза сержант и не разогнал нас по арктическим матрацам.

— Завтра согреетесь, партизаны! — пообещал сержант многозначительно.

Утром по зову охришшей трубы я, сбросив с себя ровно затянутое колким инеем одеяльце, поспешил на построение.

Во избежание простуд и вообще для укрепления общего иммунитета после переключки нам был устроен оздоровительный пятикилометровый кросс, повторявшийся затем каждое последующее утро; далее был завтрак, по окончании которого старшина объявил, что главная цель нашего пребывания в здешних просторах — помощь в строительстве важного военного объекта, возможно, и стратегического назначения.

Старшина или добросовестно заблуждался, или бессовестно врал, поскольку по прибытии на объект, находящийся неподалеку, мы сразу уразумели, что командированы для возведения нескольких частных коттеджей в качестве бесплатной рабочей скотины.

Каждому из нас "стратегическое" строительство запомнилось, уверен, на всю оставшуюся жизнь!

Пахота начиналась ранним промозглым утром и заканчивалась таким же прохладным вечером, хотя ощущение низких температур ранней весны вскоре нами было утрачено: перед отбоем, гольшом стоя в снегу, мы, смывая пот и грязь, с наслаждением обливалась льдистой водой из умывальника, и пар валил от наших разгоряченных тел, подверженных теперь простудам в такой же степени, как высокопрочные металлы и прочие элементы неорганической природы.

За день нами переносились с места на место тонны кирпича, бетона, строительной арматуры и прочих тяжестей. Не обремененный тяжестью носилок с раствором, я порой чувствовал, что, подпрыгни сейчас, улечу к звездам, а двухшпудовую гирию, зацепив мизинцем, мы перебрасывали друг другу, как баскетбольный мячик, и утренний пятикилометровый кросс воспринимали как детскую потеху.

Культурно-развлекательными мероприятиями являлись упражнения в стрельбе из автомата и пистолета, швыряние гранат на дальность и точность, подтягивания на турнике и отжимания от пола, то бишь от земли, до крайней степени измождения.

В палатках мы уже спали в одном нательном белье, не всегда прикрываясь поверх одеяла шинелью, и наши первоначальные мечты о

ночлеге в уюте барачных учебных зоны — мечты, отмеченные очевидной практической целесообразностью, однако политически вредные с точки зрения наших командиров, скоро забылись, и деревянные топчаны виделись вполне приемлемыми и даже комфортабельными ложами, а казарменные койки вспоминались как предметы неоправданной, граничащей с развратом роскоши.

С первыми листочками, пробившимися на подмосковных березках, мы возвратились на свою городскую базу, где, в несколько дней преодолев либеральные процедуры выпускных экзаменов, получили заветные сержантские лычки и записи в воинских билетах, удостоверяющие наш статус инструкторов по техническим средствам охраны исправительных колоний от окружающего их мира свободных граждан.

Едва я успел полюбоваться в желтых зеркалах ротной помывочной на свои новые погоны, прозвучала команда сдать постельное белье и собрать личные вещички в индивидуальные солдатские мешки, после чего в считанные часы казарма опустела: мы, новоиспеченные младшие командиры, спешно развозились по местам своей дальнейшей службы, а наша учебка готовилась к встрече очередного курсантского молодняка.

И вот знакомый Казанский вокзал, жесткая полка плацкартного вагона и — безрадостный обратный путь в город Ростов-на-Дону, в прежний конвойный полк.

Засыпая в тряской духоте ночного купе, я поймал себя на мысли, что не очень-то и огорчен своим отъездом из столицы. Устройся я даже как-нибудь генеральским прихвостнем, что бы мне сулило подобное положение? Ущербную свободу увольнений в город? Протирание штанов на тепленьком стуле в штабном закутке? Такие перспективы меня не вдохновляли. А возможные тяготы будущей службы в боевых подразделениях казались несущественными.

Лычки сержанта довольно надежно защищали мое достоинство от произвола "дедов" и офицеров. Что же касалось каких-либо физических нагрузок или бытовых неудобств, то после жизни в палаточном лагере они пугали меня не более, чем рыбу вода, высота птицу и волка лес.

Из кабинета полкового командира я вышел с предписанием незамедлительно убыть в область, а именно — в поселок Северный. И вскоре рейсовый "Икарус" уносил меня прочь от города, в однообразные просторы степей к месту окончательного назначения — в шестнадцатую конвойно-караульную роту.

6

Утром меня разбудили петухи. Они голосили по всему поселку, приветствуя восход светила, и я поднялся с постели со странным чувством дачника, приехавшего в деревеньку провести безмятежный отпуск.

В чем-то такое чувство было справедливым. Жесточайшая дисциплина учебки с ее сорокапятисекундным подъемом, заправкой коек буквально по линейке, спешным построением на зарядку осталась в дру-

гой, показательно-показушной армии, а здесь, в боевой конвойной роте, никто никого не подгонял и впустую не суетился: люди серьезно и основательно собирались не на холостую муштру на плацу, а на тяжелую реальную работу, получая оружие, наполняя водой фляги и неспешно уходя в сторону зоны на развод.

Вместе со всеми покинул казарму и я — праздно, не обремененный тяжестью автомата, тронувшийся уже по знакомому пути через поселок к видневшимся вдалеке сторожевым вышкам.

Младший сержант, командир одного из отделений, белобрысый конопатый парень, шагавший рядом, высказал мне, а вернее моей должности инструктора, глубокую зависть.

— Чтоб мне так жить! — со вздохом рассуждал он. — Курорт, а не служба!

— То есть?

— Что "то есть"? Офицерам, и тем хуже, чем тебе... У них ответственность хотя бы. Один солдатик самогона пережрал, другой боеприпас потерял или побег проворонил... А ты — как птичка Божья, порхай себе... Прохутился забор — зеки отремонтируют. Ну и все. Телефон там... раз в год почишишь. А в основном — гуляй, цветочки нюхай. Хочешь по поселку, а скучно стало — на дорогу вышел, попутку поймал и на объект прокатился, развеялся... Вольный стрелок. Это мы... Развод, по машинам, потом весь день на вышке и — отбой. Ну, воскресенье разве — чтоб отоспаться.

Слушая младшего строевого командира, я понимал, что не напрасно тянул ляжку в московской учебке, отрабатывая свою сегодняшнюю свободу быта и передвижений.

Одной из так называемых "рабочих зон", где вкалывали на благо Родины зеки, производя ценную строительную продукцию, был арматурный завод, находящийся под нашим попечительством.

Приняв под командование бригаду зеков, я, поинтересовавшись у всех членов коллектива, кто и за что сидит, получил от одного молоденького осужденного следующий ответ:

— За колесо.

— Украл колесо?

— Да, от "Волги".

— И получил три года?!

— У меня отягчающее обстоятельство... Применение технических средств.

— Каких?

— Домкрат и баллонный ключ.

— А как же без них?

— Без них — никак, — удрученно согласился собеседник. — А с ними — заполучите трояк!

Вот так!

Народ в бригаде подобрался разностатейный: убийца по неосторожности, с перепугу порешивший залезшего к нему в дом воришку дедовской казачьей шашкой; упомянутый похититель колеса; бродяга нео-

пределенной национальности, знающий двадцать языков населяющих СССР народов и считающийся, ввиду скорого окончания срока, расконвоированным осужденным; благообразный старичок, чей нынешний срок пребывания в заключении был пятнадцатым по счету, однако рецидивистом не значившийся, ибо каждый раз осуждался по отличной от предыдущей статье; и, наконец, "аварийщик" по имени Олег, схлопотавший двенадцать лет за дорожно-транспортное происшествие, совершенное им в нетрезвом состоянии.

То, что Олег — личность неординарная, я понял, едва взглянул на него.

Несмотря на сорокалетний возраст, у него было тело тренированного двадцатилетнего спортсмена, в глазах сквозил цепкий, ироничный ум; был он опрятен, и даже зековская спецовка, неизменно выстиранная и отглаженная, сидела на нем как некая аккуратная курточка, подчеркивая внушительную мускулатуру тора и бицепсов.

По слухам, Олег служил в КГБ, причем в звании полковника, а дело, связанное с аварией, носит характер загадочный, как, впрочем, и его сегодняшнее местонахождение среди уголовников, противоречащее той установке, что офицер органов обязан в случае осуждения быть помещенным в специальную зону, в среду себе подобных.

Олег только начинал осваивать свой срок, отсидев из него всего лишь три месяца.

Зеки, как я понял, относились к нему крайне недружелюбно: категория "блатных" откровенно угрожала расправой как "менту позорному", а "мужики" видели в нем представителя ненавистной им феодальной прослойки коммуно-эксплуататоров, да и вообще наследника былой чекистской славы, основанной на кровушке народной и повсеместном насилии.

Так что держался полковник в окружении осужденных благодаря негибкой воле, недюжинной физической силе, а также в силу тех обстоятельств, что сами собой селили в сметливых зековских умах сомнения: мол, коли он с нами, то, ясное дело, не напрасно — видимо, решили мусора своего проштрафившегося в чем-то собрата сначала под статью подвести, а потом чужими руками в расход отправить, а не дурачки мы, чтобы такие планы граждан начальников в жизнь претворять, пусть живет... Мучается, но живет.

Я также подозревал, что и среди администрации колонии, невзирая на возможные жесткие указания сверху, бытовало чувство соперничества к опальному чекисту — да и кто застрахован от подобной участи? — а потому в мою бригаду "гоп-стоп" демобилизованный приговором полковник попал, скорее всего, из соображений изоляции от агрессивной среды бандитов, способных в условиях никем не контролируемой рабочей зоны сделать даже из чемпиона мира по всем видам рукопашного боя набитое переломанными костями чучело.

Но каким бы человеком Олег ни был, испытывал я к нему естественное сочувствие и даже некоторую симпатию за сдержанность, интеллигентность, очевидную силу характера и умение продуктивно работать.

Симпатия, как правило, чувство взаимное. Уже через несколько часов после нашего знакомства мы говорили с Олегом, не утруждая себя уставными обращениями.

— Сам родом из Москвы? — спрашивал он.

— Может, прозвучит странно, но тот родом, где я появился на свет, расположен в городе Вашингтоне, округ Колумбия.

— Да ну?

— Вот и "ну". Более того, там и вырос.

— Значит, сержант внутренних войск МВД хорошо говорит по-английски? — перешел он на мой родной язык, и я аж вздрогнул от удивления, поскольку фразу он произнес как американец, без всякого акцента, разве что в речи его прослеживались интонации жителя южных штатов.

— А вы, гражданин осужденный, случаем, не из Нового Орлеана? — спросил я.

Он рассмеялся. Затем, покачивая головой, произнес:

— Лихо ты... распознаешь диалекты. Да, бывал я в этом славном городишке, столь не похожем на поселок Северный Ростовской области...

— А в Вашингтоне?

— И в Вашингтоне. И вообще на всем пространстве от Флориды до Аляски.

— Забавная получается картина, Олег. Ты бывший комитетчик, это факт общеизвестный. Так?

— Бывший, — согласился он внезапно отчужденным голосом.

— Далее. Английский твой — не из самоучителя. И не из института иностранных языков. Сам собой возникает наивный вопрос: ты шпион?

— Другими словами, тебе интересно знать, работал ли я в разведке?

— Вопрос, конечно, нетактичный... — вставил я осторожную реплику.

— Почему? Вполне естественный, многократно мне задававшийся... Да, работал. И особенного секрета в том нет. Имею в виду утвердительный ответ по данному поводу.

— Вновь задаю детский вопрос: почему?

— Потому что данный печальный факт отлично известен и контрразведке США, — отозвался он.

— Просто факт, или факт со всеми подробностями?

— А вот тут ты попал в десятку, сержант, — усмехнулся он. — На счет подробностей — напряженно...

— Понял, касаться не будем, — констатировал я, натягивая гимнастерку: к зоне, скрежеща, подъезжал бульдозер, выделенный мне в качестве вспомогательной техники местной строительной конторой.

— Ты — Подкопаев?! — высунувшись из кабины, проорал, досадливо отмахиваясь от черного выхлопа солярки, водитель. — Что делать надо?..

— Зону сносить, — сказал я.

— Ты без шуток давай...

— А я без шуток. Всю внешнюю "запретку".

Водитель выпрыгнул из кабины.

— За слова отвечаешь? — спросил с подозрением. — Или дуру мне гонишь?

— Отвечаю, — сказал я.

— Смотри, не подведи под срок... Я свое откантовался, мне хватит...

— На какой предмет пострадали? — с интересом спросил старожил тюремных застенков — подчиненный мне старичок, помимо различных зон обретавшийся еще и в монастырях, где отмаливал, по его словам, "грехи реализованных искушений", за что в колонии получил кличку Отец Святой.

— За Ленина, — четко ответил бульдозерист.

— Неконкретно, — сказал старичок, букву закона изучивший прежде азбуки. — Из-за него мы тут практически все. Хороший был парень, но долго жил.

— Поддал я как-то... — поведал владелец тяжелой техники. — А тогда на кране работал... Ну, начал разворачиваться у горкома, и стрелой по лысине ему...

— Вы имеете в виду бюст? — спросил бродяга, именуемый Труболетом.

— Кто его знает... Статуя, в общем...

— И?.. — болезненно поморщился старичок, как будто ощутил прикосновение стрелы крана к своему личному затылку.

— Что — "и"?.. — растерялся водитель.

— ДТП и хулиганка, — высказался юридически грамотный похититель колес, рассматривая с профессиональным, видимо, любопытством гусеницы бульдозера.

— Это да! — сказал водила. — Но там еще одну статью пристегнули, волки.

— Продолжайте, молодой человек, — заинтересованно вскинулся Отец Святой, видимо, жаждущий всякого знания в практике уголовного законодательства.

Водитель обернулся на клокочущий вхолостую энергией бульдозер,ковырнул носком кирзового сапога землю "запретки", десятилетиями стоявшую "под парами".

— Да я, — продолжил он, — судье возьми и скажи: мол, весь ваш Ленин из двух фанер склеен, оттого и рассыпался. Наверное, говорю, и в Мавзолее такое же чучело под колбой балдеет...

— Высказывания, порочащие государственный и общественный строй, — менторским тоном резюмировал колесный вор, пытаясь вручную определить момент натяжения гусеницы.

— Совершенно верно, — удивленно подтвердил водила, живо обернувшись на него.

— Оч-чень любопытный прецедент! — поднял ввысь палец обитатель монастырей и тюрем, но тут свое веское хрипкое слово высказал наш бригадный убийца:

— Кончай о прошлом! Теряем время! Сноси труху, скоро обед!

Бульдозер взревел, как стая разъяренных львов, и кинулся на потраченные течением времени конструкции малозаметного препятствия, сметая проволоку и столбы к обочине зоны.

Начальник колонии, майор внутренней службы, именуемый зеками "хозяином", — вежливый пожилой старичок с тросточкой (уголовники

лет двадцать назад во время лагерного бунта перебили ему ломом обе ноги), проявлял по отношению ко мне явное расположение. Между нами установились дружеские, производственно-плодотворные отношения, и, когда он обратился ко мне с пустяковой просьбой заменить разболтанные электророзетки в его кабинете, я с готовностью согласился.

Утром "хозяин" уехал в УВД Ростова-на-Дону, вызванный туда своими шефами, оставив мне ключи от служебного кабинета, и в час "сиесты", когда контролеры покинули зону, отправившись по домам на обед, а моя бригада, как обычно, перекуривала под сенью забора, я отправился в жилую зону.

— Надень гимнастерку, — сказал мне на "вахте" начальник караула, — там хрен какой-то пасется... Чрезвычайно уполномоченный, как понимаю.

— Что за хрен?

— Комитетчик, из Москвы... В административный барак поканал, в кабинет "кума". Во, видел, какую нам пушку сдал на хранение... — И сержант продемонстрировал мне увесистую девятимиллиметровую "беретту" в хrome и с позолоченными вензелями на ребрах затворной рамы.

Я набросил на плечи гимнастерку одного из солдат отдыхающей смены и прошел сквозь решетчатые двери "вахты" в зону.

Прежде чем разобраться с розетками, сел в удобное кресло "хозяина" и осмотрел кабинет. Основательный сейф, стулья, письменный стол, вылизанные шнырем ковер, портрет железного Эдмундыча, телефоны, матюгальник "громкой" связи... На задней стороне матюгальника я различил два непонятных по своему назначению тумблера. Нажав на клавишу питания, щелкнул первым, верхним.

В кабинете резко и отчетливо прозвучал знакомый злой голос:

— И ты еще претензии мне, мразь, предъявляешь!

— Какие претензии, Григорий Алексеевич?.. Просто... помочь ведь могли бы, не так разве? А теперь пятерку тянуть...

Разговор, судя по всему, шел из кабинета "кума". И вел его прибывший в зону гэбэшник с одним из зеков.

Я невольно усмехнулся. Вот он каков, тихий, интеллигентный "хозяин"... Умело контролирующий подчиненных с помощью технических средств прослушивания их кабинетов. Прав ротный: еще та лиса!

А вот и гнездо для наушника в динамике...

Грамотный старикан! С большим опытом тюремной чекистской работы!

Разговор, между тем, продолжался.

— Во-первых, — сказал комитетчик, — ты, Звягин, принципиально не прав. Мы тебе всегда помогали. Но помогали в тех случаях, когда ты нас ставил в известность... о своих художествах. А тут сам контрабанду наладил тихой сапой, и сбыв иконок...

— Но вы бы мне запретили, ясный день!

— Неизвестно, Звягин, неизвестно... А во-вторых, почему мы не помогли? Откуда такая точка зрения? Ты получил всего пять лет. Сидишь в колонии общего режима, работаешь в уютном медпункте, оперативно-

му работнику стучать не призван, поскольку мы тобою рисковать не намерены, имея на тебя серьезные дальнейшие перспективы...

— Да какие там перспективы, Григорий Алексеевич!

— А в-третьих, — безучастно продолжал комитетчик, — кто знает, не будешь ли ты уже через месяц разгуливать без конвоя по улицам Москвы или Амстердама?

— Это... как понимать?

— Тебе известен осужденный Олег Меркулов? — прозвучал отрывистый вопрос.

— Ваш бывший? Полковник?

— Наш бывший.

— Ну да... Здесь он, в третьем отряде. Кукует.

— Обстановка вокруг него тяжелая?

— Не то слово! "Петушкам" — и тем легче.

— Понятно. Вот мы и проявим акт гуманизма. Освободим человека от страданий...

Пауза.

— Мокруха?.. — хрипло спросил Звягин.

Даже из динамика различалось его дыхание — затравленное, с одышкой.

Из меня буквально все антенны вылезли.

— Ну, друг дорогой, — вздохнул комитетчик, — тебе не привыкать, данную заповедь ты нарушал уже дважды... что лично я в состоянии доказать с таким количеством обличающих...

— Ясно! Но тут не воля, тут зона!

— У меня хорошее зрение, — согласился собеседник. — Я вижу. Зона. Что значительно упрощает операцию.

— Как... упрощает? Это такой риск!

— Никакого риска. Вот тебе таблеточка. В воде или же в баланде растворяется моментально. Вечный сон наступает через три часа, а любое вскрытие констатирует смерть без каких-либо явных причин.

— Если по науке, то — картину внезапной смерти, — вяло поправил Звягин.

— С бывшим хирургом не спорю, — последовал учтивый комплимент.

— И каким будет вознаграждение?

— Будет, будет, — заверил комитетчик.

— Насчет Амстердама — серьезно?

— Ох, Звягин, Звягин! — донесся сокрушенный вздох. — Так тебе и не привился патриотизм... Не любишь ты Родину!

— Не столько Родину...

— А нас, да?

— Ну почему...

— Да ты, Звягин, не стесняйся, так и говори; век бы вас не знал и не видел, а я с тобой соглашусь, причем безоговорочно, но... никуда ведь теперь не денешься, дорогой ты мой стукачок, никуда!

— Так как насчет Амстердама? Затравочка? Сладкая сказка? Пицца для грез?

— Я работаю с тобой уже шесть лет, — жестко сказал комитетчик. — Так?

— Ну.

— Что "ну"?

— Так, так...

— Я хотя бы раз тебя обманул? Пообещал и не выполнил?

— Нет.

— Тогда какие вопросы?

— Дьявол, — сказал Звягин задумчиво, — порою обязателен в мелочах, чтобы кинуть по-крупному!

— Да ты просто философ! — рассмеялся гэбэшник. — Однако, философ, придется тебе поверить мне на слово, выбора у тебя никакого. Теперь так: я твой бывший следователь. Приезжал к тебе для выяснения некоторых эпизодов твоего уголовного дела.

— Это ясно, — произнес Звягин уныло.

— Меркулова уберешь дней через десять после моего приезда, не торопись излишне...

— И это понятно...

Я отключил матюгальник и вышел из кабинета, закрыв за собой обитую ватой и грубым дерматином дверь, полагаю, не случайно "утепленную" таким образом.

Ремонт розеток я решил перенести на более позднее время, когда комитетчик покинет административный барак. Предосторожность, вероятно, напрасная, хотя — кто знает?

У "вахты" я столкнулся с жуликом Леней. Не глядя на него, произнес шепотом:

— Звягина знаешь?

— Медика?

Вопрос словно бы соскользнул у него с уголка губ.

— Да.

— И что?

— Стукач, — сказал я, покосившись в сторону административного барака. — Проверено.

— Вас понял, перехожу на прием.

— Надо выждать дня три.

— Не учи. У меня пятая ходка.

Я скинул на "вахте" одолженную гимнастерку, сказав, что вернусь в зону позднее.

Я думал.

Что подтолкнуло меня сдать информатора КГБ уголовникам? Его прошлое и настоящее хладнокровного, видимо, душегуба? Опасения за судьбу симпатичного мне Олега? Не знаю... Сомнения в правомерности такого поступка мной испытывались немалые. Я ведь тоже подставил под удар чужую жизнь, распоряжаться которой не имел ни малейшего права. Но меня просто заело это мерзейшее в своем бесстрастии планирование тайного отравления, да и персонажи, планирующие осуществляющие, ничего, кроме гадливости, не вызывали.

Именно такие соображения, а точнее, эмоции руководили мною, когда, вернувшись в компанию заборостроителей, я поведал, оставшись наедине с Олегом, все услышанное, упомянув также и о своем разговоре с авторитетом Леней.

— Они достанут меня, — грустно молвил Олег. — Не сегодня, Толя, так завтра. А я уже успокаиваться начал, вот же дурак...

— Да, взъелось на тебя гэбэ основательно, — посочувствовал я.

— Причем тут гэбэ... — поморщился он.

— Ну а кто же?

— Страна, в которой ты родился, на меня взъелась!

— Объясни.

— Он слишком много знал — вот и все объяснение, — сказал Олег. — Ладно, придумаем что-нибудь, главное — информация получена, а значит, мы вооружены...

— Чем, лопатой?

— Оперативным знанием обстановки. Большой козырь, кстати. Учти на будущее.

— Я-то учту. Но в гроб ты свое знание унесешь, если только не сдержишь отсюда. Причем в самое ближайшее время.

— Помоги, — произнес Олег. — Ну, слабо?

— Слушай, — сказал я. — Не знаю, чему вас там натаскивали в шпионских школах, но меня в сержантской учебке науку о побегах заставляли изучать дотошно. И я изучал. Тем более интересная наука, живая. И скажу тебе так: способов совершения побега — сотни, но нет ни одного, гарантирующего успех. Затем. Сбежать — одно дело. А вот скрыться от преследования — другое, не менее сложное. Как правило, длительность пребывания на воле у беглых составляет от получаса до трех суток... Посади сейчас под охрану меня, инструктора, я бы еще поломал голову, как сделать ноги... И не уверен, что получилось бы.

— Но ведь бегут же...

— Я тебе говорю о правиле, Олег, а не об исключениях. Крайне редких, кстати.

— Так! — сказал он. — О чем мы вообще, гражданин сержант? Что за тема разговора? Еще тебе не хватало брать на себя мои головные боли. Закончили! — И он отправился к бригаде, устанавливающей очередной столб.

На душе у меня было погано.

Я не мог помочь этому человеку. Ничем. И никак. А хотел.

8

Начальником караула на арматурном производстве в тот день был ефрейтор Харитонов, и я застал его в бревенчатой просторной караулке сидящим за сколоченным из досок столом с колодой игральных карт в корткопальной пятерне с грязными ногтями. Партнером Харитонова по игре в "очко" был сутулый небритый грузин по фамилии Мзареули — из рядовых.

На столе я увидел бутылку с самогоном, надкусанный огурец и россыпь зеленых, невызревших помидоров. Из пустой жестянки из-под пива, служившей пепельницей, поднимался дымок незатушенного окурка.

Парочка находилась в изрядном подпитии и на мое появлениеотреагировала довольно тупо, занятая выяснением своих игорных взаимоотношений.

— Ты, сука, кацо, шулер, — говорил, укоризненно качая головой, Харитонов, замершим взором изучая пришедшие к нему по сдаче карты. — Я тебя, сука, уроню в итоге...

— Ти, дрюк, не клювайт носом, — отзывался грузин. — Игрят над внятно!

— Да с тобой хоть как играй! — горячился Харитонов, остервенело швыряя карты на стол. — Лечишь, и все!

— Дэнги давай сюда!

— У-у-у, подавись, чурка!

— Ти сам пять раз чьюрка...

Я возился со стоящим в караулке телефоном, безуспешно пытаюсь соединиться с постом.

— Пить охота... — Харитонов тяжело привстал, качнувшись, шагнул к зарешеченному окну, крикнув в раскрытую форточку: — Эй, бутор! Ко мне!

Из копошившихся возле складироваемых металлоизделий фигур зеков отделилась одна — низкорослая, полненькая, услужливым колобком подкатившаяся к "вахте".

— Воды принеси, бугор, — тоном капризного патриция, обращаясь к рабу, произнес Харитонов. — Холодной чтоб... И если какой-нибудь фуфель плавать там будет...

— Родниковой, гражданин начальник, не сомневайтесь...

Бригадир находился уже на полпути к колонке, стоявшей возле бытовки, как вдруг в пьяный мозг Харитонова вклинилась иная навязчивая идея, и он снова заорал в форточку, призывая зека вернуться, однако тот его не услышал, и свой окрик ефрейтор подкрепил короткой очередью из пулемета в воздух. Неподотчетные патроны у конвойных водились, утаиваемые в значительном количестве после учебных и тренировочных стрельб.

Зек замер, как воткнутый в песок лом, глубоко вжав голову в плечи.

— Канай сюда! — крикнул Харитонов, заметив с довольной ухмылкой партнера по картам: — Мажем, кацо?

— Ти что дим тут пустуй? — поморщился Мзареули, отмахиваясь от заполнившей караулку пелены пороховой гари. — Оборзэл, бэспредэл...

— Бугор! — с напором командовал тем временем Харитонов через форточку. — Пусть этот воды принесет... полковник, во! Заставлю служить гада! Строевым шагом чтоб... По-ял?

— Ща пришло, — неприятно ответил бригадир, в самом деле, похоже, наложивший в штаны.

— Бегом, мать твою!

— Сдавай лысты, катать будэм, — сказал Мзареули, кивая на колоду.

— Пусть лично полковник нам воду носит! — надменно молвил ефрейтор, усаживаясь за стол и грозя многозначительно скрученным перстом. — Чтоб службу не забывал! Мы его уставу научим... Мы его...

Я понял: речь шла об Олеге.

Обнаружив отсоединившийся контакт и укрепив провод, я затянул винт.

Тут же раздался звонок.

— О, работает... — удивленно проговорил Харитонов, вырывая у меня трубку.

Звонили с постов озабоченные донесшейся до них стрельбой часовые.

— Все путем, салабоны! — успокоил их Харитонов. — "Деда" службу знают, не хрена тут названивать! Бдительность, х-ха, проявляют! Стоять там смирно на вышке! Проверю...

— Я сдал... — доложил Мзареули.

Харитонов раскрыл карты.

— Вос-с-семнадцать... — произнес тупо.

— Очко! — торжественно заявил грузин.

— Туфту лепишь, чурка... Я не видел, как ты сдавал...

— Я частный игра взду! — возразил Мзареули гордо. — Дэнъги давай!

— Ур-рою! — Харитонов, с куражливим устрашением выпятив нижнюю челюсть, схватил пулемет и, направив его на партнера, с силой перереднул затвор.

Раздался выстрел.

В наступившем мгновении какой-то оцепенелой тишины ко мне пришло отчетливое понимание, что, видимо, боек щелкнул по старому, ранее уже неоднократно надбитому капсулю...

Харитонов непонимающе воззрился на свое оружие, из ствола которого вился, поднимаясь к низкому потолку, белесый горький дымок...

По крыше с внезапной остервенелостью заколотил сменивший морозичей дождичек ливень, глубокое корневище молнии извилисто раскололо небо в квадрате оконного проема, и грянул жутким знамением беды раскатистый гром...

Мзареули, прижав ладонь к груди, с какой-то дьявольской торжественностью привстал с табурета, нацупал свободной рукой свой автомат, дернул крючок затвора, послав патрон в ствол и отчужденно произнес:

— Ти, собак, минэ убил... — И, не целясь, продолжая неотрывно смотреть невидящим взором на окаменевшего в пьяном недоумении ефрейтора, слегка вздернул ствол вверх, нажав на курок.

Я даже не расслышал звука выстрела, потонувшего в новом раскате грома. Только с ужасом увидел, что на стене за спиной Харитонova внезапно появились потеки кровавых помоев с какими-то яркочелыми вкраплениями, а на лбу ефрейтора возникло небольшое черное пятно.

Харитонов словно бы нехотя опустился на колени и, не выпуская из рук пулемета, ничком повалился на пол.

Затылка у него не было. Сине-бордовое месиво.

Мзареули сделал в сторону убитого судорожный шаг, но тут нога его словно подломилась в колене, и, не отнимая прижатой к сердцу ладони, он тоже упал, оставшись лежать у порога с раскрытым как бы в беззвучном крике ртом.

Мной овладела вязкая, сковывающая все мысли дурнота. Происходящее казалось сном, наваждением, способным привидеться лишь в бредовой ирреальности горячего забытья...

Сквозь монотонный шум ливня донесся невозмутимый и оттого словно померещившийся голос:

— Куда ставить ведро?

Стараясь не смотреть на трупы, я, сотрясаемый неумемной лихорадочной дрожью, осторожно выглянул в форточку.

У входа в караулку стоял Олег — промокший насквозь, в потерявшем свою форму зековском чепчике, с козырька которого стекали непрерывные дождевые струйки.

— Проходи... Быстро! — Я выдернул из вваренных в решетчатые двери труб запорные штыри.

Очутившись в простенке между дверей, Олег увидел меня, улыбнулся приветливо, но тут же остолбенел, усмотрев через мутное стекло оконца кровавую кашу с костяными осколками, облепившую стену.

— Что...

— Живо! Сюда! По стене! Чтобы часовой...

— Понял...

Ведро он оставил в тамбуре прохода. Войдя в караулку, остановился, цепко оглядев стол с разбросанными на нем картами, бутылку с самогонном...

— В картишки дружки играли... — сообщил я.

— И не поделили козырей? — нагнувшись, он ухватил пальцами запястье недвижимого Мзареули, пытаясь нащупать пульс.

Выждав несколько секунд, осторожно опустил его безвольную руку обратно на пол, заключив:

— Готов.

— В общем, Олег, так, — произнес я. — Я ушел проверять постовую связь и, что здесь случилось, не видел. Я увижу это позже... Имею в виду покойников. Теперь о тебе. Ты принес воду и... совершил побег. То ли стрельба произошла, когда тебе открывали двери, то ли двери уже были открыты... неважно!

— И куда же я побегу? — не без сарказма спросил он. — В таком наряде, с такой прической... Я понимаю, Толя, ты сейчас в шоке... Попытайся успокоиться.

— Я уйду на посты, — повторил я. — Ты дождешься телефонного звонка. Как только аппарат звякнет, выходишь из караулки и по стенке идешь до ее угла. Потом ползешь к противотаранному рву. По рву — до пустой вышки. Дальше — в кусты, а за кустами овраг.

— Там степь...

— Степь, — согласился я. — И — канал. Плынешь в сторону поселка.

— Поселка?!

— Ты меня слушай, не себя!

— Хорошо...

— Поселка, именно. Заходишь со стороны канала к зданию роты. Увидишь сортир. За ним — кусты шиповника. Там и сиди. Жди меня. И никакой самодеятельности, иначе выловят в момент!

— Но дальше-то, дальше?

— Дальше я знаю что. Все. Жди звонка. И еще. Оружие не бери, это смерть.

И я вышел из помещения, накинув плащ-палатку на голову. Я брел по караульной тропе, стараясь глубоким дыханием утихомирить испуганно бьющееся мне в ребра сердце. Часовой-азиат, нахохлившийся под навесом вышки, лениво крикнул: "Кто идет?", исполняя уставную формальность, и я ответил хмуро:

— Люлей раздача! — вызвав тем самым его умиротворенный смешок.

— Совсем связь плохой, — грустно поведал он мне, когда я поднялся на вышку.

— Наладим...

Загородив от его обзора караулку, я крутанул ручку постового телефона, прислушиваясь к невозможному, конечно же, отклику.

— Зря звонить, Харитон ругать будет, пьяный сегодня... — прокомментировал часовой, уныло наблюдая за внутренней, тщательно взрыленной граблями, полосой "запретки", раскисшей от дождя.

— Не будет, — отозвался я, глядя, как стремительной тенью Олег скользнул вдоль стены и тут же нырнул в противотаранный ров, скрывшись в нем.

Я повесил трубку.

— Опять не работает... — философски молвил часовой. — Все время ломается. Побег будет, как сообщать?

— Это да, — сказал я, абсолютно согласный со справедливостью такого утверждения.

— Иди сюда, двигай ногой! — внезапно крикнул часовой зеку, воровато выглянувшему из-за штабеля со швеллером.

Зек подошел к "запретке", озираясь по сторонам. Часовой вытащил из кармана леску с крючком и грузилом и, обвязав ее вокруг пальца, бросил заключенному.

Тот быстро нацепил на крючок сверток.

Миг — и сверток оказался в руках часового.

Солдат надорвал обертку, пересчитал деньги и, вынув из-за пазухи полиэтиленовый пакет, швырнул его в сторону штабеля, куда, как кот за мышью, ринулся зек.

— Наркота? — спросил я, удивленный откровенностью такого мероприятия.

— Не-е, — расплылся в хитрой улыбочке часовой. — Я говно от овцы брал, цвет такой же, вид такой же...

— А кайф?

— Не знаю... — Солдат пожал плечами. — Они балдеют... — Он решил сменить тему, пожаловался: — Харитон стреляет, совсем водки напился, опасный, как двадцать бандит, боюсь, убить зека может, шайтан...

— Пьянствование водки ведет к гибели человеческих жертв, — выдал я перл из филологических джунглей русского языка. — М-да... Ничего не понимаю... Только что связь была!

— Был, сплыл... — Часовой сплюнул в зону. — Скажи, пусть грузин подмена делает, совсем не хочет служить...

— Ладно, — пообещал я, осторожно спускаясь с вышки по скользким деревянным ступеням.

Зона охранялась двумя постами, расположенными по диагонали ее прямоугольника, и, сымитировав безуспешную попытку дозвониться в караулку с другой постовой вышки, я неспешно двинулся к жуткому месту, гадая, что теперь буду делать.

Двери проходного тамбура остались незамкнутыми. Мне пришлось выйти из караулки и затворить их, затем я снова вернулся в помещение, вдвинул запорные штыри в трубы и позвонил на посты, сообщив, что караул мертв, возможно, совершен побег, и от часовых требуется усиленное внимание. После, включив полевую рацию, попробовал соединиться с радистом роты, но ничего, кроме грозových помех, в трубке не услышал.

У ворот внезапно просигналила машина, приехавшая для загрузки арматурой.

Выскочив из караулки, я вспрыгнул на ее подножку, сказав водителю:

— Дуй в роту. Или в колонию, все равно... Сообщи: у нас побег, караул убит...

Пожилой водитель обалдело кивнул, после перекрестился и надал газу, разворачиваясь обратно к шоссе.

Я снова остался один. Ливень усилился. В караулке, не умолкая, трезвонил телефон: часовых волновали подробности. И, конечно же, боязнь за собственные задницы: солдатики хорошо усвоили армейский закон поисков крайнего.

Закон, вполне применимый в данном случае и к моей персоне.

Что же касалось иного закона, предусматривающего преследование за умышленное содействие побегу осужденного, то об этом законе я боялся даже вскользь задуматься.

Мы вернулись в роту, куда уже прибывали спешно снятые с дежурства караулы рабочих объектов, занявшись срочным формированием оперативно-розыскных групп, должных перекрыть все выходы из района.

План мероприятий был уже отработан, с успехом реализован на прошлых редких беглецах, его составили грамотно и хитро, учли все детали возможных перемещений вырвавшихся на временную свободу зеков за исключением одного фактора, который являл собой я — всецело посвященный в схему преследования и знающий, как выйти за ее жесткие пределы.

В казарме тем временем царило оживление: рота собиралась на охоту...

Старшина Шпак выдавал солдатам сухой паек, вызванный вертолет ГАИ ожидал очередного вылета в места ночных засад, лейтенант не отрывался от телефонной трубки, названивая то в полк, оттуда уже выехало подкрепление, то в УВД близлежащего Волгодонска; радист отбивал шифрограммы и ориентировки; конвойные собаки, щерясь и захлебываясь лаем, запрыгивали в кузова автомобилей, а их водители до горловин заливали бензином баки.

Вскоре казарма опустела. Остался радист, запертый за стальной дверью своей комнаты, дневальный, дежурный по роте и я — в качестве телефониста-координатора, вооруженный выданным мне пистолетом.

Перед своим отбытием на охоту лейтенант проинструктировал нас, оставшихся, держать ухо востро — мало ли, мол, что...

В чем-то он был прав: беглый чекист находился в десятке метров от входа в казарму и, имея намерение перерезать нам глотки, мог бы такое намерение, благодаря своей квалификации, осуществить.

Когда суматоха улеглась, я вышел к уличному туалету, негромко позвав:

— Ты здесь?

— Да, — сдавленно раздалось из кущи шиповника.

— Дождешься темноты, — продолжил я. — И... видишь пожарную лестницу? По ней — на чердак. Он открыт. Все. Жратву и часы передам тебе завтра. Привет мышкам.

— Запомни номер телефона, — проговорил Олег. — Позвони из поселка в Москву. Скажешь: "Привет от Карла Леонидовича". Тебе ответят: "Вы звоните из Эстонии?" Скажи: "Нет, я такой-то, звоню оттуда-то, Карл Леонидович приболел, но просит передать, что будет рад вас увидеть у себя в гостях. Вам он дозвониться не смог".

— Насчет "Эстонии" — это отзыв?

— Отзыв. Не будет его — клади трубку. Все запомнил?

— Так точно.

Я вернулся в роту и запер за собой на засов входную дверь.

Как и полагалось, во избежание проникновения, нападения и прочих злоумышлений в тревожной обстановке розыска бежавшего преступника.

Вымокший, не выспавшийся, с налитыми кровью глазами и лицом, окаменевшим от хронической злобы, лейтенант вернулся в роту под утро, скинул у входа сапоги с налипшими на подошвы комьями грязи и прошел в столовую, где, в несколько глотков опорожнив стакан чаю, выслушал со стылой усмешкой жизнерадостный доклад дежурного о полнейшем порядке и благолепии в стенах вверенного ему подразделения.

Я стоял неподалеку и, дождавшись завершения доклада, спросил, могу ли пойти проведать свое заборное хозяйство.

— Давай, но после обеда — ко мне в канцелярию, — даже не обернувшись в мою сторону, произнес лейтенант.

Я добрался до поселкового почтамта и позвонил, как просил Олег, по продиктованному мне номеру телефона.

Четко прозвучал отзыв, я представился. Выдал в непринужденной манере заученный текст, и меня попросили передать Карлу Леонидовичу, что в гости к нему друзья уже собираются, и навещат они его в самое ближайшее время.

9

Полоса ливней, похоже, закончилась, вновь начинался зной, глина раскисших дорог черствела на глазах, желтели травы, внешняя "запретка" заросла ломким сухим сорняком едва не метровой высоты, а над ним высилась шеренга арматурных шестов с косо приваренными к их вер-

хушкам планками, вдоль которых должна была протянуться колючая проволока. Проволоку, правда, несмотря на клятвенные заверения строительного начальника, завозить не спешили.

Раздевшись до плавок, я навел порядок в своей каптерке, вымыл пол и разобрал инструмент, после чего, надев солнцезащитные очки и шлепанцы, двинулся принять душ в жилую зону.

— Гражданин начальник! — донесся до меня зов из барака лагерной больнички. — Можно вас на минутку?

В окне барака мелькнул изможденный — вероятно, после отсидки в шизо — лик Отца Святого.

Я двинулся на зов и вскоре оказался в душном, пропитанном запахами карболки и йода лазарете.

В больничных покоях, судя по татуировкам и вообще чертам физиономий, находился на данный момент исключительно "блатной" контингент, к которому, благодаря многочисленным судимостям, по праву принадлежал и Отец Святой.

Естественно, посыпались вопросы, касающиеся розысков Олега, а вернее, их эффективности.

— Ищут, — кратко отвечал я.

— Может, и свалил, — высказал предположение один из зеков. — Мент ведь знает, какие расклады и примочки там всякие...

— Ты тоже кодекс знаешь, а все равно паришься, — резонно заметили ему.

Прислушиваясь к народным версиям, я взял с одной из кроватей гитару, провел по струнам. Сказал:

— Расстроена.

— А сбачать можешь? — оживились зеки. — А то у нас балалаечник со вчерашнего дня на выписке...

— Ну так... — Я пожал плечами. — Десяток аккордов знаю.

— Подыграй, я спою, — попросил один из блатных.

— Ну, давай... — Я подтянул ослабшую струну.

Зек тут же затянул нечто тюремно-лирическое, что нуждалось в аккомпанементе несколькими незатейливыми созвучиями, к его вою тут же пристроился надтреснутый тенорок Отца Святого и чей-то утробный бас. Увлечшись, трио заголосило, как стая мартовских котов, и мне пришлось увеличить степень сотрясения струн, однако наше культурное мероприятие неожиданно прервалось запоздалым выкриком: "Шухер!", а вслед за ним раскрылась входная дверь, и лазарет начали заполнять представители лагерной администрации, не знакомые мне офицеры в легких рубашках с погонами полковников, а затем различились и известные лица: командира дивизии, полка, начальство штаба...

— А это у вас кто? — кивнув в мою сторону, недоуменно спросил командир дивизии начальника колонии.

Отложив гитару, я приподнялся с койки. Снял свои пижонские очки.

Позу я выбрал расслабленную, ибо вытягиваться перед начальством, будучи в шлепанцах и плавках, посчитал делом глупым.

— Э-э-э... — произнес начальник колонии, бегая глазами по сторонам.

— Что за массовик-затейник? — настаивал командир дивизии. — И почему вы в таком пляжном виде, осужденный?

— Из воров, видно, — подал реплику не известный мне подполковник. — Совершенно распустились!

— У них тут клуб интересных встреч, — заметил начальник штаба.

— Это, товарищ генерал, инструктор роты, — торжественно доложил "кум".

Комдив непонимающе уставился на него.

— Да-да. Тот самый, который... — "Кум" запнулся многозначительно.

— Разрешите идти, товарищ генерал? — осведомился я.

Послышался чей-то нервный смехок.

— Идите... — растерянно на смехок обернувшись, произнес комдив с какой-то механической интонацией.

И я решительно и слепо двинулся сквозь офицерскую массу, услышав за спиной:

— С этой ротой мне все понятно! Мерзавцы! И мы еще удивляемся... Перед ним целый генерал стоит, а он в таком виде!

У "вахты" я столкнулся с командиром батальона, получив выволочку как за собственный внешний вид, так и за внешний вид наружной "запретки", буйно заросшей травой.

— Принять меры немедленно! — бушевал комбат, изрядно, видимо, вздрюченный приехавшей из-за чрезвычайного происшествия комиссией. — Бегом!

— Но тут газонокосилка нужна! — позволил я робкое возражение.

— Молчать! Исполняйте приказ!

Я отправился в каптерку, облачился в свое хэбэ, размышляя о гарантированных мне неприятностях, вдруг взор мой упал на коробок со спичками, лежавший на столе.

Пришла идея: а может, попытаться как-то выжечь эту пакостную растительность?

Я вышел к караульной тропе и присел на корточки перед желтой травяной полосой.

Неподалеку, у входа в караульное помещение, толпились высокие чины внутренней службы и войск МВД, обсуждая свои впечатления от проведенной ими инспекции.

Думаю, наиболее сильное впечатление на комиссию произвел сержант Подкопаев.

Я чиркнул спичкой и сунул ее в гущу травы. То, что произошло несколькими секундами позже, я не мог даже представить, полагая, что процесс горения будет протекать неспешно и управляемо, тем более после прошедших ливней...

Трава полыхнула ясным, стремительным пламенем, с жутким треском взвившимся в небо, а затем подхваченное ветерком пламя широко покатило по всей полосе "запретки", замыкая вокруг жилой зоны кольцо.

Огонь поднимался на высоту в несколько метров, облизывая дощатое основное ограждение и опоры постовых вышек, с одной из которых, пе-

репугавшись, сиганул, держа на весу автомат, прямо на территорию жилой зоны часовой.

Толпа облеченных карательной властью лиц нестройно посеменила в мою сторону, и лица толпы были искажены не то яростью, не то испугом.

Мои мозги окаменели от страха.

Однако через считанные секунды огонь, пожрав свою легкую пищу, затих, оставив после себя дымящееся почерневшее пространство и, слава Всевышнему, не тронув забора, иначе, конечно, мне бы была труба!

Я снова очутился в центре внимания представительной комиссии. Увидев оскаленную пасть комбата, отрапортовал ему:

— Ваше приказание выполнено!

Взоры офицеров уставились на члена своей комиссии с подозрительным выжиданием его реакции на этакий доклад.

— Я... — прижал комбат руку к груди, — я ничего такого... Что ты городишь, сволочь?! — обратился он ко мне. — Ты чего на меня вешаешь?! Ты чуть зону не спалил, скотина безрогая!

— Все в порядке... — сказал я, приглашая всех желающих обозреть пепелище и обугленные арматурные шесты. — Дым вот только... А травы уже нет, как и приказывали...

— По-моему, он ненормальный, — озабоченно поделился командир полка с потрясенным комдивом.

— Сержант... вернитесь, пожалуйста, в роту, — отозвался тот, глядя на меня с каким-то испытующим сочувствием. — И прошу вас, ни шагу оттуда...

Я побрел в роту.

Встретил меня сидевший на ступеньке возле КП дежурный сержант.

— Группы прибыли? — спросил я

— Никого, — ответил он равнодушно. — Начальства понаехало — жуть!

— Из-за побега?

— А там все, — ответил дежурный, шмыгнув носом. — Кстати, тебя сам генерал спрашивал, зря ты ушел, теперь получишь в рог...

— Неминуемо! — подтвердил я, проходя мимо него в направлении кухни.

Надо было использовать момент затишья, чтобы передать на чердак жратву и флягу с водой Олегу.

Я не без оснований раздумывал о том, что как бы в самое ближайшее время нам не пришлось сдергивать отсюда уже в качестве компаньонов...

Спустя неполный час комиссия прибыла в роту, бразды правления над которой взял на себя комбат. Я ожидал своей участи, томясь у двери канцелярии, где заседало начальство, жаждущее испить моей кровушки.

Наконец поступил приказ войти в канцелярию. Я вошел, и тотчас на меня обрушился смерч сиятельного негодования и град негативных определений моей личности. После увертюры эмоций последовали конкретные вопросы. Я отвечал на них спокойно и просто.

— Так, — резюмировал комдив. — Стоит перед нами херувим во плоти. И откуда он сюда такой прилетел-то? Вы чем занимались до армии, сержант, можно полюбопытствовать?

— Спортом, — сказал я.

— Это мы знаем...

— Изувер, — молвил командир полка. — Мне с ним все ясно. В рядовые его! На вышку!

— Выйдите, сержант, — приказал генерал, кашлянув.

Я вышел за дверь, оставшись в коридоре.

Из канцелярии до меня отчетливо доносились дальнейшие дебаты руководства.

— Боюсь, — произнес начальник штаба, — что ему вообще не следовало бы доверять боевое оружие. То, что я сегодня увидел в лазарете... У него определенно есть связь с контингентом...

— Думаю, — задумчиво сказал командир, — с ним надо провести воспитательную работу, серьезно прояснить моральные ценности нашей службы... Кроме того, у нас остро не хватает грамотных инструкторов...

— Грамотный! — подал голос комбат. — Может, его к нам какое-то перау подослало, а? Недаром же у него место рождения — Вашингтон!

— Ого, — перебил его комдив. — Это новость!

— Так вот! — продолжил комбат горячо. — Сюда представителя контрразведки надо, вот что скажу! И пока этот вельзевул в роте, жди чего хочешь! Лично я с этой чумой тут не собираюсь... Чаша моего терпения с треском лопнула!

— Спокойно, — произнес командир полка, снимая трубку звонившего телефона. — Слушаю вас... Так точно... Завтра? Я понял.

— Что такое? — спросил генерал. — Кто звонил?

— Комбат как в воду глядел... — прозвучал раздраженный ответ. — Из управления КГБ... Завтра приезжает ответственный товарищ из Москвы. По поводу Меркулова.

— Доигрались, — сказал комдив.

На следующий день мне снова приказали явиться в треклятую канцелярию, где я застал комбата, командира полка и мужчину средних лет в гражданском костюме.

— Вот он, красавец, — представил меня незнакомцу комбат, разместив ударение в последнем слове на последнем слоге.

— Ага, — произнес незнакомец равнодушно. — Ну, пойдем, Подкопаев, прогуляемся, подышим воздухом степей... Вы не возражаете? — обратился он к офицерам, чьи физиономии выразили несомненное и даже благодное согласие.

Затем, встав с кресла, человек в костюме сообразовал мне представиться:

— Я полковник Комитета государственной безопасности. Зовут — Михаил Александрович. И у меня к вам много вопросов, сержант.

— Служу Советскому Союзу... — не к месту откликнулся я.

— Вельзевул, — подал реплику комбат.

Мы вышли на пустынный строевой плац.

— Ну, значит, так, малый, — тихим и ровным голосом произнес комитетчик. — Я здесь как лицо вполне официальное, уполномоченное прояснить обстоятельства побега, еще всякое-разное... Но это — одно дело. А есть и другое. Олег — мой товарищ. Да, причем, близкий, и не тараци на меня глаза, твое начальство нас внимательно лицезреет...

— Что вы хотите? — спросил я довольно-таки нервно.

— Я, — продолжил полковник, усмехнувшись, — приехал навестить Карла Леонидовича. Согласно вашему звонку. — Он повел глазами в сторону черного запыленного "мерседеса" с мигалкой на крыше, припаркованного возле ротного гаража.

— Ваш? — спросил я, выгадывая паузу для раздумий.

— Государственный, — прозвучал ответ. — Ну, как будем действовать? Где Олег? В подвале казармы?

Этот последний, довольно-таки неглупый по своей сути вопрос отрезал мне все пути к каким бы то ни было недомолвкам.

— На чердаке.

— Понятно, — сказал комитетчик. — Воспользовались принципом, что пожар на каланче замечают в последнюю очередь... Однако же вам просто везет. При том компромате на тебя, я бы первым же делом перетряхнул тут всю округу... Теперь слушай. При входе в казарму я передам тебе ключ от багажника машины. Затем соберу всех офицеров в канцелярии. Твоя задача: передать ключ Олегу, пусть немедленно залезает в багажник. Отвлечь дежурного и дневальных сможешь?

— Их и отвлекать не надо... С внешней стороны кусты вдоль забора, он ими прямым к машине и пройдет...

— Тогда — действуем! — произнес с холодной решимостью двуликий чекист.

Взяв ключ, я отлучился в туалет, накарябав Олегу записку с ценными указаниями, после чего обошел здание и бросил камушек в стальную дверцу чердака.

— Олег! — позвал я негромко.

Прошло несколько секунд... Затем дверца дрогнула, мой зов был услышан.

— Нитку давай! — скомандовал я.

Из дверцы тотчас скользнула толстая нить, которую мы использовали при передаче продуктов. Я привязал к нитке записку с ключом и легким рывком обозначил команду "вира". Затем встал в углу здания на шухере.

Физической подготовке Олега надо было отдать должное: отсидев в темноте чердака практически без движения около двух суток, он выпорхнул с верхотуры, как бабочка, тут же в длинном прыжке нырнул в кусты и через считанные мгновения оказался возле "мерседеса".

Поворот ключа в замке — и беглец скрылся в темном зеве багажника, тут же прикрыв за собой крышку, с внутренней стороны которой предусмотрительно была проделана веревочная петля.

Мне подумалось: если приехавший комитетчик — провокатор, то шутку над нами он учинил хотя и злую, но элегантною.

— Подкопа-аев!!! — разнесся над плацем ор дневального. — В канцелярию.

Я снова предстал пред очи властительной троицы. Отрапортовав, коротко кивнул чекисту, получив в ответ такой же кивок — дескать, понял...

— Сержант, — произнес он, — вам придется проехать со мной...

Прояснить кое-какие вопросы.

— Какие вопросы?

— Узнаете на месте.

— На каком месте?

— Сначала поедем в Ростов... Который на Дону.

— А потом?

— Сержант, — произнес комитетчик с терпеливой укоризной в голосе, — сейчас вы немедленно переоденетесь в парадную форму, соберете все вещи и получите необходимые документы от командира батальона. Это все, что вам необходимо знать.

— Может, все-таки останетесь, отдохнете? — участливо предложил ему командир полка. — И так всю ночь в дороге...

— Не привыкать, — небрежно отмахнулся он. — В крайнем случае... Сержант, у вас есть права?

— Да вы что! — побагровел комбат. — Его — за руль? Останетесь без машины! Такому дай пароход — море высохнет! Его разве только в багажник!

— Багажник занят, — грустно вздохнул комитетчик. Затем посмотрел на часы. — Пора... Мне еще предстоит заехать в колонию.

— Да, — глубокомысленно подтвердил командир полка, — начальник оперчасти ждет вас...

Контрразведчик поднялся с кресла.

— Я откланиваюсь, товарищи, вам желаю успешных розысков Меркулова, жду положительных сообщений. Все прочешите!

— Одного поймали, — сказал комбат, имея в виду, вероятно, вчерашнего беглеца с жилой зоны, — поймаем и другого...

— Разрешите идти? — спросил я, прервав эту трогательную чекистскую беседу.

— Я думал, вы уже переоделись, сержант, — удивленно произнес комитетчик. — Что-то вы долго собираетесь.

— Как вор на ярмарку, — прокомментировал комбат.

Я ринулся в каптерку, собрал вещмешок и возвратился к комбату за командировочным предписанием.

Пункт моего назначения в предписании был указан в незатейливой и краткой формулировке: КГБ СССР.

— Разрешите идти? — поднес я руку к околышу фуражки.

— Сгинь, нечистая сила! — рявкнул комбат.

В колонии Михаил Александрович провел около часа. Я тем временем попрощался с ребятами из караула, обошел пожарище, погруженный в сентиментальные воспоминания о дизеле, прошедшем лете, своей уголовной бригаде, членов которой мне вряд ли суждено было когда-либо увидеть, да и не стоило, наверное, встречаться с такими субчиками.

"Кум", вышедший провожать ответственного полковника, сказал мне на прощание следующее:

— С тобой, возможно, еще встретимся... Хотя общий режим светит тебе навряд ли. Строгий — да. А со временем и особый.

— Желаю вам аналогичных благ, гражданин начальник, — учтиво ответил я.

— В машину, сержант! — ледяным тоном подытожил нашу пикировку полковник.

И вот, поселок Северный позади...

— Так куда я все-таки еду? — спросил я Михаила Александровича.

— Честно? Не знаю, — пожал он плечами. — Придумаем что-нибудь. Просто я понял, что, если не возьму тебя с собой, кончишь ты, благодаря усилиям своего командования, да и своим собственным, печально. Но это не главный фактор. Я спасаю тебя, потому что... ну, в общем. Что бы тобой ни руководило, а сделал ты дело полезное и большое. Для Родины, не побоюсь сказать.

От уточняющих вопросов я воздержался, понимая, что ответы получу едва ли.

Между тем, несмотря на марку машины, ее номерной знак и мигалку, нас тормозили на всех постах ГАИ, требуя документы и внимательно рассматривая наши лица: розыск Олега велся по самой жесткой программе.

Лишь выехав далеко за пределы области, мы, свернув в лесопосадки, остановились, выпустив бедолагу из чрева багажника.

После объятий с боевым товарищем Олег изумленно воззрился на меня.

— А ты каким образом?.. Дезертировал, что ли?

Михаил Александрович кратко описал оперативную обстановку, сложившуюся вокруг моей разнесчастной личности.

— Ну и правильно! — одобрил Олег. — Армия большая, место, где ему дослужить, найдем. — Он расстегнул зековскую спецовку. Спросил: — Одежда есть?

— Одежда, парик... — степенно ответил Михаил Александрович. — Усы, очки... Все, как положено.

— А куда путь держим?

— Для начала в столицу!

У меня сладко заняло сердце.

Москва! Увижу ль я тебя?!

— Увидишь, — коротко взглянув на мою физиономию, сказал Олег, без труда прочитав простые мысли сержанта Подкопаева.

Через несколько минут "мерседес" снова тронулся в путь. Скоро в оконце замелькали родные елки и сосны.

Лес! Как он мне был дорог и мил. Каким невыразимо прекрасным и волшебным казался после чуждых голых степей с их редкими корявыми деревцами, насаженными по берегам каналов! Лес! С его хвоей, осенней медью вековых дубов, грибами и травами...

Душа моя пела.

Часть 2

ШТУРМ БЕРЛИНА

1

Поздней ночью пожиратель дорожного пространства по кличке "мерседес" остановился у подъезда моего дома.

Увидев знакомый дворик своего детства, я на какой-то миг испытал ощущение, будто очнулся от привидевшегося кошмара, но два персонажа этого кошмара, сидевшие рядом со мной в машине, наглядно свидетельствовали о том, что попросту одна реальность — неблагоприятная — сменилась на иную — покуда неизвестную, однако отмеченную любезными моему взору приметам.

— Слушай, Толя, боевой приказ, — устало произнес Михаил Александрович. — Сейчас ты поднимешься к себе в квартиру и скажешь маме, что у тебя отпуск, после которого отбываешь на новое место службы. То же самое говоришь не только маме, но и вообще всем. Через три-четыре дня я тебе позвоню и сообщу, что будем предпринимать дальше. Если, — с нажимом добавил он, — в течение данного отрезка времени сподобиться угодить в какую-то историю, обещаю лично и очень больно дать тебе по голове. Ясно?

— Я объявляю себе домашний арест, — пообещал я. — Не беспокойтесь.

— Документы твои останутся у меня. А теперь главное: ты, Толя, перстами легкими как сон, коснулся провода под очень высоким напряжением. Что за провод и что за напряжение, уточнять не стану. Но оно тебя шандархнет с гарантией, если кому-нибудь по глупости, доверчивости или...

— Можно перебить вас? — спросил я.

— Попробуй.

— Я понял.

— Что понял?

— Все. В том числе, что на известных мне фактах стоит гриф "хранить вечно".

— А я, Толя, — вступил в разговор Олег, — с тобой не прощаюсь. Дослужи, а там, даст Бог, свидимся. И еще. В случае абсолютно безвыходной ситуации можешь воспользоваться тем номером телефона, что я тебе дал. Однако поправка: две последние цифры — другие. Тридцать семь. Запомнил? Скажешь: говорит Сержант... Не против такого наименования?

— Пока соответствует... Пока не разжаловали. Чудом!

— Вот оно — чудо, — кивнул Олег на своего приятеля. — В общем, представившись, скажешь, что ищешь... кого?

— Карла Леонидовича.

— Именно. Ну, все. — Он протянул мне руку. — До встречи, спаситель...

Уже неделю я неотлучно сидел около телефона, но никаких вестей от Михаила Александровича не поступало, зато начинали поступать закономерные вопросы от маман в отношении моей дальнейшей службы, и мне приходилось выкручиваться, чтобы не выглядеть дезертиром.

Но наконец-таки звонок раздался, и знакомый голос бесстрастно произнес:

— Завтра в семь часов утра спускайся к подъезду. С вещами. Форма одежды — полевая. Деньги у тебя остались?

— Я практически не выходил из дому...

— Спасибо. Теперь выйди и обменяй бумажки на немецкие марки.

— Я еду в Германию?

— Да.

— Дополнительная информация возможна?

— Пожалуйста. Возьми иголку, лезвие и нитки.

— И все?

— И себя не забудь.

...Мы выехали на Окружную дорогу, держа путь к военному аэропорту в Чкаловской.

Михаил Александрович передал мне пакет с сургучной печатью. Пояснил:

— Твои бумаги. Для командира дивизиона. А это, — извлек из кармана конвертик, — военный билет и права.

— Какого дивизиона, какие права?..

— Ты едешь, — пояснил он, отделяя слово от слова, — в дивизион наших войск в Германии. Шофером и вообще доверенным лицом командира дивизиона. Он — знакомый моего знакомого. А мой знакомый, в свою очередь, приятель твоего дяди, генерала из Генштаба. Понимаешь, о каком дяде идет речь?

— Понимаю, — сказал я, вспоминая незабвенного мужа своей мамы.

— Такова легенда. Ну, а с индийскими правами ты если и мог рулить, то исключительно по просторам донских степей, посему импортный документик пришлось обменять на отечественный.

— Но тут проставлены все категории... — искренне удивился я.

— Да, перестарались ребята из ГАИ, — кивнул Михаил Александрович. — Но ты уж оправдай их доверие.

— Служу, — усмехнулся я, осекшись, продолжил: — Чему, впрочем, неизвестно. Кому — тоже.

— Давай тешишь себя той мыслью, что Родине, — мрачно отозвался Михаил Александрович.

Автомобиль остановился у въезда в аэропорт.

Сверхсрочница, торчавшая у ворот, ознакомившись с пропуском, махнула рукой:

— Въезжайте...

— А как Олег? — переменял я тему разговора.

— Нормально, — отчужденно ответил мой всемогущий провожатый. — Ты нитки и иголку взял?

— Согласно приказу...

Михаил Александрович дотянулся до "бардачка", вытащив оттуда черные погоны с буквами СА и такие же петлицы с эмблемой артиллерийских войск.

— До Германии — два часа лету. Пришьешь по пути. Рубли на марки обменял?

— Согласно приказу... — повторил я.

"Мерседес" затормозил у приземистого здания таможни.

Поправив пилотку, я вышел из машины, обремененный скаткой и вещевым мешком с парадной формой и ботинками.

Проводы были короткими. Михаил Александрович вместе со знакомым ему майором-пограничником провел меня прямо на летное поле к трапу самолета и, коротко пожав мне руку, сказал, что в Германии, в военном аэропорту Шпиренберг, меня встретят.

Вот и все...

Совершенно секретно.

"ПЕРВОМУ".

Операцию по ликвидации объекта в условиях ИТК выполнить не удалось, несмотря на твердую договоренность нашего агента с исполнителем.

Исполнитель с тяжелой травмой головы перемещен из колонии в больницу.

Путем колоссальных агентурных усилий удалось выяснить, что умышленное телесное повреждение исполнителю было нанесено уголовным контингентом по просьбе сержанта срочной службы, инструктора по техническим средствам охраны ИТК Подкопаева А., находившегося до этого в долгом контакте с объектом в течение выполнения ими строительных работ по обновлению внешних ограждений колонии.

Биографическая справка на сержанта Подкопаева А. прилагается.

Через несколько дней после устранения исполнителя объект совершил побег с территории производственной зоны, воспользовавшись конфликтом между личным составом караула, в результате которого произошло убийство военнослужащих, охранявших контрольно-пропускной пункт. На данном пропускном пункте также присутствовал сержант Подкопаев А., проверявший в это время постовую связь.

Несмотря на активнейшие оперативно-розыскные мероприятия, объект обнаружен не был.

С целью выяснения обстоятельств побега на место выехал на служебном автотранспорте полковник КГБ 14/01, известный нам своими глубоко дружескими отношениями с объектом и всячески препятствовавший осуждению последнего после спланированного нами ДТП.

14/01 находился на территории конвойной роты и ИТК в течение нескольких часов, после чего убыл в Москву, приказав ответственному офицеру внутренних войск откомандировать вместе с ним для подробного выяснения ряда обстоятельств сержанта Подкопаева А.

Из Москвы сержант отбыл к месту нового назначения — на территорию Германии. Военская часть его пребывания уточняется.

Выяснено: на следующий день после побега Подкопаев А. звонил по установленному номеру телефона в Москву.

С большой степенью вероятности можно предполагать, что данный телефон — связной телефон объекта с некомпетентным оператором.

ВЫВОДЫ:

1. Сержант Подкопаев А. содействовал побегу объекта и его дальнейшему укрывательству от розыска.

2. Перевод сержанта, отрицательно характеризующегося по службе, в воинскую часть, расположенную на территории Германии, — своеобразное вознаграждение за содействие побегу и логичная акция по удалению его от места совершения воинского преступления.

3. Объект вывезен за пределы области на служебном автомобиле 14/01.

4. Целесообразен допрос сержанта Подкопаева А. на территории Германии, хотя получение от него актуальной информации маловероятно.

"ЧЕТВЕРТЫЙ".

Совершенно секретно.

"ЧЕТВЕРТОМУ".

Довожу до Вашего сведения о кардинальном изменении оперативной обстановки в отношении объекта О.М.

Приказываю: предпринять все необходимые усилия для розыска объекта и препровождения его на одну из наших баз.

Недопустимо никакое причинение физического вреда О.М.

Срочную разработку сержанта А.П. на территории Германии одобряю.

"ПЕРВЫЙ".

2

В дивизионе за мной закрепили новенький "уазик" и десять алюминиевых канистр, предназначенных для хищений высокооктанового бензина.

Меня прикрепили к взводу водителей, относящемуся к вспомогательной роте, что автоматически означало главенствование надо мной целой иерархии мелких и крупных начальников, однако их я мог воспринимать как сонм иллюзорных теней, ибо, согласно указанию полковника Покусаева, никому, кроме него, командира дивизиона, категорически не подчинялся.

— Всех посылай, — прозвучала директива с нецензурной аранжировкой. — А не поймут — ко мне.

Подобное положение вещей меня устраивало во всех отношениях.

Я сдал парадную форму в каптерку старшине и прошел в казарму, обнаружив вместо привычного огромного зала с двухъярусными койками небольшое уютное помещение, где стояли вполне цивильные кровати со спинками из древесностружечных плит.

Произошло знакомство с сослуживцами. О себе я поведал так, в общем, да никто и не лез с расспросами, понимая, что угодил я на свою должность по крутому блатному моменту.

Здесь, в Германии, как я моментально уяснил, была совершенно иная атмосфера служебных взаимоотношений, нежели на просторах Отчизны. Куда как более корректная, ибо никто ни с кем не хотел враждовать.

Среди солдатиков можно было встретить и генеральских отпрысков, и ребят из сибирской глубинки. Офицеры же делились на две категории: одни составляли так называемый "арбатский гарнизон", укомплектованный сынками и родственниками, другие же, в продуманный противовес, были набраны из ветеранов афганской бойни.

Дети коррупции не лезли на рожон, втайне стыдясь истоков предоставленной им зарубежной синекуры, "афганцы" же, нахлебавшиеся дерьма и крови, тоже весьма дорожили своим сегодняшним положением и зарплатой в твердой валюте, предусмотрительно избегая каких-либо противостояний.

Кроме того, всех нас объединяла неопределенность нынешнего положения временщиков и абсолютное отсутствие какого-либо одухотворяющего воинскую службу начала. На германской земле мы уже были опротивевшими хозяевам постояльцами, которым недвусмысленно указали на дверь, и главной целью людей в военной форме стало собиранье возможно большего багажа и запасов для ухода в грядущую неизвестность.

Возвращение на родину не вдохновляло никого. Там, в России, большинство офицеров ожидало безрадостное полуголодное существование в неотапливаемых общежитиях, равнодушные окружающих, бьющихся за резко подорожавший кусок хлеба насущного, и полный идейный вакуум всеобщего разброда.

Принципы, которые руководили этими ребятами при их поступлении на военную службу, бесповоротно утратились, и все чувствовали себя бесстыдно и жестоко обманутыми. Отсюда и проистекало желание хапнуть, плотно набить личный саквояж всем, что попадает под руку, и задержаться на благодатной немецкой земле по возможности дольше.

Начались армейские заграничные будни. Далекие, впрочем, от какого-либо однообразия.

С вечера заполнив канистры на дивизионной колонке, я сразу же после завтрака подъезжал к базарчику, где "эмигранты" впаривали своим военнотружущим соотечественникам разную хренотень, покупаемую ими в оптовых магазинах Западного Берлина, которыми, в свою очередь, заправляли также российские аферисты.

"Эммишгранты" ждали меня, а вернее, ворованный дешевый бензин, с нетерпением выстраиваясь за ним в очередь.

Тут же, на базарчике, предлагались выставленные на продажу подержанные "Жигули", гнилые "мерседесы" и иная потрепанная техника, отслужившая цивилизованным жителям Европы, а ныне предназначенная для экспорта и реэкспорта в строго восточном направлении.

Обменяв рублики на марки, я стал обладателем внушительной суммы и в перспективе подумывал о приобретении приличного автомобиля, однако на сей счет Михал Иваныч категорически рекомендовал не торопиться, поскольку, по его словам, дивизиону предстояла возможная передислокация.

— Деньги не трать! — предупредил он меня. — Никаких тряпок, никаких видео-шмидео, вообще — ничего! Отоваришься по моей конкретной команде.

Видимо, полковник Покусаев знал, о чем говорил. Сам он, по крайней мере, никаким барахлом себя не обременял, оставляя закупку товаров на некий одному ему ведомый "день икс", и я послушно следовал примеру своего командира — человека, безусловно, практического склада ума, искушенного как в коммерции, так и вообще в жизни.

Всякого рода проверок и инспекций Михал Иванович не опасался, полагая, что если что-то не сходится в бухгалтерии, то человек с человеком сойдется всегда; к тому же контрольные органы тоже получали полагающиеся им куски, слепо составляя надлежащие благолепные акты, и всерьез спрашивали с полковника лишь за дезертиров, сбегавших к немцам с прошениями о политическом убежище. Не видя никакой перспективы на службе в отечестве, многие сверхсрочники и молоденькие лейтенанты сбрасывали форму и, даже не собираясь обращаться к официальным властям, попросту растворялись на вольных западноевропейских просторах, вполне удовлетворенные своим новым положением капиталистических краев.

Выявление лиц, склонных к данному типу побега, считалось среди особистов и командования одной из наиважнейших задач.

Собрав дань с лоточных торговцев, ютившихся под забором дивизиона со своим барахлом азиатского производства и соответствующего качества, я прибыл к начальнику, застав его в состоянии удрученной задумчивости. Механическим жестом отправив пачку переданных мною денег в ящик письменного стола, он задал внезапный вопрос:

— Можешь водить тягач?

— Не пробовал.

— А вот попробуй, Толя, попробуй...

— Всегда готов.

— Тогда прямо сейчас и начнешь... С Богом. Осваивай технику, через три дня выезжаем на важное задание, чтобы с тягачом, как с велосипедом управлялся, ясно?

Управление тягачом я освоил в рекордные сроки и, немало гордясь таким достижением, радостно отпартовал о нем полковнику, чье настроение в последние дни по неизвестным причинам отличалось стабильной мрачной подавленностью.

— Тогда собирайся, — угрюмо приказал мне начальник. — Форма одежды — полевая, возьми с собой все ценные вещи и деньги, убываешь в командировку. Да! — Он раскрыл сейф, достав оттуда два "Макарова". Один из пистолетов передал мне. — Засунь за пояс, никому не показывай... Трогаемся ночью, а пока можешь вздремнуть.

Не задавая лишних вопросов, я покинул кабинет руководства.

Ровно в час ночи, когда дивизион почивал глубоким сном, Михал Иванович, сопровождаемый дежурным офицером и начальником караула, снял бирки с охранными печатями, висящие на суровых нитках, просунутых в стальные петли ворот секретного подземного ангара, открыл многочисленные запоры, и мы последовали в бетонное чрево хранили-

ща, где стояли стратегические тягачи с зачехленными ракетами новейшей конструкции.

— Сержант Подкопаев... займите место водителя... — кивнув на один из тягачей, приказал мне полковник торжественным голосом.

— Есть! — Я нырнул в кабину “урагана”, начиная уяснять причину ночной поездки: мы вывозили оружие, не предназначенное для всеобщего обозрения, направляясь, вероятно, к железнодорожной ветке, где располагалась специальная погрузочная станция.

Взревел дизель, сизые выхлопные газы заполнили подземелье, откуда неторопливо выползла многотонная махина перевозчика ракет. Я зажег фару-искатель, высветившую погрузенные во тьму здания дивизиона, и тут в кабину забрался, усиленно крестясь, Михал Иванович.

— Ну, Толя, с Богом! — произнес он свою сакраментальную фразу. — Рули осторожно, не рядовой состав везем... И не табачные изделия. Пистолет взял?

— Конечно.

— Ценная вещь... На черном рынке две тысячи марок дают...

Мы выехали из ворот дивизиона, направляясь к автобану. Только тут я, всецело поглощенный управлением тяжелого транспортного средства, заметил на коленях полковника портфельчик, из которого, порывшись, он извлек портативную радию с цифровым табло, проговорив в ее микрофон:

— Я “Одуванчик”, как слышите, прием!

— “Одуванчик”, я “Поле”, — откликнулся чей-то далекий, бесцветный голос. — Доложите о маршруте.

— Базу покинул, прохожу участок номер один.

— Вас понял, будьте на связи при переходе на участок номер два.

— Контроль? — спросил я полковника.

— Ага, — кивнул он, нервно закуривая.

— Четко работают, — прокомментировал я.

— Они такие... — сказал Покусаев неопределенно.

Внезапно меня посетило некое подозрение.

— Мы... надеюсь, ракету не на продажу везем?

— Честно? — отозвался полковник. — Если честно, Толя, то, может, я бы ее и впарил, с Богом, но таких покупателей здесь не найдешь... А до Ирака нам с тобой не доехать. Направо сворачивай!

— “Одуванчик”, мы видим вас, — подала голос радиация. — Остановитесь через пятьсот метров.

В зеркальце бокового обзора я внезапно увидел сигнальные огни полицейской машины. Точно такие же огни вспыхнули и впереди, на темной обочине...

— Полиция! — сказал я растерянно.

— Все правильно, — рассудительно кивнул Михал Иванович. — Машины сопровождения. Тормози. И вылезай.

— Зачем?

— Тебе что, мать твою, боевой приказ нужен, по-человечески не понимаешь?! Или с тобой по-военному разговаривать, на “вы”?

Вздыхнув, я заглушил дизель, спрыгнул на землю и тут же очутился в окружении лиц в полицейской форме и в гражданских костюмах, что, однако, плохо скрывали принадлежность их владельцев к категории пононосителей.

Вокруг звучала немецкая речь. Один из гражданских пожимал руку Михал Иванычу, широко моему командиру при этом улыбаясь.

Я ничего не понимал...

Где мы? Что это за публика? Когда наконец последует команда тронуться дальше?

Михал Иваныч указал мне на полицейскую машину. Произнес возбужденно:

— Садись, поехали, с Богом... По пути все объясню. Ну, чего ты сегодня как отмороженный? Не выспался?

Мы разместились на заднем сиденье; за руль сел полицейский в форме, рядом с ним — военный тип в гражданском.

— Такие, мой мальчик, дела, — начал Михал Иваныч, извлекая из своего портфеля плоскую бутылочку с виски и совершая из бутылочки основательный глоток. — Значит, получаю я тут на днях приказ командования: вывозить дивизион из Германии. В район озера Байкал. Увлекательный приказ, как полагаешь?

— Полагаю, не очень, — сказал я.

— Во-от! Ну, и чего делать?

Меня осенило. Я вспомнил слова господина Покусаева о бездарных придурках, которые не в состоянии даже продать с толком собственную Родину. Кажется, я понял теперь смысл такого его тонкого замечания. Как и природу полнейшего равнодушия полковника к разного рода распродажам и барахолкам.

Мы приехали к немцам, сдав им стратегическую ракету!

Мне невольно открылось, что тот, кому многое дано, еще больше берет себе сам.

— Так, — сказал я. — С вами все ясно, полковник. Вы получите какой угодно статус. И, наверное, гонорар, хотя утверждали, что ракета товаром не является. А что уготовано мне?

— А помнишь, Толя, я говорил, что твой английский тебе вскоре пригодится? — проникновенно спросил полковник. — Вот и настал черед... Ты тоже можешь подать заявление, рекомендацию я устрою...

Меня поневоле начал разбирать нервный смех.

— Ты зря смеешься, Толя, зря... Я уже старый, а ты молодой, все впереди... Я ведь тебя специально с собой взял, с прицелом... — Последовал новый глоток. — Ну, сам сообрази: чего бы ты после моего отъезда делал, а? Сначала бы по особым отделам затаскали, а потом услали к чертям на острия рогов... А тут шанс, Толя, шанс... Ты уж меня извини, но я ведь по-человечески, с Богом...

Я уже не слушал своего набожного и одним уже этим грешного командира, лихорадочно соображая, как в данной ситуации поступить.

— В общем, Михал Иваныч, скажу так, — произнес я. — Подлец вы, конечно, законченный...

— Да, — с горестной готовностью согласился полковник.

— Но, — продолжил я, — если бы вы отчалили без меня, мне все равно бы светило небо в крупных булыжниках...

— В астероидах! — уточнил Покусаев.

— Вот именно, — согласился я. — А потому... мне ничего не остается, видимо, как передислоцироваться в лагерь противника. Хотя желанья — никакого.

— Счастья ты своего еще не понял! — сказал Михал Иванович. — Рыба ищет где глубже, а человек — где вобла. С икрой. А тебе все на блюде преподнесли. С вилочкой. На здоровье, мол! Кстати. Отдай пистолет. Поносил — хватит.

— Не отдам, — ответил я. — У вас свой есть. Точно такой же. Его и продавайте. А мне с пистолетом будет спокойнее в страдающем от преступности западном обществе. И еще: я имею право на моральную компенсацию от вас, гражданин бывший полковник. За ваше сегодняшнее благодеяние. Так?!

— Ну... имеешь... — прозвучал покорный ответ.

— Теперь. А вы действительно уверены, что меня не вернут обратно? На растерзание?

— Не-ет! — замахал руками Покусаев. — Они понимают... Ты им, кстати, сразу же заяви: родился, мол, в Америке, давайте сюда консула, буду просить гражданство!

— И дадут консула?

— Дадут-дадут!

— С Богом? — уточнил я.

— А-а как же!

Полицейский автомобиль остановился у казармы немецкой воинской части.

Нас попросили освободить салон, проводили через проходную в роскошный кабинет местного военачальника: со стенами, отделанными темным полированным деревом, оленьими и кабаньими головами, кожаной мебелью и старинными бронзовыми торшерами.

За столом, по своей величине напоминавшем небольшой аэродром, сидел белобрысый человек лет сорока в светлой спортивной куртке, надетой на свеженькую шелковую рубашку. У человека было открытое приятное лицо.

— Вы полковник Кусачкин? — произнес он по-русски с сильным акцентом, указав пальцем в сторону Михал Ивановича, замершего по стойке "смирно".

— Так точно-с... — приспел мой бывший начальник, не удосужившись подкорректировать произнесение своей фамилии, и согнулся в каком-то нелепом полупоклоне, подобострастно выпятив толстую задницу, туго обтянутую галифе.

Человек, сидевший за столом, посмотрел на мою физиономию и снисходительно улыбнулся. Затем продолжил:

— Мы выполнили свое обещание, господин Кусачкин. Ваша семья у нас, и прямо сейчас вы отправляетесь на Запад.

— Сердечно признателен, — молвил подлый предатель.

— Идите, вас проводят. — Человек за столом небрежно махнул рукой.

Не меня позы, характерной для лиц, пораженных приступом аппендицита, полковник, пятясь задом, вышел вон из кабинета. И — из моей жизни.

— Садитесь, сержант, — указал белобрысый на кресло. — Чай, кофе? Водка?.. — Он принужденно рассмеялся.

— У вас здесь что, кафе? — спросил я. По-английски.

— О да, я совершенно забыл! — воскликнул он, также переходя на язык моего детства и отрочества. — Вы же американец...

— Американцы, — заметил я, — живут в некотором отдалении от того места, где мы находимся.

— Американцы живут везде, — возразил хозяин кабинета. — Итак, Анатоль, да?

— Примерно, — не стал оспаривать я.

— Что будем делать? У вас есть выбор: возвратиться в свое подразделение или просить политического убежища.

— У кого просить? У вас?

— Нет, зачем же? У нас существуют специализированные учреждения. Но, — он выдержал паузу, — я мог бы вам серьезно посодействовать.

— Содействуйте, — согласился я.

— Тогда вам придется ответить на некоторые вопросы. Вопрос первый. Вы попали в Германию благодаря рекомендации второго мужа вашей мамы, не так ли? Правда, он почему-то носит условное наименование “дяди”...

Ах, Покусаев-Кусачкин, ах, сука!..

— Да, — коротко произнес я. — Было дело.

— Очень хорошо! Вы знаете, чем занимался ваш... отчим?

— Знаю, — сказал я.

— Так... И чем же?

— Ходил на работу, приносил маме зарплату.

— Сержант! — Лицо белобрысого внезапно стало замкнуто-враждебным. — Я ценю юмор, но порой он может привести к слезам... Сейчас решается ваша судьба. И если вы хотите, чтобы она разрешилась благополучно...

— Послушайте, — перебил я. — Вот — вы... Человек из спецслужб. Наверняка с опытом и определенными знаниями. У вас семья. Сын. Может, пасынок. Вы приходите домой и фонтанируете служебной информацией? Вряд ли. А если это так, то долго в разведке или в контрразведке вы не продержитесь. Может, я ошибаюсь. Может, случаются всякие исключения. Но муж моей мамы от второго брака держится в своем домстве прочно. И никогда ни единого слова по поводу своей ответственности службы он в моем присутствии не произносил. Я понимаю ваш интерес, он закономерен... Скажу больше: кто знает, вероятно, и стоило бы данный интерес удовлетворить, однако я просто не в состоянии этого сделать. Если очень хотите, давайте я чего-нибудь сокру, только подумать надо, навскидку не получается...

— Врать бесполезно, тут вы правы, — согласился белокрысый. — Но тогда... извините, не усматриваю ни малейших причин для оказания вам помощи.

— Жаль, — отозвался я. — Но не это главное.

— А что?

— Главное, чтобы вы не усматривали ни малейших причин навредить мне, вот что главное.

— Не волнуйтесь, — сказал белокрысый устало. — Сдавать вас в когти вашей военной контрразведки мы не будем. Сейчас вам выделяют гражданскую одежду, и вы отправитесь в приют для беженцев. Он далеко отсюда, на границе с Чехией. Дайте ваш военный билет...

Я передал ему свой главный документ, опустошенно сознавая, что с этого мгновения становлюсь никем.

— Вы бы позвонили маме... — неожиданно предложил белокрысый. — Пока небезызвестные вам органы не поставили на прослушивание ее телефон.

— А можно?

Собеседник зачем-то посмотрел на часы.

— Да, теперь уже, пожалуй, можно...

Я набрал номер.

— Что такое? — раздался в трубке взволнованный и одновременно сонный голос маман. — Что случилось, Толенька?

— В общем, так, родная, — сказал я. — Произошло интересное событие. Мой командир дал деру с секретной ракетой. Меня прихватил с собой в качестве шофера. Сажу у немцев в плену. В их сегодняшнем демократическом гестапо. Возвращаться из плена считаю нецелесообразным. Ибо — зарюют. Ты нашу Чека знаешь. С ее традициями.

— Ты куда не пойдешь, все в беду попадешь... — горестно вздохнула маман, окончательно просыпаясь. — Значит что, отслужил?

— Я хотел бы услышать твой совет, — произнес я. — Это — важно. Может, я горячусь с решением?

— Ты мне... звони. А я завтра побегу оформлять паспорт...

— Целую тебя, — сказал я и положил трубку.

— Остаемся в плену? — поинтересовался белокрысый и вдруг прибавил, усмехнувшись: — С Богом?

Я хмуро кивнул. Потом, спохватившись, спросил:

— Я могу просить убежище в США?

К такому вопросу белокрысый был готов, ответил заученной скороговоркой:

— Я представляю германские власти. Обращение в дипломатические представительства Соединенных Штатов — ваше личное дело. Но на сегодняшний момент я имею предписание отправить вас либо в приют, либо в вашу часть. Как скажете.

— Где я могу переодеться?

— Прямо здесь. Сейчас вам все принесут... Кофе хотите? Последний раз предлагаю!

— Водки.

— Будет исполнено, господин сержант!

Утром я очутился в приюте, именуемом по-немецки “азюлем”, что по смыслу соответствовало российскому понятию “на дне”.

По сути, приют представлял собой благотворительную ночлежку для иностранцев, претендующих на статус беженцев.

С помощью переводчика, знавшего русский язык в такой же степени, в какой мне был известен японский, я с грехом пополам заполнил необходимые анкеты, был сфотографирован для документа, позволяющего пребывать на германской земле, снабжен карманными деньгами, туалетными принадлежностями и строго проинструктирован о необходимости ежесуточного ночлега по месту приписки, запрете на любые виды работ и перемещения, выходящие за радиус протяженностью в пятнадцать километров от расположения общежития. При нарушении указанных условий мое заявление аннулировалось, и мне предстояла депортация в стальные объятия родины.

Далее мне показали мою комнату, где уже проживал беженец украинского происхождения. Помимо беженца в комнате находились две кровати, стол, пара стульев и тумбочка с небольшим телевизором под названием “грюндик”. Беженец, в свою очередь, именовался Николаем.

Комната совмещалась с душевой и туалетом. По окончании осмотра помещения нас пригласили на завтрак. За завтраком и идиоту бы стало понятно, насколько благосостояние и культура Германии отличаются от аналогичных категорий развитого социализма.

В столовой царила просто-таки операционная чистота. На каждом столике в вазочках стояли свежие гвоздики. Изобилие продуктов поражало: колбасы и ветчины, сыры трех сортов, йогурты, бананы, клубника и апельсины...

Прошло несколько дней, и как-то комендант общежития сообщил, что в его кабинете меня ожидают для беседы некие официальные лица. Какие именно, он не уточнил, но я не без оснований полагал, что данные представители прибыли сюда не с целью торжественного поздравления меня со вступлением в должность главы концерна “Даймлер-бенц”, а с намерениями глубоко противоположными.

В кабинете сидели два типа в модных пиджаках, аккуратно отглаженных брюках и со вкусом подобранных галстуках. Оба лет тридцати с небольшим; один — лысоватый, в очках — напоминал своей внешностью делопроизводителя-бюрократа, другой же — двухметровая гора мускулов, с носорожьей шеей и глазками этого же африканского животного — смахивал на профессионального мордovorота. Во всяком случае при встрече с ним в темной подворотне необходимым условием уверенности в себе являлся автомат “узи” со взведенным курком.

Мне были предложены кресло и бутылка кока-колы. На отменном английском.

— Господин Подкопаев, — учтиво начал лысый, — вы, как нам известно, просите правительство Германии о предоставлении вам политического убежища.

— Увы, — согласился я.

— Думаю, — продолжал ворковать белым голубем лысый, — ваша просьба будет рассмотрена в положительном аспекте. Я даже в этом не сомневаюсь, уважаемый господин Подкопаев!

— Но, — перебил я.

— Да, — качнул головой собеседник и излучил доброжелательную улыбку. — Но. Мы не можем принимать в свою страну кого попало. И обязаны выяснить все факты биографии переселенцев. Это закономерно, не так ли?

— Так ли.

— Тогда начнем по порядку. Итак, вы родились в Вашингтоне...

Я размеренно и равнодушно отвечал на вопросы, с успехом перепрыгивая через колдобины своей околошпионской деятельности в индийском городе Бангалоре, хотя интерес к этому периоду моей жизни у дознавателя имелся явный; свое великовозрастное забритие в армию объяснил жесткими мерами военкомата, страдающего хроническим недобором призывников, а перемещение из Ростовской области в Германию — протекцией второго мужа мамы, подозревая, что тут-то и начнется старая песня: что знаешь-слышал-видел...

Однако я ошибался.

Лысый довольно-таки внезапно произнес:

— Ваш отчим, Толя, давно не принимает никакого участия в вашей судьбе, так что не надо нам врать. В Германию вас вывезли... — Он загнулся на миг. — На хорошей немецкой машине. Со спецсигналом. Из глубин Ростовской-на-Дону области. А теперь слушайте вопрос, от правдивого ответа на который зависит ваше будущее. Кто находился в багажнике машины?

— Домкрат, — выпалил я.

Мордоворот криво усмехнулся. Лысый сокрушенно почесал затылок.

— А кто... составлял компанию домкрату?

— Запасное колесо, вероятно, — невозмутимо ответил я.

— Он над нами издевается, подонок, — вступил в беседу человек-гора, угрожающе ворочая челюстью.

— Спокойно, Сэм... — холодно произнес лысый. — А вам рекомендую подумать о своем положении. Вы дезертир, изменник родины...

— Что вы хотите? — спросил я. — Скажите без загадок. А то крутитесь, как плотва возле пустого крючка, пузыри пускаете...

— Хорошо. Вы помогли сбежать из мест заключения осужденному уголовнику Олегу Меркулову. Так? Не бойтесь, мы не коллегия военного трибунала и обвинять вас ни в чем не намерены. Скорее, даже наоборот...

— Ага. Вы пришли наградить меня "Пурпурным сердцем" или медалью "За взятие Берлина"?

— Оставьте свои idiotские шуточки! — взвизгнул лысый, обнаруживая наличие естественных реакций на происходящее. — Иначе вы плохо кончите, господин авантюрист! Спрашиваю вас в последний раз: содействовали вы...

— Во-первых, — перебил я, — все заканчивают одинаково плохо. В итоге. Во-вторых, побег — интимное дело ушлого гражданина Меркуло-

ва, и ваши домыслы о моем соучастии — беспочвенны. В-третьих... беседовать с вами о чем бы то ни было я желаю в присутствии консула США, ибо намерен вернуться на историческую родину.

Мордоворот неожиданно от души рассмеялся. Затем полез в карман пиджака, вытащил оттуда американский паспорт, чья обложка отчего-то была черной, а не синей. Приглядевшись, я понял, что мне демонстрируют дипломатический документ.

— Ну, — рявкнул он, — ты хотел видеть представителя правительства Соединенных Штатов? Он перед тобой, мистер перебежчик!

— Я хотел бы видеть другого представителя, — заметил я грустно.

— Какого?

— С преобладанием интеллекта над мышечной массой. А не наоборот.

Мордоворот побледнел, закусив пухлую губу. В следующее мгновение он стал красен.

— Ты, видимо, еще не понял, — произнес он, — что героизм — очень плохая карьера...

— Поехали, — деловито засуетился лысый, сгребая с письменного стола какие-то бумаги и поправляя узел галстука.

— Да, хватит языком трепать... — Его коллега поднял свою увесистую задницу из жалобно пискнувшего от долгой перегрузки кресла. Спросил меня: — Где личные вещи?

Я указал на пакет с бутылкой сухого и очень легкой закуской к нему.

— Вот... Еще туалетные принадлежности, но они в комнате.

— Обойдешься без принадлежностей, — изрек дипломатический представитель, более похожий на гангстера. — Там, куда мы едем, зубы тебе без щетки начистят.

— И где находится этот пункт бытового обслуживания? — задал я, несколько труся, законный вопрос.

— В чистилище, — шмыгнув носом, объяснил лысый.

Сопровождаемые комендантом, подобострастно заглядывающим в глаза моим инквизиторам, мы вышли из общежития и уселись в автомобиль "БМВ-750" с частным немецким номером. Лысый устроился за рулем, мордоворот и я заняли заднее сиденье, превратившееся под весом американца в подобие обтянутых кожей качелей, и благодаря этому тело мое приняло несколько приподнятое положение, чего нельзя было сказать о духе. Щелкнули блокирующие дверцы замки, и машина покатила в неведомое. Я нащупал свой "Макаров", благодаря Бога, что происшествие не отяготил тщательный обыск, и мне стало немного легче.

Повторно проявив здоровый интерес, я осведомился, куда же мы все-таки направляемся?

— Вам не понравится мой ответ, — проронил лысый.

— И все же?

— В Красную Армию. Вас ожидает там пламенный прием.

— Ребята, — сказал я, — нельзя же быть такими крокодилами! Это же конкретное убийство!

— Самоубийство, — поправил меня лысый. — Поскольку вы не захотели пойти нам навстречу. А когда идешь навстречу, то избегаешь столкновений. Вы не избегли. С чем вас и поздравляю.

Я посмотрел в оконце, где тянулся багряный лиственный лесок, признанный робким осенним солнцем.

— Остановите, — попросил я. — Надо отлить. Кроме того, мы можем перевести нашу беседу на деловой уровень.

— Поздно, — сказал мордovorот.

— Ну хорошо, — тяжело вздохнул лысый, жертвуя, видимо, неприкосновенным запасом своей доброты и сворачивая в лес. — Дадим человеку шанс... Последний. — Он остановил машину у края небольшой полянки.

Вновь щелкнули замки, на сей раз разблокировав двери.

— Только, — дипломатический работник достал из кобуры, таящейся под пиджаком, небольшой хромированный пистолетик, — хочу тебя предупредить, ублюдок: вздумашь корчить из себя спринтера или стайера, прострелю оба твоих костыля, у меня это очень хорошо получится, даже не сомневайся.

Мы вылезли из машины.

Я не торопясь справил нужду, после, приблизившись к своим палатам, достал "Макаров", перевернул затвор, послав патрон в патронник, и произнес, с удовольствием глядя на их окаменевшие рожи:

— В Красную Армию я не поеду.

— Да мы же не собирались... — взволнованно начал лысый, но я перевел ствол пистолета на уровень его лба, и он заткнулся.

— И в белую армию я не поеду, — продолжил я. — А поеду я, с Богом, куда-нибудь от всех вас подальше, во глубину Европы. Открой багажник, лысый.

Приказание было исполнено с поспешностью необыкновенной.

— Теперь давай мне свою пушку, — попросил я мордovorота. — Только медленно ее доставай, двумя пальчиками, как кошелек — карманник...

Пистолетик дипломата мягко упал в пожухлые травы. Я, подобрав его, сунул в карман брюк.

— Ну, чего застыли? Лезьте в багажник! — сказал я господам из спецслужб. — Знакомьтесь с домкратом, сами себе напророчили...

Захлопнув крышку багажника, я призадумался, прислушиваясь к обморочной тишине осеннего леса.

Глубокое октябрьское небо зияло какой-то зовущей в никуда пустотой.

Куда? Как? Зачем?

И — решил: в Берлин! А там посмотрим!

Не доезжая до города, я свернул в довольно глухое место, проехал проселком в сосновую чащобу и, дождавшись кромешной тьмы, выпустил из чрева комфортабельного автомобиля своих узников, находящихся в состоянии, близком к коматозному, и продолжил свой путь в столицу новой, Объединенной Германии, направляясь в более-менее мне знакомый ее район — Карлсхорст.

Аккуратно припарковав автомобиль на одной из пустынных вечерних улиц, я прошел дворами к ранее замеченному мной частному немецкому пансиону, где снял для ночлега уютную чистенькую комнату.

Ночные раздумья в моем положении — штука безрадостная и пустая. Я не стал утруждаться ими, сразу же провалившись в черную полынью глубокого сна.

Совершенно секретно.
“ЧЕТВЕРТОМУ”.

Выполняя Ваше распоряжение, мы осуществили контакт с бежавшим из Российской Армии сержантом А.П.

В течение беседы объект вел себя лояльно, искренне, полностью отвечая на поставленные вопросы.

С достаточной долей вероятности можно утверждать, что содействия в побеге из колонии осужденного О.М. опрошенное нами лицо не оказывало.

Общение А.П. с О.М. носило характер случайный и поверхностный, хотя о причинах целенаправленного пребывания О.М. в колонии общего типа допрашиваемый, по его словам, догадывался, но, с другой стороны, подобный факт широко обсуждался и всем составом ИТК, включая администрацию.

За несколько дней до побега осужденный О.М. попросил А.П., его в случае вероятного чрезвычайного происшествия, способного приключиться с ним (состав происшествия не уточнялся), позвонить по известному Вам московскому телефону, сообщив о случившемся, что А.П. исполнил.

А.П. также не отрицал умышленный вывод из строя исполнителя акции по устранению О.М., мотивируя данное лично им соответствующее поручение уголовным элементам тем, что подозревал исполнителя в доносе на него оперативному работнику колонии о перемещении на территорию ИТК алкогольных напитков.

Прибывшему на место контролирующему сотруднику КГБ А.П. поставил неперенные условия о всестороннем освещении известной ему информации лишь при переводе его в иную, более привилегированную, воинскую часть, что было исполнено, хотя никакой информацией, за исключением надуманной и пустой, А.П. не располагал.

В данной ситуации, возможно, сыграли роль некие симпатии, возникшие у контролирующего лица по отношению к А.П.

Дополнительная информация.

После нашего контакта с ним А.П. исчез в неизвестном направлении.

ВЫВОДЫ:

1. Информационной ценности объект А.П. не представляет, равно как и перспективности для дальнейшей разработки.

2. Контакт выявил низкий интеллектуальный уровень объекта и неуравновешенность его психики, способствующую совершению им противозаконных и непредсказуемых действий, что подтверждается и фактами его прежней биографии.

3. Повторные контакты с объектом бессмысленны.
Руководитель группы "GU-3".

4

Я проснулся с тревожным чувством какой-то безвозвратной утраты, темным пауком затаившимся в подсознании, спустился на первый этаж пансиона, где за чашкой черного кофе с тостиками погрузился в размышления о своей незавидной долюшке. В принципе я оказался в положении беглого преступника, уже не способного вступить ни в какие перспективные отношения ни с российскими, ни с германскими, ни даже с американскими властями. Мордоворот Сэм наверняка расставил "сторожки" в компьютерах всех европейских консульств, отныне превратившихся для меня в капканы.

Никакими документами, за исключением удостоверения водителя, я не располагал, денег при ежедневных расходах на гостиницу мне хватило бы ненадолго — словом, ситуация выглядела довольно-таки кислой.

По окончании завтрака хозяин пансиона на ломаном английском сообщил, что мне пришла пора выметаться, ибо на сегодняшний день все комнаты особняка зарезервированы иными постояльцами.

Выйдя в туманное пространство, пронизанное взвесью дождя, я неожиданно вспомнил, что оставил в припаркованном неподалеку "БМВ" пакет с бутылкой и орешками. Собственно, пропади она пропадом, эта бутылка... Меня интересовала машина, ведь ключи и технический паспорт со страховым свидетельством находились у меня в кармане, а sie означало, что я мог управлять "БМВ" на законном основании, если только мои недруги не заявили в полицию о совершении разбойного завладения их автомобилем вооруженным дезертиром.

"БМВ" мок себе под дождичком на том самом месте, где я его и оставил.

Открыв дверцу, я уселся за руль. Итак, имущество мое составлял угнанный автомобиль и два пистолета — основательный стартовый капитал для начинающего джентльмена удачи...

Я завел двигатель, намереваясь отправиться в путешествие по неясному куда маршруту, как вдруг в зеркальце бокового обзора заметил мужчину лет сорока пяти в промасленной спецовке и кожаной кепочке, волочившего на складной тележке обшарпанную стиральную машину без одной боковой стенки. Поравнявшись с "БМВ", мужчина в кепке, истомленный депортацией габаритного и тяжелого агрегата, остановился передохнуть, закулив папиросу, что моментально выявило его советское происхождение.

Я припустил боковое стекло. Предложил:

— Давай помогу. Грузи металлолом в багажник. Довезу.

Мужичонка испуганно воззрился на роскошный автомобиль.

— Да грех на такой машине... — молвил растерянно.

— Не стесняйся, дядя. Ехать-то далеко?

— Километра три...

— И зачем тебе такая аппаратура? — полюбопытствовал я, помогая уместить в багажник громоздкую рухлядь.

— Отреставрирую — будет как новенькая, — донесся уверенный ответ. — У меня дома вторая такая же... Из двух одна слепится.

По дороге рукодельник-реставратор представился мне как Валера, сказал, что работает вольнонаемным сантехником в располагающейся в Карлсхорсте танковой бригаде и занимает в одном из здешних жилых домов служебную армейскую квартиру.

Мне поневоле пришлось соврать, что, дескать, прибыл в Германию с целью частного бизнеса, в Берлине второй день и нахожусь покуда в состоянии свободного полета — легенда по своему существу банальная и не способная кого-либо удивить: подобных искателей легких денег и зарубежных приключений без определенных занятий на земле Германии находилось предостаточно, и поток их, хлынувший с территории развалившегося Союза, увеличивался день ото дня.

Совместными усилиями мы заволокли стиральный агрегат в Валерину квартиру с единственной крохотной комнатенкой и тесной кухонькой.

В честь состоявшегося знакомства я предложил распить залежавшуюся в машине бутылочку немецкого “сухаря”, чему Валерий не воспротивился, угостив меня, в свою очередь, борцом собственного изготовления и рассказами о здешней гарнизонной жизни.

Поблагодарив гостеприимного хозяина, я уже собирался откланяться, как вдруг Валера предложил:

— Если жить негде, смотри — оставайся... А там со временем подыщешь себе жилье. Машину во двор загни, туда никто не сунется. У меня, конечно, не этот... не “Холидей Инн”... — Ударение в слове “холидей” он сделал на последнем слоге. — Но разместимся.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда пошел в магазин. Ужин за мной.

Проживание у Валеры не могло длиться бесконечно при всей благосклонности ко мне добрейшего и либерального хозяина, трудившегося на многочисленных работах с утра до глубокой ночи.

В один из дней Валера явился в настроение весьма приподнятом, сообщив, что ему подфартило с очередной халтуркой: один из эмигрантов взял в аренду у армии огромную заброшенную квартиру под склад промтоваров и теперь намеревался снабдить ее прочной стальной дверью и решетками на окнах. Осуществление данного проекта целиком и полностью поручалось Валере.

Я предложил свою кандидатуру для помощи в работах в качестве бесплатной рабочей силы. От помощи Валера отказался, сказав, что управится сам, и единственное, в чем я могу ему подсобрать, — перенести на место шабашки необходимый инструмент и сварочный аппарат, хранившийся у него на антресолях в туалете.

Заброшенная квартира впечатляла громадными комнатами с кафельными печами, высокими потолками и широкими окнами, выхо-

дившими на тихую улочку, носившую интересное название — Андернахштрассе.

Вскоре прибыл арендатор помещения — грузный лысый человечек со слюнявыми губками и голубенькими невинными глазками младенца, удивленно смотрящими на мир, словно вопрошая: а куда, собственно, я попал?

Арендатора звали Изя. Изя находился в Германии в качестве легального переселенца из города Ленинграда, обласканный и обухоженный немецкими властями, решившими компенсировать импортом советских евреев урон, нанесенный их популяции во времена утверждения своей власти арийским населением страны. Я поведал, что нахожусь в Германии относительно недавно, намерен устроиться тренером карате или дзю-до и, если имеются предложения на сей счет, готов их заинтересованно рассмотреть.

На это Изя ответил, что в кадровой структуре его бизнеса существует вакансия охранника и одновременно грузчика, ибо он занят каждодневным развозом товаров широкого потребления по воинским частям и магазинчикам эмигрантов, а источником товара является его сестра, кочующая в регионе Юго-Восточной Азии от одного оптового склада к другому.

— В день буду платить шестьдесят марок, — предложил Изя. — Ба-рахло можешь брать по закупочной стоимости. Устраивает? Кроме того, есть замечательная идея. Может, здесь и поселишься, как считаешь? Одну персональную комнату тебе выделим, спальный гарнитур тем более имеется... Оборудуешь себе кухню, толчок здесь удобный, чистый, ванну поставишь.. Буду вычитать из твоей зарплаты марочек двести за жилище...

— И прибавлять триста, — сказал я.

— За что?

— За должность сторожевой собаки.

— А, это ты верно... Хорошо. Давай без математики... Сойдемся в нулях. Как?

Разъезды с Изей по маршруту “таможня-Кантштрассе — магазины” завершили вечерним посещением склада, где Валера уже установил железную дверь с сейфовым замком.

Мы прошли на недоустроенную кухню, чтобы выпить по кружке чаю, но едва уселись за столиком, как в коридоре послышались чьи-то шаги, и через мгновение перед нами возникли двое парней — рослых, с короткими стрижками, в спортивных костюмах и кроссовках на высокой пухлой подошве. Лица парней отмечало полнейшее отсутствие какого бы то ни было интеллекта и каменная невозмутимость.

— Изя, вчера был последний срок, — встав на пороге, произнес один из парней вместо приветствия.

Я посмотрел на своего шефа. Он как-то моментально и ощутимо сник, густо покраснев лысиной и тревожно озираясь по углам кухни своими младенческими глазками. Скинь ему набежавшие годы, он вполне бы сошел за дитя, испугавшегося заглянувшего к нему в спальню злого буку.

— Ты меня слышишь, Изя? — ровным голосом спросил парень.
— Но я же сказал... — Изя словно бы пытался преодолеть некий языковой барьер. — Я же сказал...
— Что ты сказал?
— Это... Сказал, я тут ни при чем...
— Изя, — поморщился парень. — Тебе все объяснили... Ты заказал товар, товар закупили, теперь надо за него заплатить.
— Я ничего не заказывал... Я просто сказал: хорошо бы...
— Изя, хватит бегать по кругу. Ты заплатишь за товар и еще десять тысяч за наши услуги.

— Но...
— Сегодня.
— Но какие еще услуги?
— Услуги, — терпеливо продолжил парень, — оказанные нами нашему клиенту. За беготню, базары с тобой...
— Я ничего не собираюсь платить! — выкрикнул Изя визгливо и привстал со стула. — Это... какой-то рэкет!

— Тогда прокатимся с нами, — зевнул второй парень, широко развернув зубастую пасть, и шагнул к Изе, ухватив его за ворот куртки.
Хотя внимание незваными гостями мне выказывалось не большее, нежели кухонному столу, я нашел необходимым проявить свое присутствие при данном деловом разговоре.

— Эй, любезный... — Не вставая со стула, я перехватил кисть парня, вцепившегося в Изину верхнюю одежду. — Полегче. По-моему, коммерческие споры в этой стране решаются в судебном порядке, а не частным силовым давлением. Так что убери свою лапку.

— Надо говорить "пожалуйста", подонок, — поправили меня.
— Пожалуйста, подонок, — смиренно повторил я.
— Это кто? — не глядя на меня, спросил парень у Изы.

Вместо ответа тот издал какой-то беспомощный звук, обычно употребляемый для выражения своих мыслей крупными рогатыми животными.
— Я грузчик, — скромно представился я.
— Ах грузчик... — процедил парень. — Ну, тогда иди перекури, героизм не входит в твои обязанности.

— И по совместительству охранник этого человека, — учтиво продолжил я.
— О, это меняет дело, — озабоченно произнес второй парень, доставая из-под куртки граненые нунчаки темного дерева, соединенные гибким металлическим тросиком, закрепленным в узенько блеснувших хромом подшипниках.

Вышибала материальных ресурсов имел очень хороший инструмент для своей работы. Это я уяснил сразу.
Попутно мной уяснилось и другое: сейчас последует удар деревом твердых пород по моему черепу, и главное — уловить мгновение, предшествующее контакту предметов живой и неживой природы.

Мизансцена оставалась прежней: Изя замер в обмякшей позе деморализованной жертвы, рука первого злодея крепко держала его ворот, а мои пальцы столь же крепко обхватывали запястье противника.

Нунчаки с присвистом описали в воздухе стремительную дугу. Я, не вставая со стула, подсек ударом пятки лодыжку воротодержателя, одновременно дернув его за руку резким движением книзу.

Деревяшка точно и беспощадно вклеилась в стриженный затылок невольно прикрывшего меня вышибалы, кулем рухнувшего под стол, и тут же, не давая опомниться выведшему его из строя дружку, я плеснул очень горячий чай из кружки прямо в его удивленно разинутую пасть, что дало мне необходимое время для того, чтобы подняться со стула, миновать разделяющее нас пространство и, во избежание второго удара нунчаками, плотно приблизиться к агрессору, посадив его на свое колено тем местом, что было наверняка нежнее его очерствелой души.

— Что ты сделал? — с ужасом произнес Изя, глядя на неподвижно лежащие в осколках разбитой посуды тела.

— Защитил свою жизнь, — сказал я, — честь и достоинство. Заодно выполнил служебные обязанности.

— Ты не представляешь, что теперь будет...

— Зато представляю, что было бы, — ответил я, подбирая с пола нунчаки.

— Они же меня на куски порежут...

— Давай обсудим эти проблемы не при посторонних. — Я выволок за ноги громоздкое туловище слабо попискивающего гангстера к выходу из складского помещения.

Перетащив амбалов во внутренний дворик дома, где валялись искореженные кузова разобранных автомобилей и всяческий бытовой мусор, я вернулся на склад.

Пригорюнившийся шеф сидел на табурете, напоминая своим видом восьмиклассницу после аборта.

— Без тебя домой не поеду, — прохныкал он. — У меня будешь жить, я тебе комнату дам...

5

Когда мы с Изей приехали к нему домой, он тщательно закрыл дверь, прошел в гостиную, откуда раздавались негромкие голоса, через несколько минут вернулся и задумчиво произнес:

— В общем, Толя, неприятности исчерпались, но тут у меня ребята кое-какие, потолкуй с ними... Да ты не бойся, — успокаивающе коснулся моего плеча, — все в полном порядке, никаких напрягов... Иди в гостиную, они там...

Несколько озадачившись, я отправился в указанном мне направлении.

Изя при этом за мной не проследовал.

В гостиной восседал в небрежной позе мужчина лет сорока с небольшим — черноволосый, с узкими китайскими глазами и несколько обрюзгшим лицом. Он был одет в элегантный белый костюм, черную тонкую водолазку; с запястья его свисала увесистая золотая цепь-браслет, а пальцы были обильно украшены перстнями.

— Привет, — сказал я беззаботно. — Меня зовут Анатолий.

Обладатель белого костюма, дружелюбно мне улыбнувшись, встал со стула и протянул руку в приветствии.

— Алик. Присаживайся, есть разговор. Каким образом здесь? В Германии, имею в виду...

— Ищу работу, — сказал я. — По специальности.

— Ну так ты ее и нашел, работу, — молвил Алик.

— То есть?

— Предлагаю служить у меня. Условия такие: пять штук марочек в месяц, развездной “мерседес”... Это для начала.

— А что делать надо? Деньги из народа выбивать?

Алик неожиданно посерьезнел лицом. Бросил в вазу окурок, коротко шикнувший в воде.

— Мы не занимаемся дешевым ракетом, Толя, — заявил он усталым голосом. — Да тут и некого прижимать впрямую, в Берлине... Есть, конечно, мальчишки, которые “лесников” напрягают, но да и чего на них наехать, на “лесников”? Налоги не платят, весь бизнес в наличке, ничего легального... Но эти наезжалы нам присылают доляшку, понял? А иначе мы наедем на них.

— И чем же вы занимаетесь?

— Скажем так: оказание услуг в разрешении коммерческих споров. Охраной. И всяким разным, со временем разберешься. Кстати, а какая у тебя виза? Туристическая?

— Никакой, — ответил я. — Я сюда из Польши огородами...

— Ну а паспорт-то хотя бы имеется? — спросил Алик, удрученно выдохнув воздух через нос.

— Смешная история, — поведал я. — Паспорт свистнули. Помочь с ним не можешь?

— Ну... если мы работаем вместе... — выпятил задумчиво нижнюю губу Алик.

Наниматься на службу в мафию я не имел ни малейшего желания, однако документы мне были жизненно необходимы.

— Не знаю, могу ли я ставить условия, — сказал я. — Но все-таки одно есть: никаких мокрых дел.

— Хорошо, никаких, — безучастно отозвался Алик, вставая со стула. — Ты где живешь?

— Изя выделил комнату в Карлсхорсте... На складе. Правда, не знаю, оставит ли он меня там в связи с переменой места работы...

Алик подошел к выходу из комнаты. Крикнул:

— Эй, хозяин, сюда!..

Изя послушно притопал на зов. В глазах его, излучавших всяческую готовность, было нечто преданно-собачье.

— С сегодняшнего дня, — не глядя на него, произнес Алик веско, — Толя работает у меня, ясно? А жить будет, где живет. Бесплатно.

— Вопросы нет, — с готовностью пробормотал Изя. — Я только рад...

— Заплатишь ему за предыдущие дни...

Изя полез в карман, вытащил оттуда бумажник и начал лихорадочно изымать из него купюры.

— Не надо, — отстранил я протянутые мне деньги.

— Надо! — жестко приказал Алик, запихнув марки в карман моего пиджака. Затем подтолкнул меня под локоть: — Поехали!

— Куда?

— Фотографироваться. Завтра твоя физиономия будет уже в Москве. В МИДе. А послезавтра — в посольстве ФРГ. Данные мне твои надо взять. Как фамилия твоя, кстати?

— Меркулов, — без запинки ответил я.

— Подождешь меня в машине. Я скоро.

Спустившись вниз, я уселся в “мерседес”, составив компанию скучающему шоферу, по совместительству боевику, Сене.

Некоторое время мы молчали. Потом Сеня почесал затылок:

— Значит, так. Работать будем с тобой в “двойке”. Дела в основном инкассаторские. Сбор “бабок”. С бардаков, куда Алик девок поставляет, с бригад, что “лесников” бомбят, ну и долги всякие разные... Дальше — вьетнамцы. Мы им возим сигареты со Шпиренберга...

— И вы? — удивился я.

— И мы, — подтвердил Сеня. — Их только ленивый не возит. Но мы возим еще и косоглазых партиями из Союза... А это бизнес крутой. Что еще? Машины перепуливать с тобой будем... Тоже путем авиаперевозок. Ну, разборки само собой... В общем, вникнешь. Понравится, думаю. Все лучше, чем в шестерках у коммерсантов этих вонючих...

— С Изей-то разошлись? — спросил я. — Бортами?

Сеня мрачно усмехнулся.

— Разошлись... Ох и жучила!

В этот момент вернулся Алик. Чрезвычайно довольный.

— Двигаем в офис... — Хлопнул меня по плечу. — Чего задумался, браток?

— Поехали, — решительно произнес я. — В офис.

Офис Алика располагался в помещении фирмы, открытой русскими эмигрантами, которых под предлогом защиты, охраны и трогательного попечительства мой новый шеф, вероятно, планомерно и бессовестно потрошил, хотя в данном случае деловые отношения подобного рода вполне мог бы характеризовать тезис об экспроприации экспроприаторов, ибо по манерам своим, лексике и хваточкам коммерсанты являли собой несомненную ипостась тех же самых бандитов.

В офисе с Сеней мы пробыли недолго: сегодняшний день выдавался относительно свободным, а вот график дня завтрашнего, напротив, предполагал множество суеты и разъездов.

Я спросил у Алика, не знает ли он, где находится хороший спортивный клуб? Меня угнетало осознание подутраченной боевой формы.

Получив адрес, я спустился в метро и вдруг на платформе среди ожидавших поезда пассажиров узрел знакомое лицо...

Долговязый небритый мужчина в потертом пальто и в рыжей мохеровой кепке, похожей на неряшливый парик с химической завивкой, напомнил мне почему-то Труболета, из моей незабвенной бригады зека. Да откуда ему здесь быть? Мужчина, сосредоточенно читавший какую-то книгу, словно почувствовав на себе мой взгляд, обернулся, и в глазах его появилось выражение какого-то обалделого узнавания...

“Неужели?..” — метнулась в моей голове изумленная мысль.

— Ничего себе, — сказал мужчина. — Гражданин начальник. Вот это трансферы...

Подожел поезд, но мы, обоюдно пораженные, оставались стоять на перроне.

— Ну и какими судьбами? — спросил я.

— Россия-Украина-Польша-Германия, — последовал ответ.

— Полями-лесами?

— Иначе не можем. У меня один документ — справка об освобождении. А ты каким образом?..

Я поведал о протекции влиятельных знакомых, способствовавших моему переводу в Германию, о бегстве к противнику гвардейца-полковника, присовокупив в итоге фразу об отказе мне в политическом убежище.

— Нормальный ход событий! — оптимистично заверил меня Труболет. — Главное что? Мы на свободе. А вариантов прокрутиться — куча! Я вот... — поднес к моему носу потрепанную книжонку, — осваиваю сербский язык. Освою — пойду сдаваться как беженец из Югославии.

— Хорошая идея, — одобрил я. — А живешь где?

— А вот с крышей пока напряженно, — забко поежился Труболет. — Страдаю от недостатка полноценных гигиенических процедур. А у меня между тем хобби: я санитар своего тела.

— Ну, поехали ко мне, — сказал я, поневоле откладывая запланированный визит в клуб. — Найду тебе и ванную, и диван.

— А позрять? — спросил Труболет. — Я тебе вон сколько курей скормил, не забыл?

— И аз воздам! — согласился я.

После обильного обеда в кафе мы потопали на склад, застав там шурующего в пиджачных и брючных завалах Изю, расхищающего доверенные ему на ответственное хранение краденые материальные ценности.

— Как без меня, справляешься? — спросил я.

— Ищем замену, — кратко ответил он, озабоченно рассматривая на свет белый в черную клетку пиджак.

Мне в голову пришла идея.

— А я тебе ее нашел, — доложил я, выталкивая в проем складской двери Труболета. — Вот, прибыл мой дядя. Грузчик первой гильдии, прошу любить и жаловать.

Изя с нескрываемым сомнением осмотрел пальто грузчика, что по всем приметам было много старше своего хозяина.

— Ты забыл... мне нужен одновременно и охранник, — внес он поправку.

— Так это же мой учитель карате, — заявил я оскорбленно.

— Свежо питание, но верится с трудом... — процедил Изя, но в интонации его сквозила и некоторая неуверенность — очевидно, он вспоминал прецеденты из личного жизненного опыта, связанные с обманчивостью внешности.

— Хотите, давайте попробуем... — быстро вник в суть Труболет, прижавшись с неторопливой уверенностью расстегивать пальто.

— Не утруждайтесь этими глупостями, я верю, — сказал Изя. — Но вопрос: где вы будете жить?

— А мы пока вместе, — сказал я. — Так что гордись: у тебя теперь два складских сторожа в штате, а это может позволить себе лишь очень солидная фирма.

— А ты за него ручаешься? — усомнился Изя.

— Изя, — ответил я, — давай сначала о тебе — хорошем парне. Вот если я поручусь за тебя, не усмотришь ли ты в этом признак, мягко говоря, беспечности?

— Да, но пойми, мне не нужны тут всякие жулики... — промолвил Изя неуверенно.

— Я понимаю, — сказал я. — Конкуренция — штука неприятная.

— Хорошо, — сдался коммерсант.

Вскоре Изя уехал, а я, препроводив старого своего знакомого в неотопляемую ванную, порекомендовал ему вначале напустить в нее горячей воды, а уж затем, предварительно раздевшись на кухне, согреваемой газовой плитой, стремительными прыжками проследовать в умывалку, нырнув с головой в очистительную купель.

6

С Сеней мы, в общем-то, сработались. Парень он был простой, туповатый, питавший страстишку к дорогим автомобилям, кабакам, безнравственным женщинам, злату и серебру, но корни таковых влечений происходили, как я понимал, из его прошлой беспросветной и нищей жизни в одной из заброшенных российских деревень, и атрибутами этой жизни были классический алкоголик-недоумок папа, пропивавший скудную колхозную зарплату; издерганная, битая и больная мать-кляча, тащившая на себе тяжкий воз крестьянского хозяйства и из сил выбивавшаяся, чтобы прокормить ораву голодных своих малышей; редко посещаемая школа, расположенная в пятнадцати километрах от дома...

Словом, ничего слаще морковки мой партнер в своей предыдущей жизни не видел, а потому ныне бешеными темпами наверстывал упущенное.

По сути, Сеня был существом добродушным, блатные манеры его носили характер наносной, он и сам сознавал, что, скорее, играет в бандита, нежели способен причинить кому-то какой-либо существенный вред.

— У нас, Толик, все в основном на понтах, — признавался он мне. — Главное — нагнать жути. Серьезная кровь, она никому не нужна. Да и стремно... А вот “бабки” нужны, да. Ну, а с покойника чего получишь? Только срок. Я лично на мокруху принципиально не пишу... Хотя бывает такое, да. Как правило, заказ. Монгол — такой волчице.

Я уже знал, что Монгол, он же Алик, — один из криминальных авторитетов мафии в Германии, над которым стоят шефы из воров в законе.

Мы же с Сеней занимали в преступной иерархии нишу разменных рабочих лошадок, работающих в многочисленных “двойках”, “тройках”, “пятерках”.

С кого мы брали мзду? Исключительно с тех, кто занимался нелегальными делишками. С владельцев всяческих подпольных притонов, самодеятельных распространителей наркотиков, торговцев краденым...

Немалый доход приносили разборки между коммерсантами. Отмечу, разборки с нашей стороны отмечала объективность и справедливость. Ни одной из спорящих сторон заведомого предпочтения не отдавалось.

Если ответчик был не прав, ему приходилось платить, как бы он ни старался выкрутиться. Если же истец заблуждался в своих претензиях, заблуждения выходили ему тяжким материальным уроном, и никакие его дружеские отношения с нашей командой роли тут не играли.

Морозным декабрьским полднем мы с Сеней, одетые в ватные армейские бушлаты, выполняя очередное распоряжение Алика, загоняли в грузовой отсек военного самолета восемь "мерседесов" престижных моделей.

Машинки, судя по всему, числились в угоне, но славная немецкая полиция уже навряд ли бы когда вернула их владельцам: беспрепятственно миновав многие границы, "мерседесы" через считанные часы должны были катить, осыпая берлинскую пыль на асфальт, по московским улицам...

Я пребывал в дурном расположении духа, вспоминая свой последний разговор с Монголом. Тот, как и обещал, выправил мне немецкое водительское удостоверение, а также паспорт, но в руки его не давал, открыто опасаясь моего "соскока". В случае каких-либо недоразумений с властями мне надлежало звонить ему — хозяину фирмы, якобы пригласившему меня с бизнес-визитом в Германию и несущему за мою лояльность некоторую ответственность.

Хитроумный Монгол не заблуждался в отношении моих тайных намерений: заполучи я документы, он меня только бы и видел...

Набравшись смелости, я отправился в американское посольство, где изложил консулу свою историю: дескать, родился и вырос в США, затем уехал не по своей воле в Россию, а ныне находясь в бегах, имея намерение претендовать на американское гражданство.

— И долго уже бегаете? — спросил консул.

— Около трех месяцев.

— А чего раньше ко мне не пришли?

— Думал... — ответил я. — Все же ответственный шаг...

— Ах, вот как?.. Ну-с, пишите заявление.

Заявление я написал. За ответом мне велели зайти через десять дней, которые потянулись бесконечно и мучительно, наполненные тревогами и крохотной надеждой на чудо.

Мне до тошноты противело как мое мафиозное окружение со всеми его блатными "понятиями", так и разудалая бандитская жизнь, чьи итоговые ценности заключались в ресторанных кутежах, оргиях с проститутками, приобретении модного тряпья и "мерседесов". Наконец, десять дней истекли, и я отправился в американское посольство.

— Оу! — Появившийся за бронированным стеклом консул улыбнулся мне как старому, желанному приятелю. — Вы пришли очень кстати! У нас есть для вас новости!

Сердце мое радостно подпрыгнуло в истомившейся душевным страданием груди.

— Вы действительно родились в Вашингтоне, — учтиво говорил консул, — действительно выросли там... Это правда, мы проверили...

Я насторожился, хотя тоже улыбался ему в ответ и кивал, как заведенный болванчик. Интонация консула несла в себе перспективу произнесения им неблагополучного слова "но".

— Но! — произнес консул сокрушенно. — Ваши родители, к сожалению, занимались на территории США шпионской и подрывной деятельностью, а потому на ваше заявление о гражданстве наложена отрицательная резолюция... Впрочем, вы можете подать апелляцию.

— Какой шпионской деятельностью?! Вы сошли... это... — воскликнул я сорванным голосом.

— До свидания... — Консул, не переставая мило улыбаться, отодвинулся от окна.

— А кому подавать апелляцию?! — заорал я в проделанные в пуленепробиваемом стекле дырки.

— В сенат! — дружески помахал мне рукой дипломат, скрывшись в неведомых глубинах своей посольской кухни.

Едва я вышел из консульства, на голову мне что-то шмякнулось. Я снял кепку. Голубь. Хотя по тому, что я увидел на кепке, можно было предположить, будто в берлинском небе летают коровы.

Я бросил головной убор в урну, стоящую на углу консульства, и, настороженно вглядываясь в вышину, пригорюнился, не зная, что предпринять.

И вдруг, подобно скользнувшей в мутной воде блесне, явилась мысль: а что, если позвонить по связному телефону Олегу?

Я подошел к телефонной будке, вставил в прорезь автомата карточку. Набрал номер.

Ответил приятный женский голос.

Тут я забыл, какое надо произнести имя. Помнил, что я — Сержант, а вот имя...

— Так... — сказал я.

— Что?

— Ой, извините... — смутился я, но тут же вспомнил пароль. — Говорит Сержант. Нахожусь в Берлине. Мне срочно надо связаться с Карлом Леонидовичем.

— Вас не затруднит перезвонить через час?

— Хорошо. Но передайте, у меня большие проблемы. — И я повесил трубку.

Затем решил съездить в Карлсхорст, навестить Труболета. Мне было необходимо как-то отвлечься от тягостных раздумий, в которых главенствовал один простой и вечный вопрос: что делать?

Доехав до Карловки, я вновь вошел в телефонную будку, перезвонив в Москву.

— Завтра в семь часов вечера, — доложил мне все тот же женский голос, — стойте на платформе Александерплац. Эс-бан. Направление в сторону Цоо. Повторите.

Я повторил и, дождавшись сигнала отбоя, двинулся узенькой улочкой мимо замшелых зданий с отвалившейся от стен штукатуркой в сторону своей резиденции.

Дверь в складское помещение была приоткрыта. Я прошел на кухню, застав там Изю за довольно-таки странным занятием: он целился из десантного “Калашникова” в решетчатое окно, причмокивая и вхолостую, как играющий в войну мальчишка, нажимая на спуск.

Узрев меня, Изя, несколько смутившись, положил боевое оружие на стол.

— Вы чего? — спросил я. — С ума походили? Дверь открыта, а тут...

— А кто замок сломал?! — вскинулся Изя. — Вот, ждем теперь: Валерка за новым пошел, сейчас менять будет...

— А это?.. — кивнул я на автомат.

— Чего это?.. А, приобрел вот, у твоего дядюшки...

— Зачем тебе?

— Пусть будет... — Изя любовно погладил лакированное цевье.

— А где дядюшка? — спросил я.

— В ванне... — Изя снова взял “Калашников” в руки. Новая игрушка, чувствовалось, не давала ему покоя.

Вздохом прокомментировав детские забавы взрослого мужика, я вышел из кухни, постучавшись в дверь ванной.

— Прошу! — донесся голос Труболета.

Я растворил дверь, тут же окутавшись густой пеленой пара.

В неотопляемом помещении с ржавых коммуникационных труб свисали сосульки. В эмалированной емкости, доверху заполненной горячей водой, возлежал, выставив из нее голову в армейской ушанке с оттопыренными по-заячьи клапанами, Труболет, державший в руке самодельный сербского языка.

— Гражданин начальник! — произнес он. — Сердечно рад! Какживает русская мафия в Берлине?

— Это у тебя спросить надо, — ответил я.

— Да какая я мафия... — зевнул Труболет. — Впариваю фраерам железо...

Договорить он не успел: в коридоре раздался шум, затем его заполнили полицейские, одни из которых вошли в ванную, с изумлением уставившись на голого Труболета, втянувшего голову, увенчанную ушанкой, в плечи, а другие проследовали на кухню, где утративший бдительность Изя осваивался со своим персональным “Калашниковым”.

Через час наша троица, закованная в наручники, куковала в полицейском участке.

Визит полицейских, как оказалось, был вызван тем обстоятельством, что немецкие власти обнаружили подлог в документах, благодаря которым Изя занимал помещение склада.

Осмотрев комнату, где проживал Труболет, полицейские заподозрили Изю в незаконной сдаче в субаренду части помещения, и мной лично была услышана реплика на немецком языке следующего содержания:

— Это только русские могут... Самовольно вселиться и еще делать на этом бизнес! Представляю, какой у них будет там капитализм, в этой России...

Труболет, быстро оправившийся от шока, торжественно заявил на хорошем немецком языке — загодя, видимо, приготовил фразу, — будто бы он беженец из охваченной войной Югославии и просит убежища.

— А сколько вы уже находитесь в Германии? — спросил его полицейский начальник, специально вызванный после такого заявления в дежурную комнату.

— Около месяца...

— Почему же не обратились к нам в течение этого времени?

— Да все дела... — ответил Труболет.

— Понимаю... — грустно согласился начальник.

В ходе разбирательства выяснились, кстати, имя и отчество старого моего знакомого. Звали, оказывается, Труболета Левонд Арчианович.

Дошла очередь и до меня.

Я объяснил, что попросту заблудился в районе, разыскивая знакомого прапорщика Сашу, фамилию которого, к сожалению, запомнил, зашел в первую попавшуюся дверь, оказавшуюся открытой, а тут...

— Ваш паспорт! — потребовал представитель властей.

Вместо паспорта я написал ему на бумажке номер сотового телефона Алика.

Меня снова отвели поскучать в камеру, и до приезда шефа я хладнокровно вздремнул на жестких деревянных нарах.

Алик поначалу взъерепенился, но затем, услышав, как обстояло дело, зашелся жизнерадостным смехом, сопереживая таким образом Изе, влипнувшему в скверную историю с неясным продолжением и финалом.

7

В семь часов вечера, согласно моей телефонной договоренности с неизвестным московским абонентом, я стоял, вдыхая железнодорожные запахи, на продуваемой декабрьскими ветрами платформе берлинского метро, ожидая Бог весть какой встречи или события.

Приходили и отбывали поезда, время постепенно перевалило за половину восьмого, но ничего знаменательного, кроме того, что я начал ощущать подмерзать, не происходило.

В застекленный ангар станции вползла очередная электричка.

Я пригляделся к табличке на ее лобовом стекле, обозначающей конечную точку маршрута, как вдруг пожилой мужчина в шляпе и в замшевом полупальто, стоявший возле меня, тихо произнес по-русски:

— Не оборачивайтесь. Я от Олега. Садитесь в первый вагон и езжайте до конца. Выйдете на улицу и ступайте куда глаза глядят. К вам подойдет.

Я, следуя предписанию, вошел в головной вагон и послушно покатил на окраину Западного Берлина.

На конечной станции вышел из метро и, не оборачиваясь по сторонам, зашагал по незнакомой улице, сплошь застроенной частными особнячками.

Темнело, воздух пропитывался промозглой ночной сыростью и едким запахом жженого угля.

Поднял воротник пальто: холодом прихватило уши.

Внезапно рядом со мной остановился "опель". Задняя дверца машины приоткрылась.

— То-ля!..

Я нырнул в тепло салона, различив в полумраке лицо Олега.

— Газу! — сказал он шоферу, что-то пробубнившему в рацию, которую держал в руке, и "опель" сорвался с места, тут же круто завернув в ближайший переулок.

— Поужинать не хочешь? — спросил меня Олег.

— Да какой там ужин! — обалдело выговорил я. — А ты что, тоже в Германии, оказывается?

— Ну, предположим, не в Германии, но и здесь бываю... — уклончиво ответил он. — Так как насчет ужина?

— Это будет праздничный ужин! — нашел я достойное для такого момента прилагательное.

Некоторое время мы плутали по городу, пока наконец не остановились возле полуподвального ресторанчика с немецкой кухней.

Потягивая в ожидании заказанных блюд апельсиновый сок, я изложил Олегу, отрешенно выслушивающему меня, свою одиссею.

— Ну что тут сказать? — резюмировал он. — Дела, по-моему, не так уж и плохи. Говоришь, машину тебе господа американцы оставили?

— Ага. А вот почему...

— Ну, мне-то как раз ясно, почему, — усмехнулся он. — Вот же... цирк шапито!

— Это да, — согласился я. — Интересно вышло...

— Значит, так, — произнес он, закуривая. — Давай мы сначала определимся в генеральной концепции. Возвращаться в Россию под тем именем, каким ты правдиво обозначаешься, не советую. Но есть и другие заселенные территории на глобусе. Выбирай.

— А что, собственно, я могу выбрать? — спросил я. — Или Германия, или Америка...

— Ты напрасно проводишь разграничение, — сказал Олег. — Одно другому не противоречит. Поедешь в ближайшее время в Штаты, там есть толковые известные мне адвокаты, и гражданство они тебе выпрявят в одно касание, даже не сомневайся.

— Есть тем не менее парочка вопросов, — заметил я. — Первый: каким образом в Америку попасть? Второй: что делать с бандитами?

— А вот это, — заявил Олег, мочая затушенный окурок на потертом дне пепельницы, — вообще не вопросы. — Он выждал, когда официант закончит сервировать стол. Затем продолжил в своей обычной неторопливой манере: — Завтра мне будут нужны две твоих фотографии. Черно-белые. Придется тебе убедить фотографа сделать именно такие, но повторю, потрудись его упросить. Заплати, в конце концов, по двойному

тарифу. Далее. Ты закончишь все необходимые рабочие дела и поедешь вечером к офису. Из офиса вернешься домой. Около дома я тебя встречу и скажу, как быть дальше. Меня беспокоит твоя дальнейшая судьба. Ну, приехал ты, положим, в ту же Америку. По моему сегодняшнему разумению — в Нью-Йорк. Накропал заявление о гражданстве, начал ждать результатов. А чем заниматься будешь? Опять на службу к бандитам пойдешь? Там их, на Атлантическом побережье, море разливное... Всех сортов и оттенков.

— Олег, — произнес я, робея. — А не могли бы твои благодеяния распространиться и на вопрос моего тамошнего трудоустройства?

— Да я и думаю-гадаю... — рассеянно ответил он. — Посмотрим... Вот еще что! — встрепенулся он. — Завтра же займись продажей машины. Деньги тебе пригодятся.

— На Атлантическом побережье?

— Вообще на суше, — раздался ответ. — Поскольку ты у нас не моряк и не летчик.

— И даже не космонавт, — добавил я.

Утром я сбегал в фотомастерскую, расположенную поблизости от дома, сделал требуемые карточки, а после отправился в сторону офиса, где у подъезда за рулем автомобиля меня дождался напарник Сеня — выпавшийся, свеженький, вооруженный нунчаками, кастетом, газовым оружием, а потому всецело готовый к нашим рабочим гангстерским будням.

Впрочем, оружие нам не пригодилось: весь день, по существу, мы посвятили рутинной инкассаторской деятельности, собирая с подведомственных нам точек мзду и долги. В итоге уже под вечер с кругленькой суммой выручки мы подкатили к базе, где нас ожидал некоторый сюрприз.

Здание офиса было оцеплено, так сказать, всем берлинским менталитетом, то бишь полицией. Кроме того, у подъезда стояли две машины "Скорой помощи".

Сеня, присвистнув, притормозил на противоположной стороне улицы и, сняв укрепленную возле рычага переключения передач трубку мобильного телефона, перезвонил кому-то из "братвы", выясняя, что, собственно, произошло в нашем тихом осином гнезде?

Вслушивая не известного мне собеседника, он с каждой секундой впадал в явную растерянность и не свойственное ему волнение, заикаясь и повторяя:

— Т-тэк... Т-тэк...

Затем, ощутило побледнев, положил трубку на место, упершись опустошенным взором в пространство перед собой и косо выпятив в задумчивости нижнюю челюсть.

— Ну? — с тревогой спросил я. — Чего там?

— Во дела!.. — Сеня перевел дыхание. — Значит... днем кто-то зашел в офис. Ну, мужик вроде какой-то... К Алику в кабинет. Его так, мельком видали, черта... Побыл там с минуту буквально. Потом вышел — и с концами.

— И чего?.. — вырвался у меня недоуменный вопрос.

— Четыре труппа, вот чего! — сказал Сеня с чувством. — Всех — в голову! Монгола и трех наших бригадиров... Из пушки с глушителем — никто ничего не услышал... Завтра сход будет, надо решать, чего делать...

Мне не пришлось разыгрывать перед партнером никакого потрясения чувств. Я действительно был ошарашен.

— Эй, — тряхнул меня Сеня за кисть руки. — Ты это... очухайся. Тебе наштабля дать из аптечки?

— Нет, — произнес я дрогнувшим голосом.

— Ну, ты прям!.. Еще слезу пусти! Разбор, нормальное дело. Монгол многим дорожку перебежал... Ну и нарвался! Был бы резон в расстройстве впадать... Больше кислорода станет на планете Земля. И меньше дерьма. Все выводы.

— Н-неожиданно как-то... — выдавил я.

— Х-хе! — Сеня, приподнявшись на сиденье, ладонью уместил в джинсы выбившуюся из-под них рубаху. — А ты думал, о таких событиях в календаре пропечатано?

Он не только совладал с прежней растерянностью, но и как-то странно приободрился.

— Ты чего такой веселый? — спросил я.

— Толик, у нас же сегодня козырной день! — провозгласил Сеня. — В кассе сто пятьдесят две тысячи марчелок!

— А башку нам с тобой не отвинтят корешки за такой ход конем?

— Ну, если ты решишь сделать официальное заявление по данному поводу... — заметил Сеня. — Но тебя вроде мама рожала не стоя, головой об пол ты в младенчестве не падал... — Он твердой рукой пересчитывал деньги, раскладывая их на две пухлые пачки.

— Держи! — протянул одну из пачек мне.

Я механически принял деньги, сунув их в карман.

— Что бы так каждый день, — закусил губу Сеня. — А может, с киллерами стоит в долю войти? Только тогда Монголов не напасешься.

— Смотри, — предостерег я. — Поставят тебя на его клетку...

— Мое дело пехотное, — откликнулся напарник. — Дальше бригадир соваться не буду. У нас, если идешь на взлет, значит, посадка обязательно последует. Или на аэродром противника, или на кол... И в последнем случае "бабки" уже без надобности. Дьявол взятки не берет.

— Пожалуй, Сеня, — произнес я, — самый момент мне бы уйти в резкий отрыв...

— А куда — в отрыв?

— Предложили сделать документы в Голландии, — соврал я. — Как беженцу. С гарантией.

— Имеет смысл, — подумав, согласился Сеня. — Прямой.

— А дружки Монгола как это расценят? — спросил я. — Не будет претензий?

— Да кому ты теперь нужен! — скривился Сеня. — Тебя и не знает никто... Ну на крайняк я скажу: дрогнул, фраер, ясное небо... Тебя подвезти?

— Не надо. Пройдусь пешком. Завтра созвонимся. — Я вышел из машины, жадно вдохнув морозный воздух.

Сеня коротким жестом поднес ладонь к козырьку кепочки, прощаясь.

“Вот и все... — стукнуло у меня в голову. — Свободен... Как свежавылупившийся комар”.

Я уже подходил к дому, как вдруг передо мной, словно бы из ниоткуда, возник Олег.

— Ну, привет, — холодно сказал он. — В курсе событий?

Я хмуро кивнул.

— Понимаю, — кашлянул он. — Но казнить глупо. Эти субчики в итоге, поверь, вырыли бы для тебя очень глубокую могилу. Или ты их за друзей считал? Тогда скажу так: с такими друзьями враги уже без надобности. И сегодня мы устранили из этого мира основательный кусище зла и мерзости. Превратив сей вредный конгломерат в полезное ископаемое. Где фотографии? — резко переменял он тему.

Я вручил ему пакетик с карточками.

— Завтра вечером жди звонка, — сказал Олег, глядя куда-то поверх моей головы и убирая пакетик в бумажник. — С бандитами не контактируй. Никаких звонков и встреч. Соскочил — и все, привет. Деньги у тебя есть?

— Навалом. Сегодня с напарником прикарманили всю выручку с точек.

— Ну и молодцы, — одобрил Олег. — Поставишь мне бутылку, я вроде ее заслужил...

— Я тебе все могу отдать, — сказал я, вынимая из кармана марки.

— Не надо. — Олег отстранил мою руку.

Сене я все же позвонил, не удержался. Сказал, что вот-вот отбываю в Голландию, поинтересовавшись заодно: как, мол, обстоят дела?

Тот сообщил, что место Монгола занял иной бандит, назначивший моего напарника бригадиром, а что касается моей персоны, то никакого особенного интереса к ней со стороны криминальных авторитетов проявлено не было — свалил фраерок. Ну и ладно, туда ему и дорога, желающих на его место — сотни...

С чувством огромного облегчения я закончил разговор со своим бывшим коллегой. Пожелав ему побыстрее выскочить из того болота, в котором он продолжал бултыхаться, — сытного, но вонючего.

Перед Новым годом я продал церэушный “БМВ” заезжим ребятам из Киева и, закупив шампанского и деликатесов, отправился в Карлсхорст навестить Валеру.

— Прямо к столу! — воскликнул он, узрев меня на пороге. — Мы как раз разминаемся... — И жестом пригласил проследовать на кухню.

Я прошел туда, натываясь на углы бесчисленных коробок и — вот уж воистину рок! — узрев сидевшего за столом одетого в белоснежную праздничную рубашку и тщательно причесанного серба Труболета.

— Ты-то как здесь? — озадаченно вырвалось у меня.

— Нахожусь в законном увольнении, — пожимая мне руку, сообщил тот.

— А увольнительную выписал директор тюрьмы?

— Зачем так, начальник... Все законно, кантуюсь в “азюле” с братьями-югославами, они меня от своего не отличают; жду статус...

— Дадут? — спросил я с сомнением.

— А куда они денутся? В район боевых действий депортация не производится.

— Ну а занимаешься чем? Продолжаешь “Калашниковыми” спекулировать?

— Почему? Я человек разносторонний...

— Это да, — выразил я твердое согласие, распаковывая свертки с продуктами.

— Ныне сигаретками балуюсь, — проинформировал Труболет нейтральным тоном.

— Ты?! Тоже возишь контрабанду? Или перекупаешь?

— Ну, куда мне до ваших масштабов, я человек скромный. Уличные автоматы окучиваю. Которые на стенках висят.

— А как из них можно вытащить сигареты?

— Сложно вытащить, — кивнул Труболет. — Немцы — они толковые конструкторы, все учли. Но я решил проблемы по-крестьянски, без ухищрений. Машина, буксирный трос... Плавно отжимаешь сцепление, даешь газку... — Труболет отбросил брезент с одного из ящиков, хранившихся на кухне.

Ящик, собственно, и оказался автоматом из-под сигарет.

— И на хрена тебе этот дешевый криминал? — спросил я. — Развлечений не хватает?

— Во-первых, — ответил Труболет, — нет под рукой криминалов дорогих. Во-вторых, ты попробуй тут заработать, у фрицев этих...

— Немцы виноваты? — сказал я. — Елка пахнет Новым годом, да? Путаем, брат, причину и следствие. Елка хвоей пахнет. А тебе-то ящик зачем? — обратился я к Валере. — Гробина этот. В поселке у себя его установишь?

— В хозяйстве все сойдется, — ответил тот. — Ладно, идейный товарищ, давай к столу, отметим год уходящий...

Мы чокнулись и выпили легкое, сладковатое вино.

— Год был труден, но интересен, — утерев губы, сделал заключение Труболет.

— Это уж точно, — мрачно подтвердил я.

И — отгромыхала новогодняя ночь! Заревом миллионов петард, разноцветными росчерками ракет, фонтанами шутих, громом и молнией!

Казалось, шел очередной штурм Берлина.

Новогодний подарок преподнес мне Олег, вручив за неполных два часа до начала праздника серпастый паспорт с немецкой и американской бизнес-визами, где стояло мое имя и имелась знакомая чер-

но-белая фотография, скрепленная с документом блекло-синей печатью российского МИДа.

— Вот так да! — воскликнул я.

— Итак, — пресек Олег мои восторги своим бесстрастным голосом, — прибудешь в Нью-Йорк, возьмешь такси, поедешь в ближайший мотель, где переночуешь. Утром в Бруклине купишь газету “Новое русское слово”. Русского там, правда, ничего нет, все еврейское, ну да плевать... Главное — объявлений о сдаче квартир и комнат там полно. Снимешь жилье. Желательно — комнату. Поскольку тебе потребуется нейтральный почтовый ящик, в который ежедневно кто-то заглядывает. Далее отправишься в Манхэттен, вот тебе адрес и телефон... — Он протянул карточку. — Это очень хороший адвокат. Двадцать лет проработал в иммиграционных службах. Расскажешь ему свою историю. Мол, родился в США, сейчас прибыл из России, имея временную визу. Хочу восстановиться в гражданстве. Все.

— Как все?

— А, ну да... — Он улыбнулся устало. — Через две недели после прибытия дашь в этом же “Слове” объявление: “Потерян на Брайтоне бумажник крокодиловой кожи с грин-картой. Нашедшего ждет вознаграждение”. И номер телефона. Звонить тебе навряд ли кто будет, кроме меня, так что...

— Точно позвонишь? — спросил я.

— Если буду жив, — прозвучал равнодушный ответ. — Но я постараюсь. Телефоном обзаведешься сотовым, номер его хозяину квартиры не давай.

На том мы и расстались.

Тем же новогодним вечером я позвонил в Москву маме, поздравил ее с праздником и уверил родительницу, что жив, здоров, благоденствую, чего и ей желаю.

— А у меня интересная новость, — сказала она. — К нам, Толя, представь, вернулся папа.

— Ничего себе... — промямлил я. — Воссоединение семьи? Чего это вы удумали?

— Ну, так получилось... Так что твои беспутные родители вновь вместе.

— Тогда примите дополнительные поздравления, — вздохнул я. — Надеюсь, это у вас всерьез.

— Мы тоже на это надеемся...

Ясным январским утром, без проволочек миновав таможенню и пограничников, я уселся в “Боинг” и взмыл над твердью земной, глядя в иллюминатор, где виднелось узкое и длинное, с тупо, как у самурайского меча, скошенным острием, крыло самолета, бесшумно рассекающее облачную пелену.

Вскоре под крылом стылым свинцом зарябил океан.

Сбылось.

Я улетал в Америку.

Часть 3

СТОЛИЦА МИРА

1

Поздним вечером, прилетев в нью-йоркский аэропорт Кеннеди и оставив в камере хранения свой чемодан, я поймал такси и отправился в район русскоязычной эмиграции, на Брайтон Бич.

Район представлял из себя большую пеструю трущобу, завешанную вывесками на русском языке. Трущобу венчала эстакада подземки, по которой со скрежетом и визгом передвигались поезда. Я снял номер в третьеразрядном мотеле и мгновенно заснул. Надо было хорошенько отдохнуть, ведь на следующий день меня ждало много дел.

Утром я вышел на улицу.

Человек кавказского типа в дубленке и в кепке, сидевший в будке местной “Союзпечати”, продал мне “Новое русское слово”.

Я прошелся по улице, всюду слыша исключительно русскую речь, отмеченную, как правило, сильным провинциальным акцентом украинско-одесского звучания, и заглянул в заведение, обозначенное как “Пельменная”. Уселся за стол, заказал себе плотный завтрак.

В ожидании горячего блюда развернул “Слово”. Нашел отдел объявлений.

Так...

“Кардиолог Лев Паукман...”

“Удаление жировых отложений путем отсоса... (Suction Liprectomy)...”

“Доктор Дикс. Ноги должны служить вам всю жизнь...”

“Адвокат Роберт Кракау, бывший прокурор и начальник бюро по борьбе с наркотиками, будет представлять вас в суде по всем уголовным делам...”

А вот и о недвижимости:

“Продается прекрасный, роскошный дом на Лонг-Айленде с красивыми нереальными спальнями! Чтобы понять, надо увидеть!”

— Молодой человек, не дадите ли полистать после вас газетку? — обратился ко мне сидевший за соседним столиком мужчина лет пятидесяти в темно-синем капитанском пиджаке с золочеными пуговицами, в очках с затемненными стеклами, курносый, с плоским широким лицом, явно отмеченным пороком хронического пьянства.

— Нет проблем, — сказал я. — Найду нужное объявление — и пожалуйте.

— Какое объявление, если не секрет? — Мужчина дрожащей рукой плеснул из графинчика водку в рюмку и судорожно ее опорожнил. — За что уважаю шведов — за “Абсолют”! — прошептал восхищенно.

— Хочу снять квартиру.

— В гости приехали?

— Типа того.

— А зачем вам квартира, если в гости? Дешевле комнату... Ни тебе залогов, ни счетов за газ и свет... — Он снова налил себе рюмку. — Поддержите компанию, — указал на графин, — белого офицера?

Я решительно отказался.

— Меня зовут Евгений, — представился похмеляющийся собеседник. — Могу сделать вам второе предложение: сдаю за четыреста долларов в месяц второй этаж своего дома. Дешевая цена, но вынужден... Срочно... Материальные затруднения. У нас, белых офицеров, это распространено... Увы!

— Вы где-то работаете? — спросил я.

— Что? А... конечно, работаю, молодой человек, иначе на какие бы “бабки” я бухал?

Это был довод, разящий наповал.

— Я служу в “Лимузин-сервисе”, — пояснил Евгений. — Собственная машина... “кадиллак”, радио... хорошая зарплата. — Он призадумался. — В принципе, как у летчика гражданской авиации. Если пахать, конечно. А я иногда себе позволяю... М-да. Но что поделаешь?.. — добавил обреченно. — Характер белого офицера, это...

— И где же находится ваш дом? — перебил я.

— Неподалеку. Sheepshead Bay. Знаете такой район? Изумительный, доложу я вам...

— Взглянуть на дом можно?

— Ну сейчас, закончим... — Собеседник выразительно посмотрел на графин.

До Жениного дома мы доехали за неполных пять минут.

Домик был безлико-стандартный, аккуратно облицованный темно-красным кирпичом, с маленьким задним двориком, драйв-уэем и с гаражом, оснащенным воротами-жалюзи.

Женя поправил нетвердой рукой свои темные очки, плотно уместив их на плоской переносице, разгладил оттопыренным мизинцем короткую, тронутую сединой челочку и сказал:

— Возможен семейный скандальчик, но он тебя не касается. Пошли.

В доме нас встретили две женщины: одна — кривобокая долговязая старуха лет семидесяти в брючном костюме и свалывшемся рыжем парике, другая — брюнетка лет сорока, телосложения также угловато-гнутого, с крысиной мордочкой и отчужденным взглядом, как бы говорившим “а пошли вы все”...

— Ты опять пьян! — накинулась старуха на невозмутимого Женью. — Нет денег заплатить за мой зуб, а ты блуждаешь по кабакам!

Старуха изъяснялась на русском, но с сильным акцентом.

— Мама, что взять с этой сволочи, — вступила в разговор дочь. На английском.

— Без нервов, девушки, — молвил Женя бесстрастно, — они вам еще пригодятся, покуда я жив... Вот, — указал на меня, — наш новый жилец, все договорено, можешь идти шпаклевать свою гнилую пасть... Человек платит.

— Вам нужна комната? — неприязненно спросила меня брюнетка.

— Да, на месяц. Может, съеду и раньше.

— В любом случае четыреста долларов, — отрезала она. — Сразу.

— Ну хорошо, — ответил я. — Сразу так сразу. Но давайте для начала осмотрим помещение. Как?

С видом, будто мне оказывается невероятное одолжение, брюнетка, поджав губы, молча двинулась на второй этаж. Я последовал за ней.

Апартаменты были вполне пристойными: гостиная с небольшой кухонькой и спальня. В углу спальни прямо на полу стоял телевизор.

— Вам повезло, мы не берем депозита, — прокомментировала брюнетка, со злобой кидая на постель комплект простыней. — Белье вернете отстиранным, ясно?

Стареющую даму, чувствовалось, здорово достали разнообразные прерватности жизни. Может, и связанные с пьянством Евгения, кто знает.

— Жилье мне подходит, — сказал я. — Все как надо. А телефон у вас есть?

— Вам еще и телефон!

— Понятно, — покладисто отозвался я. — Купим. — И отсчитал четыреста монет, проворно выхваченных брюнеткой из моей руки.

Далее за гонорар в двадцать долларов Женя согласился повозить меня по Бруклину, дабы я мог решить насущные проблемы своего устройства на новом месте.

Я купил телефон сотовой связи, оплатив услуги по его включению, навестил супермаркет, гостиницу, откуда забрал свой чемодан, а после вновь заехал на Брайтон Бич, где в книжном магазине, именуемом «Черное море», принимали объявления для «Слова».

Прочитав представленный мной текст об утраченном бумажнике, хозяйка магазина спросила, в какой рубрике данное воззвание мне желалось бы разместить.

Вообще-то материал определенно напрашивался для публикации на страничке сатиры и юмора, но я предпочел колонку «Разное».

— Утерян бумажник... — усмехнулась хозяйка. — Это же глас вопиющего в пустыне, кто услышит его?..

— Может, найдется какой-нибудь голодный лев... — ответил я.

Дожидавшийся меня в машине Евгений, мучимый желанием поглотить дополнительное количество алкогольных калорий, принялся за активные разговоры отметить факт обретения мной крышки над головой в системе общественного питания Брайтон Бич, смачно живописуя прелести кухни русского зарубежья, и я, поддавшись его напору, согласился.

— Первый полтинник плачу я! — гордо заверил он. — Так что не нервничай. Ни о чем не пожалеешь. Ты по-английски, кстати, соображаешь?

— Ну так...

— Я тебя научу. Правда, я и сам не очень... Но вот старуха моя, чистый Квазимодо, — она американка, чешет — дай Бор!.. И дочка ее...

— Тоже американка?

— Да. Медсестрой работает.

В ресторане мы заказали по салату, шашлык из осетрины, лососевую икру и — алкоголь. Я предпочел бокал сухого вина, Женя — литровую бутылку своего возлюбленного «Абсолюта».

Женя то и дело вскакивал со стула, подбегал к другим столикам, где сидели его знакомые, заигрывал с официантками и с певичкой, настырно приглашая ее составить ему компанию в распитии крепкого напитка “Абсолют”, и вскоре перестал меня узнавать, спрашивая, куда делся его постоялец Толя?

Уронив стул, он нетвердо шагнул в сторону ресторанной эстрадки, но внезапно замер у одного из столиков, прижав руку к груди, — видимо, ему стало дурно от выпитого.

Он стоял, покачиваясь, с закрытыми глазами возле какой-то дамы, являвшей собой олицетворение здешнего эстетизма модным костюмчиком от Кардена, чернобуркой на плечах, длинной дымящейся сигаретой в мундштуке, зажатом в пальцах с нанизанными на них многочисленными перстнями и кольцами... Дама, потупившись застенчиво, старалась не смотреть на остановившегося перед ней человека, проявлявшего непредсказуемую в своих последствиях нетрезвую активность.

Женя глубоко вобрал в себя через нос воздух и неожиданно исторг из отравленного алкоголем организма салат, осетрину и избыток “Абсолюта” — прямо на колени даме.

В ресторане установилась похоронная тишина.

Осекся поэт-декламатор на фразе:

“И вешний восторг пронизал атмосферу...”

Я поймал за рукав пробежавшего мимо меня официанта.

— Счет, пожалуйста...

Через полчаса, кое-как расплатившись за ужин, я загружал мертвецки пьяного Женю на заднее сиденье “кадиллака”, не без опасений раздумывая о встрече с его семейкой, способной инкриминировать мне злостное спавание своего кормильца-разорителя...

Рекомендованный Олегом адвокат, с которым я связался, назначил мне встречу в своем офисе в полдень.

Вскоре поезд подземки пересекал перекинутый через Ист Ривер мост, приближаясь к столице мира — Манхэттену, и я очумело таращился на примкнутые друг к другу стеклянные кубы небоскребов делового центра, грандиозных в своем монументальном величии и, по сути, наверное, олицетворяющих Америку: это были ее главные храмы, цитадели жрецов Большого Американского Бака — главного здешнего идола...

Адвокат — пожилой, седовласый, с розовенькими щечками — заверил, что дело мое абсолютно и безусловно выигрышное, потребовав две тысячи долларов за все услуги: первую тысячу — авансом, вторую — по окончании хлопот. Я выразил полнейшее согласие, отсчитал деньги, после чего подписал бланки иммиграционных форм, ответил на уточняющие вопросы секретаря адвоката; был сфотографирован, дактилоскопирован и, обнадежившись положительным результатом будущей бюрократической волокиты, вышел на знаменитый Бродвей, на поверку оказавшийся очень длинной, но ничем не примечательной узкой улицей с односторонним движением.

Пожалуй, только здесь я и услышал чистую американско-английскую речь. В Бруклине, плотно оккупированном русскоязычной публикой, она становилась редкостью

Я шел по Манхэттену, очарованный его ослепительными витринами, громадами зданий, устремленных в далекую небесную высь, мимо бесчисленных баров, пиццерий, кафешек, ресторанчиков, магазинов, забитых всеми товарами мира, в запахах жареной кукурузы, орехов, горячих сосисок и шашлыков, с ликованием сознавая: да, я в Америке, однако то и дело ощупывая в кармане пальто бумажник, ибо восторги восторгами, но столица мира со дня своего основания принадлежала гангстерам — мелким и крупным, а потому зевать тут не следовало, соблюдая равновесие между лирическим настроением души и холодной бдительностью рассудка.

2

Олег позвонил мне в тот же день, как на прилавках Бруклина появилась "Слово" с моим объявлением. Сказал:

— Завтра. В шесть часов утра. Вест-восьмая в Бруклине. Сквер возле сабей, напротив дома 2825. Возьми с собой телефон.

Я, конечно, слабо разумею во всяких шпионских хитростях, но место и время встречи Олег наверняка выбрал с известным умыслом: в ранний утренний час этот район, застроенный высоченными серыми и красными коробками жилых зданий, был вымерши безлюден и оглушительно пуст.

Ни единого прохожего, ни машины... Широкие газоны, пустая улица с двухсторонним движением, заканчивающаяся тупиком у набережной. Серые жалюзи закусочных и барахолок. И тротуары, вдоль которых плотно, бампер в бампер, выстроились автомобили жильцов многоэтажек — к вечеру найти здесь место для парковки было невозможно.

Я, неторопливо пробежавшись по пустынной холодной набережной, присел на одну из скамеек в скверике и, приглядываясь к сонной, еле высвеченной тускленьким рассветом улице, погрузился в ожидание предстоящей встречи с беглым зеком, а ныне — таинственным представителем некоей организации, состоящей, вероятно, из пионеров-ленинцев старого, выдержанного розлива.

Телефон в кармане куртки требовательно проверещал, вызывая меня на связь.

— Ступай, не суеться, на набережную, — послышался голос Олега.

Я поднялся со скамьи и побрел в сторону стылого январского океана, катящего волны на смерзшийся грязноватый песок пляжей, усеянный стаями жирных, раскормленных чаек размером с гусей. У опорных свай набережной сновали в поисках корма черными юркими тенями крысы.

Вот и Америка... Предрассветная, будничная. Без всяких чудес.

Олег, одетый в короткую дубленку и кепочку, стоял у железных поручней, корабельными леерами опоясывающими прибрежный дощатый настил. Молча протянул мне руку.

Мы двинулись к чернеющим неподалеку пирсам, где копошились фигурки ранних утренних рыбаков. По дороге я доложил обо всех своих американских достижениях, заключавшихся в разрешении проблемы с жильем и состоявшемся визите к адвокату.

Олег, слушая меня, безучастно кивал, насвистывал себе под нос невнятную мелодию некоего марша.

— Ну, — внезапно поднял на меня пронизывающий взор, — не расхотелось еще поработать со мной вместе?

— Давай попробуем, — невозмутимо ответил я.

— А по России — как, скучаешь?

— На днях тут... просто-таки, припекло, — признался я.

— Ничего, — откликнулся он. — Мы еще вернемся туда, Толик... Уважаемыми людьми, поверь. Дайте срок...

— Российский суд пойдет навстречу такому пожеланию, — сказал я. — Даже не сомневайся.

— Будет другой суд, — уверенно заявил Олег. — Над теми, кто развалил страну. И грабит ее сейчас. И мне такой суд не страшен. Более того, живу его ожиданием.

Мы прошли на пирс, где свистал ветер, несший мелкую ледяную крупу, секшую лицо. Рыбачки кидали в бултыхающуюся под сваями зелено-черную воду сетки с сырым куриным мясом, приманивая крабов. Кое-кто вытягивал из пучины осклизлых грязно-коричневых камбал.

Толстячок с багровым от морозца лицом, стоя у края помоста и выгнувшись спиной назад, пыхтя от натуги, писал в океан, виртуозно используя редкие паузы между порывами ветра.

— В общем, твою ситуацию я вижу так, — продолжил Олег, плотнее запахивая ворот дубленки. — Родился ты хотя и в Америке, но эта страна уже не твоя, ты в ней — пришелец. В компанию американских уродов, существующих во имя и ради доллара, тебе не вписаться, ты для них инороден. Ну а эти... идиши, — он махнул рукой в сторону Брайтон Бич, — скоро будут тебе, как рвотное... Клопки из протухших одесских матрацев.

— Жестко режешь, — заметил я.

— Да, режу я очень жестко, — ладонью потеряв подбородок, отозвался Олег. — Теперь главное. Скоро твое заявление очутится в лапах спецслужб, это обязательно. И начнется забавная игра. Вот-то затеется рыбалочка... на живца! Десяток тихарей из ЦРУ можно будет в одночасье прихлопнуть... Но да только баловство это. Будем соблюдать корректность и на рожон не полезем. А сейчас ты заберешь свои вещички от идишей и поедешь на свое постоянное место жительства. В Куинс. Дивная квартира, без тараканов, что уже редкость в Нью-Йорке.

— А я заплатил за месяц вперед, — сказал я.

— Идишам? Ну и хорошо, — отозвался Олег. — Зато у тебя есть нейтральный почтовый ящик. Куда поступит решение иммиграционных служб. И где, вероятно, расположится засада. А может, и обойдется с засадой... В любом случае результат будет. Полезный для нас. — Он достал из кармана дубленки рацию. Произнес: — Иду к машине. Как там?..

— Чисто, — ответил сильный голос.

Через несколько минут, усевшись в припаркованную возле перекрестка “шевроле-беретту”, мы держали курс в направлении Жениного дома.

Старухе я объяснил, что вынужден срочно уехать по делам в штат Колорадо, свое проживание окончательно прерываю, но непременно буду позванивать, ибо жду по почте важного письма. Озлобленная жизнью брюнетка, услышав такое заявление, швырнула мне триста долларов, хотя на возврат денег я не претендовал.

“Беретта”, развернувшись на широком Куинс-бульваре, приняла влево и съехала в пасть подземного гаража, устроенного под одним из высотных домов. Из гаража черным ходом мы прошли в холл дома, насыщенного запахами якобы освежающей воздух химии.

Холл был застлан изумрудного цвета ковровым покрытием, блистал полированным черным деревом стен, зеркалами, начищенной медью дверных ручек, в углах потолка были установлены телекамеры, а у входа сидел портье-китаец, приветствовавший Олега поднятием руки.

— Это Генри Райт, — представил меня Олег портье. — Новый арендатор квартиры мистера Мэйсона.

— Меня предупредили... — Портье вручил мне пухлый конверт. — Здесь договор с хозяином дома, все документы...

— Мы разберемся. — Олег сунул в карман его адмиральского кителя несколько долларов.

— Ключи в пакете, — уточнил, поглубже уместя купюры в кармане, служитель, мелко тряся головой в выражении признательности за чаевые. — Желаю приятно провести день.

— Постараемся, — заверил его я.

Квартира произвела на меня впечатление в высшей степени благоприятное: большая гостиная с кожаной мебелью и огромным телевизором со стоявшим на нем черным ящичком кабельной системы; в углу — примкнутый к стене письменный стол с компьютером; потолок со встроенными в него усеченными колбочками ламп; мягкий пухлый ковер...

Спальню практически целиком занимала кровать, застланная парчовым покрывалом табачного цвета, на которой с комфортом мог бы пережевать взрослый слон.

Другая спальня, площадью несколько меньшей, предназначалась, видимо, для гостей.

Кухня была полностью оборудована, холодильник заполнен продуктами.

— Здесь кто-то живет? — спросил я.

— Да, отныне некто Генри Райт, — сказал Олег. — То есть ты.

Из сумки, которую Олег взял с собой из “беретты”, он вытащил фотоаппарат.

— Ну-ка, — кивнул на стену, — встань вон там...

Фиолетово сверкнула вспышка.

— Вечером получишь документы, — продолжил он. — Водительские права и социальную карточку. Бумаги реальные, вернее, сделанные на реально существующее лицо. С чистым прошлым.

— А где само лицо? — поинтересовался я.

— За него уже не беспокойся, — ответил Олег. — Он тебе претензий не предъявит. По крайней мере в этой жизни.

— Не хрена себе, — прокомментировал я.

— Осваивайся пока... — Олег убрал фотоаппарат в сумку. — В семь часов вечера спускайся вниз. Рядом с подъездом вход в ресторанчик. Поужинаем и потолкуем. А сейчас — привет! Спешу. Да! Никаких появлений на Брайтон Бич! Никаких контактов с эмигрантами! Практически все они — стукачи Эф-Би-Ай... А кое-кто еще нашу гэбэ обслуживает... По совместительству. Все, пока!

Хлопнула дверь.

Олег отбыл в неизвестность по своим странным делам, и я остался один.

До вечера я плутал по прилежавшим к моему дому улочкам, бесцельно заходя в магазины, прошелся вдоль широченного Куинс-бульвара, выведшего меня к мосту Queensboro, тянувшегося через реку к верхней восточной части Манхэттена, и, таким образом отмахав пешком большое количество полезных для здоровья миль, вернулся в свою новую обитель, где принял душ и переоделся. После спустился в ресторан, где застал одиноко сидевшего в дальнем углу Олега, сосредоточенно изучавшего меню.

— Лобстера будешь? — спросил он меня вместо приветствия.

— Не откажусь.

Чокнувшись, мы пригубили легкое сухое вино.

— Ну, по порядку, — сказал он. — Наши разговоры — те, из лагерной жизни, ты, надеюсь, помнишь.

— Отчетливо, — подтвердил я.

— Хорошо, если так. Позволю себе их продолжить. Ну-с, с чего же начать? Существует, мой друг, ныне некая держава, именующая себя Россией. Правят этим царством-королевством жулики. Задача у жуликов достаточно простенькая: пока корабль на плаву, стоим у руля и распродаем все, что есть в трюмах. Хватит на наш век — хорошо, а если вспыхнет бунт среди нищих и ограбленных, тогда грузимся мы в лодочки — и только нас и видели. Но поплывут лодочки в уготованные им гавани, а не в неведомое пространство. И, собственно, лодочки уже плывут и приплывают. С теми, кто решил бунта не дожидаться и в рискованные мероприятия не вступать.

— И вы эти лодочки встречаете?

— Мы их фиксируем, — пояснил Олег. — А иногда и встречаем, да. Но груз из этих лодочек предназначен для обратного возвращения на корабль...

— Благородно, — заметил я.

— Но, — продолжил Олег, маленькими хромированными щипцами перекусывая клешню лобстера, — на лодочках пришвартовываются к обетованным берегам ох не подарочки! Пираты это, Толя, злые, жадные и коварные. И награбленное никому они не желают отдавать, злодеи такие... А потому противопоставить им можно не просто грубую силу, а

профессиональную, хорошо оснащенную мощь, то бишь умную и сплоченную организацию. А организация требует материальную базу и каждодневное действие, без которого оперативная ее гибкость костенеет...

— То есть тренируетесь вы каждодневно? — спросил я. — Боевые учения идут без остановки?

— Стараемся, — подтвердил Олег. — Тем более мы на хозрасчете, бюджетных ассигнований не ожидаем. Тут, кстати, я должен внести ремарочку, а то ты неверно уяснишь себе ситуацию. Я говорю об определенном направлении деятельности. Одним из многих. Узком. Но покуда ты должен знать именно его. Потому что серьезная организация строит свою деятельность на принципе строго ограниченной информации для ее членов, не знакомых между собой. Из этого, дополню, следует: ты будешь иметь дело исключительно со мной.

— Ну, эту арифметику я уже проходил... И в Индии со шпионами, и в Берлине с бандитами...

— Да, но степень риска была иной, мой мальчик. Равно, как и суть задач — грошовых и шкурных.

— А какие теперь?

— Геополитические, Толя. Основная цель США для тебя ясна? Или — разъяснить?

— Полезно, думаю, послушать, — сказал я.

— Начну с того, что все глобальное по сути своей просто. Тактические хитросплетения могут завиваться в любые клубки, а стратегические вопросы всегда ясны и конкретны. Итак, цель США — мировое господство. Единый, однополярный мир без национальных признаков. Мировое правительство, регулирующее численность населения и пользование ресурсами, полностью контролирующее все банки.

— Вряд ли пройдет такая затея, — сказал я. — Бог устроил мир несколько по-иному. Более интересно.

— Не знаю насчет Бога, но затея точно не пройдет. Хотя бы потому, что России в такой затее выделена территория вымирания и большой помойки. И знаешь, почему? Во многом из-за особенностей русского характера. Он никак не устраивает Запад, этот характер — непредсказуемый, суматошный, трудно зомбируемый, а потому крайне опасный. Русские плохо вписываются в однополярную систему. Хочешь примерчик?

— Да.

— Подойди к зеркалу и внимательно в него посмотри.

— Вот так, да?..

— Вот так. Ну, так о чем я? Союз разгромили. Мир праху его. Россия осталась. И мы ей служим. По-своему, но честно. У тебя есть возможность присоединиться к нам. Думаю, весьма необходимая для тебя возможность. А дальше — решай.

— Ну, решил, положим, — сказал я. — И чего?

Олег положил на стол ключ и какие-то бумаги.

— “Беретта” — твоя, — пояснил свои действия. — Стоит в гараже под домом. Стоянка оплачена на год вперед, так что с парковкой на улицах выворачиваться не придется. Сегодня же купишь подробную карту Нью-Йорка и атлас автомобильных дорог США. Без них ты, как младенец в

чащобе. Завтра поедешь в Пенсильванию. Тут, — он указал на бумаги, — маршрут и все данные. Местечко называется Новая Голландия. Очень скучное, аграрно-религиозное. Но тебе скучать не придется. Поскольку пройдешь там курс молодого бойца. И кое-какие науки. Подробности на месте. Да! — Он полез в карман, вытащив оттуда три перетянутые резинкой карточки: желтенькое водительское удостоверение с моей фотографией, голубенькую, с малиновой печатью, “Social Security card” и — золотую кредитку “Америкэн экспресс”.

Владельцем документиков числился, естественно, загадочный Генри Райт. Возможно, уже не существовавший в материальной живой природе.

— Почему не спрашиваешь о зарплате? — Олег, заложив руки за голову, откинулся на спинку стула.

— Да я как-то... и не думал.

— Это хорошо, — кивнул он. — Но деньги на жизнь тебе необходимы и будут у тебя в достаточном количестве. Все. — Он поднялся из-за стола. — Позвоню. Свои координаты, извини, не оставляю. И вот тебе первая истина: чаще всего горят на связи. Самое уязвимое место...

Совершенно секретно.

Для осведомления надлежащему адресату.

Сообщаю, что в результате сравнительной рабочей проверки по файлу ESP-009/05/ 683256 мной выявлен факт подачи заявления о восстановлении в американском гражданстве гражданином России Подкопаевым Анатолием, прибывшим в США по многократной бизнес-визе класса В-1, выданной нашим консульством в Москве.

Ксерокопия паспорта данного лица — в приложении. Виза выдана без интервью, поскольку поступившие в консульство документы находились в папке МИДа России, ходатайствующего о въезде на территорию США официальной делегации русских ученых, специализирующихся в области космических исследований и приглашенных в НАСА на рабочую конференцию.

Из лиц, входящих в состав делегации, Подкопаева А. никто не знает.

Таким образом, приглашение указанного лица в США можно с большой долей вероятности считать умышленно сфальсифицированным.

Настоящий рапорт обоснован на факте присутствия данных вышеупомянутого лица в специальном контрольном файле.

Адрес местопребывания объекта неизвестен. Ксерокопия въездной иммиграционной анкеты также прилагается.

IMFPNYC/0437

Скоростная дорога, шурша под колесами “беретты”, стелилась в глубь провинциальной Америки — чистенькой, с островками особнячков, площадками автомобильных распродаж, бесчисленными заправочными станциями, закусочными, пабами и мотелями.

Если бы не лежавший на щитке приборов листок с деталями маршрута, я бы, наверное, плутал по Америке в поисках затерянного в недрах

штата Пенсильвания нужного мне городка пару недель: трассы то и дело сливались одна с другой, в глазах рябили десятки дорожных указателей, и я, взопрев от напряжения, то и дело сверяясь со шпаргалкой, вспоминал незамысловатые российские хайвеи, где как прешь по прямой, так и прешь, твердо зная, что, если поехал в Калугу, в Ярославль тебе точно не угодить.

А с паучьей сетью безликих многорядных американских дорог все обстояло совершенно иначе, и недаром в одной из телепрограмм, посвященной юмористическим розыгрышам, мистификаторы, поставив будку канадской таможни в теплом южном штате, скрытой камерой снимали обескураженных, однако явно поддавшихся на уловку водителей, которые, хлопая глазами, ошумело рассматривали реюющий над будкой флаг с кленовым листом...

Шпаргалка не подвела: я прибыл в искомую Новую Голландию, припарковал машину у большого кирпичного особняка, стоявшего на пригорке, обнесенном низкой железной оградой. За особняком расстиралось голое заснеженное поле.

Сверился со схемой. Так и есть. Именно в этом здании должен находиться некто Курт Рассел.

Входную дверь мне открыл худенький, невысокого роста старичок в очках.

— Вы — Генри? — спросил он, глядя на меня с явным подозрением.

— Райт, — уточнил я.

— Проходите.

Мы оказались в просторной гостиной, где пылал камин. У камина лежала, настроенно глядя на меня, большая черная овчарка.

— Ну ладно, познакомьтесь с гостем, — произнес старичок, усаживаясь в кресло-качалку с резными подлокотниками, и пес, резво поднявшись, двинулся ко мне, обнюхал равнодушно мои брюки, вновь вернулся на место.

— Меня зовут Курт, — проронил старичок, мерно покачиваясь в кресле. — Мне передали, что вы должны пройти обучение по программе А-3. Это очень простая, начальная программа. — Он, поджав губы, неодобрительно всмотрелся в мое лицо. Сказал не без ехидцы: — Значит, Генри.

— Генри Райт, к вашим услугам, — подтвердил я.

— С языком, вероятно, у вас все в порядке, — продолжил Курт, — но будьте тем не менее критичны к себе: вы — узнаваемый иностранец. Славянского, замечу, происхождения.

— Почему? — удивился я.

— Менталитет, отраженный в ваших глазах, весь облик, в который еще не вьелась эта чертова Америка... Вы еще чужачок. Свеженький и явный. Как чернильная клякса на акварели. Эльза! — внезапно крикнул он.

В гостиную вошла седовласая старушка с розовым кукольным личиком и ярко-голубыми детскими глазами.

— Эльза, будь добра, определи национальность этого молодого человека, — тоном вездельного экзаменатора произнес старичок.

— Он русский, — едва взглянув на меня, ответила старушка.

— Да? А зовут его между тем Генри, так что познакомьтесь...

— Я, кстати, говорю по-русски... — Она пожала мне руку, тепло улыбнувшись.

Я не нашел ничего лучшего, нежели чихнуть в ответ.

— С легким паром! — отозвалась Эльза, имея в виду, вероятно, “будь-те здоровы”.

Собака, зарывчав на мой чих, приподнялась с места.

— Тихо, Кнайт, тихо... — успокоила пса старуха. — Вам нравится наша дворчанка? — обратилась она ко мне.

— Овчарка, — позволил я себе уточнение. — Или вы имеете в виду дворняжку? А может, помесь?

— Овчарка? — призадумалась Эльза. — Но овчарка... она такая порода... мышистого цвета... Нет?

— Какого цвета? — иронично прищурился я.

Старушка застеснялась.

— Ну... такой цвет... — со смущенной хитрецей молвила она. — Ну... Ну, у вас ведь тоже есть эти... — Лукаво заглянула мне в глаза. — Ну, маусы! Которые с хвостом...

— Эльза, принеси нам чай, — прервал нашу беседу Курт.

— Сейчас. — Она сокрушенно взмахнула руками. — Нет, я, кажется, уже стала забывать русский...

Дождавшись ее ухода, Курт продолжил:

— В принципе ваша национальность меня не волнует. Если вы — Генри, так тому и быть. Мне платят за ваше обучение, и единственное, что я от вас потребую, — прилежание. Вы умеете стрелять, молодой человек?

— Из пистолета, из “Калашникова”... — пожал я плечами.

— По какой системе?

— То есть? — не понял я. — Стреляю, и все. Курок веду плавно, не дергаю...

Старичок, пожившись, взглянул на меня, как на придурка. Выдержав паузу, спросил:

— И где же вас учили... так сказать... стрелять? Случайно, не в каких-нибудь конвойных частях эмгэбэ?

Вот старый хрен! И надо же так похода угодить в точку!

— Я чувствую, — проговорил я вдумчиво, — что моя система называется “дупель-пусто”. И мне необходимо для общего развития ознакомиться с вашей.

3

Старичок Курт был очень непростой штучкой. Порой у меня создавалось впечатление, что он в своем наверняка боевом прошлом потрудился на все разведки и контрразведки мира, судя по кратким и емким его замечаниям о методах работы не только ЦРУ, КГБ, английских МИ-6 и МИ-5, но и абвера, гестапо, а также румынской сигуранцы и французской сюрте-женераль.

Курт обучал меня некоторым шпионским наукам, должным, по мнению, видимо, Олега, пригодиться мне в дальнейшем: проведению слежки и отрыве от нее, мероприятиям самопроверки, психологии, языку произвольных жестов, выходу на связные тайники и грамотному отходу от них, приемам адаптации в различных социальных сферах...

Занятия проходили с шести утра до позднего вечера с перерывом на обед, который нам готовила румяная старушка Эльза, и послеобеденным моционом в сопровождении пса, отменно выдрессированного по специальности собаки-телохранителя. Моцион также посвящался какой-нибудь лекции — к примеру, каким образом отбиваться от караульных псов и проникать на охраняемые ими территории.

После занятий я отбывал в ближайший мотель, где коротал ночь.

Иногда я мотался в Нью-Йорк, используя перерывы в занятиях с дошным Куртом.

Мне нравился Нью-Йорк. Весь. Целиком. С ослепительными порталами зданий делового центра, руинами и пустырями Южного Бронкса, европейской частью Куинса, где я жил, и аляповатым, грязеньким Бруклином. Он, Нью-Йорк, день ото дня становился моим городом. Обретенным.

Проведя очередные выходные в Нью-Йорке и прибравшись в квартире, я уже собрался отбыть в постылую Пенсильванию, как вдруг позвонил Олег. Поинтересовался, продвигается ли в бюрократических недрах иммиграционных служб мое заявление о гражданстве.

— В пятницу говорил с адвокатом, — доложил я. — Пока ничего, молчат. Так что поехал к дедушке Курту, постигать порочные науки.

— Не угадал, — сказал Олег. — Ты поедешь в Бруклин, на Кони-Айленд-авеню. Дом 2678. В нем на первом этаже туристическое бюро. Там для тебя конвертик. В конвертике билетик и пять килобаксов наличными. Сегодня же вылетаешь в Детройт. Из Кеннеди. Компания "TWA". Терминал местных авиаций. Все понял?

— Да, но зачем?

— Для практических занятий, дружок. И приобретения необходимых навыков.

— Что с собой брать?

— Спортивный костюм, кроссовки, шапочку.

В турбюро мне вручили пухлый пакет, где были деньги, билет с открытой датой обратного вылета в Нью-Йорк и карточка с адресом находящегося в Детройте почтенного отеля "Hyatt", где мне был забронирован номер.

Через несколько часов такси везло меня по жутковатой столице американского автомобилестроения, расположенной в штате великих озер Мичиган, — городу без тротуаров, воплощающему собой огромную парковочную стоянку с миллионами машин, с многоуровневой сетью эстакад, с черными стеклянными зубьями теснящихся небоскребов даунтауна и с безлюдными, заброшенными кварталами многоэтажных домов и особняков, частью выгоревших, с проросшим деревьями кирпичом...

Отель "Hyatt" представлял собой островок безопасности и уюта в этом чертовом котле индустриального американского созидания расплзаю-

щихся по стране четырехколесных механизмов с эмблемами “Форд”, “Крайслер” и “Дженерал Моторс”.

Я едва успел принять душ, как раздался стук в дверь: на пороге стоял Олег, державший в руке объемистую сумку.

Мы присели за журнальный столик.

Вытащив из гостиничной папки лист бумаги, он произнес:

— Времени у меня мало, слушай инструктаж... Здесь, — ткнул мыском ботинка сумку, — все необходимое. Задача же такова...

Щелкнула кнопка авторучки, и чернильный шарик прочертил на листе первую линию...

Одетый в тяжелый бронежилет с металлическими пластинами, покрытыми пористым пластиком, я сидел с прибором ночного видения в “линкольне”, наблюдая через его затемненное стекло за складским ангаром, обнесенным высоким сетчатым забором, чей козырек оббивали рулоны блестящей металлической ленты с выступающими из нее плоскими бритвенными гарпунами шипов.

Рядом на сиденье лежал “Wildey” с самым длинным, десятидюймовым стволом, оснащенным набалдашником глушителя и лазерным прицелом, — какой-то крокодил, а не пистолет. Тяжелая артиллерия.

Возле ангара, в небольшом пустынном дворике, стояли две машины: “форд-мустанг” и “крайслер нью-йоркер”.

Над ангаром тянулась эстакада, нависая своим черно-желтым закопченным бетоном над мертвым безлюдьем улицы, серо рябившей уходящими во тьму жалюзи гаражей и лавчонок, торгующих дешевыми крышками и подержанными автозапчастями. Кричащие пестротой вывески над лавчонками были нелепо-зловещи безмолвной своей клоунадой в запустении этого мрачного железобетонного закоулка, окутанного дымным пространством промозглой ночи.

Иногда я прикладывался к окулярам прибора, словно срывая с окружавшего меня мира и открывая его суть, нутро — черно-зеленую кашу размытых линий...

Где-то в темных проемах бетона засели снайперы из нашей группы, две машины поддержки стояли чуть поодаль от моего “линкольна”, и наушник, укрепленный на обруче, охватывающем голову, вкрадчиво шуршал эфирными помехами...

Ворота ангара раскрылись. Белым сиянием полыхнули фары выезжающего из них грузовика с серебристым съёмным контейнером.

Двор заполнили темные фигуры людей. Вооруженных — я отчетливо различил стволы в их руках.

— Приготовились, — донеслось из наушника.

Я поправил черную вязаную шапочку, плотнее уместив ее, и слегка приоткрыл дверь машины.

“Мустанг” выехал за ворота и встал бок о бок с “линкольном”. В салоне мной явственно различались два мужских силуэта.

Следом отправился грузовик — притормозил, пыхтя мощной пневматикой, у заднего бампера “мустанга”. Подтянулся и “крайслер”.

Некоторое время кавалькада стояла недвижимо: запырался ангар и въездные ворота — незнакомцы покидали территорию склада, рассаживаясь в автомобили сопровождения.

В наушнике заметались голоса:

— Я — “первый”, “мустанг” мой, можете не отвлекаться...

— Я — “второй”, грузовик освоен, готов...

— Я — “третий”, нужна поддержка по “крайслеру”, их четверо...

— ... беру левую сторону “крайслера”...

— Я — “главный”, — раздался голос Олега. — Приказ “пятому”: все внимание на “мустанг” и на правую сторону “крайслера”.

“Пятым” был я, судорожно сжимающий широкую рукоять пистолета.

— “Пятой” готов, — шепнул я в шершаво коснувшийся губ защитный поролон микрофона, прикрепленного к обручу тонкой провололочкой.

Послышались сухие щелчки, и на лобовом стекле “мустанга” практически одновременно возникли два матовых кружка. Черные профили водителя и пассажира как бы легонько вздрогнули, качнулись назад...

Я выскользнул из “линкольна”, боковым зрением отметил грузно обвисшего в оконном проеме водителя грузовика и падающего, неуклюже взмахнув руками, как зазевавшийся вратарь, поздно увидевший мяч, человека в длинном плаще, стоявшего у распахнутой задней дверцы “крайслера”. Обогнул, низко присев, капот своей машины и, качая корпус в ожидании выстрела, рванул на себя дверцу “мустанга”, просунулся в салон, увидев перед собой две черно-красные, безучастные маски...

Снайперы знали свое жестокое дело.

— Я — “пятый”, с “мустангом” кончено...

Я потянул на себя тело водителя, прикрываясь им от возможных выстрелов со стороны “крайслера”, свалил его на асфальт, тут же проверив, торчат ли ключи в зажигании... порядок... ручка пассажирской двери... толчок в плечо обмякшего мертвого толстяка, неохотно вывалившегося в темень... дверь закрыть...

— Я — “пятый”, “мустанг” чист...

Олег:

— “Пятой”, к обочине...

Я пустил двигатель, не глядя перевел рукоять переключения передач книзу и, газанув, резко вывернул руль, взгромоздив “мустанг”, проскрежетавший подвеской по бордюрному камню, на узкую полосу тротуара, освободив таким образом дорогу для грузовика.

— Я — “четвертый”, работу закончил...

— Я — “третий”, порядок...

— Я — “второй”, ухожу...

Олег:

— Всем. Из поддержки. Обыскать трупы. Взять документы.

Вот же совсем забыл...

Я выскочил из машины и, сунув пистолет под мышку, быстро обшмонал толстяка, вытащив “кольт” из его кобуры и взяв бумажник.

Водитель, молодой черный парень, был отчего-то не вооружен, и мне пришлось вновь возвратиться к “мустангу”, где на полу обнаружился “узи”.

Грузовик взревел дизелем, тронувшись с места.

— Отъезд, — устало скомандовал Олег.

Я побросал оружие и бумажники в багажник “линкольна”, стараясь не поддаваться неожиданно охватившей меня панике, медленно вывел машину на магистральную трассу и покатил, дрожа как в лихорадке, к отелю.

Запарковав машину на стоянке возле отеля, стянул с себя бронези-лет, защитные наколенники и перчатки. Сложил все свое диверсионное оборудование в сумку и, оставив ее в багажнике, прошел в сияющий мраморный холл, к кабинке лифта.

Поднявшись на свой этаж, вытащил из-под плевательницы пластиковую карточку-ключ и вошел в номер, брякнувшись на диван в опепеленном шоке от того страшенького кино, участником которого мне довелось побывать. Или это сон?..

Зазвонил телефон.

— Ну чего? — бодро спросил Олег. — Есть желание перекусить?

— Да как-то...

— Давай-давай, без соплей. Я внизу, в ресторане. Шлепнем винца, зажужим креветкой...

В ресторане за кремового цвета скатертью сидел мой неизменно невозмутимый шеф: серый, с матовым отливом пиджак, черная водолазка, короткая стрижка, тонкий нос и неподвижный, как бы пустой, взор, источавший жуть...

Я впервые обратил внимание, что левый его глаз смотрел через какой-то испытующий прищур, а правый округло выдавался из-под век, будто упрямо направленный сквозь пространство в одному ему ведомую цель.

— Садись, боец, — сказал Олег. — Имеешь право на отдых.

— Да чего я сделал-то? Поприсутствовал... — хмыкнул я.

— Ну, всяко могло повернуться...

Некоторое время мы молчали.

— Почему не интересуешься тем, что было в грузовике? — спросил он насмешливо.

— А чего там могло быть? — пожал я плечами. — Грузовик бандитский — значит, или оружие, или наркотики. Нет?

Олег не ответил, устало потирая пальцами щеку.

— Мне другое интересно, — продолжил я, стараясь не глядеть ему в глаза. — Судьба этого груза. Неужели мы отняли его, чтобы перепродать?

— Моральная сторона волнует?

— А это что, глупо?..

— Напротив. Но моральная сторона должна для тебя заключаться в одной формулировке: любой вред Америке — в пользу России. Потому что данный принцип имеет зеркальное отражение. А сегодня мы, доложу тебе, оказали и некоторую услугу американскому народу, избавив его аж от восьмерых членов устойчивой, как говорится, преступной группировки. А чего у тебя такой кислый вид-то, а?

— Я не думаю, — ответил я, — что с моей стороны будет честно подпрыгивать сейчас от переполняющего меня восторга. А отношения у нас, как понимаю, искренние... Зачем же их портить двуличием? Сделали мы противную и грязную работу, ну и ладно. Давай выпьем! — Я наполнил бокалы.

— Что ж, — произнес Олег с некоторой запинкой, — такая точка зрения меня тоже устраивает. Без эмоций — оно даже лучше. Но все-таки просьба: побудрее, пожалуйста, пооптимистичнее... Ага?

— Насчет оптимизма — это ты напрасно, — возразил я. — Этого добра навалом. Его вообще необходим огромный запас, чтобы находиться в такой компании, как наша.

4

Утром на обозначенном месте встречи в Бруклине я получил краткий инструктаж от Олега и, пристроившись в хвост его юркому спортивному "доджу", покатил в небольшой городок близлежащего штата Коннектикут.

В семь часов утра мы запарковали свои машины на сонной улочке, застроенной одинаковыми двухэтажными коттеджами, и погрузились в ожидание...

Машина Олега с затемненными стеклами, в которой находились еще двое не известных мне парней, стояла в сотне метров впереди моей, на противоположной стороне улицы, напротив домика, за которым велось наблюдение.

Следуя инструкции, я выдавил на ладонь из тюбика, не имевшего никаких опознавательных надписей, тонирующий крем и, глядя в зеркальце заднего обзора, намазал им лицо, отчего моя кожа приобрела какой-то нездоровый желтоватый оттенок, затем напялил, сдвинув на лоб, выданную мне широкополую шляпу, приклеил рыжеватые усы и надел очки в роговой оправе с дымчатыми стеклами, напрочь изменив облик и в считанные минуты постарев лет на двадцать.

— Двигатель не выключай, — донеслось предупреждение Олега из рации, лежавшей на пассажирском сиденье.

— Понял.

Я был опустошенно, чугуно спокоен. И в мыслях моих царил безразличная мертвая зыбь...

— Толя... пошел! — проговорила рация.

Я тронулся с места и, глядя, как уходит вверх жалюзи пристроенного к дому гаража, повернул в сторону его зева, откуда выкатывался темно-синий спортивный "мерседес".

Нос моей простенькой "беретты" замер в метре от хромированной облицовки радиатора автомобиля состоятельных американцев.

Несколько прихрамывая, чуть задрав правое плечо, с очками, сползшими на нос, призывно махая ладонью, я шагнул к "мерседесу", полностью, думаю, соответствуя надлежащему образу этакого нескладного хмыря-ботаника с физическим врожденным дефектом.

— Простите великодушно, сэр, — рассыпался я в извинениях, — не ведаете ли, где здесь Пемброк-стрит?

— Чего тебе? Какая стрит? Ай донт ноу* , убирай машину, хрен с горы...

— What?..** — Приложив ладонь к уху, я придвинулся к морде поближе, зыркнув в салон “мерседеса”. Кроме водителя, в нем никого не было, что меня весьма устраивало.

— Get the fuck out here! — рявкнул бывший советский бюрократ любовно заученную, видимо, фразу — английский аналог близкого его сердцу выражения, на родном языке означавшего “пошел ты на...”. И — потерял сознание.

Ребром ладони, сжатой в кулак, я стукнул его в висок, распахнув дверь “мерседеса”, рывком втиснулся в салон, откинул водителя на место пассажира и подал машину назад, обратно в гараж.

Олег в это время уже отруливал в сторону на моей “беретте”, а парни, вышедшие из “доджа”, неспешно направлялись составить компанию мне и трудно приходившему в чувство краснорожему.

Я приспустил жалюзи и зажег в гараже свет.

Один из парней, оперев хозяину дома пистолет в лоб, звонко передернул затвор. Прием, приводящий психику жертвы в большое смятение эхом долгого лязга железа в ушах и ожиданием обжигающего выстрела.

— Кто сейчас дома? — доверительным голосом осведомился парень.

— Жена... Дочь... Они спят...

— Будем вести себя тихо, да, дядя?

— Д-да...

Жалюзи, звякнув, опустились до пола — в гараж вошел Олег. Тоже в гриме, в черном парике, с контактными карими линзами на глазах, искусно слепленным шрамом на щеке и родинкой в крыле носа...

Глазами указал парням на лестницу, ведущую из гаража в холл дома.

Затем, ухватив краснорожего, чьи щеки, впрочем, приобрели синюшный оттенок, за ворот пальто, грубо выдернул его из машины и сбил подсечкой на кафельный пол.

Тот слабо похрюкивал, налитыми ужасом глазами глядя на нас и сжавшись в комок. Всю его вельможную спесь как вихрем снесло.

— Кого-нибудь сегодня ждешь? — тихо спросил Олег.

— Н-нет...

— Ну, давай поднимайся, пол холодный... — Он протянул жертве руку.

— И шел в дом... Кофе у тебя есть?

— Что?

— Кофе, говорю, есть?

— Да...

— Угостишь, не покупишься?

— Да пожалуйста! — выдохнул тот едва ли не с восторгом. — Да я...

— Па-ашел! — Олег подтолкнул к лестнице тычком в спину его одеревеневшее от страха тело.

Мы поднялись в дом, пройдя в гостиную.

* — Я не знаю. (англ.)

** — Что? (англ.)

Там под надзором членов нашей боевой группы, сторбенно сидя на стульях, томились две женщины с сонными и перепуганными лицами, в наспех накинутых на ночные рубашки халатиках — жена и дочь хозяина дома.

— Садись, — указал Олег краснорожему на низкий диванчик, стоявший в гостиной.

Тот хмуро повиновался.

— В общем, так, — продолжил Олег ровным, вежливым голосом. — Мы приносим извинения дамам за причиненные неудобства, однако таковые, увы, неизбежны. Вы, Федор Фомич, — обратился он к хозяину дома, — тому виной. Теперь о нас. Мы не бандиты, а те, кого вы так боялись, когда, убежав из страны с ворованными на ее нефти деньгами, обратились в ФБР, попросив и убежища, и смены фамилий — своей и уважаемых дам, с которыми находитесь в родственных отношениях. Что ж, опеку ФБР вы себе выклянчили, правда, информацию всякого рода дали американцам протухшую, неактуальную, я даже не понимаю, почему они вам навстречу-то пошли, даже странно... Хотя, с другой стороны, напор у вас есть, сочинять умеете... Но это, — вздохнул, — все равно вас не спасло, как видите.

— Чего вы хотите? — просипел Фомич, упорно глядя себе под ноги. Кончик носа у него побелел и заострился, как у покойника.

— Чего мы хотим... — повторил Олег, пройдя в сторону кухни и оставившись возле облепленного пластиковыми бананчиками и клубничками на магнитах холодильника. — Мы хотим... — Он взял с холодильника кипу почтовых отправок. — Мы хотим вернуть украденное вами стране. И ничего больше.

— Хм... — произнес Федор Фомич, взглянув на него злобно блеснувшими глазками. — Не получится. Деньги в Швейцарии, в Америке ничего нет...

— Я знаю, — доброжелательно кивнул ему Олег, просматривая конверты и вынимая из одного листок с ежемесячной банковской отчетностью. — Так, — наморщил он лоб, — сколько у вас на счете в Сити-банке? Ага, сорок семь тысяч...

— Вот видите, — настороженно проговорил хозяин дома. — Всего-то.

— Вот вижу, — ответил Олег. — А миллионы, значит, храним в Швейцарии, подальше от налоговой службы США, да?

Жертва позволила себе вымученную улыбку.

— И от нас подальше, — снова вздохнул Олег. — Да, хитрый вы, Федор Фомич, человек, многомудрый... — Он посмотрел в упор на жену хозяина, опустившую глаза и судорожно ухватившуюся ладонями за плечи. — Да вы не бойтесь, — успокоил ее он. — Никто вас не тронет. Ни вас, ни вашего ушлого супруга, если он, конечно, выберет правильную линию поведения... Вы ее выберете, Федор Фомич?

— Ну... — протянул тот неопределенно.

— Вот и хорошо. Тогда объясню вам, что мы сейчас будем делать. Сити-банк, с которым вы имеете деловые отношения на территории Соединенных Штатов, имеет, в свою очередь, деловые отношения с банком Швейцарии, где находится искомая сумма. Потому мои люди доведут вас до Сити-банка, куда вы пройдете со своим, так сказать, адвокатом,

которому я сейчас перезвоню, и тот поможет вам перевести деньги из Европы в Азию на необходимый счет... Очень простое и легкое действие, заставьте. Вы все поняли?

— Да... — выдохнул хозяин дома хрипло.

— Нет, не все, — сокрушенно покачал головой Олег. — Вы не поняли, что вас могут посетить безграмотные соблазны... Какие? Объясняю. Может, вы попробуете написать записочку менеджеру, что с вас вымогают деньги, может, попросту заорете: “Караул, грабят!” — кто ведает... Однако открою секрет: все ваши резкие телодвижения нами давно спрогнозированы и учтены. Между банком и этим домом будет налажена, вопервых, радиосвязь, а во-вторых, любая ваша самостоятельность неизбежно закончится не только гибелью вашей семьи, но и собственной. — Он достал из кармана цилиндрок с пластмассовой крышкой. Пояснил: — Это очень интересные таблеточки. Одну вы положите себе под язык, и буквально в считанные секунды она рассосется. Не скрою, Федор Фомич, вы примете яд. От которого вас никто не откачает. — Он поднял вверх палец. — Кроме меня, владеющего противоядием. К сожалению, не могу гарантировать вам отсутствие неприятных ощущений. Головная боль, тошнота, резь в глазах... Но через двое-трое суток все пройдет, так что и врач не понадобится. Я бы сравнил это состояние с сильным похмельем. А что для вас какое-то похмелье. Привыкать, что ли?

— Вы оставляете меня нищим... — промолвил, тяжело дыша, Федор Фомич.

— Отнюдь! — качнул головой Олег. — У вас собственный дом; второй этаж можете сдать в аренду... У вас сорок семь тысяч на счете в Америке. У вас, наконец, новый и очень дорогой автомобиль представительского класса. Вы гораздо состоятельнее многих и многих из тех, кого ограбили в России. Ничего себе — нищим! Когда-то вы были учеником токаря, Федор Фомич. Ходили в драных штанах и превосходно себя чувствовали. Откуда такие непомерные аппетиты? Ничего страшного на самом деле не происходит. Вы отдаете краденое, а не заработанное. А как деньги зарабатываются, придется вспомнить. Сядете, подавив гордыню, за руль своей машины, поедете в “Лимузин-сервис” и найметесь на работу. И станете, как положено нормальному человеку, в трудах обретать праведный хлеб свой.

— А гарантии?..

— Гарантии. — Олег помедлил. — Знаете, вы ведь уже вступали в отношения с нашей организацией. Тогда, в эпоху социализма, когда шли на точную посадку за хищения в особо крупных, помните? Ну вот. Вам давались тогда гарантии? В обмен на сотрудничество? Что вы молчите? Давались?

— Да.

— Видите... А потом вы же сами говорили одному своему приятелю: если комитетчики чего обещают, все выполняют тютельница в тютельница. Имея в виду, вероятно, заранее обозначенные сроки вашим подельникам и личную вашу неприкосновенность, не ошибаюсь? Я спрашиваю: не ошибаюсь?!

— Нет...

— Тогда хочу вас уверить: мы храним традиции. И обещанное выполняем. А потому, в дополнение к сказанному, прибавлю, что, если ин-

формация о нашем контакте впоследствии уйдет куда-либо на сторону, пощады не ждите. — Олег взял лежавший на столе лист банковского отчета клиенту, затем, оставив его в сторону на вытянутой руке, посмотрел в окно с открытой верхней частью фрамуги и, вытащив из кармана теплой кожаной куртки рацию, произнес в нее: — Продай-ка талант, голубчик...

Звякнуло разбитое стекло висевшего на стене фотопортрета, запечатлевшего достопочтенное семейство обитателей дома. Пуля снайпера точно пробила отчет, но и подпортила фотографию, с мистической точностью угодив в лоб широко и радостно улыбавшегося на карточке Федора Фомича, в актуальной действительности напрочь утратившего какую-либо жизнерадостность.

Женщины смотрели на пробитый пулей портрет с выражением обморочного испуга.

— Теперь так... — Олег неторопливо закурил. — Позволим себе, с разрешения хозяев, по чашечке кофе, и пора, думаю, трогаться в банк. Еще один очень важный момент, Федор Фомич. Я понимаю безрадостное состояние вашего духа, но придется вам все-таки проявить некоторое актерское мастерство. У вас должен быть вид весьма уверенного, довольного жизнью человека. Если у окружающих возникнут какие-либо сомнения в вашем сегодняшнем благополучии, вы заплатите за эти сомнения жизнью. Так что войдите в привычный образ. А сейчас проведем репетицию. Вы ведь ехали обстригать дело с неким Семеном? На переговоры? Вот и позвоните Семену, скажите, что после долгих раздумий вы отказываетесь от совместного с ним бизнеса. Скажите: "Хватит мне всякого риска, в том числе и коммерческого. Устал, мол..." Ну, — кивнул на телефон, — набирайте номер... Или вам помочь?

Федор Фомич, крикнув, встал со стула и снял трубку.

В этом доме мне пришлось просидеть, выполняя караульно-конвойную службу по надзору за домочадцами, трое практически бессонных суток — пока не свершились все банковские таинства по переводу денег.

Перед отбытием из Коннектикута Олег вручил мне пятнадцать тысяч долларов, наказав хорошенько отдохнуть пару деньков, а потом отправляться для продолжения обучения к заждавшемуся меня таинственному старичку Курту.

В очередной раз возвратившись из Пенсильвании в Нью-Йорк, я, следуя разработанной схеме, позвонил из уличного автомата домой к Жене, спросив, не интересовались ли моей персоной иммиграционные власти, или же не приходило ли мне, случаем, какое-либо письмо.

— И звонили тебе, и письмо прислали, — ответил Женья.

Я вызывался в иммиграционные службы США для "интервью" по окончательному решению вопроса о предоставлении мне гражданства.

— Э, Толя, а ты, оказывается, американец, а молчал! — вступил в разговор Евгений. — С тебя причитается. Когда письмо заберешь?

— В ближайшее время, — ответил я.

— Давай, я жду. С нетерпением.

Завершив разговор со своим “почтовым ящиком”, я перезвонил адвокату, уверившему меня, что дело он уже в принципе выиграл, а на “интервью” сходит вместе со мной.

Я тут же набрал номер московского связного телефона. Смешно, но с Олегом в крайних случаях мне надлежало связываться через российского абонента. А может, не так уж и смешно — Олег знал, что делал, и левой рукой правое ухо чесать бы не стал.

Связались мы с ним через неполный час, и моими новостями он был несколько обескуражен.

— Так, дай подумать... — сказал озабоченно. — М-да... Твой Женя и твоё “интервью” — наверняка капканы, понимаешь? Как только ты где-то засветишься, тут же и начнется мельтешение бойцов незримого фронта.

— Ты говорил уже...

— Полезно и повторить. В общем, так. Через час на Вест-восьмой, в скверике. Выработаем программу действий. Этот Женя... поддавальщик вроде, ты говорил?

— Любитель...

— А почему не профессионал?

— А профессионалы не напиваются.

— Логично...

Вот и все, что сказал человек из легенды о человеке из анекдота.

Совершенно секретно. Срочно.
“ПЕРВОМУ”.

Докладываю, что, как и ожидалось, искомый объект вышел на связь по интересующему его личному иммиграционному вопросу со своим адвокатом и со связным некомпетентным абонентом, проживающим в Бруклине.

Разговоры велись из уличных телефонов-автоматов, полагаю, из соображений конспирации.

Время и место “интервью” на Federak Plaza, 26, согласовано.

Претендент имеет все законные основания для восстановления в гражданстве и препятствовать его требованию считаю нецелесообразным.

Главной нашей задачей полагаю выяснение постоянного места пребывания объекта и установление за ним круглосуточного наблюдения с применением необходимых технических средств, что позволит выявить его вероятные связные контакты.

“ЧЕТВЕРТЫЙ”.

На следующий день, созвонившись с адвокатом, я сел в поезд “F” подземки и с пересадкой на “четверку” поехал из Куинса в Манхэттен, на станцию “City Hall”, то есть к муниципалитету города Нью-Йорка, откуда до небоскреба, где располагались иммиграционный департамент и ФБР, было рукой подать.

Отстояв очередь при входе в здание, я миновал раму-металлоискатель и очутился в просторном многолюдном холле, узрев поджидавшего меня адвоката.

Мы поднялись в лифте на нужный этаж и оказались в кабинете, где оплывшая чернокожая женщина в белой форменной рубашке с блиставшими золочеными буквами "U.S. Immigration" в уголках воротника предложила нам присесть поближе к ее письменному столу и, раскрыв папку с моим делом, посыпала вопросами, в числе которых были те, что внушали Олегу немалые и наверняка очевидные опасения.

Как он уверял, коли таковые вопросы прозвучат, значит, к моей персоне проявили интерес спецслужбы, я подвис на их крючке и, покидая здание, должен сделать следующее: застегнуть две нижние пуговицы пальто, что послужит сигналом тревоги для прикрывающей меня группы наблюдения.

— Вы прибыли в Соединенные Штаты по бизнес-визе, — сказала чернокожая строгим голосом. — Какая организация вас приглашала сюда?

— НАСА, — ответил я.

— В качестве ученого?

— Нет, переводчика.

— Но вы фигурируете в приглашении как молодой ученый...

— Я не писал себе никаких приглашений. И, добавлю, не заполнял консульской анкеты.

Это мое уточнение было весьма и весьма нелишним. Оно напрочь устранило возможность претензий ко мне по поводу дачи заведомо ложных выездных данных.

— Кроме того, вы вылетели в США из Германии, — напирала дознавательница.

— Да, — прямо взглянув ей в глаза, ответил я. — Дело было так: один мой знакомый предложил слетать в качестве переводчика с делегацией русских ученых. Он взял мой паспорт, вернув его мне уже с американской визой. Но... к тому времени у меня пропало желание к выполнению подобной работы. Однако созрела идея вернуться туда, где я когда-то появился на свет. И вот — здравствуйте...

— Здесь нет ни малейшего нарушения закона, — вставил адвокат.

Чернокожая офицерша, неодобрительно посмотрев на меня, вымолвила без тени какого-либо энтузиазма:

— Ваше заявление о восстановлении в гражданстве удовлетворяется. Вы можете в течение ближайших дней прийти в офис "Social security" и подать там заявление о выдаче карточки. — Она грузно поднялась из-за стола, протянув мне руку. — Я поздравляю вас, мистер Подкопаев.

Я вяло пожал ее пухлую кисть, думая, что, как только выйду из кабинета, эта мадам сейчас же отзвонит куда положено, и за мной потянется хвостик из квалифицированных специалистов по слежке.

Выписав адвокату чек, я застегнул пальто и тронулся к станции сабвея, направляясь в Бруклин, к Евгению, дабы отметить с ним, по предписанию Олега, свое зачисление в личный состав разноплеменного американского народа.

Я шел не торопясь, зная, что люди Олега сейчас занимают необходимые позиции вдоль маршрута моего следования, обладая значительным преимуществом в своем знании графика передвижений перед "наруж-

кой" спецслужбы, которую они должны будут выявить и в решающий момент отсесть.

Начиналась ловля на "живца"... И за мной сейчас, наверное, ринулись из зарослей небоскребов голодные и зубастые щуки.

Похмельный Женя встретил меня любовым наболевшим вопросом:

— Когда отмечаем?

— Сегодня, — сказал я, — но попозже. А сначала помоги мне в одном деле — довези до социальной конторы, надо накропать заявление.

— Тут есть близости одна, недалеко от госпиталя, — вступила в разговор Квазиморда. — У меня там знакомая...

— Поможете?

— Но тогда мы уж точно отметим! — подала голос меркантильная Женина падчерица.

— Возражений не услышите, — сказал я.

— А можно, я своего приятеля приглашу? — спросила брюнетка. — Он солидный человек, дилер по подержанным авто, вам просто необходимо с ним познакомиться. Очень полезная связь!

— Чем больше народа, тем лучше, — ответил я фразой из инструктажа Олега.

В социальной конторе мы провели около получаса: знакомая Квазиморды, напоминая ее и по возрасту, и по облику как сестра-близнец, что-то подчеркнула красным фломастером в моем заявлении, пощелкала клавишами компьютера и сказала, что карточку я получу в течение двух недель по указанному мной в прошении Жениному адресу.

Очень довольный, в сопровождении семенящих за мной дам, я последовал к "кадиллаку", где томился за рулем, изнывая от унылой трезвости и муки абстинентного синдрома, мой прежний домовладелец.

— Что-то шашлычку хочется... — выдохнул он, едва я уселся рядом с ним на сиденье.

— Давай куплю, — сказал я, кивнув на тележку с уличной жратвой, дымившуюся густым аппетитным паром на углу улицы.

Евгений смерил меня надменным взглядом. Произнес заветное:

— Я — белый офицер... Уот уи ар токинг эбаут, *воще? Извините, что по-английски. Шашлык должен быть также в белой тарелке, тарелка — на белой скатерти...

В зеркальце заднего обзора я увидел вдумчиво кивающих в полнейшем согласии со словами Евгения Квазиморду и ее дочурку.

— Тогда — в ресторан! — изрек я.

И "кадиллак" озарила вспышка радостного халявного восторга.

Правда, Евгений, воспользовавшись ремарочкой из своего репертуара, заверил, что беспокоиться мне не следует, поскольку первый полтинник платит, конечно же, он.

Покуда падчерица Евгения отзванивала из уличного телефона своему кавалеру, являвшему, по-видимому, последний оплот ее надежды на

* О чем мы говорим? (англ.)

брачный союз, Женья, вконец изморенный алкогольным терзанием, решительно двинулся в ближайший бар, потащив туда и меня.

Я присел у окна, глядя, как Евгений — с заплывшими глазками на опухшем похмельном лице, в затрапезных узких брючках, суетливо, двумя пальчиками берет рюмку вермута у стойки и на цыпочках идет с ней к столику, восхищенно шепча:

— Да тут настоящая поликлиника...

В бар ворвалась взбешенная долгим ожиданием Квазиморда:

— Так мы идем в кабак, или нет?.. Ёся уже прибыл.

Ёся — торговец подержанными колымагами, индивидуум лет сорока пяти, тучного телосложения, с упруго выпирающим брюшком, козлиными, навывкате, глазками прожженного мазурика, глубоко запавшими тонкими губками, скрытыми в клочковатой бородке, ранее, проживая в доэмигрантской советской действительности, как мне пояснил Женья, имел статус религиозного деятеля, то бишь раввина, однако в условиях жесткой американской конкуренции в тусовку местных служителей культа не попал, выбрав себе стезю автомобильного дилера.

В среде эмигрантов Ёся именовался как "Попик". Предваряя мое знакомство со специалистом по перепродаже автотранспортных средств, Женья не без зависти открыл мне секрет главной Ёсиной махинации: на закрытых дилерских аукционах тот приобретал по дешевке заезженные машины престижных марок, страховал их по цене, в несколько раз превышающей стоимость по реальному номиналу, а затем имитировал угоны, поджоги и аварии, получая изрядный наварец.

— Ты что-то не в настроении, милый... — участливо обратилась Женья падчерица к своему суженому, погладив его по спутанной бороде.

— А! — отмахнулся тот. — Эти хамы в страховой компании... Представляете, я даю менеджеру документы, он сверяет их с компьютером, ставит резолюцию и бросает их мне в лицо! Подавись, дескать! А я что, виноват в угоне своей машины?.. — закончил он трагически.

— Менеджер посмотрел на компьютер, — прокомментировал Евгений с лукавой ехидцей, — увидел, что за год у тебя угнано двадцать машин... Или больше, а?

— Примерно! — ответил Ёся с вызовом. — Но это еще не основание...

— Что будете пить? — прервал его официант.

— Мне грамм двести "Смирновской", — ответил Ёся.

— Мне тоже, — сказал Евгений.

— А мне, чтобы вас лишний раз не отвлекать, — молвила Квазиморда, — принесите уж сразу пол-литра, пожалуйста...

— Это верный ход! — оживился Евгений. — Билив ми ор нот! Я вношу поправку: аналогично! И — шампанского!

Я посмотрел в окно.

У счетчика парковочного времени стоял человек в кожаной бежевой куртке, из кармана которой торчала свернутая трубочкой газета.

Это был сигнал: меня пасут, и значит, в действие вступает многоступенчатая схема отрыва от "наружки".

— Женья, — спросил я, без аппетита пережевывая качественно приготовленный шашлык по-карски. — Есть вопрос: если мы сегодня как сле-

дует погуляем... — Я выжидательно посмотрел на дам. — Вы, надеюсь, не против как следует погулять?

— О чем базар... — произнесла Квазиморда по-русски.

— Так вот. Могу ли я рассчитывать на ночлег у вас?

— Толя, мне смешно слушать о пустяках, — молвил Евгений с укоризной.

— Тогда... — Я поднял рюмку. — Предлагаю тост за вас, своих верных друзей... Билив ми ор нот!

— Не пойдет! — возразил Евгений. — Сначала за тебя, Толя, узаконенного янки! — Гусарским жестом он открыл бутылку с шипучим вином, хлыбстнувшим из горлышка и обильно окропившим дам, принявшихся, ворча, судорожно отряхиваться.

Не обращая внимания на эти пустяки, Женя разлил пенящийся напиток по бокалам, щедро смочив им и скатерть.

К вечеру ресторан до упора заполнился шумными обитателями Брайтон Бич, ожила эстрадка, грянув приклатненными фольклорными мотивчиками, закипело пьяное веселье, и тут к нашему столику подсел какой-то сухощавый лысый тип с беспокойно бегающими глазами и, обратившись к Ёсе, неторопливо вкушавшему фаршированную щуку, прямо и твердо произнес:

— Вот я тебя и нашел, падлу.

— Не понял, — опасливо на него покосившись, молвил автомобильный дилер.

— Ты мне когда “линкольн” продавал, сказал, что на спидометре честные двадцать тысяч миль?

— Да, — уверенно подтвердил Ёся.

— А он сто сорок проехал! Тысяч! И спидометр тебе Абраша-электронщик на двадцатку вывел... И он же масло специальное в движок залил, чтобы тот еще с недельку продержался... Движок-то убитый был, Ёся, и ты знал...

— Клевета.

— Тебе очную ставку с Абрашей устроить?

— Господа, — степенно вмешался в разговор Евгений, — вы прямо как дети. Это Америка! Сегодня одевают тебя, завтра ты обувашь гардеробщика...

— Вот именно, — буркнул Ёся, тщательно прожевывая щуку.

— А ты-то, прыщ, чего влезаешь?! — обратился лысый к Евгению. — Давно в очки не получал?

— Я белый офицер... — произнес Женя, отставив в сторону рюмку. — И попрошу...

Лысый вдруг сморщился и — смачно плюнул желтой пенистой слюной в тарелку оторопевшего Ёси.

— Приятного аппетита, пошк! — пожелал угрожающим голосом и отправился за свой стол, за которым восседали его дружки — трое громоздких, с явно уголовными мордами типов, недружелюбно посматривающих в нашу сторону.

Ёся, держа вилку наперевес, картинно рванулся в направлении своего обидчика, но был удержан дамами, призывающими не затевать скан-

дала, и, с готовностью им подчинившись, брезгливо отодвинул от себя оплеванные остатки блюда, драматическим шепотом пробормотав:

— Цена человеческой благодарности... Я этот “линкольн” вылизывал три дня буквально собственным языком...

— Билив ми ор нот! Но я... как офицер... в присутствии дам... и адамов... — Женья с трудом привстал со стула. — Не могу снести оскорбление... — Он полез в карман пиджака, вытащив оттуда смятый носовой платок.

С брезгливым недоумением осмотрев платок, бросил его в сторону, затем полез в другой карман и неожиданно извлек из него тупорылый “кольт”.

Я потянулся к его руке, еще не очень-то веря в то, что револьвер настоящий, но тут оглушительно шандарахнул выстрел, над головой лысого плевалщика в зеркальной стене образовалась дырка с побежавшими от ее краев трещинами, лысый пал на карачки и ринулся под стол, куда спешно нырнули и его собутыльники...

Ба-а-бах!

Белый офицер угодил в кувшин с апельсиновым соком, оранжево брызнувшим по сторонам.

— Женька, сволочь! — заорала Квазиморда, вырывая из пальцев супружника оружие, но тут грянул еще один выстрел, и тонко, удивленно заверещал Еся — пуля угодила ему в башмак.

Есин вопль потонул в заполнившем ресторан женском визге, грохоте посуды, падающих тел и спешном топоте целеустремленно следующих к выходу ног...

Мне невольно захотелось подвыть в унисон раненному в конечность автодилеру: пьяная выходка Евгения сломала всю тщательно проработанную схему моего отхода, и теперь предстояло действовать, исходя из кутерьмы трудно прогнозируемых обстоятельств.

Я поддался какому-то смутному наитию: пробрался, воспользовавшись суматохой, на кухню ресторана, откуда выбежали, охваченные всеобщей паникой, повара, открыл защелку оконной рамы, поднял ее вверх и выскочил в замкнутое стенами жилых домов пространство глухого двора, затем, подпрыгнув, подтянулся на опоясывающей здание пожарной лестнице, взобрался по ней на крышу и, протопав к входу на чердак, сбил ударом ноги хлипкую дверцу со ржавой петли...

Минут через пятнадцать я проезжал, сидя на заднем сиденье такси, мимо ресторана, из которого полиция выводила в наручниках усмиренного ею белого офицера, а медработники выносили пострадавшего торговца автомобилями, предоставляя ему возможность ознакомиться с ходовыми качествами и удобствами скоропомощного микроавтобуса.

Я наугад, вслепую, направлялся в Манхэттен, ожидая звонка от Олега.

Звонки раздавался, когда машина находилась уже на середине Бруклинского моста, и я терялся в догадках, какой дальнейший маршрут обозначить шоферу.

— Ну, ты где? — недовольным голосом спросил Олег.

— Подъезжаю к Манхэттену.

— Как это?..

— Ушел через кухню. Потом на крышу и так далее...

— А дедок, чувствуется, тебя кое-чему научил, — сказал Олег с явным одобрением.

— В общем, да, — согласился я, только сейчас уразумев, что в своих действиях машинально использовал некоторые учебные рекомендации старичка Курта.

— В Манхэттене проверься, смени машину и дуй домой, — сказал Олег. — Ты оторвался так, что никто не успел и ахнуть... Ни мы, ни они... Короче, все нормально прошло, без потерь, как говорится...

— Не считая моего оставленного в гардеробе пальто, — заметил я, пожившись: в такси за бронированным стеклом, отгораживающим меня от водителя, было прохладно.

Совершенно секретно.

“ПЕРВОМУ”.

Вынужден доложить об уходе объекта из поля зрения нашей службы наружного наблюдения.

Вечером, воспользовавшись конфликтом между посетителями ресторана на Брайтон Бич, связанным с применением огнестрельного оружия, объект не выясненным до конца образом сумел ресторан покинуть, удалившись в неизвестном направлении.

Срочные оперативные розыски результатов не принесли.

С другой стороны, острая необходимость выявления связей объекта утрачена в силу внезапно возникших обстоятельств, связанных с подготовкой контакта нашей агентуры непосредственно с О.М.

Контакт должен произойти в ближайшие дни и требует привлечения к его обеспечению многочисленной группы поддержки.

“ЧЕТВЕРТЫЙ”.

5

При следующей нашей встрече в Бруклине, в облюбованном скверике на Вест-восьмой, Олег сказал, что мне пора ознакомиться с тем местом, где он проживает.

Мы поехали в Манхэттен и вскоре сидели, попивая кофе, в гостиной старого особняка, за антикварным обеденным столом с резными гнутыми ножками.

— Перед тобой, Толя, ставится интересная задача, — говорил Олег. — Сегодня вечером ты обеспечишь мою безопасность... — Усмехнулся. — Вот до чего дожили, а?

— Не вижу ничего особенного, — пожал я плечами.

— Я тебе кое-что открою. Влиятельные дяди в Москве, с кем волей-неволей мы вынуждены считаться, несколько озабочены нашей деятельностью, скажем так. И предлагают объединение усилий. В общем, договор между Красной Армией и батькой Махно... Ну... верю ли я им, батька?.. Отчасти да. Приходится верить. Ибо наша организация, оставаясь до по-

ры независимой, все-таки должна заполучить определенный статус... Даже не статус, а благословение... Хотя по большому счету как мы были вольными стрелками, так до поры, конечно, и останемся ими. Но...

— Но Родина должна о нас помнить и знать, — вставил я не без иронии.

— Да, — в тон мне согласился Олег. — И это важный момент. Я бы сказал — определяющий.

— Однако доверия Родине тем не менее никакого...

— Прекрати паясничать!

— А чего ты ерепенишься? Так оно и есть.

— Ох, Толя-Толя... — Олег досадливо мотнул головой. — Сатирик хренов... Ну а в принципе... да, ты где-то и прав. А потому мои люди привезут представителя из Москвы сюда, в этот дом. Сегодня вечером. Я, естественно, приму все меры к тому, чтобы встреча прошла красиво и спокойно. Но! Всегда надо учитывать непредсказуемый фактор...

— Это точно, — сказал я, увидев перед собой незабвенный образ Евгения с дымящимся “козьом” в руке.

Жене, кстати, предъявили обвинение в злостном хулиганстве и в качестве наказания назначили год “probation” — то есть раз в неделю ему надлежало являться в полицейский департамент на душевспасительные лекции.

— Домик этот... — Олег обвел взмахом руки стены, — с секретом... И выяснить секрет до нашей встречи с человеком из Москвы никому из тайных врагов не удастся, — на такое у них просто не будет времени. — Он подошел к книжному шкафу, встроенному в стену, вытащил из нижней полки одну из книг и нажал на скрытую кнопку.

Шкаф отъехал назад, открыв вход в смежную комнатку, где стоял диванчик и журнальный стол. Посередине комнатки на паркетном полу лежал ковер, отдернув который, Олег указал на утопленную в дерево плоскую ручку люка.

Мы открыли люк, и в лицо мне сыро и смрадно ударили запахи какого-то подземелья, журчащего и капающего гнилой водицей.

— Это наш аварийный выход, — пояснил Олег. — Там есть еще одна дверь, стальная, запирается со стороны дома. Ведет в коммуникации... Если пройти по ним влево метров шесть, увидишь вентиляционную решетку над головой. Откидываешь решетку — и перед тобой днище машины. С вырезом, прикрытым картонкой. Поднимаешь картонку и оказываешься в салоне микроавтобуса... Ну и все, свобода.

Обследовав воюющие казематы, мы вновь возвратились в гостиную.

— Теперь так, — продолжил Олег. — В салоне автобуса возле запаски лежит камера. Старая, порезанная. В ней сверточек. А в сверточке две дискеты. Синяя и черная. Если я по каким-то причинам из этого дома не выбираюсь, а тебе такое удастся, забери дискеты себе. Причем: голубенькая — это твоя персональная, а черная... Ну, ее ты можешь отдать только одному человеку. Помнишь, кто вывозил вашего покорного слугу из суровой лагерной действительности? Вот именно ему, Михаилу Александровичу. Кодовое слово, ключ к информации на твоей дискете — “Вавилон”. Запомнил?

— Вавилон, — повторил я. — А не на моей?

— Не ваше дело, мил друг... Что еще? В шкафу есть отверстие, ты превосходно сможешь наблюдать за развитием событий. На столе будет лежать пачка сигарет. Пока я не касаюсь ее — все в порядке, не трепыхайся... А вот если возьму ее в руки, тогда отвязывайся... — Он полез в комод и извлек оттуда “глок”. — Такой тебе, кажется, нравится? На случай необходимой скорострельности по трем-четырем близким мишеням?

— То, что прописано мне дедушкой Куртом, — принимая пистолет, подтвердил я.

— А он в своих диагнозах не ошибается! — заверил меня Олег. — Старый эсэсовец!

— Эсэ... Серьезно?..

— И еще как!

К вечеру, отоспавшись и приняв бодрящий холодный душ, я облачился в бронезилет и встал за книжным шкафом, готовый рывком рычага сдвинуть камуфляж в сторону, открыв себе пространство для пальбы по неизвестному куда противнику.

Олег тоже надел на себя защитную робу, сверху замаскировав ее толстым шерстяным свитером грубой вязки.

Раздался контрольный звонок по телефону сотовой связи, и вскоре в гостиную шагнули трое людей.

Один из них — молодой парень, высокий, черноволосый, с загорелым лицом, одетый в светлое пальто, увидев Олега, радостно рассмеялся ему, как старому знакомому, и произнес с добродушной обескураженностью:

— Вот же где доводится встречаться с прошлыми боевыми командирами, а?

Следом вошли еще двое, в одинаковых кожаных куртках, плотно сбитые, национальности совершенно неопределенной, с физиономиями, не отмеченными ни единой запоминающейся чертой.

Двигались они легко и пружинисто, словно паря над полом, в каждом движении их угадывался настороженный профессионализм выученных бойцов, готовых к любой неожиданности, и я невольно сжал зубы, понимая, что, случись заваруха, придется мне в ней нелегко — сюда пожаловали битые, закаленные в разнообразных переделках волки...

— А где Алекс? — спросил Олег брUNETа.

— Алекс? — удивился тот. — Алекс в машине. А зачем ему, интересно, присутствовать при нашем разговоре?

Один из парней внезапным толчком усадил Олега в кресло, тут же приставив к его голове пистолет. Другой быстро и профессионально его обыскал, доложив брUNETу:

— Он в жилете...

— О-оу! — протянул тот разочарованно. — Значит, не доверяем посланцам Отчизны, да?

— Не доверяем, — бесстрастно кивнул Олег. — И более того, с каждой секундой это чувство недоверия растет и растет. — Он помедлил. — Так где все-таки Алекс?

— Ты что, жить без него не в состоянии?

— Без него я не согласен ни на какие переговоры, вот и все...

— Да твоего согласия, в общем-то, и не требуется, — заявил брюнет. — Поскольку... игра закончена, господин Меркулов, рядовой запаса.

— Значит, провокация удалась, — равнодушным тоном резюмировал Олег. — Перехитрили нас, разгромили одно из ведущих звеньев... Кому служить изволим, а? Достопочтенному ЦРУ? — Он небрежным жестом отвел от себя нацеленный в его голову ствол. — Убери пушку, и так банкуешь...

— ЦРУ запрещается проведение операций на собственной территории, — вдумчиво произнес брюнет, с нежнейшим участием смотря на собеседника.

— Ну конечно! — глумливо подтвердил Олег. — Поэтому для такой работы используются кадровые офицеры КГБ!

— Мы теперь называемся по-иному, — смиренно сообщил брюнет.

— Знаю. Но что изменилось по сути?

— А очень многое изменилось... Очень! — Брюнет выдержал долгую паузу. — И прежде всего изменился мир, в котором появился аспект большого согласия. Это согласие, господин Меркулов, заключается и в том, что ни американцам, ни русским не нужна террористическая диверсионная организация фашистско-коммунистического толка. Она противоречит общечеловеческим принципам нормального общественного бытия.

— Ты не передергивай, мразь, — сказал Олег. — Ты эти песни пой дурачкам. О дружбе и мире между Россией и Западом. Вот уж насмешил, паскуда. Фашисты, коммунисты... Ты не путай ностальгию по имперским замашкам с элементарным желанием спасти оставшееся, осколки нации... А уж коли продался американцам, так и скажи: да, продался, работаю на них, благодаря чему получаю крохи от большой наживы и продвижение по службе. У вас же сейчас там большая раздача генеральских погон, как я слышал... Покойник Андропов уже в гробу извертелся, поди... Вот... цирк так цирк! — Он зло рассмеялся.

— И что же ты определяешь как цирк? — спросил брюнет, массируя себе шею неторопливыми бережными движениями холеных пальцев.

— Да практически все... Кто бы мог предположить, что в кабинете Юрия Владимировича окажется какой-то эстетствующий мудозвон?... А на смену ему придет, видимо, или музыкальный критик, или... ну чтобы посмешнее придумать? Пожарный, к примеру. Вот и получается цирк. Забавной стала Россия: каждый занят не своим делом. Торгашики политиканствуют, политики в торговлю подались. Ученые на барахолках, уголовники — в банках. Контрразведчики КГБ на совместительском договоре в ЦРУ...

— А боевые разведчики переквалифицировались в гангстеров, — перебил брюнет. — Ладно, хватит рассуждизмов. Давай-ка, Олежа, по-деловому, без пустопорожнего... Хочешь по-нормальному, спокойно возвратиться на Родину и завершить все свои приключения без пыли и шума?

— Ну-ну, — лукаво поджал губы Олег. — И что же для этого требуется?

— Во-первых, подчиниться приказу этой самой Родины, — устало потер лоб бронею. — Что означает: расформирование всей вашей шарашки, передачу счетов и написание полного отчета руководству... Нашему, российскому, а не какому-нибудь церэушному, рожденному в пизофрении твоих подозрений...

— Ну, ты говнюк! — весело качнул головой Олег. — Вертухаево семя! Да с кем ты вообще говоришь-то, кретин? Чего, забылся? Я такие дешевые приемчики уже стеснялся применять, когда ты... был еще в папе и не знал, в какую маму попадешь! Про Родину он мне лепит, дерьма кусок! — Олег потянулся нервно к пачке сигарет, протянул ее бронею. — Будешь?

Тот отрицательно мотнул головой.

Я потянул на себя рычаг, перемещая шкаф в комнату.

Из сигаретной пачки внезапно сквозило кинжальное пламя выстрела. Прямо бронею в рот.

Я вздернул "глок", выстрелив в голову парня, стоящего возле Олега, затем перевел пистолет на другого, стремительно перекатившегося к окну и начавшего нещадную пальбу.

Меня сильно ударило в грудь, затем в живот...

Уже в падении от отбросивших назад пуль, я полил свинцом слепящие меня вспышки и грохнулся возле люка, мыча от пронизавшей тело боли. Затем вскочил, метнувшись в комнату, и тут же уяснил: "Конеч, делать тут нечего..."

Сизая пелена порохового дыма и трупы...

Эти ребята были профессионалами высшего класса.

Я так и не понял, кто из них уложил Олега. Наверное, второй, последний, — в затылок...

На лестнице, ведущей в дом, тяжело загрохотали чьи-то шаги...

Задвинув за собой шкаф, я спустился в затхлое подземелье и, рыча от боли в груди, осекавшей дыхание, дошел до сетчатой решетки уличного люка, сдвинул ее в сторону, с трудом вскарабкавшись в чрево микроавтобуса.

Мысли скакали, как блохи.

"Так... Ключи от зажигания, и дискеты бы не забыть..."

Движок заурчал мягко и вкрадчиво, как сытый, размякший кот.

Я тронул машину с места, бросив "глок" на пассажирское сиденье, и только тут увидел, что рама пистолета, обнажив ствол, отведена назад, зафиксированная пустой обоймой. А мне показалось, что я надавил на гашетку раза четыре, не больше... Девятнадцать!

Прав был Курт, когда говорил: стреляй глазами, а не через прицел. Глаз видит, рука делает...

И уделал я все-таки их, волков, уделал...

В башке царил хаос.

Ладонью я провел по груди и животу, обнаружив две прорехи, в которых шершаво ощущался впившийся в жилет свинец. Видимо, тупые пули "магнум" переломали мне не одно ребро, точно. И отбили кишки, хо-

тя это не страшно, я специально ничего не ел, держа трубы пустыми... Мелочишка, но — пригодилось...

В сознании воспаленно метался вопросик: “И что теперь?..”
Безответный.

Джошуа Паркер, одетый в полицейскую форму, сидел в “шевроле” с мигалками на крыше и курил, выдыхая дым в приспущенное боковое оконце. Искоса он поглядывал на своего сегодняшнего напарника — молодого поджарого парня, лобастого, с глубоко запавшими, неприязненно глядевшими на мир глазами и с недовольно скопченным в привычно брезгливой гримасе ртом.

С минуты на минуту из дома должны были вывести этого поперек горла вставшего начальству русского, Меркулова, с кем он, Джошуа, немедленно отправится на базу, где уже сегодняшней ночью начнет жесткий “раскол” наконец-то попавшегося в сети крупного “бобра”...

Джошуа насторожился: из безмолвной череды припаркованных к обочине машин, стоящих за перекрестком, внезапно донесся стрекочущий звук стартера и тускло зажглись габаритные огни микроавтобуса “додж”, громоздко возвышающегося над низкими крышами легковушек.

Собственно, ничего особенного в том, что “додж” завелся, не было, но Паркер видел, что к машине никто не подходил, дверцы не открывались — и вдруг...

Он соединился с оператором.

— Тут еще какой-то “вэн” неподалеку... “Ram”. Белый. С людьми. Вроде, отъезжает. Это наш?

— Объявлена тревога, из дома, вероятно, уходят объекты... — послышался взволнованный голос координатора операции.

“Додж”, подгазовывая, медленно двинулся с места — водитель явно торопился, не желая прогреть двигатель.

— “Вэн” уходит, — повторил Джошуа в микрофон и, не дожидаясь ответа, тронулся вслед малиновым столбикам габаритных фонарей удалявшегося автомобиля.

Проехав то место, где стоял “додж”, Паркер увидел небрежно прикрытый решеткой вентиляционный люк.

— Порядок! — доложил он в радио, хохотнув. — Они свалили коммуникациями и сейчас едут в даунтаун. Направляюсь за ними.

— Я блокирую маршрут! — сказал оператор. — Готовьтесь, они вооружены!

— Не надо никаких стычек, — Джошуа включил фары. — Подстрахуйте меня на въезде в Бруклин и в Куинс, вот и все. Но я вряд ли его потеряю, он еле плетется... Может, ранен... В общем, веду его до логова, будьте на связи.

Напарник с видимым удовольствием потянулся всем телом, изрек через долгий зевок:

— По-моему, там была изрядная заварушка, в этом тихом домике...

Джошуа угрюмо хмыкнул. Он ведь говорил начальству, что русская агентура, преследующая наверняка узкие меркантильные цели, а пото-

му столь яростно настаивавшая на своей встрече с Меркуловым, обязательно даст промашку, сев в глубокое дерьмо и потянув в него вместе с собою и ЦРУ...

Так, вероятно, и вышло.

У Бруклинского моста “дождь” съехал в узкий пролет эстакады, ведущий на федеральную трассу, и покатил в сторону “Манхэттен Бридж”.

Позади остались Восточный речной парк, Четвертая, Восьмая, Четырнадцатая улицы...

— Перекройте на всякий случай Бронкс, — буркнул Джошуа, отмечая, как справа пронесся, растаяв за спиной, зеленый щит, указывающий съезд на Сорок вторую улицу.

— Вас понял, — донеслось из рации, и тут же последовала команда:

— Ди-четыре, следуйте на Третью авеню, перекресток со Сто тридцать восьмой в Бронксе, будьте на связи...

— Отставить, — процедил Джошуа. — Он едет в Куинс, поворачивает на мост...

Когда с Куинс-бульвара “дождь” свернул на параллельную улочку с односторонним движением, Паркер понял, что развязка близка — объект явно приближался к своему дому и вскоре должен был начать поиски места для парковки, поэтому имело смысл несколько подотстать и провести операцию в тот момент, когда водитель автобуса, найдя просвет между стоящими у тротуара автомобилями, трудно и долго начнет влезать в него, всецело посвятив себя данному занятию и поневоле утратив внимание к окружающей обстановке.

Однако водитель “дождя” внезапно выкинул довольно-таки странный трюк, резко затормозив у одного из жилых домов, где остановка воспрещалась, и, покинув машину, проследовал в подъезд, держа руку прижатой к груди — видимо, если в доме была пальба, то, как уяснил Паркер, его в ней подзацепило...

Чертыхнувшись сквозь зубы, он остановил полицейский “шевроле” у бампера нарушившего все правила игры автобуса и, коротко кивнув напарнику на дверь, вышел из машины.

Парня он рассмотрел хорошо — высокий, жилистый, с крепкой шеей...

“Значит, это единственный оставшийся в живых, — соображал Джошуа, проходя в подъезд. — И заваруха была в самом деле горяченькой...”

В холле у стойки стоял худенький портье-китаец.

— Сейчас в дом вошел молодой человек, — ворочая потухшую сигарету в углу рта, хрипло произнес Джошуа. — Кто это?

— Мистер Генри Райт... — услужливо отозвался китаец. — Он поднялся к себе...

— Мистер Райт запарковал машину в неполюженном месте, оставив ее открытой... — продолжал Паркер. — Он что, пьян? В какой он квартире?

— Одиннадцатый этаж, квартира эйч...

Джошуа помедлил. Конечно, стоило бы поставить в известность о происходящем координатора, но зачем? События развивались естествен-

ным и непревзойденнейшим образом, и единственное, что было необходимо, — подтянуть сюда на всякий случай двух-трех толковых ребят...

— Позвоните ему, — приказал он портье. — И дайте мне трубку.

Портье набрал номер.

— Эй, мистер! — дружелюбно и грубовато молвил Паркер, глядя, как в холл дома входят люди из оперативной группы, блокировавшей Куинс. — Это полиция. Вы почему разбрасываетесь машинами, у вас их так много, а?

— Что вы имеете в виду? — донесся спокойный вопрос.

— Я имею в виду “додж”, брошенный вами у подъезда.

— Извините, вы заблуждаетесь. У меня “беретта”, и она в гараже под домом.

— Странно... — произнес Джошуа. — Вы вот что... Приготовьте-ка документы, мы сейчас к вам поднимемся.

Он положил трубку. Спросил портье:

— Есть выход из дома через гараж?

— Да, конечно...

Услышав его слова, двое из оперативников срочно покинули холл. Этим служакам много объяснений не требовалось.

— Мы пошли... — Джошуа указал напарнику на лифт. — Вы, — обратился он к оставшейся парочке из группы поддержки, — скучайте здесь. Скоро, думаю, увидимся. Выпишу только квитанцию за парковку в неполюженном месте... Х-хэ!

Подойдя к двери 11 Н, Паркер, слегка развернувшись боком, нажал на кнопку звонка.

Дверь растворилась, удерживаемая цепочкой. На Паркера равнодушно и чуточку сонно смотрели глаза хозяина квартиры — молодого парня с открытым лицом, и если бы Джошуа не видел, что именно этот человек только что заходил в подъезд, выскочив из “доджа”, то наверняка бы решил, что произошло недоразумение, и сейчас он отрывает от домашнего отдыха обыкновенного уставшего после рабочего дня обывателя.

Джошуа вытащил портмоне с полицейской эмблемой и залитой в пластик карточкой удостоверения личности. Сказал миролюбиво:

— Мистер Райт, я прошу вас спуститься с нами вниз к автомобилю. С документами, удостоверяющими вашу личность.

В глазах парня вдруг прочиталась отчетливая озадаченность.

— Хорошо...

Дверь закрылась, и в ту же секунду, осознав свою ошибку, Джошуа всем телом бросился на нее, уже готовую защелкнуться замками: он показал парню не то портмоне!

Он показал ему удостоверение офицера ЦРУ, будь они неладны, эти бумажки и значки! Как же легко их перепутать!

Цепочка вылетела из паза, и Джошуа, рванув из кобуры пистолет, ворвался в квартиру, едва сохранив равновесие.

Напарник, присев у порога, целился в этого чертова Генри Райта, отступившего к кухне и хладнокровно рассматривавшего нацеленный на него ствол.

Он был одет в легкие спортивные брюки, шлепанцы на босу ногу и в майку с короткими рукавами.

Как сразу понял Джошуа, противник был не вооружен и абсолютно не опасен — этот мальчик, не убравший ладони со своей груди, куда, видимо, в перестрелке в Манхэттене ему угодила пуля, переломав ребра, ибо вот он, защитный жилет, брошенный на кухонный стул...

Да, опасаться этого инвалида уже не следовало. Это понял и напарник Джошуа, сунув свой пистолет обратно в кобуру и усмехнувшись самодовольно. Однако в глазах парня Паркеру что-то не нравилось. В них виделся какой-то ледяной, отстраненный расчет и ни малейшей растерянности, а потому интуитивно Джошуа посчитал, что держаться от мальчонки все же следует подальше. Тем более через легкую ткань майки отчетливо проступала рельефная, сухая мускулатура его прочно сбитого тела.

— У меня вопрос, — сказал парень и, поморщившись от боли, облокотился на кухонный стол. — Считается ли законным и приличным поступком врываться в частный дом офицерам ЦРУ, переодетым в полицейскую форму?

— В нашей конторе, — ответил Джошуа мягко, — считается приличным все, что идет на пользу дела, парень... А что же касается лично тебя, то ты можешь подать на нас жалобу, если, конечно, сумеешь...

Парень широко улыбнулся в ответ и хохотнул, тут же зашипев сквозь стиснутые зубы от боли, и потерянно ища опору. Протянул руку к стене...

В поле зрения Джошуа, отчетливо и пугающе увеличиваясь в размерах, возникла картина, заслонившая собой все окружающее: три разделочных ножа, словно приклеившиеся своими широкими и длинными лезвиями к магнитной планке, укрепленной на стене...

“Ах, проклятый сопляк!...”

В глаз Паркера будто ударила с лета большая черная муха, рассыпавшись мушками мелкими, своей плавающей взвесью заполнившими мутно-желтое пространство поспешно жмираемого ими света...

И свет погас.

Через день я сидел в одном из кабинетов знакомого небоскреба в Манхэттене, избранного штаб-квартирой иммиграционных служб, ФБР и, полагаю, ЦРУ, перед пожилым, очень спокойным и доброжелательным господином.

Мне задавалось много вопросов. И не предьявлялось, замечу, никаких обвинений.

Я честно рассказал обо всем, что произошло в конвойной роте номер шестнадцать, когда я содействовал побегу осужденного Олега Меркулова — личности неординарной и глубоко мне симпатичной силой своей воли и целостностью натуры; поведал о своих берлинских похождениях и злключениях, о встрече с Олегом уже здесь, в Америке, умолчав, правда, о совместных с ним операциях силового характера...

— В общем, — закончил я, — человек мне верил. И попросил его подстраховать... На сомнительной встрече с сомнительными людьми. В итоге же получилась херня...

— Вы знали, чем он здесь занимается?

— И знать не хотел! Мы были друзьями, повязанными этим побегом... Все.

— И чем вы намерены заниматься теперь, после получения гражданства? — спросил пожилой человек, глядя на меня не без юмора.

— Пойду, наверное, в нью-йоркскую полицию, — сказал я. — Может, на что и сгожусь там. Или меня посадят за убийство вашего коллеги?

— Не было ни убийства, ни коллеги, — произнес пожилой человек с заминкой. — А насчет нью-йоркской полиции... что ж... Вы там, чувствую, натворите дел...

— Вы против?

— Как сказать... Нет, я с пристальным интересом буду наблюдать за вашей судьбой... А что, кстати, у вас с родителями?

— То есть? — испуганно спросил я.

— Где они собираются жить? С вами или в России?

— Я послал им вызов. Пусть приедут, осмотрятся...

Собеседник привстал из-за стола, протянув мне руку.

— Удачи вам, Анатолий... И попрошу вас запомнить: с той же естественной, бесхитростной, якобы, простотой, с какой вы сейчас обогнули многие острые углы в нашем разговоре, принципиально умолчав о достаточно важных вещах...

— Неправда...

— Правда! Так вот. Поместите, руководствуясь именно этим принципом, в свой, так сказать, отдельный, закрытый файл памяти все случившееся с вами позавчера...

— Это само собой, — уверил я мрачно.

— И учтите: у вас не должно остаться никаких хвостов... Вы понимаете, что я имею в виду.

— Понимаю.

— Тогда прощайте. Да, и отдайте мне документы этого... Генри Райта, кажется?

Эпилог

Родители мои прибыли в Нью-Йорк ясным весенним деньком — прозрачно-солнечным, беспечным, предвещающим скорое жаркое лето.

Этот славный нью-йоркский апрель... С его легким утренним холодком, высоким огромным небом, синей океанской тушью и желтыми, в сухой прошлогодней траве, холмами вдоль побережья Jamaica bay...

Я мчался в аэропорт по залитой солнцем трассе, еще не без труда уясняя, что сейчас, ступив на первый, нижний этаж аэрофлотовского терминала, увижу выходящих из дверей таможни родителей...

Неужели такое случится?

И — случилось.

— Просто не верю, что я снова в Америке, — сказала маман, стирая с моей щеки губную помаду. — Вот же, довелось все-таки...

— Себя же и благодари... — уточнил я.

— Ну я тоже, положим, к тому причастен... — подал скромную реплику папа, державшийся несколько скованно и поглядывающий на меня с какой-то опаской.

Папа, видимо, боялся, что я вспомню ему прошлое... И напрасно. В последнее время я обнаружил в себе незаурядную философскую терпимость ко многим человеческим слабостям, поступкам и вообще несообразностям бытия. К тому же недаром сказано: не суди...

Мы улеглись спать, когда время уже перевалило глубоко за полночь, и я, ворочаясь в постели, все еще не мог постичь, что вот и развязался клубок хитросплетения наших судеб, и, как и прежде, двадцать лет назад, мы снова ночуем все вместе в американской квартире, только теперь квартира оплачивается не казенными деньгами, а своими, и слава Богу, ибо не надо зависеть от кого-то и как-то, не надо шептаться по углам, чтобы сказать, что думаешь, и никого не точит поганенький страх перед доносом, наветом, высылкой...

Я вспомнил Олега. Он, конечно же, желал не возврата того окостенелого прошлого, не реконструкции рассыпавшегося в прах красного Вавилона; он хотел новой страны, но какой?.. Построенной на уцелевших руинах?

Я много думал об этом, но решил для себя так: идеи — идеями, партии — партиями, а народ — народом. И он сам выберет себе суть и форму жизни. И что уж выживет — точно. Несмотря ни на козни врагов, ни на коварство их планов. Слишком большой он, и, хотя славен обилием дураков, умных в нем тоже изрядное число.

И они выберутся из-под обломков намернувшейся империи, стряхнув с себя ее пыль и крошево. А за ними потянутся и другие... ■

ДМИТРИЙ ИКОННИКОВ

В детстве все игрушки он мастерилил для себя сам. Вырезал из дерева, лепил из глины. А в 17 лет, сразу после школы, пошел работать... художником. И надо сказать, справлялся со своими обязанностями довольно успешно: делал по заказу мозаики, керамику, даже расписал фойе Дворцов культуры в Архангельске и Ставрополе. "Вот так я и научился творчески работать в заказном варианте", — грустно шутит Дмитрий. И только гораздо позже, приобретая опыт и, по сути, уже став профессиональным художником, Дмитрий поступил в Суриковский институт. На отделение графики его принимал прославленный Кибрик. Дипломная работа — вот где пригодился опыт творчески воплощать чужие замыслы — серия планатов, посвященных Чили. После экспонирования в Манеже она целиком бы-

ла закуплена Центральной выставочной комиссией.

Казалось бы, все складывалось в жизни молодого художника удачно. Множество заказов, стабильный заработок. Но перспектива расходовать талант на бесчисленные плакаты-агитки, посвященные "знаменательным событиям в жизни страны", его не устраивала. Начались метания, поиски своего живописного мира, своего почерка, своей индивидуальности. Дмитрий стал оформлять книги — иллюстрировал Бажова, Шуншина, Родари. Потом он "уходит" и от оформительства. Бросив обжитую и хлебную Москву, Дмитрий отправился на край света — к берегам Баренцева и Белого морей. Просоленный студенными ветрами воздух, бесконечные синие дали моря, сливающиеся с такой же синевой неба, белоснежные чайки — именно за такой первозданной красотой он и подался за тридевять земель. Появилась серия работ, где и море, и горные отроги, и чайки, и рыбаки с их тяжелым, во многом зависящим от удачи, трудом. Техника серии разнообразна — карандаш, пастель, гуашь. "В море меня поразили огромные пространства, декоративные сочетания цветов и "цветовые силуэты", когда у предметов нет теней и объемов. Кстати, именно тогда мне стало понятно творчество Ронуэлла Кента".

После возвращения в Москву Дмитрий обращается к новым темам. В серии "Из истории государства Российского" впервые он применяет метод-совмещение, когда в одном временном пространстве художник помещает несколько действий. Работы сложные и по выполнению, и по восприятию. В них художник стремится осмыслить крупные события, происходившие в нашей стране. Бунты, победы, пора-

Нань Белый. 1994.

жения. Жизнь городов и умирание деревень. "Бунт. Скоморохи", "Паяцы", "Нолесо нармы" — судьбы людей, судьбы творцов, их место в жизни России. А завершает серию картина "Опасное путешествие" — своеобразный итог бытия. Итог грустный и даже трагический: новарный кот петуха задрал, корабль изображен без парусов, а святые бранятся, как торговки на рынке.

Но не все так мрачно и безысходно. Оптимизм, надежда на лучшие времена — во многих работах художника. Он пишет Москву, ее старинные особняки, бульвары, шумные, оживленные улицы, красивые пейзажи, очень красочные натюрморты и прелестных обнаженных девушек. Многие эти картины написаны в манере примитивизма, так как художник стре-

мится к простоте и ясности, чтобы главное было выражено минимальными средствами.

"Для меня живопись — создание своего мира. Своеобразного, но и понятного. Я завлекаю, соблазняю зрителя, ибо хочу, чтобы он вошел в мой мир, понял его и разделил со мной все, что открывает нам жизнь." ■

Людмила Кандалова

И "гаишник" бывает прав... иногда

? *"Сотрудник ГАИ отназлся про-
ставить в техпаспорте моего автомо-
биля отметку о прохождении техосмот-
ра, сославшись на то, что содержимое
автомобильной аптечки не соответст-
вует наной-то новой инструкции".*

Н. СТЕПАНОВ, Владимирская обл.

? *"В нашем городе теперь нельзя
пройти техосмотр, если у тебя нет авто-
мобильной аптечки с особой голограм-
мой на крышечке. Лекарства в аптечке
стоят 60—70 рублей (по старому —
60—70 тысяч), а коробочка с голограм-
мой — аж 160 рублей. И продают эти
коробочки только в нескольких магази-
нах той фирмы, которая их делает.*

*Мы, было, возмутились, а гаишни-
ки говорят: таной приказ из Москвы
пришел. Вот мы и спрашиваем: неуж-
то и вправду из Москвы?"*

Н. МИХАЛЕВ, Ю. СНОРНЯНОВ,
Хабаровск

Такие вот два письма с одним, ка-
залось бы, вопросом. На самом деле
вопросов два, и рассматривать их на-
до по отдельности.

Первый касается содержимого ав-
томобильной аптечки, и тут сотрудник
ГАИ формально абсолютно прав. Дело
в том, что ст.23 закона "О безопасно-
сти дорожного движения", действую-
щего еще с декабря 1995 года, действ-
тельно предусматривает некоторые
правила, связанные с медицинским
обеспечением безопасности дорожно-
го движения.

В соответствии с ним Минздрав
РФ издал приказ № 1342 "Об утверж-
дении аптечки первой помощи (авто-
мобильной)" с приложением обяза-
тельного списка медикаментов и
вспомогательных средств. (Приказ
этот прошел регистрацию в Министер-
стве юстиции и с 7 июля 1997 года
вступил в силу.) Согласно ему, в авто-
мобильной аптечке должны быть, в ча-
стности, обезболивающие и противо-
воспалительные средства, а также
средства для остановки кровотечения,
сердечно-легочной реанимации и т.п.
Помимо этого в аптечке должны нахо-
диться ножницы и специальный буклет
о способах оказания первой медицин-
ской помощи.

Трудно сказать, насколько уместо-
чение правил будет способствовать по-
вышению безопасности на дорогах,
но, повторяю, формально сотрудники
ГАИ, требующие их соблюдения, абсо-
лютно правы.

Что же до специальной упаковки,
упоминающейся в письме из Хабаров-
ска, то тут все обстоит иначе. В пресс-
службе Главного управления ГАИ МВД
России нам разъяснили, что действи-
тельно есть совместное письмо Мин-
здрава и ГАИ, в котором определен
обязательный минимум лекарственных
препаратов для автоаптечек. Однако
ни о каких специальных коробочках,

тем более с голограммой, да еще за цену, почти втрое превышающую стоимость ленарств, в этом документе нет ни слова.

Короче говоря, выяснилось, что это — не что иное, как произвол местных "гаишных" начальников, решивших таким образом поправить финансовое положение "дружественных" фирм, изготавливающих эти самые корбочки с голограммой. А на тот случай, если Главное управление ГАИ быстро не разберется с этим и не наведет порядок, хочу подсказать читателям способ борьбы с подобным чиновным произволом.

В законе "О защите прав потребителей" есть статья, запрещающая организациям навязывать гражданам дополнительные платные услуги. Приведенный пример как раз подпадает под действие этой статьи. Следовательно, автомобилисты могут обратиться в суд с исковым заявлением на работников ГАИ, требуя не только возврата денег, но и возмещения морального вреда. Как показала аналогичная практика борьбы с блокираторами и эвакуаторами, суды чаще всего такие иски удовлетворяют. А для чиновника, как известно, нет более страшного наказания, чем деньги, которые он должен выложить из своего кармана.

Глава администрации — не законодатель

«Получаю пенсию, которой, как вы, наверное, догадываетесь, на жизнь не хватает. Поэтому подработывала продавцом с лотка у знакомого предпринимателя. Но недавно он сказал, что вынужден отказать от моих услуг: дескать, глава администрации издал постановление, запрещающее предпринимателям без образования юридического лица» использовать на-

емный труд. Что же это у нас за законы такие, от которых простым гражданам становится не лучше, а хуже?»

АЛИНА БОРОВИКОВА,
г. Старый Оснол

Законы наши, действительно, далеки от совершенства, но в данном случае это, как говорится, к делу не относится. Потому что, во-первых, глава администрации — не законодатель и его распоряжения не имеют силы закона, а во-вторых, он вообще превысил свои полномочия.

Трудовое законодательство, выражаясь юридическим языком, относится к компетенции представительных (т.е. законодательных) органов власти Российской Федерации и ее субъектов. Глава же администрации представляет власть исполнительную и не может издавать распоряжения, регулирующие трудовые отношения.

К тому же, своим постановлением глава администрации нарушил права не только ваши, но и вашего хозяина. Согласно Конституции РФ вы вправе самостоятельно выбирать и род занятий, и работодателя. А требование об обязательном образовании юридического лица, которое фактически вытекает из постановления, идет вразрез с положениями ст. 18 и 23 Гражданского кодекса РФ.

Полагаю, вам, как и вашему знакомому предпринимателю, следует обратиться в прокуратуру. Она обязана следить за соблюдением законности и может принести официальный протест, потребовав отмены постановления. Можно также, опираясь на ст. 12 Гражданского кодекса, подать в суд исковое заявление о признании акта органа местного самоуправления (постановления главы администрации) противоречащим закону. ■

Владимир Михайлов, консультант
"Смены" по юридическим вопросам

“Я ПОЮ ТОЛЬКО О ЛЮБОВИ”

Свой первый концерт Кай Метов дал во втором классе. В Кремле. В качестве участника ансамбля скрипачей. Он стоял вторым слева, а напротив, в первом ряду, сидел Леонид Ильич Брежнев. Юные скрипачи забыли о волнении и вместо того, чтобы смотреть за собственным смычком, дружно уставились на “точку” в партере. Обсудив после концерта свои впечатления, сошлись во мнении, что пока они играли, Леонид Ильич спал.

— Кай, как вы попали в такой элитный ансамбль юных скрипачей?

— В 6 лет меня как музыкально-одаренного ребенка забрали у родителей (мы тогда жили в Алма-Ате) и увезли в Москву. Я стал учиться в музыкальной школе при Московской консерватории, хотя мои родители никакого отношения к музыке не имели (отец — физик-ядерщик, мама — медсестра). Оказалось, у меня абсолютный слух, поэтому взяли в класс скрипки.

— Получив такое прекрасное музыкальное образование, вы решили посвятить себя поп-музыке?

— Не сразу. Поработал сначала в филармониях: звукорежиссером, клавишником, аранжировщиком. Когда стал сочинять сам, никто не верил, что из этого что-то получится. У меня не было мощной раскрутки, потому что не было больших денег. Очень рад, что судьба свела меня с замечательным человеком Юрием Се-

вастьяновым. На его звукозаписывающей фирме “Master Sound” и выходят мои компакт-диски и аудиокассеты.

— Вашу музыку можно упрекнуть в излишней компьютеризированности...

— Это нормально для дискотечных песен. Да и компьютер лишь помогает записывать песни. Все остальное — живое творчество.

— Почему на сцену вы всегда выходите в черном? К чему такой траур?

— По-моему, вполне нормальный цвет. Еще я люблю комбинировать черный цвет с белым. Очень контрастно. Впрочем, я сам человек контрастов.

— Кай Метов — это псевдоним?

— Я разочарую вас ответом. Меня действительно так зовут.

— Говорят, с вами часто происходят истории на концертах...

— Самый запоминающийся случай произошел в Таджикистане. Меня там принимали на “ура”, словно национального героя. После концерта ко мне подошел какой-то мужик и подарил гранату. Очень впечатляюще! А вот в городе Сочи на сцену некто поднялся мужчина средних лет и сказал: “Кай, я очень люблю твои песни. И за тебя готов отдать жизнь!” Затем достал лезвие и начал... себя резать. Полилась кровь... Такая вот неприятная история.

— Гастрольные поездки вносят в вашу личную жизнь новые ощущения?

— После одной из таких поездок я стал осторожнее относиться к новым знакомствам с представительницами прекрасного пола. Влюбившись в девушку на гастролях, привез ее к себе домой в Москву. Потом снова уехал на гастроли, оставив "прекрасное создание" дома. Вернувшись, не нашел ни девушки, ни наиболее дорогого имущества.

— Теперь понятно, почему в последнее время вы стали сочинять грубые для женского уха песни.

— Я всегда пел о любви открыто, подчас не романтично (в чем меня часто обвиняют), но не считаю свое творчество пошлым. Мне кажется, я нашел свою нишу в шоу-бизнесе.

— Вы в песнях затрагиваете проблемы, волнующие вас и в жизни?

— На одном из последних концертов нарядный из журналистов, заходивших ко мне в гримерку, норовил узнать: "таной ли я сексуальный маньяк в жизни, как и в песнях?"

— Это не так?

— В песнях действительно отображаю ситуации, с которыми столкнулся в жизни, но в плане сенса я обыкновенный мужчина.

— Судя по количеству музыкальных альбомов, вашу личную жизнь можно назвать очень бурной.

— Не буду исповедоваться... Вот только поэтому я редко общаюсь с журналистами: их интересует одно и то же.

— Но все же — вы женаты?

— Разведен. Прожил в браке три года. Это был ранний брак. Моей дочери 10 лет.

— Вы хороший отец?

— Мы часто общаемся. Я могу забрать дочь из школы, взять с собой на гастроли. Мне очень нравилось сочинять дочурке сказки, когда она была маленькой. Но сейчас, наверное, ни одной не вспомню. Это настоящее творчество: провел с ребенком день и понял, какая сказка ей нужна на сон грядущий. Поэто-

му иногда думаю, что если бы не музыка, обязательно стал бы педагогом или писателем.

— Бывшая супруга вас не ограничивает в общении с ребенком?

— Нет. У нас нормальные отношения.

— Вы себя хорошо чувствуете в роли холостяка? Бытовые проблемы не заставляют задуматься о женитьбе? Или вы сами и стираете, и готовите, и наводите уют в доме?

— Сначала о женитьбе. Считаю, что люди в жизни любят только два раза. Первая любовь, естественно, приходится на юные годы. Она у меня давно прошла, а новую еще не встретил. Я самостоятельный человек, поэтому не страдаю от отсутствия хозяйни в доме. Все делаю сам. Кстати, не считаю, что, например, готовить должна только женщина. Среди нас, мужчин, много хороших кулинаров. Любимая дама может просто стоять у плиты в качестве денорации. Поесть всегда можно и в ресторане.

— Вы могли бы жениться по расчету?

— Для меня главное — любовь, взаимные чувства. А любовь и богатство — связать в одно целое невозможно. Да я и сам хорошо зарабатываю.

— Вас послушавшь и решишь, что вы не женитесь больше никогда.

— Действительно, я очень требователен. Мне нужна женщина, которая родила бы мне ребенка, но при этом не зацеливалась на доме. Была бы еще хорошей любовницей и администратором, помогала мне в работе...

— Не многого ли вы хотите?

— Если встречу женщину, воплощающую в себе все вышеперечисленные качества, то сразу женюсь.

— В таком случае, ваши поклонницы могут быть спойоны. Если произойдет такое чудо, то вряд ли в будущем будущем.

Беседовала **Галина Сирик.**

Они — феномен нашего времени. Пятеро обычных девчонок, из "ничего" ставших "всем". На самом деле: американский принцип "нулить подешевле, продать подороже", пожалуй, впервые применен в Европе с таким бесстыдством. Одним словом, феномен.

Поп-группа — лишь вершина айсберга. Мутная водица скрывает ораву продюсеров, визанистов, менеджеров и агентов. "Спайс Гелз", может, и забудут через пару лет, нан забыли многие группы совсем еще недавних рекордсменов по продажам, но их первые менеджеры Крис и Боб Херберты останутся в истории. Поскольку вторых

таких неудачников даже представить невозможно. Была в конце восьмидесятых группа "Брос" из двух смазливых близнецов — сейчас о них никто не помнит. Предприимчивых юношей с пятнадцати до девятнадцати лет пестовал, учил петь, танцевать, ходить и говорить Боб Херберт. А когда пришло время подписывать контракт и отправляться в поход за длинным фунтом стерлингов, трепетные отроки сделали дяде ручкой. Их переманил другой продюсер, который и заработал на них ну-чу миллионов.

И все бы ничего, но история повторилась еще раз. Крис Херберт, сын Боба, пошел по стопам папы и тоже решил создать группу, только из девушек. Идея (в отличие от ее реализации) оналась гениальной.

Итак, конкурс объявлен — требуются барышни "смекалистые, раскованные, амбициозные, упорные". Думаю, представься ему второй шанс. Крис вычеркнул бы слово "смекалистые", потому что девочки подобрались и впрямь не промах. Трое прошли конкурс сразу (Виктория и две Мелани); выглядящая слишком потасканно для своих юных, в сущности, лет Джери буквально вломилась в новорожденную группу, непонятно как убедив Криса, что ее следует взять в обход прослушиваний и испытаний. Младшенькую, Эмму, пригласили на смену выбывшей Мишель Стефенсон.

Девушек поселили в специально снятой для них старой халупе и в течение года обучали премудростям профессии. Но только когда пришло время джентльменское соглашение заменить полноценным контрактом, подруги тихо ушли, умыкнув записанные не на их деньги мастер-копии уже готовых песен, без которых невозможна дальнейшая раскрутка. (Под гомерическое гоготанье коллег неунывающие Херберты недавно собрали еще одну группу, опять из юношей.)

А теперь вернемся ненадолго в прошлое, чтобы отследить предзвездное существование каждой из наших героинь.

Виктория Адамс, наиболее симпатичная персона из пяти, родилась в состоятельной семье и лето обычно проводила на фамильной вилле в Испании. Девочка не стала богатой лентяйкой — в Англии вообще так не принято — и с трех лет занималась в театральном колледже, затем продолжила обучение в Лондоне, где заботливые родители купили ей квартиру. Нстати, Виктория единственная из "Спайс Гёلز" к моменту создания коллектива уже имела опыт работы в группе — ее первые записи теперь широко, хоть и нелегально, тиражируют-

ся. Она долго пробовала себя на все новых прослушиваниях, пока однажды не откликнулась на неприметное объявление в задрипанной газетке.

В детстве малышка Эмма Бантон выглядела как настоящая принцесса из сказки: пухленькие щечки, золотистые волосы, ангельская улыбка. Предприимчивые родители с восемнадцати месяцев начинают снимать ребенка в рекламе. Задолго до того, как слава "Спайс Гёلز" облетела мир, лицо Эммы красовалось на упаковках детской косметики, в телерекламах клубничного йогурта, рекламных плакатах вина и тан далее, причем не только в Англии, а и по всей Европе. Но когда "принцесса" подросла, сниматься в рекламе ее уже не звали. Закончив на последние деньги престижную антерскую школу, где ей даже назначили стипендию, Эмма так и не находит постоянной работы и поступает в технический колледж. На театральных курсах при нем она знакомится с Пепи Лимер, которая позже обучала вокалу "Спайс Гёلز". Курсы подходили к концу, колледж закончен, а предложений поработать все нет и нет. Вот тогда-то и последовал звонок от Пепи... (Уже принятая в группу Мишель Стефенсон вынуждена была посвящать много времени уходу за матерью, заболевшей раком, и ее без промедления выставили за порог. Требовалась новая девушка, и срочно, на прослушивания и многоступенчатые отборы времени нет, Пепи и вспомнила о своей ученице.) Далекая от совершенства фигура Эммы насторожила даже, казалось бы, на всякое насмотревшихся менеджеров, но, как ни странно, ее кандидатуру приняли.

Мелани Нишолм родилась в провинциальном городишке на севере страны, отучилась в театральной школе средней руки, где, правда, ее способности признали выдающимися, и отправи-

лась покорять Лондон. Навязанный ей имидж футбольной фанатки (одна из девушек обязательно должна была представлять эту весьма многочисленную в Англии группу молодежи) — вряд ли ей подходил, если вспомнить, что в детстве она слыла любительницей балета и примерной ученицей.

Мелани Браун привлекла к себе внимание, даже сама того не желая: она мулатка. Ее папа Мартин приехал в Британию с Карибских островов, и девочка на своей шнуре ощутила все прелести своего положения: ее не признавали за свою ни белые, ни черные расисты. Но заводной характер и неумная энергия помогали не обращать внимания на такие мелочи. Даже наглость и пробивная мощь Мелани не могли прикрыть явное отсутствие таланта к пению и танцам. Она, как и ее тезка, тоже подается в Лондон, и там девушки знакомятся, пересекались несколько раз на бесчисленных просмотрах. В столице им пришлось соперничать с блестящими барышнями из высшего общества, вроде Виктории, надменными и уверенными в себе, и вскоре бедные провинциалки пришли в уныние. Перепадали лишь какие-то объедки со стола их более удачливых коллег: эпизод там, поназ одежды здесь. И вот Мел Браун попадает на глаза прелестное объявление.

История самой, безусловно, колоритной из отроковиц, Джери Хэлиуэлл, длиннее. Хотя бы потому, что Джери старше остальных. Она годами шлялась по разнообразным просмотрам, и, надо сказать, достигла заметного успеха. Съемки на турецком телевидении, показы мод, эпизодические роли в фильмах, ее даже хотели сделать ведущей телешоу, но что-то не заладилось. Так или иначе, она решила попробовать себя как певица и так ошеломила Хербертов,

привыкших, что девушки сначала демонстрируют свои умения и навыки, а уж потом вцепляются в горло, требуя принять их в группу, что Джери и вправду отобрали. О чем жалели всю оставшуюся жизнь.

Вот так сложился состав группы. Петь не умел никто. Более или менее танцевали только двое, но танцы требовались синхронные, так что Виктория и Мел погоды не делали. Приемлемой для будущей поп-звезды внешностью обладала лишь Виктория, а фигурам Джери и Эммы можно было лишь позавидовать всего наилучшего.

И вот из такого нетрадиционного материала гениальные "менеджеры" и начали лепить будущих суперзвезд. Эта вольница продолжалась без малого год. Когда, наконец, девушки сбились в плотный и дисциплинированный клан, которым верховодила, конечно же, Джери, незадачливые менеджеры вдруг сообразили, что необходимо заключить с ними контракт. Контракт, надо сказать, они выдали тот еще: он связывал девушек по рукам и ногам на пять лет, хотя обычно подобные контракты заключаются не более чем на два года. Видя полную бездарность менеджерского состава, за год не нашедшего им даже преподавателя танцев, Джери возглавила бунт.

После бегства девушки прозябали недолго: не всякая начинающая группа, которая выключивает контракты у крупных фирм звукозаписи, имеет в активе отрепетированную программу и готовые песни. Но этого все-таки недостаточно. Знаменитый менеджер Саймон Фуллер действительно разглядел в них нечто. Ведь поднявший из полной неизвестности до вершин славы уже не одного артиста, он не стал бы просто так связываться с компанией бездарных замарашек.

Итак, девочки подписывают контракт с "Вёрджин". Хотя детали кон-

транкта не разглашаются, но можно понять, что процент девушкам положен небольшой. Свои первые наличные они получили только летом прошлого года, пусть и довольно внушительную сумму, но не сравнимую с наваром компании.

Публику удалось убедить, что перед ними важнейшее событие поп-музыки со времен "Битлз". Очевидно, теперь отсчет времени пойдет со "Спайс Гэлз". В этом и состоит феномен "Спайс Гэлз" — на пустом месте воздвигается блестящее здание успеха. Успеха беспрецедентного безо всяких шуток: первые места в 31 стране, огромные тиражи пластинок, безумствующие фанаты по всему миру. И все за какие-то полгода. Что это: им удалось поймать настроение времени, или для менеджера со связями нет ничего невозможного? Наверное, и то, и другое. "Спайс Гэлз" (читай — менеджерам) удалось смешать скандальное бунтарство с откровенной коммерцией в идеальной пропорции. Потому что петь они лучше не стали: слуханное ли дело, продав уже миллионы пластинок и записав два альбома, они умудрились ни разу не выступить живьем — только под фонограмму. Первый их полноценный концерт состоялся прошлой осенью в Стамбуле, и они стали первой за очень долгое время британской группой, покорившей Америку. И вообще, оказались первыми во всем: их дебютный альбом, дебютный сингл, два подряд рождественских хита заняли первое место, заставив основательно переписать книги рекордов музыкальной индустрии.

Звездная жизнь довольно быстро перекроила привычки "обычных девчонок" — все они расстались со своими бойфрендами, заведя романы со знаменитыми футболистами и банкирами. Их скандальное поведение и дебоши

раздувались и обсасывались газетами. Недавно всплыли фотографии обнаженной Джери и только добавили им популярности.

Снимается бесстыдно-самодовольный фильм "Spiceworld" — о себе, любимых. Вышедший недавно второй альбом превосходит первый — не будем говорить, в чем именно. Назалось, паровоз "Спайс Гэлз" так и будет катиться, сметая все на своем пути. Но под конец года девушки после запутанной и некрасивой истории отказываются от услуг менеджера Саймона Фуллера, который, собственно, и поднял их на заоблачные высоты. Вместо него менеджером становится никому не известная 21-летняя девушка. Недоброжелатели торжествуют: со "Спайс Гэлз" покончено! Букменеры принимают ставки на то, кто из девушек покинет группу первой. Даже преданные поклонники в отчаянии. Ни одна поп-группа не переживала еще такого маневра: достаточно вспомнить "Битлз" и Брайана Эпштейна.

Но происходит чудо. Под Рождество, когда конкуренция сильна как никогда, "Спайс Гэлз" идут ва-банк и выпускают новый сингл. Рождественский сингл — совершенно особая категория записей. Только "Битлз" удавалось занять первое место под Рождество два раза. Но уже достигшие год назад первой строчки с "2 Веселые 1" "Спайс Гэлз" настолько уверены в себе или дошли до такой степени отчаяния, что это их не останавливает. И сингл становится номером первым! Те же букменеры объявляют, что на другие синглы ставило очень мало народу. Скептики посрамлены. Акции "Спайс Гэлз" высоки как никогда. Что дальше? Некорректный вопрос. Оказалось, что в отношении этой группы прогнозы не сбываются. ■

"Смена" продолжает свой практикум: полезные советы для тех, кто самостоятельно хозяйствует в доме и на огороде, сам лечит легкие недомогания и предпочитает народные косметические средства. Напоминаем вам, что мы ждем писем с вашими "фирменными" советами, как сделать жизнь удобнее, красивее и здоровее.

Домашний верстак

Передвигая в квартире мебель, подложите под каждую из ножек шкафа, комода и т.д. по бумажному пакету из-под молочных продуктов. Этим вы избавите себя от перенапряжения, а полы — от царапин.

Скрипучая дверь — это очень неприятное соседство. Маленький кусочек графита, если его положить в щель приподнятой петли, избавит вас от раздражающих звуков. Графит разотрется в порошок и будет долго служить в качестве отличной смазки.

Чтобы заново отциклевать пол, покрытый лаком или краской, прогладьте его сначала утюгом через влажную тряпку — работать станет легче.

В ванной комнате опасно использовать лампочку без плафона: она

лопнет, если на нее попадут брызги воды. Разбитый плафон на время заменит стеклянная банка емкостью 0,8 литра — ее резьба точно соответствует резьбе в стене.

Прежде чем выворачивать прикипевшую к патрону перегоревшую лампочку, оденьте на нее полиэтиленовый пакет. Если даже лампочка лопнет от чрезмерного усилия, осколки останутся в пакете.

Если у вас дома есть компьютер, то воспользуйтесь следующим советом. Металлическое колечко, закрепленное на электрическом проводе и маленький крюк, прибитый под розеткой, соедините прочной веревкой. Это приспособление не позволит вилке произвольно выпасть из розетки, а, значит, сохранит ваши файлы и убережет компьютер от внезапного "стопа".

Палки от детских лыж могут "расти" вместе с ребенком. Ставившие короткими палки нужно распилить на расстоянии 15 см ниже ручки и надеть на обе части алюминиевую трубку большего диаметра. Плотной посадки добиваются с помощью изоляционной ленты. Такие палки можно удлинять по мере взросления ребенка.

Обойдемся без доктора

Весна — "переходный период", время простуд... Справиться с ними можно нехитрыми народными средствами.

Если мучает насморк, закапайте в каждую пазуху по полпипетки свежего сока каланхоэ. Пару минут вы будете чихать, а потом... дышать спокойно. Для детей добавьте в каланхоэ такое же количество растительного масла.

Еще одно хорошее средство от насморка — сок алоэ. Закапывайте свежий сок 3-4 раза в день по три капли в каждую пазуху. Можно сок алоэ смешать (1:1) с соком моркови.

Через 3-4 дня лекарство можно сменить. Например, взять 2 части свекольного сока, 2 части морковного сока и 1 часть прополиса на спирте. Закапывать в пазухи носа или смазывать их смоченным ватным тампоном.

Часто простуда и грипп заканчиваются бронхитом. Вот несколько советов от сильного кашля.

Смешать столовую ложку меда, столовую ложку коньяка и свежий куриный желток. Принимать на ночь детям — по десертной ложке, взрослым — по столовой ложке. Вместе с согревающим компрессом дает очень хороший эффект даже при коклюше.

Помогают при кашле травы: 3 части спорыша, 1 часть травы чабреца, 1 часть мать-и-мачехи. Столовую ложку сбора залить стаканом круто-

го кипятка, настоять 2 часа и принимать в течение дня равными дозами. Этот сбор помогает даже при туберкулезе легких.

Еще одно "питье против кашля": возьмите среднего размера черную редьку, срежьте верхушку, сделайте углубление и наполните его медом либо сахаром, накройте срезанной верхушкой и оставьте на ночь в темном месте. Образовавшийся сок пить 2-3 раза в день детям по чайной ложке, взрослым — по столовой.

Можно лечиться и "народным пластырем": столовую ложку смоченных сухих листьев хрена смешать с двумя ложками ржаной муки. Прикладывать к ногам.

Хороши также "травяные ингаляции". Например, такая: 1 часть сосновых почек, 2 части порошка мяты, 1,5 части травы лаванды залить 10 частями кипятка. Подышать паром, накрывшись одеялом, 15—20 минут. В этом же отваре можно потом попарить ноги.

Для ингаляции также годятся эфирные масла: облепихи, лаванды, сосновой хвои, пихтовое, эвкалиптовое, полынное, листьев смородины, боярышника, черемухи, рябины.

Если вы лечитесь сами, учтите три правила.

— Если у вас тяжелое хроническое заболевание, никакие народные средства не принимайте без консультации с врачом.

— Тепловые процедуры можно проводить только при нормальной температуре тела.

— После ингаляции горячим паром ни в коем случае не сбрасывайте одеяло сразу — лечение может дать прямо противоположный результат. Посидите в своем "укрытии" еще минут 10—15, пока температура воздуха под ним не сравняется с комнатной.

Здоровья вам!

Во саду ли, в огороде...

Пришла весна, пробуждаются от спячки деревья в саду. Самое время сказать им: "На прививку — становись!"...

У многих в садах растут дички яблони с невкусными плодами или несколько деревьев одного сорта. Все их можно перепривить новыми, лучшими сортами яблонь. Дички груши, рябинки, айву японскую, аронию, боярышник в эти сроки можно привить новыми летними сортами груши.

Черенки для прививки можно купить в ближайшем питомнике (для Подмосковья, к примеру, — Мичуринский сад в Тимирязевской сельскохозяйственной академии) или использовать свои, заготовленные с осени. Черенки перед прививкой осмотрите и отбракуйте те, что покрыты плесенью, или подсушены, или померзли. Протрите их, обновите нижний срез и поставьте в холодную воду. Напишите для каждого этикетку с названием сортов и пород.

За день до прививки заточите копулировочный и окулировочный ножи — чтоб были как бритва! Заточите секатор и садовую пилку, приготовьте чистую ветошь для протирки мест прививки, замочите липовое мочало — для обвязки (можно это дедовское средство заменить на современную изоляционную (полихлорвиниловую) ленту). Заготовьте садовый вар (лучше с петротумом), плотную бумагу для колпачков — они предохранят привитое место от перегрева или заморозков, и от механических повреждений. (Применение колпачков, имейте в виду, повышает прививаемость на 10—15 процентов.)

Лучше всего прививать весной в апреле-мае — но не в дождь, или сильный ветер, или снегопад.

Улучшенную копулировку проводят при одинаковой толщине черенка и прививаемой ветви. Поэтому на практике такая прививка применяется только для очень молодых деревьев, например, при перепрививке рябины грушей в однолетний прирост. Или если вы прививаете отрезки корней.

При копулировке делают одинаковый косой срез и черенка, и ветви и совмещают плоскости среза. (Прививку корней проводят как только оттаяла почва.) Края среза должны идеально прилегать друг к другу. Черенок прочно привязывают мочалом или изоляцией к ветке, а все открытое место среза на черенке и прививаемой ветке тщательно замазывают садовым варом. На каждую толстую ветвь прививают два-три черенка.

Успех этой операции сильно зависит от правильного косого среза черенков — его надо сделать одним быстрым и решительным движением ножа. Чем длиннее срез, тем больше поверхность соприкосновения обеих прививаемых частей — тем лучше они срастутся.

Прививку вприклад применяют, когда диаметр прививаемой ветки заметно больше, чем черенка. Ветку спиливают и срез зачищают садовым ножом. На торце ветки делают косой срез такой же длины, как и на черенке. На черенке и ветке делают надрезы — для лучшего соприкосновения.

Этот способ применяют и для прививки дичков, которые не привились в прошлом году, а также когда молодые яблоньки весной полностью объели мыши.

Прививка считается самой квалифицированной работой в саду. Уверены: она у вас получится!

Практикум вели
Елена Евдоимова, Татьяна Смольянова,
Александр Куленцамп

конкурс! конкурс! конкурс!

Дорогие читатели!

Как вы помните, в течение нескольких месяцев мы проводили очень вкусный конкурс кулинаров. Оказалось, что среди наших подписчиков немало настоящих профессионалов кухни — многие рецепты жюри признало маленькими шедеврами кулинарного искусства.

Лучшие из лучших стали призерами — имена названы в третьем номере.

А вот и сами призы:

Первый приз — **печь СВЧ** отправлена нами по почте **Ирине Емельчевой** в станицу Родниновскую Краснодарского края.

Второй приз — **печь-гриль** уже, наверное, получила **Татьяна Андреевна Куйдина**, живущая в г.Азов Ростовской области.

Третий призер, москвичка **Татьяна Яковлевна Шубина**, естественно, сама приехала к нам в редакцию, где мы ее и сфотографировали с призом — **тостером-ростером**.

Итак, призы вручены, но конкурсы "Смены" продолжаются. У вас тоже есть шанс стать счастливым обладателем ценных призов!

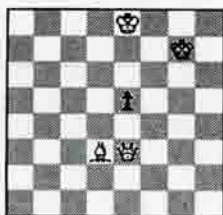

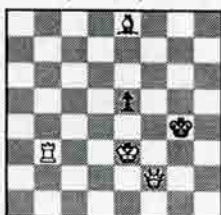
Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора Чепижного**
VII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

37. А. ТОГЕР
Ярославль

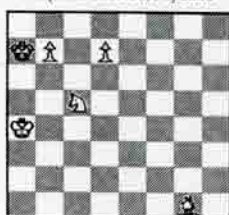
#2

38. Д. ГИННО
Чернигов, Украина

#2

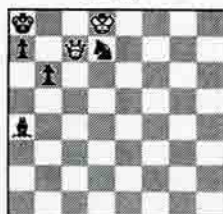
39. В. КРИНАНОВСКИЙ
с. Червона Слобода, Украина

б) без п. с5

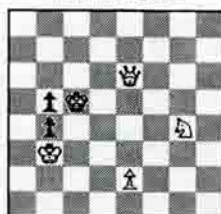
#2

40. Р. УПСТРЕМ
Швеция

#2

41. Б. НЕЖЕРУН
Полтава, Украина

б) после первого хода

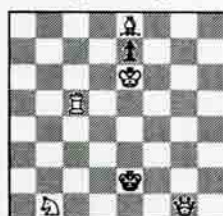
#2

42. А. ПАННРАТЬЕВ
г. Чегдомин Хабаровского края

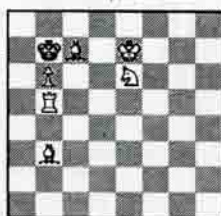
#2

43. Л. ЛЕБЕДЕВ
г. Бобруйск, Беларусь

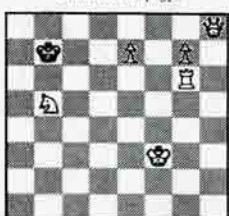
#2

44. Л. ТОГООХУУ
Улаанбаатор, Монголия

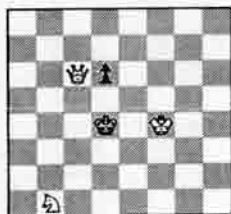
#2

45. М. МАТРЕНИН
Санкт-Петербург

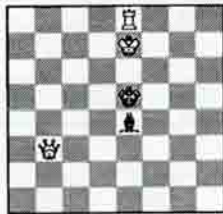
#2

46. Ю. СУШНОВ
Санкт-Петербург

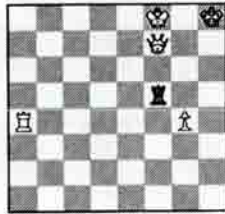
#3

47. А. ГОЛУБЕВ
Юртовская Слобода, Ярославской обл.

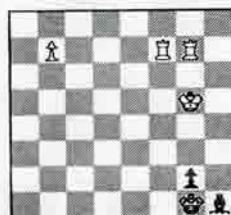
б) в. Сед; в) в. Кс8 #3

48. Е. ЧУМБУРИДZE
с.Зета, Грузия

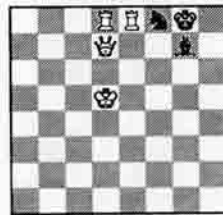
#3

49. Н. РЕЗВОВ, В. ЧЕРНОУС
Одесса, Украина

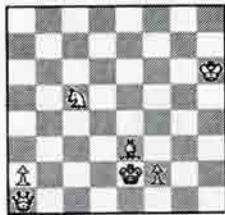
б) в. b7-h7 #3

50. А. ВАРИЦНИЙ
Врест, Беларусь

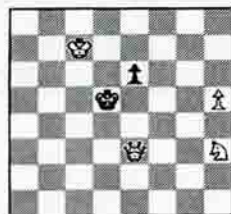
#3

51. В. МОРОЗОВ
Москва

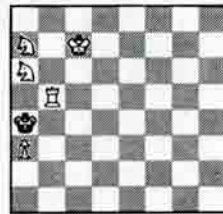
б) в. a2-b2 #3

52. В. ЖЕЛТОНОВНО
Екатеринбург

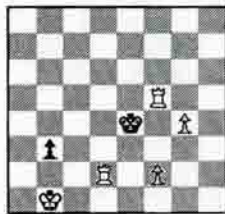
#4

53. М. ЧЕРНУШКО
Уссурийск

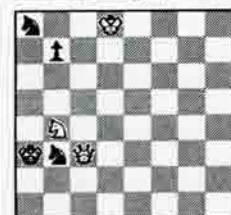
#4

54. А. НАЛИНИН
Москва

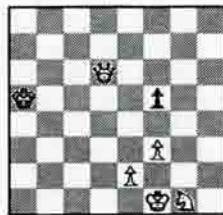
#4

55. В. НОВАЛЕНКО
с. Большой Камень, Приморского края

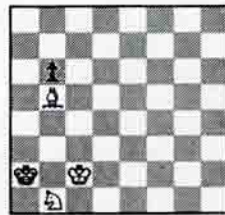
#4

56. С. НОВАЛЕВ
Барнаул

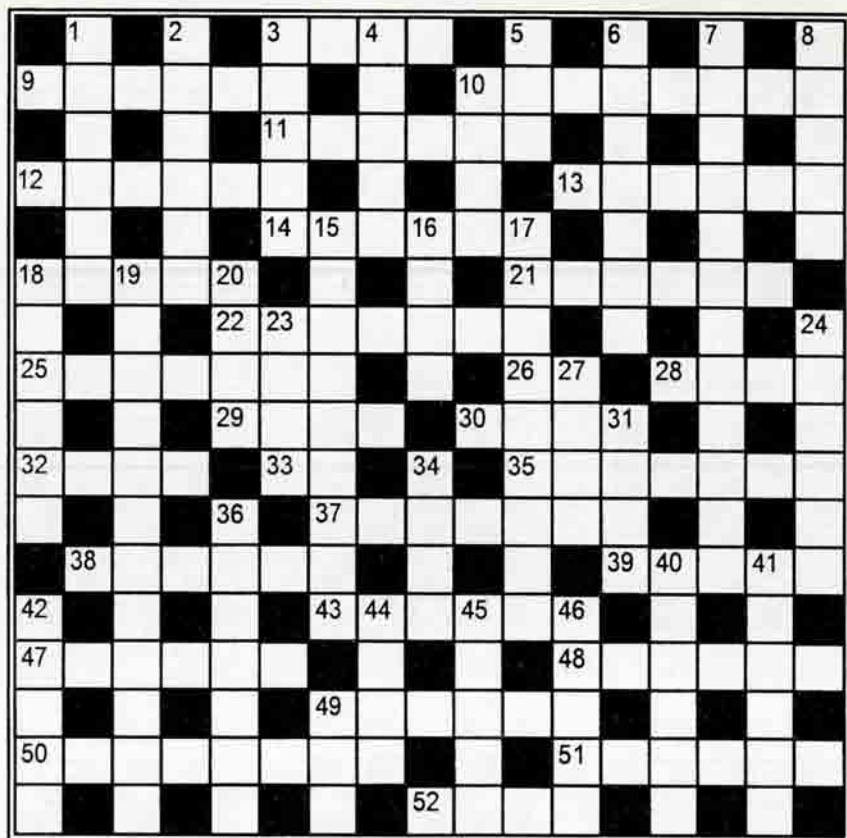

#5

57. В. ЖЕГЛОВ
Москва

#11

ЭРУДИТ

По горизонтали. 3. Дареному коню в ... не смотрят (поговорка). 9. Палочка мадатора, обмотанная шелком. 10. Танцовщик нордебалета. 11. Известный зоолог, написавший "Сказки Нота-Мурлыки". 12. Самая толстая и прочная часть шкуры. 13. Металл, чьи ионы создают активные центры в лазере с кристаллом граната. 14. Папа римский как глава католической церкви. 18. Американский зверек, обычно держащий хвост торчком. 21. Голова горгоны как морское животное. 22. Античный историк, чьими сюжетами пользовались Шекспир, Корнель, Расин. 25. Звезда из большого летнего треугольника (альфа Девы). 26. Туркское название воды, реки (у коми — талая вода). 28. Немецкий физик, сконструировавший современный оптический микроскоп. 29. Английская единица (на полтора килограмма меньше пуда). 30. Известный актер, сыгравший роль Карабаса Барабаса в фильме "Приключения Буратино". 32. Очень смешное происшествие. 33. Писатель, увидевший в 1904 году в Средней Азии сон о Чингисхане, что решило его судьбу. 35. Живой продукт, запиваемый во Франции вином шабли.

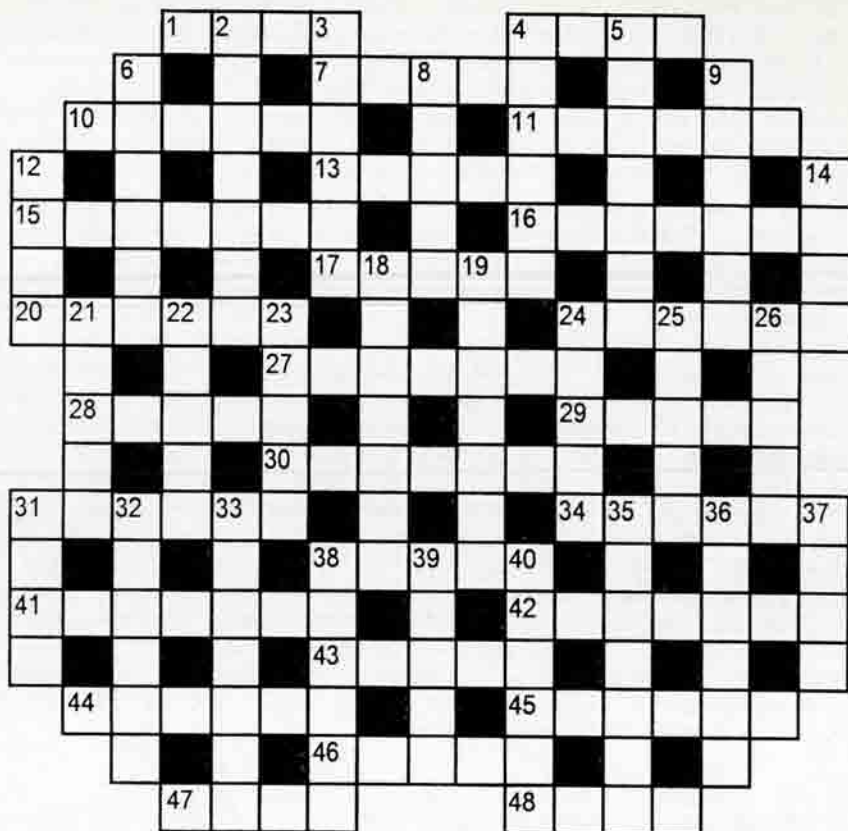
37. Дело Нурюнова при Олене Васильевне (А.Н.Толстой. "Царь Федор Иоаннович"). 38. Играть в... (обманывать, скрытночать). 39. Выше и знатнее идалго. 43. Увалень и нытин в одном лице. 47. Сназочная закигална. 48. Часть одежды, охватывавшая шею; старинный синоним проруби. 49. "Столовая верста на проселочной дороге истории" (Ф.Кривин). 50. Стенлянный сосуд для горячих напитков в Древнем Риме. 51. Морской петух. 52. Озеро в Намеруне, выбросившее в 1986 году газ, убивший много людей и массу скота.

По вертикали. 1. Французский композитор, противник импрессионизма и неоромантизма. 2. "Самый итальянский" из русских пейзажистов. 3. Четвертый участник наряду с Мухи, Муними и Нисбати поэтических состязаний в Ноканде. 4. Гора-лилипут. 5. Помещение, где зайчика берут на мушну. 6. Медленное самоотравление. 7. Работница "в начале" театра. 8. Затасканная оригинальность. 10. Диалог Платона о вечном круговороте идей и вещей. 15. Тушнанчик, фактически обделенный "знаменем". 16. Темнокожий слуга в России XVIII века. 17. Серебристая чайна, похищающая на казахстанских гнездовыхх яйца и птенцов фламинго. 18. Живописный жанр, присущий только Рафаэлю. 19. Клерикал, считавший, что в светской власти папа должен быть выше короля. 20. Армянский суп на кислом молоке. 23. "Дай хоть последней нежностью выставить твой уходящий шаг" (имя лирической героини В.Маяковского). 24. Зверь, с которым охотились в Киевской Руси. 27. Город в Львовской области со знаменитым парком. 31. Снасть, удерживающая мечту. 34. "Литературная совесть души" (Ж. Жубер). 36. Бывает выпунлая и углубленная. 40. Обычное начало ручья. 41. Бабушка в стихотворении Н.Некрасова "Забятая деревня". 42. Легкие слезки на хрустальной люстре. 44. "Обвенчанное" жилье. 45. Французский композитор, вопрени этикету сочинивший на мадам Монпансье, будучи ее паном, сатирическую песенку. 46. Ирландский поэт, который "плел паутину из собственного нутра". 49. Американский штат голубой ели.

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали. 1. Адонис. 8. Ягач. 11. Трезубец. 13. Мордва. 14. Валаам. 15. "Ястреб". 19. Сигма. 20. Урга. 22. Планше. 24. Эра. 26. Фихте. 27. Горностаи. 32. Юнно. 35. Чародейна. 36. Круг. 41. Валезиане. 46. ...сенат. 47. Ось. 48. Лагарп. 49. Цель. 50. Треть. 53. Мирзаи. 57. Демьян. 59. Гесиод. 60. Декалитр. 61. ...хаты... 62. Альбит.

По вертикали. 2. Дионисий. 3. Надсмотр. 4. Стая. 5. Жест. 6. Буше. 7. Лев. 9. Граб. 10. Чума... 12. Цангпо. 16. Соль. 17. Ринг. 18. Буер. 21. Фран. 23. Шопен. 24. Этна. 25. Айон. 28. Нико. 29. Сю. 30. Хари. 31. Волна. 33. Скво. 34. Куль. 37. Раса. 38. Ге. 39. Щедрость. 40. Маттиоли. 42. Змеяд. 43. Альм. 44. Егор. 45. Альфа. 51. Вдох. 52. Смит. 54. Иван. 55. Знич. 56. Игра. 58. ...Нет.

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Страх, пробирающий до костей. 4. Самый неверующий из апостолов. 7. Богиня, которой в Риме был посвящен праздник матроналий. 10. Биржевой агент. 11. Весомый спутник туриста. 13. Танец Бывалого в фильме "Навказская пленница". 15. Летнее пастбище в Казахстане и Ниргизии. 16. Японский художник, чьи лучшие гравюры относят к "парчовому стилю". 17. "Ароматная" элементарная частица. 20. Кухонная утварь. 24. Русские ручные весы. 27. Одно из самых быстрых морских животных. 28. Известный русский клоун-дрессировщик. 29. Душа, духовное начало, дыхание в древних упанишадах. 30. Архитектор, построивший Михайловский замок в Петербурге. 31. Гармонь. 34. Птичка, способная стать жертвой щуки. 38. Страна, где появились первые книги о драгоценных камнях. 41. Остров каторжников в России. 42. Архитектор, построивший новую столицу Бразилии. 43. ... побежалости — окраска металла при сильном нагревании. 44. Французский композитор-вагнерианец. 45. Монах, ведавший монастырским винным погребом. 46. Продукт, взбитый до состояния

пены. 47. Поэт "серебряного века", чьи черты есть в образе Парнока из "Египетской марки" О.Мандельштама. 48. "Загребущая" часть экскаватора.

По вертикали. 2. Французский писатель, считавший, что христианство произошло от брахманизма. 3. Мужская одежда в талию. 4. Защитная одежда повара. 5. Вязание крупными петлями. 6. Переулок. 8. Источник маслин. 9. Огненное оружие. 12. Герой греческих мифов, разгадавший загадку Сфинкса. 14. Сигнальный музыкальный инструмент. 18. Ходячее воплощение добра в "Отверженных" В.Гюго. 19. Женское население европейской страны. 21. Видимое глазами пространство. 22. Пресноводный брат трески. 23. Обычная форма стрижки у казанов. 24. Наемный убийца в Италии в XVII-XVIII веках. 25. Никого не родила, а все матушкой зовут (загадка). 26. Северные заросли нарликовой березы. 31. Владения верховного правителя в странах Ближнего Востока в средние века. 32. Толщина древесного ствола. 33. Единица количества теплоты. 35. Русский певец-тенор, в 1939 году исполнивший все романсы П.Чайковского. 36. Человек, вложивший свою долю в дело. 37. Свечение тела, якобы видимое экстрасенсами. 38. Кровосмещение. 39. Медленное перемещение материнов. 40. Чешский композитор, написавший симфоническую рапсодию "Тарас Бульба".

Составила **Юлия Брюсова**, Москва ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали. 1. Егоза. 4. Бутон. 11. Баланитес. 13. Глаголица. 14. "Клоп". 15. Инвариант. 16. Юнка. 19. Якуты. 20. Полог. 23. Жатва. 24. Семинар. 26. Портиш. 27. Зорька. 28. Реферат. 29. Сполох. 30. Торока. 32. Початок. 35. Ильин. 36. Дилер. 37. Виньи. 42. Анна. 43. Ротапринт. 44. Фита. 47. Влашняца. 48. Яблочина. 49. Цанга. 50. Мотто.

По вертикали. 2. Гелиоскоп. 3. "Зонд". 5. Удой. 6. Оцинковка. 7. Эбено. 8. Штаны. 9. Ванна. 10. Наказ. 12. Слалом. 13. Грифон. 17. Штурмовик. 18. Дальтоник. 20. Пешеход. 21. Либерал. 22. Газатор. 24. Сироп. 25. ... роток ... 29. Салангана. 31. Альпинист. 33. Чинара. 34. Теория. 38. Халва. 39. Копия. 40. Англи. 41. Запад. 45. Лязг. 46. Очко.

Солнце **АПРЕЛЯ** стремительно пробуждает страсть и вдохновение **ОВНОВ** и в делах, и в любви. Творческий подъем, начавшийся в марте, продолжает приносить свои плоды. Только бы чрезмерная пылкость не стала причиной опрометчивости. Укротителями разгоревшейся стихии станут близкие люди.

Ночи в апреле отступают, а дни удлиняются. Все меньше времени остается для успокоения своего внутреннего мира. **ТЕЛЬЦОВ** неизбежно потянет к одиночеству и переживаниям. Покрепче прижмитесь к плечу любимого и никакая депрессия вам не страшна.

Острое желание приобщиться к природе или даже немного подураться поможет **БЛИЗНЕЦАМ** уйти в апреле от ненужной суеты и переживаний. Не пытайтесь сосредоточиться. Уделите больше внимания своим возлюбленным и друзьям, именно они помогут вам решить возможные материальные и духовные проблемы.

Весьма напряженный и проблематичный апрель не позволит **РАКАМ** пятиться то вперед, то назад. Пришло время принимать решения. Наличие характера, а также способность действовать по принципам помогут им преодолеть медлительность и исполнить принятые решения.

Успех или неудача апреля определит для **ЛЬВА** весь год. С вниманием и нетерпением наблюдают за ним завистники. Но в любом случае природный авторитет Льва заставит окружающих учитывать его присутствие. Излишняя пылкость не помешает делам, поскольку в большей мере будет направлена на возлюбленных и поиск идеалов.

Неприятности апреля потребуют от **ДЕВ** некоторых материальных затрат. Однако внутренне они будут сопротивляться этому в силу своей практичности и рациональности. И все же проблемы благополучно решаются, а слегка нарушенный комфорт потребует изменить предмету увлечений и некоторым привычкам.

Любой пустяк может нарушить планы **ВЕСОВ** в апреле, а неблагоприятно складывающиеся обстоятельства — отрицательно повлиять на перспективу дел в целом. Весам необходим тот, другой, кто бы их дополнил и уравновесил. Вечный поиск гармонии между справедливостью и истиной лучше отложить на конец месяца.

Неведомые пути самообновления открывает для себя **СКОРПИОН** в апреле и связаны они будут с физическими и нервными перегрузками, а также возросшим интересом к нему противоположного пола. Способность возрождаться из пепла — одно из главных достоинств Скорпиона.

Живой ум СРЕЛЬЦА, готовый загореться в любую минуту новым замыслом, сулит в апреле большие перемены и в личной, и в деловой жизни. Однако вечное стремление выйти за пределы человеческих возможностей может создать проблемы со здоровьем и финансами. Гармонию с окружающим миром ищите в ясных идеях и добрых чувствах.

КОЗЕРОГ редко делится своими секретами, потому для многих остается непонятым, а значит и малоуязвим для соперников, которые постараются в апреле не обойти его своим «особым» вниманием. Предусмотрительность, как зонтик, защитит Козерога от внезапно обрушившегося ливня.

фото А.Иванова С.Симонино

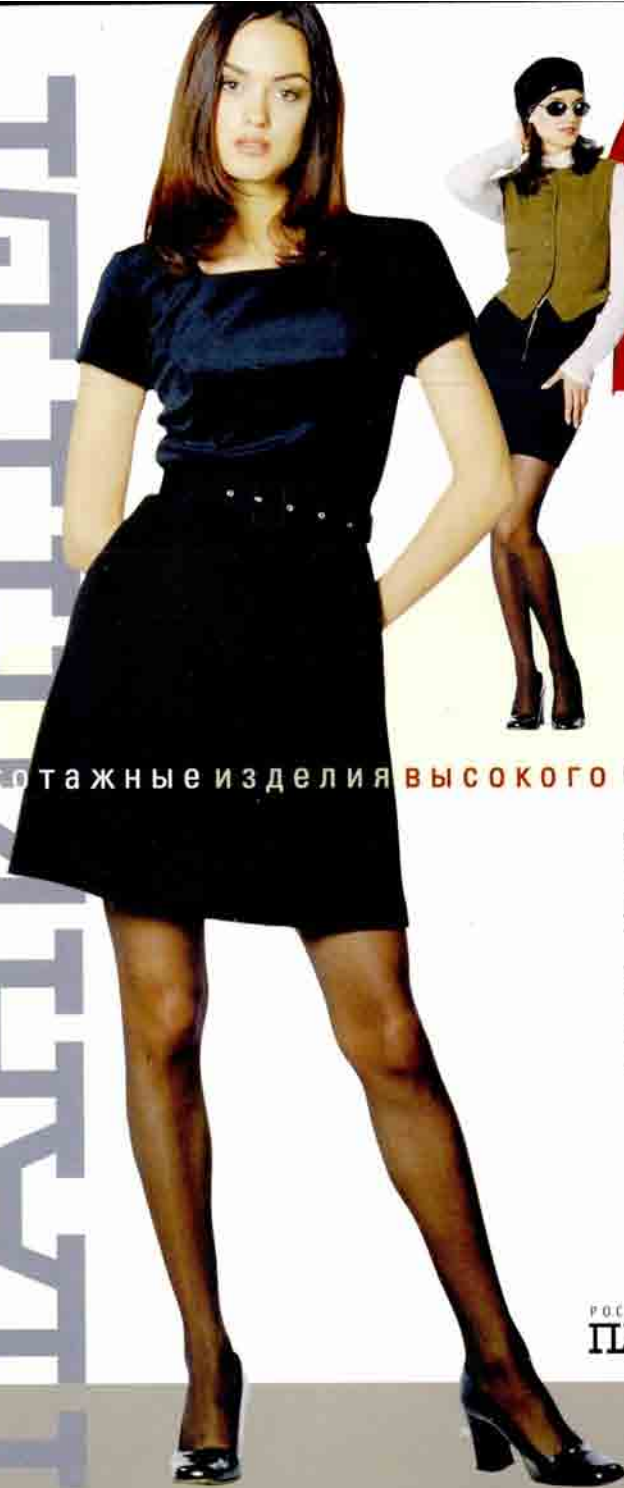

ВОДОЛЕЙ во многом опережает свое время и часто страдает от этого, поскольку даже близкие ему люди не готовы разделить его мысли и планы. Вызванные этим проблемы могут поставить в апреле под угрозу и любовь, и намеченные дела. Однако внешне хрупкий Водолей вмещает в себя целый океан жизни — источник его духовной и физической силы.

Для **РЫБ**, как и для большинства знаков Зодиака, апрель далеко не лучший месяц года. Сложные общественные процессы этого периода не могут не повлиять на их личную жизнь, поскольку Рыба, как никто другой, сопричастна жизни общества. Но полоса неудач пройдет незаметно, если не тратьте силы на удовлетворение несбыточных мечтаний.

ПАНИНТЕР

трикотажные изделия **ВЫСОКОГО** качества

**ФИРМЕННЫЕ
МАГАЗИНЫ:**

Люсиновская ул., 27
тел. (095) 237 2015

ул. Дежнева, 13
тел. (095) 189 6073

Зеленоград
Центральный пр-т, 439

РОССИЙСКИЙ КОНЦЕРН
ПАНИНТЕР